90 коп. Индекс 70145

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Государственный внутренний выигрышный заем 1982 года выпущен 1 января 1982 г. сроком на 20 лет в облигациях достоинством в 25, 50 и 100 рублей.

Облигация в 100 рублей состоит из двух пятидесятирублевых облигаций одной серии с двумя номерами; облигация в 25 рублей является половиной пятидесятирублевой.

Облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года являются удобной и выгодной формой хранения денежных сбережений населения. Облигации займа свободно продаются и покупаются учреждениями Сберегательного банка СССР и принимаются от их владельцев на хранение.

Ежегодно по займу проводятся 8 тиражей выигрышей: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября, 30 декабря.

По займу можно выиграть 10 000, 5 000, 2 500, 1000, 500, 250 и 100 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая ее нарицательную стоимость.

Владелец выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобилей «Волга», «Жигули» или «Москвич», а выигрыша в 5 000 рублей — автомобилей «Жигули» или «Москвич».

Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР К ВАШИМ УСЛУГАМ!

ISSN 0042-8779 Вопросы истории. 1989. № 7. 1—192.

Вопросы истории 7 '89

ISSN 0042-8779

Вопросы истории

7 '89

В последних номерах 1989 г. и в 1990 г.
«Вопросы истории» предполагают опубликовать:

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева.

Цикл статей на тему: «История советского общества в новом освещении».

Очерки по истории Русской православной церкви.

Материалы «круглых столов» по проблемам социально-экономического и политического развития СССР в 60-е, 70-е и 80-е годы.

Протоколы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (1917 г.).

Стенограмму судебного процесса по делу Б. М. Думенко (1920 г.).

Протоколы ЦК партии кадетов (1905—1907 гг.) и другие документы.

Исторические портреты Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, А. В. Колчака, П. А. Столыпина, С. Ю. Витте, Александра II, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, О. Бисмарка, У. Пальме, Хайле Селассие, Ю. Пилсудского, Ф. Франко и др.

Дневники, воспоминания и главы из книг Л. Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификации», великого князя Константина Николаевича, А. Ф. Керенского, А. И. Деникина, американского историка Р. Конквеста «Жатва скорби», финского историка М. Якобсона «Зимняя война» (1939—1940 гг.).

Подписка принимается всеми предприятиями «Союзпечати» и отделениями связи до 30 сентября 1989 года. Цена одного номера — 90 коп. Подписная цена на год — 10 руб. 80 коп. Индекс 70145.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 7 ИЮЛЬ 1989

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года.
Москва. Издательство ЦК КПСС „Правда"

С № 8 журнал начинает публикацию мемуаров Никиты Сергеевича Хрущева.

Читайте в № 8 журнала:

Ф. И. ФИРСОВ. **Сталин и Коминтерн.** Автор вскрывает влияние сталинизма на политику и деятельность Коминтерна, губительные последствия террора, развязанного против кадров большевистской и других компартий.

ИОАНН (ЭКОНОМЦЕВ). **Византинизм, славяне и Россия.** Данная статья открывает серию очерков по истории Русской православной церкви.

В разделе «Исторические портреты» печатается очерк об одном из видных руководителей Компартии Китая и Китайской Народной Республики Лю Шаоци.

А. В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО. **Сталин и его время.** Этим очерком, в котором дана характеристика личности Сталина, продолжается публикация работы данного автора о времени культа личности.

Письма Екатерины II князю Потемкину. Продолжение начатой в № 7 публикации писем императрицы своему фавориту, содержащих интересные сведения о нравах царского двора.

СТАТЬИ

ПЕТР I: РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Е. В. Анисимов

Мы, люди конца XX века, не можем в полной мере оценить взрывной эффект петровских реформ в России. Люди прошлого, XIX века, чувствовали это иначе: острее, глубже, нагляднее. Вот что писал о значении Петра современник Пушкина историк М. Н. Погодин в 1841 г., то есть спустя почти полтора столетия после великих реформ первой четверти XVIII в.: «В руках [Петра] концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее» [1].

То, что создал в России Петр, пережило поколение Погодина, как и следующие поколения. Напомню, что последний рекрутский набор состоялся в 1874 г.— через 170 лет после первого (1705 г.), Сенат просуществовал с 1711 по декабрь 1917 г., то есть 206 лет; синодальное устройство православной церкви оставалось неизменным в течение 197 лет (с 1721 по 1918 г.); система подушной подати была отменена лишь в 1887 г., когда минуло 163 года после ее введения в 1724 году.

Иначе говоря, в истории России мы найдем не много сознательно созданных человеком институтов, которые просуществовали бы так долго, оказав столь сильное воздействие на все стороны жизни народа. Более того, некоторые принципы и стереотипы политического сознания, выработанные или окончательно закрепленные при Петре, живы до сих пор. Подчас в новых словесных одеждах они существуют как традиционные элементы нашего мышления и общественного поведения. Медный всадник еще не раз тяжко скакал по нашим улицам. Попытаемся вослед поколениям историков вновь рассмотреть феномен петровских реформ, сделаем попытку приблизиться к пониманию их значения для судеб России.

Из многих привычных символов петровской эпохи, ставших достоянием литературы и искусства, нужно особо выделить корабль под парусами со шкипером на мостике. Помните, у Пушкина: «Сей шкипер был тот шкипер славный, кем наша двигнулась земля, кто придал мощно бег державный рулю родного корабля». Корабль — и для самого Петра — символ организованной, рассчитанной до дюйма структуры, материальное воплощение человеческой мысли, сложного движения по воле разумного

АНИСИМОВ Евгений Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

[1] Погодин М. Н. Петр Великий. М. 1841, с. 2.

человека. Более того, корабль — это модель идеального общества, лучшая из организаций, придуманных человеком в извечной борьбе со слепой стихией. За этим символом целый пласт культуры XVI—XVII веков. Здесь сразу слились многие идеи так называемого века Рационализма — XVII века. Системой эти идеи стали в творениях знаменитых философов того времени — Бэкона, Гассенди, Спинозы, Локка, Лейбница. Этими идеями был как бы пронизан воздух, которым дышали ученые, писатели, государственные деятели — современники Петра. Новые концепции утверждали, что наука, опытное знание есть вернейшее средство господства человека над силами природы, что государство — чисто человеческое установление, которое разумный человек может изменить по собственному усмотрению, совершенствовать в зависимости от целей, которые он перед собой ставит.

Государство строят как дом, утверждал Гоббс. Как корабль, добавим мы. Идея о человеческой, а не богоданной природе государства порождала представление о том, что государство — это и есть тот идеальный инструмент преобразования общества, воспитания добродетельного подданного, идеальный институт, с помощью которого можно достичь «всеобщего блага» — желанной, но постоянно уходящей, как линия горизонта, цели человечества. Совершенствование общества возможно, по мысли тогдашних философов и государствоведов, лишь с помощью организации и законов — рычагов государства. Совершенствуя право, добиваясь с помощью учреждений реализации законов, можно достичь всеобщего процветания.

Человечеству, еще недавно вышедшему из Средневековья, казалось, что найден ключ к счастью, стоит только сформулировать законы и провести их в жизнь. Не случайно появление и распространение в XVIII в. дуализма — учения, отводящего богу роль первотолчка, зачинателя мира, который, однако, далее развивается по присущим ему естественным законам; нужно только обнаружить их, записать и добиться точного и всеобщего исполнения. Отсюда и поразительный оптимизм людей XVII—XVIII вв., наивная вера в неограниченные силы человека, возводящего по чертежам, на «разумных» началах свой корабль, дом, город, общество, государство. XVII век — это время Робинзона Крузо, не столько литературного героя, сколько символа «эпохи рационализма», героя, верящего в себя и преодолевающего невзгоды и несчастья силой своих знаний.

Достоин внимания и известный механицизм мышления людей петровских времен. Выдающиеся успехи точных, естественных наук побуждали трактовать и общественную жизнь как процесс, близкий к механическому. Учение Декарта о всеобщей математике — единственно достоверной и лишенной мистики отрасли знания — делало свое дело: образ некоей «махины», действующей подобно точному часовому механизму, стал любимым образом государствоведов и политиков, врачей и биологов XVII — начала XVIII века.

Все эти идеи и образы с разной степенью абстракции и упрощения имели хождение в европейском обществе, и они вместе с идеями реформ (а некоторые даже раньше) достигли России, где, преломляясь в соответствии с местными условиями, стали элементами политического сознания. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что Петр начал возводить свою империю на основе концепций Декарта и Спинозы. Речь идет о сильном влиянии этих идей на практическую государственную деятельность великого реформатора. Невозможно сбросить со счетов и личное знакомство царя с Лейбницем, хорошее знание Петром трудов Г. Гроция и С. Пуфендорфа. Книгу последнего «О должности человека и гражданина» царь приказал перевести на русский язык. Без учета всех этих обстоятельств трудно дать адекватную оценку петровским преобразованиям, самой личности царя-реформатора.

В годы его царствования в России произошел резкий экономический скачок. Промышленное строительство велось невиданными темпами: за первую четверть XVIII в. возникло не менее 200 своеобразных мануфактур вместо тех 15—20, которые имелись в конце XVII века. Характернейшая черта этого процесса состояла в выдающейся роли самодержавного государства в экономике, его активном проникновении во все сферы хозяйственной жизни. Такая роль была обусловлена многими факторами.

Экономические концепции меркантилизма, широко распространенные в Европе и России, предполагали как условие существования государства накопление денег за счет активного баланса внешней торговли, вывоза товаров на чужие рынки и препятствования ввозу иностранных товаров на свой. Уже это само по себе требовало вмешательства государства в сферу экономики. Поощрение одних — «полезных», «нужных» видов производства, промыслов и товаров, сочеталось с запрещением, ограничением других — «неполезных» и «ненужных» с точки зрения государства. Петр, мечтавший о могуществе своей страны, не был равнодушен к идеям меркантилизма. Идеи принуждения в экономической политике совпадали с общими принципами «насильственного прогресса», которые он практиковал в ходе своих реформ.

Но важнее другое — в российских условиях концепция меркантилизма послужила для обоснования характерного направления внутренней политики. Неудачное начало Северной войны сильнейшим образом стимулировало государственное промышленное строительство и в целом — вмешательство государства в экономическую сферу. Строительство многочисленных мануфактур, преимущественно оборонного значения, предпринималось не из абстрактных представлений о необходимости развития и пользе экономики или расчета получить доходы, а было непосредственно и жестко детерминировано задачей обеспечить армию и флот. Экстремальная обстановка после поражения под Нарвой в 1700 г. с потерей артиллерии вызвала потребность перевооружить и увеличить армию, определила характер, темпы и специфику промышленного роста и, шире, всю экономическую политику Петра.

В основу ее легла идея о руководящей роли государства в жизни общества вообще, и в экономике в частности. Обладая огромными финансовыми и материальными ресурсами, монопольным правом пользоваться землей и ее недрами, не считаясь при этом с владельческими правами различных сословий, государство взяло на себя инициативу необходимой в тех условиях индустриализации. Исходя из четко осознаваемых интересов и целей, государство диктовало все, что было связано с производством и сбытом продукции. В системе созданной за короткое время государственной промышленности отрабатывались принципы и приемы управления экономикой, характерные для последующих лет и незнакомые России предшествующей поры.

Сходная ситуация возникла и в торговле. Насаждая собственную промышленность, государство создавало (точнее, резко усиливало) и собственную торговлю, стремясь получить максимум прибыли с ходовых товаров внутри страны и экспортных товаров при продаже их за границей. Государство захватывало торговлю примитивным, но очень эффективным способом — введением монополий на заготовку и сбыт определенных товаров, причем круг таких товаров (соль, лен, юфть, пенька, хлеб, сало, воск и другие) постоянно расширялся.

Установление государственных монополий вело к волюнтаристскому повышению цен на эти товары внутри страны, а самое главное — к ограничению, регламентации торговой деятельности купцов. Следствием стало расстройство, дезорганизация свободного торгового предпринимательства, основанного на рыночной конъюнктуре. В подавляющем большинстве случаев введение государственных монополий означало передачу

права продажи монополизированного товара конкретному откупщику, который выплачивал в казну сразу крупную сумму денег, а затем стремился с лихвой вернуть их за счет потребителя или поставщика сырья, вздувая цены и уничтожая на корню своих возможных конкурентов.

Петровская эпоха оказалась подлинным лихолетьем в истории русского купечества. Резкое усиление прямых налогов и различных казенных служб с купцов как наиболее состоятельной части горожан, насильственное сколачивание торговых компаний (форма организации торговли, казавшаяся Петру наиболее подходящей в российских условиях) — только часть средств и способов принуждения, которые он в значительных масштабах применил к купечеству, ставя главной целью получить как можно больше денег для казны. В русле подобных мероприятий следует рассматривать и принудительные переселения купцов (причем из числа наиболее состоятельных) в Петербург — неблагоустроенный, долгое время в сущности прифронтовой город, а также административное регулирование грузопотоков, когда купцам указывалось, в каких портах и какими товарами они могут торговать, а где — категорически запрещено.

Исследования Н. И. Павленко и А. И. Аксенова свидетельствуют, что в первой четверти XVIII в. произошло разорение именно наиболее состоятельной группы купечества — «гостинной сотни», после чего имена многих владельцев традиционных торговых фирм исчезли из списка состоятельных людей. Грубое вмешательство государства в сферу торговли привело к разрушению зыбкой основы, на которой в значительной степени держалось благосостояние многих богатых купцов, а именно: ссудного и ростовщического капитала [2]. Не является преувеличением констатация регламента Главного магистрата 1721 г.: «Купеческие и ремесленные тяглые люди во всех городах обретаются не токмо в каком призрении, но паче ото всяких обид, нападков и отягощений несносных едва не все разорены, от чего оных весьма умалилось и уже то есть не без важного государственного вреда» [3]. Осознание этого факта пришло довольно поздно, когда жизнеспособность купеческого капитала была существенно подорвана.

Это была цена, которую заплатили русские предприниматели за военную победу, но стоимость ее горожане поделили с остальным населением. На плечи русского крестьянства пала наибольшая тяжесть войны. Бремя десятков денежных, натуральных платежей, рекрутчина, сборы работных, лошадей, тяжелые подводные и постойные повинности дестабилизировали народное хозяйство, привели к обнищанию, бегству сотен тысяч крестьян. Усиление разбоев, вооруженных выступлений, наконец, восстание К. Булавина на Дону стали следствием безмерного податного давления на крестьян.

К 20-м годам XVIII в., когда военная гроза окончательно отодвинулась на запад и в успешном для России завершении войны не могло быть сомнений. Петр значительно изменил торгово-промышленную политику. Осенью 1719 г. были ликвидированы фактически все монополии на вывоз товаров за границу. Претерпела изменения и промышленная политика: усилилось поощрение частного предпринимательства. Введенная в 1719 г. Берг-привилегия разрешила искать полезные ископаемые и строить заводы всем без исключения жителям страны и иностранцам, даже если это было сопряжено с нарушением феодального права на землю, где обнаружены руды.

---

[2] Павленко Н. И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века.— История СССР, 1978, № 3; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М. 1988, с. 44—45.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). Т. 6. СПб. 1830, с. 296.

Получила распространение практика передачи государственных предприятий (в особенности признанных убыточными для казны) частным владельцам или специально созданным для этого компаниям. Новые владельцы получали от государства многочисленные льготы: беспроцентные ссуды, право беспошлинной продажи товаров и так далее. Существенную помощь предпринимателям оказывал и утвержденный в 1724 г. таможенный тариф, облегчавший вывоз продукции отечественных мануфактур и одновременно затруднявший ввоз из-за границы товаров, производившихся на русских мануфактурах.

Может показаться, что наступившие в конце Северной войны перемены в экономической политике самодержавия — своеобразный «нэп» с характерными для него принципами большей экономической свободы. Но эта иллюзия быстро рассеивается, как только мы обращаемся к фактам. Нет никаких оснований думать, что, изменяя экономическую политику, Петр намеревался ослабить влияние государства на народное хозяйство или, допустим, неосознанно способствовал развитию капиталистических форм и приемов производства, получивших в это время в Западной Европе широкое распространение. Суть происшедшего состояла в смене не принципов, а акцентов промышленно-торговой политики. Мануфактуры передавались компаниям или частным предпринимателям фактически на арендных условиях, которые четко определялись и при надобности изменялись государством, имевшим право в случае неисполнения их конфисковать предприятия. Главной обязанностью владельцев было своевременное выполнение казенных заказов; только излишки сверх того, что соответствовало бы нынешнему понятию «госзаказа», предприниматель мог реализовать на рынке.

Созданные органы управления торговлей и промышленностью, Берг-, Мануфактур-, Коммерц-коллегии и Главный магистрат отвечали сути происшедших перемен. Эти бюрократические учреждения являлись институтами государственного регулирования экономики, органами торгово-промышленной политики самодержавия на основе меркантилизма. В Швеции, чьи государственные учреждения послужили образцом для петровской реформы, подобные коллегии проводили политику королевской власти в целом на тех же теоретических основах. Условия России отличались от шведских не только масштабами страны, но и принципиальными особенностями политических порядков и культуры, интенсивностью промышленного строительства силами и на средства государства, но прежде всего — необыкновенной жесткостью регламентаций, разветвленной системой ограничений, сугубой опекой и надзором за торгово-промышленной деятельностью подданных.

Давая «послабление» мануфактуристам и купцам, государство не собиралось устраняться из экономики или хотя бы ослаблять свое воздействие на нее. После 1718—1719 гг. вступила в действие как бы новая редакция прежней политики. Раньше государство воздействовало на экономику через систему запретов, монополий, пошлин и налогов, то есть через открытые формы принуждения. Теперь, когда чрезвычайная военная ситуация миновала, все усилия были перенесены на создание и деятельность административно-контрольной бюрократической машины, которая с помощью уставов, регламентов, привилегий, отчетов, проверок стремилась направлять экономическую (и не только) жизнь страны через систему своеобразных шлюзов и каналов в нужном государству направлении.

Административное воздействие сочеталось с экономическими мерами. Частное предпринимательство было жестко привязано к государственной колеснице системой правительственных заказов преимущественно оборонного значения. С одной стороны, это обеспечивало устойчивость доходов мануфактуристов, которые могли быть уверены, что сбыт продукции казне гарантирован, но с другой — закрывало перспективы технического со-

вершенствования, резко принижало значение конкуренции как вечного движителя предпринимательства. Именно поэтому впоследствии оказались тщетными попытки вывести примитивное производство на современный уровень: интереса его наращивать и совершенствовать — при обеспеченности заказов и сбыта через казну — не было. Привилегированное положение части предпринимателей влияло в том же направлении, ибо устраняло конкуренцию.

Активное воздействие государства на экономическую жизнь страны — это лишь один аспект проблемы. Социальные отношения, проводником которых служило государство, были фактически перенесены на мануфактуры, во многом деформируя их черты как потенциально капиталистических предприятий. Речь идет прежде всего об особенностях использования рабочей силы. Практически все годы Северной войны (время бурного экономического строительства) способы обеспечения предприятий рабочими руками были разнообразными: государство и владельцы мануфактур использовали и приписных крестьян, отрабатывавших на заводах свои государственные налоги, и преступников, и вольнонаемных. Проблемы найма не существовало. Наличие в обществе множества нетяглых мелких прослоек, многочисленность беглых (в том числе — помещичьих) крестьян, существование вполне легальных путей выхода из служилого или податного сословия — все это создавало в стране контингент «вольных и гулящих», откуда и черпалась рабочая сила. Власти сквозь пальцы смотрели на такое использование труда беглых.

Однако к началу 20-х годов были проведены важные социальные мероприятия: усилена борьба с побегами крестьян, которых возвращали прежним владельцам; в ходе детальной ревизии наличного населения (в рамках начатой податной реформы) крестьяне все поголовно подлежали прикреплению навечно к месту записи в налоговый кадастр, а «вольные и гулящие» приравнивались к беглым преступникам и считались объявленными вне закона.

Поворот в политике правительства тотчас отразился на промышленности. Владельцы мануфактур и управляющие казенными заводами жаловались на катастрофическое положение, созданное вывозом беглых и запрещением впредь, под страхом штрафов, принимать их на работы. Под сомнение ставилось исполнение поставок казне. Тогда-то и появился закон, имевший самые серьезные последствия. Указом 18 января 1721 г. Петр в видах государственной пользы разрешил частным мануфактуристам покупать крестьян для использования их на заводских работах [4]. Тем самым делался решительный шаг к превращению промышленных предприятий, где, казалось бы, зарождался капиталистический уклад, в крепостническую вотчинную мануфактуру.

Действовавшие нормы феодального права с его критериями сословности, как и отраженное в них общественное сознание не считались с новой социальной реальностью — появлением мануфактуристов и рабочих. В устоявшихся социальных порядках новым группам населения не было места. Новое в экономике воспринималось лишь как разновидность старого. Указом 28 мая 1723 г. регулировался порядок приема на работу людей, не принадлежавших владельцу или не «приписанных» к заводу [5]. Всем им приходилось либо получить у своего помещика разрешение работать временно («отходник» с паспортом), либо попасть в число беглых, «беспашпортных», подлежавших аресту и немедленному возвращению туда, где они записаны в подушный кадастр.

С тех пор промышленность не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути; доля вольного труда в промышленности сокращалась, казенные предприятия перешли на труд «приписных», образовался

[4] ПСЗ. Т. 5. СПб. 1830, с. 311—312.
[5] ПСЗ. Т. 7, с. 73.

институт «рекрут» — пожизненных «промышленных солдат». Даже те рабочие частных заводов, которые не являлись ничьей собственностью, в дальнейшем были объявлены крепостными («вечноотданные»). Целые отрасли промышленности перешли почти исключительно на труд крепостных. Победа подневольного труда в промышленности предопределила нараставшее с начала XIX в. экономическое отставание России.

Крепостничество деформировало и процесс образования буржуазии. Получаемые от государства льготы носили феодальный характер. Мануфактуристу было легче и выгодней выпросить «крестьянишек», чем искать рабочие руки на свободном рынке. К тому же покупная рабочая сила приводила к «омертвлению» капиталов, повышению непроизводительных затрат, ибо реально деньги уходили на покупку земли и крепостных, из которых на заводских работах можно было использовать не больше половины [6]. В этих условиях не могло идти и речи о расширении и совершенствовании производства. Монополии заводчиков на производство, преимущественный сбыт каких-то определенных товаров или право скупки сырья — эти и иные льготы также не являлись по существу капиталистическими, а были лишь вариантом средневековых «жалованных грамот».

Крепостническая деформация коснулась и сферы общественного сознания. Мануфактуристы — владельцы крепостных — не ощущали своего социального своеобразия, у них не возникало корпоративного, сословного сознания. В то время как в развитых странах Западной Европы буржуазия уже громко заявила о своих претензиях к монархам и дворянству, в России наблюдалось иное: став душевладельцами, худородные мануфактуристы стремились повысить свой социальный статус путем получения дворянства, жаждали слиться с могущественным привилегированным сословием, разделить его судьбу. Превращение наиболее состоятельных предпринимателей, Строгановых и Демидовых, в аристократов — наиболее яркий пример.

Таким образом, активное государственное промышленное строительство создавало экономическую базу, столь необходимую развивающейся нации, и одновременно сдерживало тенденции, влекущие ее на путь капиталистического развития, на который другие европейские народы уже встали. Естествен вопрос, а была ли альтернатива тому, что свершилось с экономикой при Петре, были ли другие пути и средства ее подъема, кроме избранных в то время.

Если принять завоевание Россией берегов Балтийского моря как обязательное условие для полноценного развития государства и признать, что мирная уступка Швецией выхода к Балтике была исключена, то многое, что предпринимал Петр, было вызвано необходимостью, в том числе и создание промышленности в предельно сжатые сроки. Но все же пройденный исторический путь не кажется единственным даже для того времени.

Указ 1721 г., как и последующие акты, разрешавшие покупать крестьян к заводам или эксплуатировать в различных формах чужих крепостных, имел, как теперь принято говорить, судьбоносное значение. Альтернативой ему могла быть только отмена крепостного права. Существовала ли в принципе при Петре такая возможность? Его старший современник, шведский король Карл XI, провел в 80-х годах XVII в. так называемую редукцию земель: появились государственные имения, отдаваемые в аренду, а крестьян при этом освобождали от крепостной зависимости. Для Петра подобной альтернативы не существовало. Крепостничество, утвердившееся в России задолго до рождения Петра, пропитало всю жизнь страны, сознание людей; в России в отличие от Западной Европы оно играло особую, всеобъемлющую роль. Разрушение

[6] Павленко Н. И. Ук. соч., с. 67.

правовых структур нижнего этажа подорвало бы основу самодержавной власти, увенчивавшей собой пирамиду холопов и их разновидностей. Таким образом, указатель 1721 г. стоял на развилке, но звал на главную, столбовую дорогу русской истории, в конце которой просматривался указатель «1861 год».

Продолжая сравнение петровской России с кораблем, рассмотрим теперь, каким было его верхнее строение, выше ватерлинии, под которой скрыта экономическая основа общества.

Преобразования государственного управления проводились с конца XVII — начала XVIII века. Подготовка к Северной войне, создание новой армии, строительство флота — все это привело к резкому увеличению объема работы правительственных ведомств. Приказный аппарат, унаследованный Петром от предшественников, не справлялся с усложнившимися задачами управления. Потребовались новые приказы, появились канцелярии. Но в их организации и функционировании нового было весьма мало, и уже в начале войны стало ясно, что обороты механизма государственного управления, главными элементами которого были приказы и уезды на местах, не поспевали за нарастающей скоростью маховика самодержавной инициативы. Это проявилось в нехватке для армии и флота денег, людей, провианта и других припасов.

Последовала областная реформа 1707—1710 гг.: появились губернии, объединявшие несколько прежних уездов, с институтом кригс-комиссаров, причем главной целью было руками последних навести порядок в обеспечении армии, установив прямую связь губерний с полками, расписанными по губерниям. Областная реформа не только отвечала острым потребностям самодержавной власти, но и развивала бюрократическую тенденцию, столь характерную уже для предшествующего периода. Именно с помощью усиления бюрократического элемента в управлении Петр намеревался решать все государственные вопросы. Реформа привела не только к сосредоточению финансовых и административных полномочий в руках нескольких губернаторов — представителей центральной власти, но и к созданию на местах разветвленной единообразной, иерархичной сети бюрократических учреждений с большим штатом чиновников. Дальнейшее развитие бюрократическая система получила в ходе новой реформы местного управления 1719 года.

Подобная же схема была заложена в идею организации Сената. Тенденции бюрократизации управления, возникшие задолго до Петра, при нем получили окончательное оформление. В начале XVIII в. фактически прекращаются заседания Боярской думы — традиционного совета высших представителей знати. Функции Боярской думы по управлению центральным и местным аппаратом переходят к так называемой Консилии министров — временному совету начальников важнейших ведомств. Уже в деятельности этого временного органа отчетливо проявляется стремление к бюрократической регламентации. Именно с желанием Петра добиться успеха в делах путем усиления бюрократического начала связан указ 7 октября 1707 г., которым царь повелел всем членам совета оставлять под рассмотренным делом подписи, «ибо сим всякого дурость явлена будет» [7].

Есть один аспект, без учета которого подчас трудно понять суть многих явлений в истории России. Это огромная роль государства, когда не общественное мнение определяет законодательство, а наоборот, законодательство сильнейшим образом формирует (и деформирует) общественное мнение и общественное сознание. Петр, исходя из концепций рационалистической философии и из традиционных представлений о роли самодержца в России, придавал огромное значение писаному законодательству, веря, что «правильный» закон, вовремя изданный и последовательно исполняемый в жизни, может сделать почти все, начиная со снабжения народа хлебом и кончая исправлением нравов. Точное исполнение закона Петр считал панацеей от всех трудностей жизни. Сомнений в адекватности закона действительности почти никогда у него не возникало.

[7] Законодательные акты Петра Первого. Т. 1. М.— Л. 1945, с. 196.

Закон реализовывался лишь через систему бюрократических учреждений. Можно говорить о создании при Петре подлинного культа учреждения, административной инстанции. Мысль великого реформатора России была направлена, во-первых, на создание такого законодательства, которым была бы охвачена и регламентирована по возможности вся жизнь подданных — от торговли до церкви, от солдатской казармы до частного дома. Во-вторых, Петр мечтал о создании совершенной и точной как часы государственной структуры, через которую могло бы реализовываться законодательство. Идею создания такого аппарата Петр вынашивал давно, но только когда произошел перелом в войне со Швецией, он решился сделать это. На рубеже двух первых десятилетий XVIII в. Петр во многих сферах внутренней политики начал отходить от неприкрытого насилия к регулированию с помощью бюрократической машины.

Образцом для реформы Петр избрал шведское государственное устройство, основанное по функциональному принципу, с разделением властей, единообразием иерархичной структуры аппарата. В обобщении и систематизации административного права он пошел гораздо дальше европейских апологетов камерализма. Обобщив шведский опыт с учетом некоторых специфических сторон русской действительности, Петр создал, помимо целой иерархии регламентов, не имевший в тогдашней Европе аналогов регламент регламентов — Генеральный регламент 1719—1724 годов. Регламент Адмиралтейской коллегии, в частности, устанавливал 56 должностей чиновников от президента коллегии до почти анекдотической «должности профоса» («Должен смотреть, чтоб в Адмиралтействе никто кроме определенных мест не испражнялся. А ежели кто мимо указных мест будет испражняться, того бить кошками и велеть вычистить») [8].

Особенно важной, ключевой была реформа Сената. Он сосредоточивал судебные, административные и законосовещательные функции, ведал коллегиями и губерниями. Назначение и утверждение чиновников также составляло важную прерогативу Сената. Неофициальным его главой был генерал-прокурор, наделенный особыми полномочиями и подчиненный только монарху. Созданием должности генерал-прокурора было положено основание целому институту прокуратуры (по французскому образцу). Прокуроры равных рангов контролировали соблюдение законности и правильность ведения дел практически во всех центральных и многих местных учреждениях. Пирамида явного государственного надзора, выведенная из-под контроля административных органов, дублировалась пирамидой надзора тайного — фискальского, также имевшего разветвленную и иерархичную структуру. Важно, что, стремясь достичь своих целей, Петр освободил фискалов, профессия которых — донос, от ответственности за ложные обвинения, что расширяло для них возможности злоупотребления. С петровских времен в русском народе фискальство стало синонимом гнусного доносительства.

Создание бюрократической машины, пришедшей на смену системе средневекового управления, в основе которого лежал обычай,— естественный процесс. Бюрократия — необходимый элемент структуры государств нового времени. Однако в российских условиях, когда ничем и никем не ограниченная воля монарха служила единственным источником права, и чиновник не отвечал ни перед кем, кроме своего начальника, создание бюрократической машины стало и своеобразной «бюрократической революцией», в ходе которой был запущен вечный двигатель бюрократии,

[8] ПСЗ. Т. 6, с. 591.

ставящий конечной целью упрочение ее положения, успешно достигаемое вне зависимости от того, какой властитель сидел на троне — умный или глупый, деловой или бездеятельный. Многие из этих черт и принципов сделали сплоченную касту бюрократов неуязвимой и до сего дня.

Пристально рассматривая государственный корабль Петра, мы, конечно, не можем не заметить, что это прежде всего военное судно. Для мировоззрения Петра было характерно отношение к государственному учреждению как к воинскому подразделению. И дело не в особой воинственности Петра или войнах, ставших привычными для царя, который из 36 лет царствования (1689—1725 гг.) провоевал 28 лет. Дело в убеждении, что армия — наиболее совершенная общественная структура, модель, достойная увеличения до масштабов всего общества, проверенная опасным опытом сражений. Воинская дисциплина — это то, с помощью чего можно привить людям любовь к порядку, трудолюбие, сознательность, христианскую нравственность. Перенесение военных принципов на гражданскую сферу проявлялось в распространении военного законодательства на систему государственных учреждений, а также в придании законам, определяющим их работу, значения и силы воинских уставов.

В 1716 г. основной военный закон — Воинский устав по прямому указу Петра был принят как основополагающий законодательный акт, обязательный для учреждений всех уровней. Так как для гражданской сферы не все нормы военного законодательства были приемлемы, то использовались специально составленные выборки из воинских законов. В результате на гражданских служащих распространялись воинские меры наказания за преступления против присяги: ни до, ни после Петра в истории России не было издано такого огромного количества указов, суливших смертную казнь за преступления по должности. В 1723 г. Петр разделил все преступления на две группы: «частные» и «государственные», как именовались преступления, совершаемые «по должности». Петр считал, что преступление чиновника наносит государству даже больший ущерб, чем измена воина на поле боя.

Выпестованная великим реформатором регулярная армия заняла выдающееся место в жизни русского общества, став его важнейшим элементом. Не является преувеличением высказанное в литературе утверждение, что в России XVIII—XIX вв. не армия была при государстве, а наоборот,— государство при армии, и Петербург превратился бы в пустырь, если бы в столице вдруг исчезли все памятники, здания, сооружения, так или иначе связанные с армией, воинским искусством, военными победами. Веком «дворцовых переворотов» XVIII век стал во многом благодаря гипертрофированному значению военного элемента, прежде всего гвардии, в общественной жизни империи.

Петровские реформы ознаменовались распространением практики участия профессиональных военных в государственном управлении. Часто военные, особенно гвардейцы, использовались в качестве эмиссаров царя с чрезвычайными полномочиями. Даже такое мероприятие, как «ревизия» (перепись населения), было проведено в течение ряда лет также силами военных, для чего потребовалось занять почти половину офицерского корпуса; к подобной практике правительство прибегало не раз и впоследствии. После этой переписи был установлен новый порядок содержания и размещения войск. В итоге части армии размещались практически в каждом уезде (за исключением окраин), причем постойная повинность, ранее временная, становилась для большинства крестьян постоянной.

Этот порядок, заимствованный Петром из практики «поселенной» системы Швеции и приспособленный к условиям России, был весьма тяжелым для народа. Впоследствии наиболее эффективным средством наказания непокорных крестьян стало как раз размещение в их домах солдат, и, напротив, освобождение от постоя рассматривалось как привилегия, которой за особые заслуги удостаивались редкие селяне и горожане.

Законы о поселении полков — «Плакат» 1724 г.— регулировали взаимоотношения населения с войсками. Однако власть командира полка превосходила власть местной гражданской администрации. Военное командование не только следило за сбором подушной подати в районе размещения полка, в успехе чего оно было непосредственно заинтересовано, но и исполняло разнообразные полицейские функции (пресечение побегов крестьян, подавление сопротивления народа, надзор за перемещением населения, согласно введенной тогда же системе паспортов).

Петровская эпоха примечательна попыткой теоретически обосновать самодержавие. Феофан Прокопович, развивая концепцию неограниченной власти государя, опирался как на традицию Московского царства, так и на учения западноевропейских теоретиков «естественного права». Произведения Феофана — это эклектическая компиляция (отрывки из Священного писания, выписки из новейших трудов в духе «договорной» концепции образования государства), ставившая целью убедить русского читателя в праве самодержца повелевать как на основе божественного, так и «естественного» права. Обращение к разуму, характерное для последнего направления мысли,— несомненно, новая черта в идеологии самодержавия, дополнявшаяся концепцией «образцовой» службы царя на троне.

Впервые в русской политической мысли были сформулированы понятия «долга», «обязанности» монарха, очерчены пределы (точнее, признана беспредельность) его власти — необходимейшее условие для эффективного исполнения «царской работы». Идеи рационализма, начала «разума», «порядка» во многом владели умом Петра. Говоря о своеобразном демократизме, работоспособности, самоотверженности великого реформатора, нельзя забывать одного принципиального различия между «службой» царя и службой его подданных: для последних это была служба государю, с которой сливалась служба государству. Иначе говоря, своим каждодневным трудом Петр показывал пример служения себе, российскому самодержцу.

Конечно, служение Отечеству, России — важнейший элемент политической культуры петровского времени с ее традициями патриотизма. Но основной, определяющей оказалась иная, также идущая из средневековья, традиция отождествления власти и личности самодержца с государством. Слияние представлений о государственности, Отечестве — понятии, священном для каждого гражданина и символизирующем независимое национальное существование, с представлением о носителе государственности — вполне реальном и далеко не безгрешном, смертном человеке, распространяло на него, в силу занимаемого им положения, священные понятия и нормы государственности. (В новейшей истории наиболее яркое отождествление личности правителя с государством, Родиной и даже народом проявилось в культе личности Сталина: «Сталин — воля и ум миллионов».)

Для политической истории России в дальнейшем это, как известно, имело самые серьезные последствия, ибо любое выступление против носителя власти, кто бы он ни был — верховный повелитель или мелкий чиновник — трактовалось как выступление против персонифицируемых в его личности государственности, России, народа, а значит, могло привести к обвинению в измене, признанию врагом Отечества, народа. Мысль о тождественности наказания за оскорбление личности монарха и оскорбление государства прослеживается в Соборном уложении 1649 г., апофеоз этой идеи наступил при Петре, когда понятие «отечество», не говоря уже о «земле», исчезает из воинской и гражданской присяги, оставляя место лишь самодержцу, персонифицирующему государственность.

Важнейшим элементом политической доктрины Петра была идея патернализма, образно воплощаемая в виде разумного, дальновидного монарха — отца отечества и народа. В «Правде воли монаршей» сформули-

рован парадоксальный на первый взгляд, но логичный в системе патернализма вывод, что если государь, «по высочайшей власти своей», и отцу своему — отец, то сын-государь уже этим самым всем своим подданным — отец. Важно отметить, что идея патернализма смыкается с идеей «харизматического лидера» по М. Веберу, лидера промежуточного типа — между традиционным и демократическим. Он может вести себя демократично, пренебрегать материальными интересами, отвергать прошлое и в этом смысле являться «специфической революционной силой». При этом «отец отечества», «отец нации» может быть только один, ибо харизматический авторитет носит сугубо личный характер и не передается, как трон, по наследству.

Несомненно, Петру, присвоившему себе официальный титул «отца отечества», были не чужды многие черты харизматической личности, опирающейся не столько на божественность происхождения своей власти, сколько на признание исключительности личных качеств, демонстративно-педагогическую «образцовость» в исполнении «должности». Простота в личной жизни, демократизм в общении с людьми разных сословий сочетались у него с откровенным пренебрежением к многим традиционным формам почитания самодержца и с постоянным стремлением к коренной ломке общественных институтов и стереотипов. Правда, остается открытым вопрос о направленности «революционной ломки» (вспомним недавнюю победу исламского фундаментализма в Иране). В России времени Петра такая ломка привела в конечном счете к упрочению крепостнических и производных из системы крепостничества политических структур.

Реформы, труд воспринимались Петром как постоянная школа, учение, что естественно отвечало рационалистическому восприятию мира, характерному для него. В обстановке бурных перемен, нестабильности, общей неуверенности (явлении, столь характерном для переломных моментов истории), когда цели преобразований, кроме самых общих, не были видны и понятны многим и даже встречали открытое, а чаще скрытое сопротивление, в сознании Петра укреплялась идея разумного Учителя и неразумных, часто упорствующих в своей косности учеников-подданных, которых можно приучить к делу только с помощью насилия, из-под палки.

Мысль о насилии как универсальном и наиболее действенном способе управления не была нова. Но Петр, пожалуй, первым с такой последовательностью использовал принуждение, «педагогику дубинки». Современник вспоминает, как Петр сказал однажды своим приближенным: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять... Недоброхоты и злодеи мои и отечеству не могут быть довольны, узда им — закон. Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру» [9].

Этот гимн режиму единовластия (а в сущности, завуалированной тирании) подкрепляется и симпатиями Петра к Ивану Грозному, и многочисленными высказываниями царя, говорящими, что путь насилия — единственный, который в условиях России принесет успех. В указе Мануфактур-коллегии в 1723 г. по поводу трудностей в распространении мануфактурного производства в стране Петр писал: «Что мало охотников и то правда, понеже наш народ, яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех дел не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел» [10].

[9] Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб. 1891, с. 82.
[10] ПСЗ. Т. 7, с. 150.

Петровское царствование показало, что многочисленные призывы и угрозы не могли заставить людей делать так, как требовал Петр: точно, быстро, инициативно. Мало кто из сподвижников царя-реформатора чувствовал себя уверенно, когда ему приходилось действовать без указки Петра, на свой страх и риск. Это было неизбежно, ибо Петр поставил перед собой невыполнимую задачу. Он, как писал В. О. Ключевский, «надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение, как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра два века и доселе неразрешенная» [11].

Читая письма сподвижников, испытывавших ощущение беспомощности и даже отчаяния, когда они не имели точных распоряжений царя, Петр имел все основания полагать, что без него все дела встанут. Вместе с этим чувством исключительности Петром, далеким от самолюбования и пустого тщеславия, должно было владеть, особенно в последние годы его жизни, чувство одиночества, сознания того, что его боятся, но не понимают.

Итак, перед нами не просто корабль, а галера, по галерее которой расхаживает одетое в военную форму дворянство, а к банкам прикованы другие сословия. Петр, без сомнения, реформировал не только государственную, военную, экономическую, но и социальную структуру. Речь идет не только о косвенных социальных последствиях различных преобразований, но и о непосредственных социальных изменениях, ставших прямым результатом сословной реформы.

В петровскую эпоху распалось некогда единое сословие «служилых людей». Верхушка его — служилые «по отечеству», то есть по происхождению,— превратилась в дворян, известных нам по позднейшей эпохе, однако низы сословия служилых «по отечеству» (главным образом поселенные на южной окраине «однодворцы»), равно как все служилые «по прибору», то есть по набору, стали государственными крестьянами.

Образование сословия дворян, пользовавшихся впоследствии исключительными правами душе- и землевладения, было результатом не только постепенного расслоения на верхи и низы, но и сознательной деятельности властей. Суть перемен в положении верхушки служилого сословия состояла во введении нового критерия их службы. Вместо принципа происхождения, позволявшего знатным служилым занимать сразу высокое место в обществе, армии и на службе, был введен принцип личной выслуги. Это, казалось бы, демократичное начинание открывало путь наверх наиболее способным людям; новый принцип, отраженный в известной Табели о рангах 1722 г., усилил дворянство за счет притока выходцев из других сословий. Но не это было конечной целью преобразования. С помощью принципа личной выслуги, строго оговоренных в Табели о рангах условий повышения по лестнице чинов (важнейшим из этих условий была обязательность начала службы с рядового солдата или канцеляриста) Петр превращал довольно аморфную массу служилых людей «по отечеству» в военно-бюрократический корпус, полностью ему подчиненный и зависимый только от него.

Конечно, оформление сословия дворянства следует рассматривать и как образование корпорации, наделенной особыми правами и привилегиями, с корпоративным сознанием, принципами и обычаями. Но вместе с тем Петр стремился как можно теснее связать понятие о дворянском достоинстве с обязательной, постоянной службой, требующей знаний и

[11] Ключевский В. О. Собр. соч. Т. 4. М. 1958, с. 221.

практических навыков; все дворяне определялись в различные учреждения и полки, их детей отдавали в школы, посылали учиться за границу, царь запрещал жениться тем, кто не хотел учиться, а укрывающихся от службы лишал имений.

В целом политика самодержавия в отношении дворянства была очень строгой, и бюрократизированное, зарегламентированное дворянство, обязанное учиться, чтобы затем служить, служить и служить, лишь с натяжкой можно назвать господствующим классом. К тому же его собственность, так же как служба, регламентировалась законом: в 1714 г., чтобы вынудить дворян думать о службе как главном источнике благосостояния, был введен майорат, запрещено продавать и закладывать земельные владения; поместья дворян, в том числе родовые, могли быть конфискованы, что и случалось на практике. Трудно представить себе, каким было бы русское дворянство, если бы принципы Петра последовательно проводились после его смерти. Подлинная эмансипация и развитие корпоративного сознания дворянства проходили под знаком его «раскрепощения» в 30–60-х годах XVIII в., когда вначале был отменен майорат, ограничен срок службы, а затем последовал манифест 1762 г., название которого говорит само за себя: «О даровании вольности и свободы российскому дворянству». В петровское же время дворяне рассматривались прежде всего как бюрократическое и военное сословие, тесно привязанное к государственной колеснице.

Сословие государственных крестьян возникало как бы по задуманному царем плану: в одно податное сословие объединялись разнообразные категории некрепостного населения России. В него вошли однодворцы Юга, черносошные крестьяне Севера, ясачные крестьяне — инородцы Поволжья, всего не менее 18% податного населения. Важнейшим отличительным признаком однодворцев, вчерашних служилых «по отечеству» и «по прибору», стало признание их тяглыми, навсегда закрывшее им дорогу в дворянство, хотя часть их владела крепостными, а землей — на поместном праве. Вообще с тех пор принадлежность к тяглым сословиям означала непривилегированность, и политика Петра в отношении категорий, вошедших в сословие государственных крестьян, была направлена на ограничение их возможностей пользоваться теми преимуществами, которыми они располагали как люди, лично свободные от крепостной неволи.

Петр решил преобразовать и социальную структуру города, насаждая такие институты, как магистраты, цеха и гильдии, имевшие в западноевропейском средневековом городе глубокие корни. Русские же ремесленники, купцы, вообще большинство горожан в одно прекрасное утро проснулись членами гильдий и цехов. Остальные горожане подлежали поголовной проверке с целью выявления среди них беглых крестьян и возвращения их на прежние места жительства.

Деление на гильдии оказалось чистейшей фикцией, ибо проводившие его военные ревизоры думали прежде всего об увеличении численности плательщиков подушной подати. Фискальные цели, а не активизация торгово-промышленной деятельности, выступили на первый план. Крайне важно, что Петр оставил неизменной прежнюю систему распределения налогов по «животам», когда наиболее состоятельные горожане были вынуждены платить за десятки и сотни своих неимущих сограждан. Этим самым в городах закреплялись средневековые социальные порядки, что в свою очередь мешало развитию капиталистических отношений.

Столь же формальной стала и система управления в городах. Местные магистраты Петр подчинил Главному магистрату и все они ни по существу, ни по ряду формальных признаков не имели сходства с магистратами западноевропейских городов — действительными органами самоуправления. Представители посада, входившие в состав магистратов, рассматривались, в сущности, как чиновники централизованной системы управления городами, и их должности были даже включены в Табель о рангах.

Судопроизводство, сбор налогов и наблюдение порядка в городе — вот и все основные функции, предоставленные магистратам.

Преобразования коснулись и той части населения России, с которой, казалось бы, и так все было ясно,— крепостных крестьян: они и холопы слились в единое сословие. Холопство имело тысячелетнюю историю и развитое право. Распространение холопьего права на крепостных послужило общей платформой для их слияния, усилившегося после Уложения 1649 г., юридически оформившего крепостничество. Но все же к петровскому времени сохранялись известные различия: холопы, работая на господина на барской запашке и в его хозяйстве в качестве домашних рабов, не были обложены государственными налогами, а, кроме того, значительная часть их — кабальные холопы — имели согласно традиции право выйти на свободу после смерти своего господина.

При Петре вначале были резко сужены возможности выхода холопов на свободу — на них распространялась, согласно указам, воинская повинность. Кроме того развернулась борьба с побегами; суровыми указами была фактически ликвидирована группа «вольных и гулящих» — главный источник, откуда выходили холопы и куда они возвращались в случае освобождения. Наконец, в 1719—1724 гг. холопы были поименно переписаны и навсегда положены в подушный оклад. Утратив признак бестяглости, холопы стали разновидностью крепостных крестьян, потеряв какое бы то ни было право на свободу. Тысячелетний институт холопства одним росчерком пера был уничтожен, что повлекло за собой далеко идущие последствия: заметное усиление барщины в середине XVIII в., отмеченное в литературе, в немалой степени связано с исчезновением холопства: тяжесть работ на барском поле теперь полностью легла на плечи крепостных крестьян.

То, что происходило в социальном строе России петровского времени (к описанным сюжетам следует прибавить введение штатов церковнослужителей, в результате чего не попавшие в штаты церковники признавались тяглыми; суровые «разборы» разночинцев с последующим распределением их в службы, оклады или богадельни; слияние монастырских, церковных и патриарших крестьян), свидетельствует об унификации сословной структуры общества, сознательно направляемой рукой реформатора, ставившего целью создание так называемого регулярного государства, которое можно охарактеризовать как тоталитарное, военно-бюрократическое и полицейское.

Создававшемуся внутреннему режиму был свойствен ряд ограничений: передвижения по стране, выбора занятий, перехода из одного «чина» в другой. Все эти ограничения, особенно социальной направленности, были традиционными в сословной политике государства и до Петра. В сохранении и упрочении монополии сословных занятий, пресечении попыток представителей низших сословий приобщиться к привилегиям высших усматривалась основа правопорядка, справедливости, процветания народа. Но в допетровское время сильно сказывалось влияние обычаев, сословные границы были размыты, пестрота средневекового общества давала его членам, особенно тем, кто не был связан службой, тяглом или крепостью, неизмеримо большие возможности реализации личности, чем регулярность общества Петра. Законодательство его отличалось более четкой регламентацией прав и обязанностей каждого сословия и, соответственно, более суровой системой запретов, касающихся вертикального перемещения.

Огромное значение имела в этом процессе податная реформа. С введением подушной подати, которой предшествовала перепись душ мужского пола, установился порядок жесткого прикрепления каждого плательщика к тяглу в том месте, где его записали в оклад, в платежную общину. Уже это само по себе затрудняло изменение статуса. Чтобы не парализовать хозяйственную жизнь городов, правительство указом от 13 апреля 1722 г. разрешило помещичьему крестьянину, уплатив огром-

ный налог, записываться в посад, сохраняя, однако, его зависимость от помещика. Закон, разрешая крестьянину торговать, гарантировал помещику власть над крепостным. Тем самым он как бы удлинял цепь, на которую был посажен так называемый торгующий крестьянин. Подобное же произошло с крестьянами-отходниками, работавшими на мануфактурах. Социально-экономическое значение подобного «соломонова» решения очевидно: такой отходник, эксплуатируемый на промышленном предприятии, получив зарплату, превращал ее в оброк, который отдавал своему помещику. Это был тупиковый вариант развития.

Петровское время характерно проведением крупных полицейских мер долговременного характера. Наиболее серьезной из них следует признать размещение в 1724—1725 гг. на постоянные квартиры армейских полков в местах, где для них собиралась подушная подать, и наделение армейских командиров соответствующими полицейскими функциями. Другой полицейской акцией было введение паспортной системы. Без паспорта ни один крестьянин или горожанин не имел права покинуть место жительства. Нарушение паспортного режима (утеря, просрочка, уход за пределы территории, разрешенной для посещения) автоматически означало превращение человека в преступника, подлежащего аресту и отправке на прежнее место жительства.

Всевозможные ограничения были непосредственно продиктованы не столько особой подозрительностью царя, сколько своеобразным преломлением в его сознании рационалистических идей. По мысли реформатора, конкретное приложение их к России требовало усилить всяческую опеку над обществом, расширить функции государства в жизни страны, сословий, каждого отдельного человека. Это все придавало государству Петра полицейский характер, если понимать под термином «полиция» не только некую репрессивную организацию, но, главным образом, налаживание во всех отношениях «регулярной» жизни подданных, начиная с устройства их домов по утвержденному чертежу и кончая тщательным контролем за их нравственностью и даже душевными движениями.

Здесь нет преувеличения или иронии. Петр провел, как известно, церковную реформу, выразившуюся в создании коллегиального (синодального) управления церковью. Уничтожение патриаршества отражало стремление Петра ликвидировать немыслимую при системе самодержавия «княжескую» (удельную) систему церковной власти. Объявив себя фактическим главой церкви, Петр уничтожил ее автономию. Более того, он широко использовал институты церкви для проведения полицейской политики. Подданные, под страхом крупных штрафов, были обязаны посещать церковь и каяться на исповеди священнику в своих грехах. Священник, также согласно закону, был обязан доносить властям обо всем противозаконном, что услышал на исповеди.

Столь грубое вторжение государства в дела церкви и веры самым пагубным образом отразилось на духовном развитии общества и на истории самой церкви. Превращение церкви в бюрократическую контору, охраняющую интересы самодержавия, обслуживающую его запросы, означало господство этатизма, уничтожение для народа духовной альтернативы режиму и идеям, идущим от государства. Церковь с ее тысячелетними традициями защиты униженных и поверженных государством, церковь, иерархи которой «печаловались» за казнимых, публично осуждали тиранов, стала послушным орудием власти и тем самым во многом потеряла уважение народа, впоследствии так равнодушно смотревшего на ее гибель под обломками самодержавия, а позже — на разрушение ее храмов.

Таков был экипаж корабля Петра. Теперь последний вопрос: куда же плывет этот корабль? Каковы цели царственного шкипера?

Внешнеполитическая концепция России в ходе Северной войны претерпела существенные изменения. Полтавское сражение четко делило войну на два этапа: с 1700 по 1709 г. и с 1709 по 1721 год. На

первом этапе, ставшем ввиду поражения под Нарвой оборонительным, военной инициативой владела Швеция, чьи полки заняли Польшу, Саксонию, вторглись в Россию. Поэтому Петр решал проблему сохранения и преобразования армии, накопления военного потенциала страны. Предпринимались также безуспешные попытки оживить парализованный победами Карла XII Северный союз (Дания, Саксония, Россия). На первом этапе войны Петр, воспользовавшись отсутствием крупных шведских сил в Восточной Прибалтике, сумел занять Ингрию и основать Петербург и Кронштадт.

Полтавская победа позволила Петру перехватить инициативу, которую он развил, укрепив свое положение в Ингрии, Карелии, заняв Лифляндию и Эстляндию, а затем вступив в Германию, где при содействии Дании, Саксонии, отчасти Пруссии и Ганновера было начато наступление на шведские владения в Померании. В течение неполных шести лет союзники вытеснили шведов из всех их заморских владений. В 1716 г. с их империей было навсегда покончено. Но в ходе раздела шведских владений отчетливо проявились изменившиеся под влиянием блистательных побед на суше и на море претензии России.

Во-первых, Петр отказался от прежних обязательств, данных союзникам, ограничиться старыми русскими территориями, отторгнутыми шведами после Смуты начала XVII в.,— Ингрией и Карелией. Занятые силой русского оружия Эстляндия и Лифляндия уже в 1710 г. были включены в состав России. Резко усилившиеся армия и флот стали гарантией этих завоеваний. Во-вторых, начиная с 1712 г. Петр стал вмешиваться в германские дела. Поначалу это было связано с борьбой против шведов в Померании, Голштинии и Мекленбурге, а затем, после изгнания их из Германии, Петр стал поддерживать (в том числе вооруженной рукой) претендовавшего на абсолютистскую власть мекленбургского герцога Карла-Леопольда, вступил в переговоры с Голштинией — соседним и враждебным Дании государством.

«Мекленбургский», «голштинский», а также «курляндский» вопросы стали источником повышенной напряженности на заключительной стадии Северной войны и даже после ее окончания, ибо Петр, властно вмешиваясь в германские дела, борясь с чуждыми ему влияниями Англии, Франции и Дании, с 1709 г. повел своеобразное «брачное наступление» в Европе: в 1709 г. племянница Петра Анна Ивановна стала герцогиней Курляндской, а ее сестра Екатерина — герцогиней Мекленбургской, сын Алексей был женат на принцессе Шарлотте-Софии Вольфенбюттельской; старшая дочь Петра стала невестой, а после смерти Петра — женой голштинского герцога Карла-Фридриха.

Ништадтский мир 1721 г. юридически оформил не только победу России в Северной войне, приобретения России в Прибалтике, но и рождение новой империи: очевидна связь между празднованием Ништадтского мира и принятием Петром императорского титула. Возросшую военную мощь царское правительство использовало для усиления влияния на Балтике. Несомненным дипломатическим успехом стало заключение союзного договора со Швецией, а использование «голштинского вопроса» позволяло влиять как на положение Швеции, чья королевская династия была связана с голштинскими владетелями, так и на Данию, от которой Россия добивалась отмены зундской пошлины при проходе кораблей через проливы. После смерти Петра продолжавшееся усиление притязаний России в Голштинии поставило ее на грань войны с Данией.

Петром двигали не только политические мотивы, стремление добиться влияния в Балтийском регионе, но и экономические интересы. Меркантилистские концепции, которые он разделял, требовали активизации торгового баланса; можно говорить о доминанте торговых задач в общей системе внешней политики России после Ништадтского мира. Своеобразное сочетание военно-политических и торговых интересов Российской им-

перии вызвало русско-персидскую войну 1722—1723 гг., дополненную попытками проникнуть в Среднюю Азию. Знание конъюнктуры международной торговли побуждало Петра захватить транзитные пути торговли редкостями Индии и Китая. Завоевание южного побережья Каспия мыслилось отнюдь не как временная мера. Присоединив к России значительные территории Персии (1723 г.), построив там крепости, Петр вынашивал проекты депортации мусульман и заселения прикаспийских провинций православными. Создание плацдарма на Каспии свидетельствовало о подготовке похода на Индию; своеобразный «индийский синдром», владевший многими завоевателями (ибо нет подлинной империи без богатств Индии), не миновал Петра. С той же целью была предпринята авантюристическая попытка присоединить к империи Мадагаскар, для чего в 1723 г. секретно готовилась экспедиция адмирала Д. Вильстера.

В целом за время петровского царствования произошла серьезная метаморфоза внешней политики России: от решения насущных задач национальной политики она перешла к постановке и решению типично имперских проблем. Петровские реформы привели к образованию военно-бюрократического государства с сильной централизованной самодержавной властью, опиравшейся на крепостническую экономику, сильную армию (численность которой продолжала возрастать после войны). То, что державный корабль Петра плыл в Индию, естественно вытекало из внутреннего развития империи. При Петре были заложены основания имперской политики России XVIII—XIX вв., начали формироваться имперские стереотипы.

ХУННЫ В АЗИИ И ЕВРОПЕ

Л. Н. Гумилев

Цивилизация II—IV веков. Древние историки охотно и подробно описывали события им известные, причем их осведомленность была довольно велика. Но если событий не было, то они и не писали. О появлении хуннов в Прикаспийских степях упомянули два древних географа, а потом — целых 200 лет о них в письменных источниках нет ни слова, а в конце IV в. целый фонтан сведений и сомнительных подробностей, ибо гунны начали воевать. Но коль скоро так, то значит с 160 по 360 г. они жили мирно, хотя это и не вяжется с привычным представлением о гуннах как о грабителях.

Растущая пустыня III в. избавила гуннов от южных соседей: аланов, хионитов, абаров и готов, а самое главное — от римлян, пребывавших в фазе обскурации. Солдатские императоры зависели от своих легионеров и приближенных, а те предпочитали свои интересы, корыстные или карьерные, государственным. Вот поэтому-то война в империи не затихала. Она шла иногда на границах с иноплеменниками, иногда с собственным населением — восставшим и подавляемым, но чаще всего легионы бились друг с другом. Страшная это штука — субпассионарность!

Но не все обитатели Римской империи были субпассионариями. Пассионариев, и весьма активных, в III в. стало появляться очень много, но они меняли стереотип поведения и тем самым выпадали из римского суперэтноса. Эти люди, происходившие от разных предков, разрывали и семейные традиции и культурные связи с современниками и даже некоторые взаимоотношения с законностью, в том виде, как она понималась в античном обществе. Например, Римская республика могла возбудить дело о преступлении, только получив донос от римского гражданина. А вот люди нового типа, те, которые становились членами христианских, митраистских и манихейских общин, объявили предательство худшим из возможных грехов. Взаимовыручка стала поведенческим императивом христиан.

Это было особенно существенно для военной службы, потому что исключало предательство боевого товарища или полководца, что языческие легионеры превратили в привычку или доходный промысел, ибо, по обычаю, новый император давал воинам денежный подарок. Из-за этого менять власть стало выгодно. Но митраисты, создавшие тайные группы именно в армии, категорически возбраняли своим членам «обман доверившегося». Митраисты были в милости у начальства. Культ «Непобедимого Солнца» исповедовали все солдатские императоры, включая Константина Великого.

Учение манихеев о том, что в основе лежит не вера, а знание, было одновременно и мистическим и атеистическим. Оно разрешало ложь, что

Окончание. Начало см.: Вопросы истории, 1989, № 6.

крайне облегчало им жизнь, потому что первое время на них смотрели как на безобидных болтунов. Правда, Диоклетиан воздвиг на них гонение, но вскоре оно загасло. А вот на христиан обрушилось девять жестоких гонений. И тем не менее, число их росло, и в легионах они составили самую боеспособную часть воинов, дисциплинированных и верных. Но христианские легионеры категорически отказывались сражаться против единоверцев. В 286 г. Максимин послал в Галлию X фиванский легион на подавление восстания багаудов, но он отказался от проведения экзекуций над христианами. Две децимации оказались безрезультатными, и тогда убили всех остальных солдат этого легиона [1].

Зато Константину христианские легионеры доставили престол и спасли жизнь. За это он дал эдиктом 313 г. веротерпимость христианам, а в 315 г. отменил распятие как позорную казнь и приказал сжигать тех евреев, которые возбуждают мятежи язычников против христиан [2]. Так, в Римской империи возникло из одного суперэтноса два, а это уже химера. Химера — образование хищное, но не устойчивое. Существует она до тех пор, пока не растратит всех богатств, накопленных минувшими этносами, жившими либо порознь, либо в симбиозе. Италики, эллины, галлы, иберы и пунийцы оставили такое наследство, что его хватило на 100 лет, но оно тоже кончилось. Ведь страну надо было защищать от соседей, более пассионарных, чем римляне. Эти последние вообще не хотели воевать; им больше нравилось интриговать и предаваться излишествам. Поэтому к V в. армия Римской империи состояла из наемных германцев, арабов и берберов, а римлянами были в ней лишь редкие офицеры, поставленные по связям в сенате, или фавориты императора.

Так же как от внешних, они не могли защищаться от внутренних врагов: манихеев, митраистов и христиан, но те, пренебрегая антипатией язычников, боролись между собой крайне активно. Особенно христиане! В истории церкви фаза этнического подъема просматривается очень четко. В Африке знаменем этнического подъема стал донатизм, в Испании в 384 г. был сожжен гностик-епископ Присциллиан, в Египте заспорили Арий с Афанасием. Ариане победили и крестили многих германцев, для которых арианство после торжества православия в 381 г. стало символом противопоставления римлянам.

Но во всех случаях на востоке империи шел быстрый процесс создания из конфессиональных общин сначала субэтноса, потом этноса, а потом суперэтноса — Византии, так как там появился избыток пассионарности. А на западе, где его не было, при тех же экономических, социальных и политических условиях, химера разваливалась на части, которые быстро теряли силу сопротивления. Безразличие и равнодушие оказались более патогенными факторами, чем фанатизм, авантюризм и драчливость. Поэтому Византия пережила многие беды, а Западная Римская империя погибла.

Варвары II—IV веков. В те годы, когда цивилизация разлагалась, к северо-востоку от римской рейнско-дунайской границы тоже шло брожение, но с другой доминантой. В середине II в. готы пересекли Балтийское море и погнали перед собой ругов и вандалов до самой дельты Дуная. Это был типичный пассионарный толчок, ось которого тянулась от южной Швеции, через Карпаты, Малую Азию, Сирию, до горной страны Аксума. Начиная с I в. народы, охваченные пассионарностью, вспыхивали и сгорали в войнах с еще неразложившимся Римом. Две войны вынесли даки, три — евреи, одну маркоманы и одну — квады.

Но готы, опоздавшие на старте, вышли победителями.

Механизм этого процесса прост: римская суперэтническая система разлагалась неуклонно, но медленно. Траян и Адриан еще могли побеждать, ибо у них были послушные и умелые воины; Марк Аврелий мог только удержать границу; Деций и Валериан терпели поражения от готов (251 г.) и от персов (260 г.). И дело было не в силах врагов, а в слабости римлян. Ведь Оденат, араб из Пальмиры, выгнал персов из Сирии, страны, через которую прошел пассионарный толчок. А до этого Сирия была наиболее развращенной и слабой из провинций империи. Откуда же взялась здесь такая сила? У Одената были толковые помощники и народ, обретший храбрость. Пассионарность — признак переносимый генетически и потому распространяющийся на широкие ареалы [3].

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном, до того бессильные и спивавшиеся, стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и неспособных отразить наступление римской армии Германика, даже после удачного истребления трех легионов Вара в Тевтобургском лесу, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки — свободные, саксы — ножовщики, алеманны — сброд, саевы — бродяги. Это были организации, созданные исключительно для войны, то есть военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили родовой строй.

Тем же толчком была задета территория, населенная предками славян: лугиями и венедами [4]. Они не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их. За короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом и добрались до Днепра, где встретились с племенем росомонов [5]. Позднее восточные славяне и росомоны слились в единый древнерусский этнос [6]. Но в III—IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию — Дакию. Кровь лилась в фазе этнического подъема не менее обильно, чем в фазе обскурации.

Так где же в эту эпоху — 160—360 гг.— царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Среднюю Азию? Кто умел избегнуть кровопролитий? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет: это гунны. Можно подумать, что античные географы просто не уделяли внимания кочевым народам. Но это не так. Об аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птолемей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин, да и то с чужих слов, которые стали актуальными лишь в конце IV века.

Аланы были одним из сарматских племен. Аммиан Марцеллин писал о них: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя» [8]. Об этом же сообщают китайские географы эпохи младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство — «Аланья» [9]. Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их была продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так, что тех вооб-

[1] Робертсон Дж. С. История христианской церкви. Т. I. СПб. 1890, с. 133.
[2] Там же, с. 170.

[3] Космическая антропоэкология: техника и методы исследований. В кн.: Гумилев Л. Н., Иванов К. К. Этносфера и космос. Л. 1984, с. 211.
[4] См. Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. М. 1893, с. 447—451.
[5] Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси.— Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1940, вып. VI, с. 5.
[6] Рыбаков Б. А. Древние русы.— Советская археология. 1953, т. XVII, с. 23—104; ср. Скржинская Е. Ч. Комментарии. В кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960, с. 279.
[7] «Поляне, яже ныне рекомая Русь» (Повесть временных лет).
[8] Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 274—279.
[9] Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х тт. Т. II. М.— Л. 1950, с. 229.

ще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксоланы и язиги, постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная [10], восточные, проходя через «Аланские ворота»,— Дарьяльское ущелье, вторгались в Арменню и Медию [11]. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали, а вот о гуннах, их соседях, даже успели позабыть. Это не может быть случайностью. Скорее это историческая загадка.

Смена цвета и времени. Изменения начались с природы Великой степи. В середине IV в. муссоны понесли тихоокеанскую влагу в пустыню Гоби, а циклоны — атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тяньшаня и Тарбагатая. Река Или наполнила водой впадину Балхаша; Сырдарья подняла уровень «болота оксийского», снова превратив его в Аральское море. Лесостепь поползла на юг, за ней туда же двинулась тайга. Сухие степи, бывшие доселе ареалом почти 200-летнего обитания гуннов, стали сокращаться, и их скоту стало тесновато. Однако давние мирные отношения между немногочисленными пришельцами (гуннами) и редким коренным населением Западной Сибири, видимо, повели не к конфликтам, а скорее наоборот — к углублению контактов и установлению политических союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена болгар и сабир носят приставку — «гунно». Причислять себя к гуннам в VI в. было гордо.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы. Во II в. они покидали прикаспийские равнины, усыхавшие у них на глазах. Но это были их земли. И когда разнотравные злаковые степи поползли на восток, аланам должно было показаться, что выходцы с берегов Орхона и Селенги не должны жить на берегах Волги и Яика. Конфликт аланов с гуннами был подсказан самой природой, меняющейся вечно и даже быстрее чем жизнь этноса или существование социальной системы.

Известно, что гунно-аланская война началась по устарелым данным в 350 г., а по уточненным — в 360 г.[12], и закончилась победой гуннов в 370 году. И это несмотря на то, что аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юечжам (согдам) и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в их удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы — лучшую пехоту III века.

За спиной у алан было громадное Готское царство, созданное Германарихом из рода Аманов. Оно простиралось от Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона [13]. Остроготы стояли во главе державы; визиготы, гепиды, язиги [14], часть вандалов, оставшаяся в Дакии [15], тайфалы, карпы, герулы [16], их южные соседи — скиры и северные — россомоны, венеды [17], морденс (мордва), мерене (меря), тьюдо (чудь), вас (весь) и другие были их подданными. Готам принадлежал и степной

[10] Из краткого упоминания о деяниях императора Тацита (275—276 гг.) видно, что аланы были в союзе с готами (Вебер Г. Ук. соч. Т. IV, с. 515).

[11] Медиа Атропатена — ныне Азербайджан.

[12] Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 270.

[13] Вебер Г. Ук. соч., с. 593.

[14] Визиготы и гепиды — западные ветви готов; язиги — сарматское племя в Паннонии.

[15] Другая часть вандалов, сдавшаяся римлянам, была поселена в Британии в 277 г. (см. Вебер Г. Ук. соч., с. 517).

[16] Тайфалы — германское племя, жившее в IV в. па Серете, союзники готов, но другого происхождения; карпы — племя на нижнем Дунае, Пруте и Серете, повидимому, дакийское, воевавшее в III в. с римлянами, будучи в союзе с остроготами; герулы — «скифское» (т. е. германское) племя, жившее у Азовского моря, покоренное Германарихом (Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 251—254, 279).

[17] Северные, т. е. прибалтийские славяне; южные назывались склавинами.

Крым, Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом они были надежными союзниками алан. Так что последние считали, что их тыл обеспечен. Наконец, у алан имелись крепости. Гунны же брать крепостей не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не смогли сделать ни римляне, ни персы?

Источники, то есть соображения людей IV в., ничего путного не сообщают. Они только констатируют некоторые факты, отнюдь не достаточные для решения задачи.

В поисках ответа на вопрос вернемся к географии. Циклоны, проходившие в III в. по полярной зоне, в середине IV в. вернулись в аридную. Следовательно, в начале IV в. они обильно оросили гумидную, то есть лесную, зону. Там постоянные летние дожди и зимние заносы снега, весной таявшего быстро и заболачивающего лесные поляны, были крайне неблагоприятны для хозяйства лесных этносов. Потому готам, успевшим продвинуться в степи, к берегам Черного моря, удалось установить гегемонию на большей части юга Восточной Европы [18]. Балтские (литовские) этносы оставили следы своего пребывания по всей лесостепной и лесной зоне, вплоть до Пензы. Венеды заняли область между Вислой и Лабой (Эльбой). Но возможно, что, сохраняя автономию, оба эти этноса находились в сфере готской гегемонии, ибо в неблагоприятных климатических условиях им было трудно собрать силы для борьбы за независимость.

Итак, Германарих создал лоскутную империю, прочность которой обеспечивалась только высоким уровнем пассионарности самих готов и низким ее уровнем у части покоренных ими племен. Ну, а у другой части — ругов, росомонов, антов?.. Этот вопрос надо рассмотреть особо.

Как добыть достоверную информацию? Это не просто. Если бы сохранившиеся источники, ныне изданные, переведенные и комментированные, давали толковый ответ на вопрос о первом столкновении Дальнего Востока с Крайним Западом, то нам было бы незачем писать эту статью. Но источники невразумительны. Поэтому на минуту отвлечемся от темы ради методики.

Хочется сказать слово в защиту Аммиана Марцеллина и его современников. Они писали чушь, но не из-за глупости или бездарности, а из-за невозможности проверить тенденциозную информацию. Ведь не мог же римский центурион ради научных интересов выправить себе командировку в Западную Сибирь?! Да если бы он даже смог туда поехать, то во время Великого переселения народов у него было слишком мало шансов уцелеть и вернуться, чтобы написать очередной том «Истории». Итак, критическое отношение к древним авторам — не осуждение их, а способ разобраться в сути дела. Но вот кого следует осудить, так это источниковедов XX в., убежденных, что буквальное следование древнему тексту есть правильное решение задачи, и вся трудность — только в переводе, который следует каждому историку выполнять самостоятельно.

Буквальный перевод, сделанный филологом, обязательно будет неточным, потому что без знания страны (географии), обычаев народа (этнографии) и его традиций (истории) передать смысл источника невозможно. Если же за дело берется историк, то он будет неизбежно подгонять значения слов и фраз под собственную, уже имеющуюся у него концепцию, а последняя всегда предвзята. Так, А. Н. Бернштам «сочинил» [19]

[18] Эти сведения Иордана вызывают сомнения у Скржинской (с. 268). Однако если считать, что венеды и айстии, т. е. славяне и балты (литовцы), находились на границе владений Германариха и подчинение их было формальным, как это часто бывало в средние века, то очертания его державы в представлениях древних и новых авторов расходятся только в деталях, т. е. в пределах допуска.

[19] Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.— Л. 1952, с. 88.

перевод текста надписи из Суджи и «родил», тем самым, великого завоевателя Яглакара, возникшего из неправильного перевода [20].

А какой выход предлагает С. Е. Малов? Цитирую: «Я придерживаюсь того, что сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским синтаксисом и грамматикой, после чего историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений» (с. 88). Автор этих строк вполне согласен с великим тюркологом. Историк и географ имеют право уточнять значения титулов и географических названий, которые в «Древнетюркском словаре» (Л. 1969) вообще не переведены. Например: «Болчу — название реки» (с. 112). Где эта река? Как называется теперь? В каком атласе ее можно найти? [21]. Филологу это неважно! Поэтому филологически правильный перевод — это сырье, требующее обработки.

Ну, а если добавить к переводу хороший комментарий, как сделали Д. С. Лихачев и Е. Ч. Скржинская? Этим способом можно достичь адекватного восприятия текста источника, или, что то же, понять взгляды, воззрения и интересы древнего автора: Нестора или Иордана. Но ведь у читателя XX в. совсем другие запросы, требования к предмету, интересуют его иные сюжеты: не как думал Нестор или Иордан о передвижениях готов и гуннов, а почему эти передвижения совершались? И какое место они занимают либо в обществоведении, либо в науке о биосфере, то есть в этнологии? Вот чтобы ответить на последний вопрос, написана эта статья. Потому в ней двухступенчатая система сносок предпочтена прямой: сноскам на источники, ибо тогда пришлось бы давать собственный комментарий, дублирующий уже сделанный. А это было бы неуважением не только к Дмитрию Сергеевичу и Елене Чеславовне, но и к многим другим историкам, труды которых были нами внимательно прочитаны и изучены.

Иными словами, соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Но в одном я позволю себе не согласиться с С. Е. Маловым. Он пишет: «Я буду очень рад, если историки будут заниматься переводом памятников, но только с соблюдением всех правил грамматики» [22]. Наверно, академик пошутил! Ведь это то же, что рекомендовать строителю высотного дома самому выплавлять сталь из железной руды, самому изготовлять двутавровые балки, самому поднимать их краном и уж потом водворять на место. Знание древнего языка для историка — роскошь. Ведь если он переведет текст иначе, чем филолог, ему надлежит отказаться от своего толкования. Филолог-то знает грамматику лучше.

А для обобщения язык источника вообще безразличен, ибо важен только смысл: война, мир, договор, поход — попросту говоря, событие. Оно-то и является тем «кирпичом», из которого сооружают дворцы, замки и халупы. Тут другой первичный материал и другая методика, которую, в отличие от «филологической», можно назвать «криминалистической». Подобно тому, как хороший сыщик использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения от закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, этническую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты смещений закономерности при контактах. Расширяя горизонты темы и отслоив факты от источника,

---

[20] Там же, с. 85—90.
[21] Болчу – ныне р. Урунгу в Джунгарии.
[22] Малов С. Е. Ук. соч., с. 88

этнолог может уловить связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, интересных и ему самому и читателю.

Поиски удовлетворительной версии, объясняющей преимущества гуннов в IV—V веках. Аммиан Марцеллин и Иордан объясняют победу гуннов над аланами их специфической тактикой ведения войны. «Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они... подчинили себе, обессилив частыми стычками» [23]. Почему же аланы не переняли тактику гуннов? У них было время — целых 200 лет. Гунны, как известно, разбивали и готскую пехоту, вооруженную длинными копьями, на которые легко поднять и коня и всадника, и наконец, у алан были крепости, которые гунны брать не умели. Так что версия обоих древних авторов недостаточна для выяснения сути дела.

Сравним теперь фазы этногенеза. Хунны и сарматы — ровесники. Оба этноса вышли на арену истории в III в. до н. э. Значит, 700 лет спустя они были в самом конце фазы надлома, причем хунны испытали феномен смещения — внешний разгром и раскол этнического поля. В этой фазе появляется много субпассионариев, разлагающих этно-социальную систему или являющихся балластом. У алан так и было, а хунны сбросили свой балласт сяньбийцам, и те быстро разложили сяньбийскую державу, вместо которой появились десять химерных этносов.

Но «неукротимые хунны», то есть пассионарии, оказавшиеся на западе Великой степи, нашли выход из крайне тяжелого положения. Вместо того, чтобы встречать и побеждать врагов, они стали искать друзей, где только было можно. И когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов было много друзей, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды. Вот что дал симбиоз!

Но он достижим лишь при наличии терпимости и взаимности. У субпассионариев первое бывает часто, но как следствие равнодушия, а второго не бывает вовсе, ибо они эгоистичны. Поэтому субпассионарии презирают и часто ненавидят своих соседей, и говорят о них так, как информатор Аммиана Марцеллина о гуннах. Чтобы установить симбиоз, надо иметь воображение и добрую волю, а эти качества на популяционном уровне соответствуют акматической фазе этногенеза, то есть молодости этноса. Гунны — это возвращенная молодость хуннов, хотя хватило ее только на 100 лет.

Готы тоже были молодым этносом, находившимся в фазе подъема. Но их держава была построена на принципе силы, без уважения к обычаям соседей и без симпатии ко всем, за исключением римлян. Последними готы восхищались и даже переняли религию потомков императора Константина Великого — арианство. Но поскольку большинство византийцев, то есть ромеев-христиан, держалось православия, готы оказались в изоляции и тут. Да и митраисты — анты, венеды и склавины, видимо, не испытывали восторга оттого, что ими управляли пришельцы, чуждые по крови и по религии.

В списке племен, якобы покоренных Германарихом, привлекают внимание руги и росомоны. Первые — это племя, вышедшее с «острова Скандзы» задолго до готов. Готы застали ругов на южном берегу Балтийского моря и на его островах, может быть, на острове, ныне именуемом Рюген. Готы погнали ругов и их соседей — вандалов на юг, до берегов Дуная, и неизвестно, удалось ли готам упрочить свою власть над ругами, или те сохранили самостоятельность, передвигаясь вверх по Дунаю до Норика.

---

[23] Иордан. Ук. соч., с. 91.

Руги интересны потому, что немецкие хронисты X в. называют киевскую княгиню Ольгу царицей ругов. Следовательно, в их глазах народ «Русь» был ветвью ругов. Иордан обитателей среднего Приднепровья называет росомонами [24]. Это, очевидно, предки древних русов [25], но каково их отношение к историческим ругам, рассеянным в V в. по Италии? Крайне соблазнительно признать росомонов за группу ругов, убежавшую от готов не на Дунай, вместе с прочими, а на Днепр. но доказать это невозможно, ибо росомоны упомянуты только у Иордана и один лишь раз. Зато ясно другое, росомоны, как и руги, вандалы и анты, были не в ладах с готами. Иордан называет их «вероломным народом» и считает их виновниками бед, постигших готов. Думается, что он прав.

Легенда об олене, или непредвиденная победа. К 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения ими аланов было очень далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского [26]. Но предгорные крепости аланов взяты не были, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам, базирующимся на водораздельные степи [27]. Низовья Дона обороняли эрулы, этнос, по-видимому не скандинавский, а местный [28], но покоренный Германарихом и впоследствии огерманившийся. В Италии, которую они покорили под предводительством Одоакра в 476 г., этот этнос известен как герулы. Эрулы отличались чрезвычайной подвижностью и высокомерием. Они поставляли соседям легкую пехоту. О столкновении их с гуннами сведений нет. Это указывает на то, что гунны не пытались форсировать низовья Дона. Они нашли иной путь.

Согласно сообщению Иордана, в 371 г. гуннские всадники увидели на Таманском полуострове пасущуюся там самку оленя и погнались за нею. Притиснутая к берегу моря олениха вошла в воду и «то ступая вперед, то приостанавливаясь» [29] перешла в Крым. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и «подобные урагану племен... захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии» то есть Северного Крыма [30]. Дальнейшее легко представить. Гунны прошли через степи до Перекопа и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сосредоточили свои войска на Дону, обороняя его

[24] Там же, с. 91.

[25] Рыбаков Б. А. Ук. соч.

[26] «По ту сторону Мэотиды» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 1).

[27] Средний Дон окаймляют три террасы. На нижней — прибрежный лес (тугай), на средней — степь с колками (рощами) — прекрасным укрытием для местных жителей и их отрядов. Донские казаки защищались здесь от ногайцев с XIII по XVIII век. Чтобы разбить казаков, ногайцам нужен был большой численный перевес. «Бесчисленные полчища гуннов» — плод фантазии европейских историков. Гунны в войне с аланами кормились охотой, и следовательно, могли передвигаться только малыми отрядами, совмещая охоту с войной. Да и было их до 370 г. очень мало. Положение изменилось потом.

[28] Источник Иордана, Аблавий, относит эрулов к «скифам». Историю вопроса см. (Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 89, 266—267); отождествление этнонимов «эрул — герул» — наша гипотеза.

[29] Иордан. Ук. соч., с. 90—91.

[30] Е. Ч. Скржинская комментируя «легенду об олене» солидаризируется скорее со скептиками, нежели с Иорданом и Зосимом, автором второй половины V века. Иордан приписывает трагический для готов переход гуннов через моря злым духам — предкам гуннов, а Зосим пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Танаисом ила, позволил им (гуннам) перейти пешком из Азии в Европу» (Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 271). Видимо, так оно и было. Изменение пути циклонов из Заполярья в степь в IV в. должно было вызвать бурную гумидизацию лесной зоны, где берут начало Волга, Дон и Днепр. При половодьях эти реки снесли в устья размытую почву и создали на Волге дельту, в низовьях Дона — бар. который впоследствии был размыт волнением Азовского моря и послужил материалом для отмелей в Керченском проливе.

высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог помешать развернуться на равнине Приазовья.

Автор V в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство» [31]. Конечно, тут не обошлось без преувеличений. Многие остроготы остались с гуннами и сражались на их стороне на Каталаунском поле, а потом против них на р. Недао. Но важнее другое: держава Германариха представляла собой не союз племен, а «лоскутную империю». Разбив остроготов, гунны дали возможность завоеванным готами племенам освободиться и, надо думать, рассчитаться с захватчиками.

М. И. Артамонов полагает, что «черняховская культура полей погребений» по своему характеру должна быть приписана готам. Она бытовала всего два века— III и IV. Даже если эта культура не была этнически монолитна, то есть включала готов, сарматов и, возможно, славян (антов), то остается фактом ее исчезновение в IV в., что совпадает с гуннским нашествием [32]. Доводы М. И. Артамонова убедительны, но остается только одно сомнение: черняховская культура размещена в лесостепи; гунны — степняки. Не помогли ли им местные славянские, литовские и угро-финские племена? От нашествия гуннов пострадали также эллинские города бывшего Боспорского царства, в том числе Пантикапей (Керчь). Эта область сохранила тень самостоятельности под римским верховным владычеством, но в IV в. была покинута римлянами на произвол судьбы. В эпоху Августа и Тиберия южнобережные города имели ценность как торговые центры. Степняки доставляли туда рабов и шкуры, а греки привозили вино и предметы роскоши [33]. Но в III в. готы заставили боспорцев предоставить им корабли для пиратских набегов на Малую Азию и Грецию [34]. После этого предательства римляне потеряли симпатию к Боспору. И когда пришли с Северного Кавказа гунны, они уничтожили все города бывшего Боспорского царства [35]. Почему же сдались эллинские крепости, если гунны осаждать и брать города не умели? Почему боспорцы даже пошли на почетную капитуляцию? Ведь гунны были достаточно покорны своему вождю Баламберу и, следовательно, дисциплинированны. Да и корабли у греков были, и море под боком... Немного энергии, и можно было отбиться или спастись!

Вот что такое фаза обскурации в процессе этногенеза. В этой фазе легче погибнуть, чем сопротивляться. А если бы и нашелся энергичный грек, предложивший способ спасения, то его бы постигла судьба Стилихона и Аэция [36], ибо таково действие статистических закономерностей этногенеза. Вследствие погрома, учиненного гуннами эллинским городам бывшего Боспорского царства, Восточно-Римская империя, становящаяся Византией, оказалась в числе врагов гуннов.

Пройдя Перекоп, гунны столкнулись не с обскурантами, а с этносами, находившимися в фазе подъема. Энергии у них было даже слишком много, но доминанты, которая бы направила эту энергию в заданное русло, не было. Германариху было уже 110 лет, и он в силу своей дряхлости не мог быстро находить выходы и применяться к изменившейся ситуации. Визиготы тяготились его властью, ибо их королей сделали просто «судьями» [37], лишив титулов и власти. Всеми силами старались

[31] Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб. 1893, с. 726.

[32] Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962, с. 46—51.

[33] Моммзен Т. История Рима. Т. V. М. 1949, с. 272.

[34] Там же, с. 211.

[35] Еще в 336 г. Боспор принадлежал римлянам, но вскоре Рим перестал заботиться о судьбе греков, живших в Крыму (см. там же, с. 268).

[36] Оба были предательски убиты по приказу императоров.

[37] Вебер Г. Ук. соч., с. 393.

добиться независимости и гепиды, но хуже всех было венедам (славянам). Росомонку Сунильду Германарих за измену супругу приказал разорвать на части дикими конями. Тогда ее братья, Сар и Аммий нанесли ему удар[38]. Хотя Германарих не умер и не выздоровел, но стал управлять делами как больной старик, т. е. очень плохо.

Еще до этого Германарих подчинил «достойных презрения» венетов[39], которые были многочисленны и пробовали сначала сопротивляться. Он подчинил также эстиев (литовское племя айстов)[40], приобретя таким образом еще одних подданных, которые ненавидели остроготов. Поскольку гунны, в отличие от готов, искали не врагов, а друзей, то все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт. В 375 г. Германарих, видя неизбежность гибели, вонзил в себя меч, а остроготы частью подчинились гуннам, а частью ушли к визиготам, твердо решившим не сдаваться. Они управлялись родом Балтов (храбрых), издавна соперничавших с королевским родом Амалов (благородных) и отчасти поэтому приняли решение, которое, как впоследствии оказалось, повело к этнической дивергенции: разделению одного этноса на два взаимно враждебных.

Гунны между тем продолжали идти на запад. Визиготы ждали их на Днестре. Отряд гуннов переправился через Днестр там, где не было охраны, напал на визиготов с тыла и вызвал у них панику. Большая часть готов бросилась бежать к Дунаю и там просила убежища у императора Валента. В 376 г. они, с разрешения властей империи, переправились через Дунай и крестились по арианскому обряду[41]. Меньшая, языческая часть визиготов во главе с Атанарихом укрепилась засеками в густом лесу (Гилее) между Прутом и Дунаем. Но, поняв безнадежность дальнейшего сопротивления гуннам, Атанарих договорился с императором Феодосием и в 378—380 гг. перевел свое войско на службу империи на правах федератов — союзников с автономным командованием.

Иначе сложилась судьба остроготов. Готы после гибели Германариха попытались вернуть себе независимость. Преемник Германариха Винитарий «с горечью переносил подчинение гуннам»[42]. В конце IV в. он попробовал «применить силу, двинул войска в пределы антов. В первом сражении он был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял их короля Божа с сыновьями его с семидесятью старейшинами»[43]. Как понять такое странное самовольство? Видимо, рассказ Евнапия о свирепости гунов является преувеличением. Иначе откуда бы взяться у остроготов большому войску, после того как в 376 г. ушли визиготы и увели часть остроготов, а гепиды, хоть и готское племя, но отделились от остроготов при первом же их ослаблении[44].

Анты были «многочисленны и сильны»[45]. Война с ними была трудной и, в конечном счете, гибельной. Это был как бы вызов гуннам путем ликвидации их союзника. В ответ на это через год после казни Божа, гуннский царь Баламбер, призвав на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, напал на Винитария и, после нескольких неудач, разбил и убил его в бою на р. Эрак (Нижний Днепр). После этого в степи наступил долгий мир.

---

[38] Иордан. Ук. соч., с. 91—92.

[39] «Хотя теперь (в VI в.— *Л. Г.*) они свирепствуют повсеместно»,— отмечает Иордан, имея в виду венетов (там же, с. 90). Вот граница пассионарного толчка. Венеты, а потом саксы и франки получили пассионарность от генетического дрейфа и, отстав на старте, выиграли на финише.

[40] См. Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 221.

[41] Валент был ревностным арианином.

[42] Иордан. Ук. соч., с. 115.

[43] Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 320.

[44] Там же, с. 206—208.

[45] Пожалуй, только это и бесспорно в антской проблеме. Все другие суждения историков об антах решительно расходятся. Я согласен с теми, кто считает антов славянами и предками полян.

Гунны в начале V в. продвинулись на запад, но без военных столкновений. На первый взгляд это удивительно, но посмотрим на ход событий и на историческую географию этносов Паннонии. В Дакии укрепилось готское племя гепидов, вождь коих Ардарих был личным другом Аттилы. Остроготы, ушедшие с визиготами в римские пределы, не ужились с ними. В 378 г. полководцы Алатей и Сафрах увели своих остроготов в Паннонию и поселили на берегах Дуная[46]. В 400 г. на этой реке появились гунны. Мятежный готский федерат Гайна, проиграв столкновение с населением Константинополя, бежал за Дунай, был схвачен гуннами и обезглавлен[47]. Около того же времени сын римского полководца Гауденция, Аэций, будучи заложником у гуннов, тоже подружился со своим сверстником Аттилой и его дядей Ругилой, который затем стал царем гуннов. Итак, гунны заняли Паннонию без войны, при поддержке многих племен, среди которых вероятно, были анты и руги. Так выглядело «губительное вторжение гуннских орд»?!

Но были у гуннов и враги. Точнее, это были враги союзных с гуннами племен. Это были свевы — враги гепидов, вандалы — враги ругов, бургунды и злейшие враги самих гуннов — аланы. Эти этносы покинули свою родину, страшась гуннов. В 405 г. они ворвались в Италию. Вождь их, Радагайс дал обет принести в жертву богам всех захваченных сенаторов, но сам был окружен войсками Стилихона, предан и казнен. Только этот поход и можно считать последствием гуннского нажима на этносы Европы. А ведь Великое переселение народов по общепринятому мнению началось в 169—170 г. с маркоманской войны[48], перехода готов «из Скандзы», но никак не с появления в заволжских степях гуннов.

Главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 года. Тем не менее переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно; венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули, поскольку климатический сдвиг от вековой засухи к повышенному увлажнению степной зоны, вызвал расширение сибирского леса и лесостепи к югу. Полоса сухих степей сузилась, а значит, сузился и гуннский ареал.

Экстенсивное кочевое скотоводство требует больших пространств с редким населением. Лошади и овцы, привыкшие к степным травам не могут жить на лесных, влажных кормах, а тем более добывать корм из-под глубокого снега. Следовательно, необходимы сенокосы, а этого ремесла гунны не знали. Поэтому они сдвинулись на территории завоеванные, где было можно использовать труд покоренных аборигенов. Но тех надо было либо держать в страхе, для чего у малочисленных гуннов не было сил, либо компенсировать их военной добычей. Европейские пассионарные варвары знали, что компенсацию они могут получить только в Римской империи. Но, без должной организации, их вторжения были сначала неудачны, потом полуудачны: римляне впустили бургундов в долину Роны, вандалов, свевов и аланов — в Испанию, визиготов — в Аквитанию, франков — в Галлию, но остальные варвары тоже хотели урвать свою долю римского пирога, а умный правитель, как известно, считается с пожеланиями масс. Ругила был правителем умным и осторожным. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал империи свои войска для подавления багаудов в Галлии. Но он умер в 434 г., и власть перешла к Аттиле и Бледе — детям его брата Мундзаука.

Аттила, Аэций и фазы этногенеза. История европейских гуннов уже написана и куда подробнее, чем это можно сделать в одной статье. Но никто из историков не ставил при этом задачи пока-

---

[46] Иордан. Ук. соч., с. 92.

[47] Там же, с. 301.

[48] Вебер Г. Ук. соч., с. 310.

зать уникальное соотношение возрастов этноса, то есть поставить проблему как соотношение старца, юноши, мужа в расцвете сил и пожилого многоопытного человека. А в это жуткое 20-летие, когда решались судьбы этносов Европы и даже путей развития культур, ситуация была именно такова.

В V в. римский суперэтнос находился в фазе обскурации: он почти переставал существовать. Но Восточная Римская империя была сильна, ибо многие обитатели Малой Азии, Сирии и Армении находились в акматической фазе этногенеза. Там прошла ось пассионарного толчка, и христианские, гностические и манихейские общины всосали в себя тех пассионариев, которым была противна самовлюбленная античная пошлость. Они спорили друг с другом, проповедовали свои учения всем, желавшим слушать, интриговали и защищали стены своих городов, что давно разучились делать те, кто оставался язычниками. И в отличие от германцев у них была этническая доминанта, философема, переданная им неоплатониками. Эта философема не существовала в глубокой древности, ни в эллинской, ни в иудейской, ни в египетской. Первым неоплатоником был Христос. Однако этим энергичным пассионариям мешали субпассионарии, расплодившиеся за три века имперского благополучия и изобилия. Они отнюдь не были «низами» общества. Многие из них пролезали на высокие и средние должности. Но где бы они ни находились, они разъедали тело римской цивилизации, не желая думать о завтрашнем дне, а тем более — о неизбежном конце.

Выслушаем беспристрастного современника событий. В 448 г. Приск Панийский в ставке Аттилы, где он был в составе посольства, встретил грека, одетого в «скифские» одежды и записал его слова: «Бедствия, претерпеваемые римлянами во время смутное, тягостнее тех, которые они терпят от войны... ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дела, тот должен понести налагаемое законом наказание». Приск возразил, что законы римлян гуманнее и «рабы имеют много способов получить свободу». Грек ответил: «Законы хороши, и общество прекрасно устроено, но властители портят его, поступая не так, как поступали древние»[49].

Итак, грек отметил вариабельность стереотипа поведения как главный фактор, дающий людям жить. Культура — стабильна, а римский суперэтнос уже вступил в последнюю фазу: мечтатели оплакивали уходящую культуру, а подонки ее проедали. И пока готы не разредили античного населения в Македонии, Фракии и Элладе настолько, что подготовили пустые места для славян, то есть до VI в., Византия была заключена в городских стенах, а Гесперия[50], где эти стены пали, вообще исчезла с карты мира.

Германцы, ровесники византийцев, не имели такой культурной традиции, способной объединить их в суперэтническую целостность. Наоборот, пассионарный толчок, не будучи направлен, разорвал даже те связи, которые у них были в первые века н. э. Чтобы объединиться им было нужно начальство; и они нашли его в гуннах. Гунны, как и их соперники — аланы и хунны в Северном Китае, переживали фазу надлома, или неуклонного снижения пассионарного напряжения этнической системы. На этом фоне достоинства отдельных личностей меркли. Лишенные своей экологической ниши, они были вынуждены получать необходимые им продукты как дань или военную добычу. На чужой земле они превратились в хищников, которые вынуждены охотиться на соседей, чтобы не погибнуть, и пользоваться услугами этносов, на них непохожих и им неприятных, но крайне нужных.

---

[49] Дестунис Г. С. Сказания Приска Панийского. СПб. 1861, с. 55—58.
[50] Западная Римская империя; это ее название забылось к VI веку.

Пассионарность их была разжижена из-за иключения в их среду многочисленных угро-финнов, за счет коих они пополняли потери в боях. Угро-финны были очень храбры, выносливы и энергичны, вполне лояльны гуннским вождям, но сердце их билось в другом ритме, их собственном, вследствие чего они образовали гунно-угорскую химеру. До V в. их сочетание не носило такого характера, ибо они жили в разных экологических нишах: в степи и в лесу. А когда историческая судьба задвинула их в окруженную горами долину Дуная да еще добавила к ним кельтов-бастарнов, дакийцев-карпов, сарматов-язигов и кое-какие роды славян, то все изменилось и отнюдь не к лучшему. На этом фоне и развернулись события, связанные с деятельностью Аттилы и Аэция.

Аттила был невысок, широкоплеч, с темными волосами и плоским носом. Борода у него была редкая. Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, булгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Сначала Аттила делил власть со своим братом Бледой, но в 445 г. убил его и сосредоточил власть в своих руках. При совместном их правлении гунны, а точнее — присоединившиеся к ним племена, совершили набег на Балканский полуостров и дошли до стен Константинополя. Они сожгли 70 городов, от Сирмия до Наиса. Но добыча их была меньше ожидаемой, так как на полуострове уже дважды похозяйничали визиготы. В 447 г. Феодосий II заключил с Аттилой унизительный для империи мир, обязался платить ежегодную дань и уступил южный берег Дуная от Сингидуна до Наиса, но сменивший Феодосия Маркиан расторг этот договор в 450 г., заявив, что его подарки — для друзей, а для врагов у него есть оружие.

Но Аттила был дипломатом, он рассчитал, что на западе он достигнет больших успехов и решил двинуть свои войска в Галлию. Для похода был повод — просьба принцессы Гонории обручиться с нею и, что важнее — союзники: один из франкских князей, изгнанный из своего отечества и король вандалов — Гензерих, взявший столицу провинции Африки — Карфаген. Отупевших и опошлившихся римлян можно было не бояться, но хорошо продуманный поход дал неожиданный результат. У Аттилы оказался противник, достойный его и по личным качествам и по уровню пассионарности — Аэций.

Аэций, сын германца и римлянки, был представителем нового поколения, новой породы пассионариев, которое подняло раннюю Византию. Красивый, сильный мужчина, он не имел равного в верховой езде, стрельбе из лука, метании дротика. Честолюбие и властолюбие было лейтмотивом его бурной биографии. На его глазах мятежные легионеры убили его отца, он дважды был у гуннов, то как заложник, то как изгнанник. Он свободно говорил на германских и гуннском языках, что располагало к нему легионеров, среди которых уже не было уроженцев Италии. Карьеру он сделал быстро, но ревность к славе и власти породила в нем вражду к наместнику провинции Африки — Бонифацию, честному, доброму и способному «последнему римлянину» как потом назвал его историк Прокопий[51].

---

[51] Так же он назвал и Аэция, но тут с ним нельзя согласиться. По характеру, страстности, отсутствию патриотизма и авантюризма Аэций больше ранний византиец, чем поздний римлянин. И родился он на берегах Нижнего Дуная, а не Тибра или По. Ни он не любил италиков, ни они его.

Аэций оклеветал Бонифация и спровоцировал его на мятеж. Бонифаций в 429 г. пригласил на помощь вандалов из Испании, но те, как водится, захватили провинцию Африку для себя. Бонифаций вернулся в Рим и оправдался, ибо, действительно, потеря Африки была вызвана интригами Аэция. Тогда Аэций, командовавший войсками в Галлии, двинулся на Рим. Бонифаций, командуя правительственными войсками, разбил Аэция, но, раненный в бою, скоро умер (432 г.). Аэций же бежал к гуннам, где его принял Ругила, но после его смерти вернулся и в 437 г. вторично стал консулом. В третий раз он получил эту должность в 446 году. До тех пор многократно консулами бывали только императоры [52]. Но ведь только Аэций умел заставить варваров сражаться за ненавистный им Рим.

Аэций и Аттила стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых было чуждо своим правителям и по крови и по религии, да и по этническому облику. Во главе восточной коалиции германо-славяно-угорских племен стоял гунн, потомок древнейших тюрков; во главе западной — германо-кельтско-аланской — римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев. Варвары, вторгшиеся в начале V в. в Галлию: визиготы, бургунды, аланы, арморики (кельты из Валлиса, переселившиеся на материк в V в., после чего занятый ими полуостров был назван «Бретань»), франки и отчасти алеманны были усмирены Аэцием, который мобилизовал их друг против друга. Движение багаудов Аэций подавил с помощью гуннских отрядов, присланных ему Аттилой. И Аттиле пришлось подавлять сопротивление своих подданных акациров — «старшего войска» [53], подстрекаемого византийскими лазутчиками [54].

Аттила и Аэций в детстве были приятелями. Ссориться им было незачем. Но правители зависят от масс не меньше, чем те от них. А в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в состоянии покоя. В Византии рост пассинарности породил борьбу церковных направлений, а в среде варваров — войну, в которую были втянуты гунны и Рим, хотя воевали в основном германцы.

В о й н а 450—472 гг. и э т н о г е н е з. Каждое явление истории может быть рассмотрено в различных ракурсах, не подменяющих, а дополняющих друг друга: в социальном, культурном, государственном и т. д. Нам, для нашей темы, нужен этнический аспект. Посмотрим, какие же этносы сражались под руководством Аттилы? «В его войске были, кроме гуннов, бастарны, скиры, остроготы, гепиды, герулы, руги, алеманны, часть франков, бургундов и тюрингов [55]. Здесь перечислены только германские и кельтские этносы, а прочие объединены, видимо, под названием «гуннов», в том числе — биттогуры, или «черная угра» [56], анты, которые как союзники гуннов не могли не участвовать в походе. Список этносов, самоуправляющихся, независимых друг от друга и связанных только политическими договорами, никак нельзя именовать «племенным союзом» как это часто делается.

Равным образом не было «племенным союзом» войско, собранное Аэцием: визиготы, аланы, арморианцы, саксы, часть франков, бургундов и какие-то литицианы, рипарии, олибрионы [57]. Но возникает вопрос: если этих людей не гнали в бой их короли, то зачем они пошли на войну? Без этнологии объяснить нельзя. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. Нам понятна ситуация, когда люди хотят сидеть дома, а начальники гонят их в бой. При

[52] С к р ж и н с к а я Е. Ч. Ук. соч., с. 302.
[53] А р т а м о н о в М. И. Ук. соч., с. 56, прим.
[54] Там же, с. 55.
[55] В е б е р Г. Ук. соч., с. 670.
[56] Е в р о п е у с Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда славян. СПб. 1874, с. 3.
[57] С к р ж и н с к а я Е. Ч. Ук. соч., с. 307.

подъеме пассионарности, напротив, — люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии делают то же самое, только без цели и без смысла.

На пути в Галлию гунны (точнее разноплеменное войско Аттилы) разбили бургундов и уничтожили их королевство, затем, разрушая все города на своем пути, дошли до Орлеана и отступили от него. В 451 г. на Каталаунской равнине гунны приняли бой с подошедшими войсками Аэция. Битва была кровавой, но победа не далась никому. Аттила отступил, Аэций его не преследовал. В 452 г. Аттила возобновил войну. На этот раз он вторгся в Италию и взял самую сильную крепость — Аквилею. Поскольку сами гунны крепостей брать не умели, тут, очевидно, постарались остроготы и гепиды. Разграблена была вся долина По. Медиолан и Павия сдались, чтобы, отдав имущество, сохранить жизнь людей. Аэций имел слишком мало войск для отпора гуннам.

Римляне просили мира и предложили Аттиле громадный выкуп за уход из Италии. Аттила принял предложение, ибо в его войске возникла эпидемия, и гунны покинули Италию. В 453 г. Аттила женился на бургундской красавице Ильдико, но умер в брачную ночь. А в следующем, 454 г., гуннская держава развалилась, и в том же году император Валентиниан собственноручно заколол Аэция во время аудиенции. Римляне говорили, что император левой рукой отрубил себе правую. В 455 г. вандальский король Гензерих взял Рим и отдал город на разграбление своим воинам. Дальнейшая история Италии — это агония уже даже не этноса, а его осколков.

Именование Аттилы «бичем Божиим» совсем не оправдано. Конечно, он был человек волевой, умный и талантливый, но так зажатый этнической ситуацией, что ради спасения себя и своего народа вынужден был плыть по течению. Гунны в Паннонии были окружены со всех сторон враждебными подданными; поэтому они оказались на поводу у большинства, которое их не любило. На Каталаунском поле напор Аэция удержали не союзники гуннов, а их богатыри, которые полегли на поле боя. В Италии много гуннов умерло от эпидемии в непривычном климате. Восполнить потери было некем, ибо акациры Северного Причерноморья были ненадежны.

Наследство, оставленное Аттилой, было губительно для его сыновей и близких. Его заслуга перед своим народом только в том, что он отдалил гибель гуннов на 20 лет, а среди европейцев оставил о себе память едва ли не мифическую. Но Великое переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось и после их исчезновения.

Итак, Аэций и Аттила на персональном уровне — талантливые герои, на этническом — индикаторы контактных ситуаций, на суперэтническом — детали грандиозных процессов, бессильные их исправить или изменить. Однако суперэтнические процессы не только можно, но нужно изучать, как метеорологию или сейсмографию. Так, своевременно зная о цунами, можно уйти в горы и спастись. А это далеко не бесполезно.

Т р и п о р а ж е н и я. Смерть Аттилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда, после похорон, сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинявшиеся Аттиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «в ней можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана... с тяжелым, а герула — с легким оружием» [58].

[58] И о р д а н. Ук. соч., с. 118.

Кто был за кого? Из текста Иордана это неясно. Известно, что остроготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были и аланы, то есть язиги. А вот руги и свевы? Видимо, они были за гуннов, потому что позже, в 469 г. они бьются против готов на р. Болии[59]. А поскольку Одоакр покорил часть ругов, то надо полагать, что герулы, на которых он опирался, были врагами ругов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были, конечно, ясны. В этой битве погиб любимый сын Аттилы — Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья Эллака Денгизих и Ирник увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остроготы заняли опустевшую Паннонию, а руги ушли в Норик (кроме тех. которые нашли приют в Византии).

Гунны продолжали войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те в свою очередь были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир... и желают вместо них быть союзниками империи»[60]. Ныне названия у перечисленных здесь народов расшифрованы[61]. Сарагуры, оногуры и уроги — угры, предки древних болгар; савиры — этнос самодийской группы[62], населявший окраину сибирской тайги; абары — джунгарское племя[63]. Разгромив акациров, болгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно вынужденную событиями на юго-востоке? И почему эта война стала возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними лежала пустыня. Вспомним, что в середине IV в. изменили путь своего прохождения атлантические циклоны[64]. Они начали смещаться к югу и увлажнять уже не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легко проходимой. Тогда-то события, происходившие в Средней Азии, и отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

Казалось бы, повышенное увлажнение Великой степи — благо, но для савиров оно обернулось бедой. Значительная часть их покинула родину. Они побеждали, но не могли пользоваться плодами побед. Те, которые по западному берегу Каспийского моря прошли в Иран, были вынуждены отдавать свои жизни на службе у персидских шахов или византийских императоров[65]. Северные савиры ославянились по языку, но долгое время боролись с россами и антами[66].

Итак, оптимизация природных условий Великой степи привела к беде три этноса: савиров, болгар и акациров. Циклоны, проходя через лесную зону, наполнили влагой истоки Волги и ее притоков, из-за чего уровень Каспия поднялся на 3 м и образовалась волжская дельта, которую заселили выходцы с низовий Терека — хазары[67]. Природа вечно

[59] Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 341.
[60] Дестунис Г. С. Ук. соч., с. 87.
[61] Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа. В кн.: Страны и народы Востока. Вып. II. М. 1961, с. 106—109.
[62] См. Артамонов М. И. История хазар, с. 69—78.
[63] Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Чебоксары. 1960, с. 542, 549, 553.
[64] Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза).— Народы Азии и Африки, 1966, № 4.
[65] Артамонов М. И. Ук. соч., с. 60—78.
[66] Шевченко Ю. Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы. Л. 1977, с. 39—58.
[67] Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М. 1966, с. 63—64.

меняет ландшафты и их наполнение — этносы. Подобно всем природным неуправляемым системам, этносы возникают как определенные целостности и исчезают, теряя системные связи. А люди? Они входят в состав иных этносов и продолжают жить, забывая утраченное прошлое. Конечно, такие перемены не безболезненны. Процессы этногенеза, как жизни организмов, дискретны: они имеют начала и концы.

Катастрофа. После болгарского удара в спину — разгрома акациров — положение гуннов стало безнадежным. Но гунны сохранили древнюю тюркскую доблесть и угорское упорство. Так как оба предка обучили потомков не бояться смерти в бою, то Денгизих продолжал войну с готами. Его поддержали три гуннских племени (ултзинзуры, биттогуры, бардоры) и одно германское, враждебное готам, ангискиры[68]. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Недао[69]. Готы напали на садагов в 60-х годах V в., но Денгизих совершил поход на город Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в степи Поднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам — врагам не только гуннов, но и Византии, Денгизих попытался в 468 г. наладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему? Потому что готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378—468 гг.) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы (македонцы, фракийцы, многие эллины, часть иллирийцев) просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем, готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами[70], они охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством империи в жертву воинственным варварам.

На Западе свев Рицимир, на Востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной, ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть (пассионарность). Но Восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в своих руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 469 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и отправил его голову в Константинополь.

Официальная версия событий гласила, что гунны совершили набег на Византию. Но гунны были тогда окружены: с запада им грозили готы, с востока — болгары, с севера — савиры. Могли ли они начать новую войну? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, за это можно было получить благодарность от готов. Поэтому и было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда в 471 г. Аспар был убит и гвардейцы его перебиты исаврийскими войсками, находившимися под командой будущего императора Зинона, выяснилось, что гунны переходят Дунай вовсе не для войны, а чтобы вступить в подданство империи. Им

[68] Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 340.
[69] Там же, с. 333.
[70] Арианство, принятое готами случайно — при их договоре с императором Валентом в 376 г., затем стало символом этнического самоутверждения восточных германских племен, знаменем, противопоставленным православию, которому покровительствовал враг готов — император Феодосий I. Конечно, догматические разногласия были непонятны безграмотным готам. Но люди, в критических фазах этногенеза, думают не об этом, а о том, где свои, а где враги? При этнических контактах исповедание только индикатор связи; положительной или отрицательной.

были выделены земли в Малой Скифии (Добрудже)[71]. И на этом их история кончилась. Их сменили племена ранних болгар — кутургуров и утургуров, а также и огоров (угров). В VI в. степи до Дона и берега Черного моря подчинили тюркюты, которым помогли хазары.

Связь времен и традиций. Китайская историко-географическая традиция сохранила смутное сведение об «отрасли дома Хунну от Западного края (так назывался в древности бассейн Тарима.— *Л. Г.*) на Запад». Это, безусловно, слух о державе Аттилы, то есть гуннах, но легенде начисто истребленных соседями; уцелел лишь один 9-летний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица ушла на Алтай, спряталась в пещеру и родила там десять сыновей. По прошествии нескольких поколений некто Асяньше (Аслан-шад) вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана. Дальше идет история каганата, включающая наряду с изложенной легендой еще две версии происхождения тюркютов (древних тюрок), хотя и менее романтичных, но более вероятных и, по-видимому, более верных.

Разумеется, понимать легенду буквально — неправомерно. Но важны отдельные детали, сохраненные ею. Мальчик брошен в болото — похоже на озеро Балатон, около которого гунны потерпели сокрушительное поражение. Венгерское его название произошло из славянского «болото», так что гуннский перевод верен. Волчица, родившая от искалеченного ребенка десять сыновей — образ такой же, как «галльский петух», или «английский леопард» Плантагенетов. Пещера, в которой скрылись потомки волчицы — центральная часть Горного Алтая, место весьма пригодное для укрытия. И наконец, тюркские ханы сами себя считали по психической структуре волками, и слово «ашина» обозначало у них «благородный волк», хотя корень слова — монгольский.

Этот сюжет был введен в китайскую хронику как одна из версий тюркского этногенеза, но на самом деле это поэма, а не история. Подумать только: перед нами четверной перевод. Гуннский вариант переведен на древнетюркский язык, тот — на китайский, а последний — на европейские языки. Известно, что каждый перевод поэтического текста снижает его эстетическое достоинство на порядок. Так поэма превратилась в изложение сюжета, как если бы кто-либо составил сухой пересказ «Песни о Нибелунгах», убрав из нее все поэтические удачи. «Песнь о Нибелунгах» здесь приведена не случайно. Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и ее потомках, только сохранилась западная версия полнее, потому что пергамент лучше сопротивляется губительному Хроносу, чем береста.

Но что дает этот скудный пересказ науке; стоит ли эта недостоверная информация того, чтобы уделять ей внимание? Пожалуй, стоит. Она показывает, что при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось, что этническая традиция, она же — сигнальная наследственность, была не нарушена и, наконец, что западный поход Истеми-хана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II в., т. е. что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости, ибо гуннам и тюркютам предательство гепидов и сарагуров представлялось именно таковым. Эстетическое восприятие прошлого — это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершили потому, что незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновляли их.

Так сомкнулись две нити повествования: историко-географическая и этнологическая, причем первая подтвердила правильность второй.

---

[71] Иордан. Ук. соч., с. 120; Скржинская Е. Ч. Ук. соч., с. 336.

ДЕЛО РЮТИНА

И. Б. Шишкин

Сталин «уходит в тень». Как явствует из литературы (книга Ем. Ярославского, «Краткий курс» истории ВКП(б), биография И. В. Сталина, статьи по истории СССР и ВКП(б) в дополнительном томе первого издания БСЭ и пр.), о каких-либо действиях или выступлениях Сталина, относящихся к 1932 г., нигде не упоминается. «Послесталинская» литература тоже подтверждает этот факт[1]. Временный уход Сталина в «тень» объяснялся не только крахом его линии в экономике, определенным хозяйственными провалами в ходе коллективизации, но и своего рода политическим кризисом, связанным с «делом Рютина».

При жизни Сталина организацию Рютина называли по-разному. Первое и официальное название — «контрреволюционная группа Рютина, Иванова, Галкина и др.»[2]. Другие названия: «контрреволюционная группа Рютина и др.»; «контрреволюционная группа Рютина, Галкина, Иванова, Каюрова и др.»; «рютинско-слепковская антипартийная группировка»; «контрреволюционная группа Рютина—Слепкова и др.»[3]. Самоназвание этой группы — «Союз марксистов-ленинцев». Ниже используются как идентичные два названия: «группа Рютина» и «Союз марксистов-ленинцев».

«Дело Рютина» было столь таинственным и, видимо, для кого-то опасным, что о нем вообще очень мало писали до Великой Отечественной войны и почти никогда не упоминали после ее окончания. Рютина нельзя было даже ругать в печати. Л. Д. Троцкого и упоминали, и критиковали, и ругали, и проклинали; о Рютине же с 1941 по 1988 г. просто молчали. Его фамилия называлась лишь в связи с борьбой с «правым уклоном» в Московской партийной организации в 1928 году[4]. Говорилось, что секретарь одного из московских райкомов ВКП(б) Рютин в октябре того года был снят с работы[5]. Но это еще не «дело Рю-

---

ШИШКИН Игорь Борисович – член Союза журналистов СССР.

[1] Ярославский Ем. История ВКП(б). Ч. 2. М. 1935; История ВКП(б). Краткий курс. М. 1938; Краткая Советская энциклопедия. М. 1943; Сталин.— БСЭ. Т. 52. М. 1947; БСЭ. Том «СССР». М. 1947; История КПСС в 6-ти тт. Т. 4, кн. 2 (1929—1937 гг.). М. 1971; Советская историческая энциклопедия. Т. 13, с. 783; Лацис О. Перелом.— Знамя, 1988, № 6, с. 148; и др.

[2] Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г.— Правда, 11.X.1932; см. также: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е. Ч. II, с. 822; Большевик, 1932, № 19, с. 86.

[3] Волин Б. Зиновьев.— БСЭ. Т. 27. М. 1933, с. 48; Ярославский Ем. Ук. соч., с. 275; Правда, 13.I.1933; БСЭ. Т. 46. М. 1940, с. 672.

[4] В 1932 г. писали, что группа Рютина выступала «под обманным лозунгом» «марксизма-ленинизма» (Волин Б. О штрейкбрехерах Октября и пособниках контрреволюции.— Большевик, 1932, № 19, с. 86).

[5] История КПСС в 6-ти тт. Т. 4, кн. 1 (1921—1929 гг.). М. 1970, с. 553—554.

тина» 1932 года[6]. Событие это было в конце концов забыто. Даже профессиональные историки имели о нем смутное представление.

Между тем выступление М. Н. Рютина, В. Н. Каюрова и их сторонников в 1932 г.— одно из важнейших событий во внутрипартийной борьбе начала 30-х годов, требующее углубленного изучения и осмысления. Круг источников ограничен, а сами источники не подвергнуты критическому анализу. Мы намеренно не используем здесь показания подследственных, выбитые у них палачами Н. И. Ежова в 1936—1938 годах. Главное внимание обращено на такие аспекты истории «Союза марксистов-ленинцев», как состав его членов, реакция Сталина на их выступление и последствия деятельности группы Рютина. Особая линия — участие в этом деле троих Каюровых: Василия Николаевича, Александра Васильевича и Наталии Павловны. Первый — мой дед по матери, второй — дядя, третья — жена дяди. Семейные воспоминания и предания тоже использованы нами, хотя с максимальной осторожностью. Начнем с того, как реагировал Сталин на выступление «Союза марксистов-ленинцев».

«**Два подхода» Сталина.** Можем ли мы утверждать, что знаем что-либо о реакции Сталина на «дело Рютина»? Да, ибо новейшими работами уже установлено, как Сталин лично переделывал и фальсифицировал историю социалистической революции, Коммунистической партии и Советского государства. С 1931 г., то есть со времени публикации письма Сталина с критикой статьи А. Слуцкого в журнале «Пролетарская революция» (1931, № 6), литература по истории партии жестко контролировалась или лично Сталиным, или его доверенными лицами. Никакая публикация о «Союзе марксистов-ленинцев», выступившем против режима личной власти, не могла появиться в свет без его ведома. Вот почему, анализируя материалы печати о «деле Рютина», можно составить себе представление о реакции Сталина на него. Первая реакция: многих лиц, неугодных генсеку, оппозиционеров действительных и мнимых, когда ему надо было сместить или убрать, стали облыжно связывать с «делом Рютина». В те годы не было ничего более страшного, чем обвинение в связях с Рютиным или хотя бы в знании его платформы.

Вскоре после разгрома «Союза марксистов-ленинцев» Эйсмонта, Толмачева и А. П. Смирнова обвинили в том, что они выступали против партии «подобно рютинско-слепковской антипартийной группировке»[7]. Г. Е. Зиновьева клеймили за то, что он был «пособником контрреволюционной группы Рютина»[8], а Г. Я. Сокольникова — за то, что он стоял на позициях «рютинской платформы»[9]. Когда дело дошло до уничтожения Н. И. Бухарина, главным оказалось — связать его с «делом Рютина». Бухарин отлично понимал это; поэтому, диктуя жене письмо «Будущему поколению руководителей партии», старался откреститься: «О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было».

В официальных изданиях говорилось, что «право-троцкистский блок» сформировался в 1932—1933 годах. В эту мифическую организацию зачислили едва ли не всех, кого Сталин хотел уничтожить, в первую очередь: Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, многих других[10]. То же утверждение

[6] Лишь в «Полном собрании сочинений» В. И. Ленина «дело Рютина» упоминается в примечаниях к фамилиям В. Н. Каюрова (т. 36, с. 662) и Н. А. Угланова (т. 52, с. 508).

[7] Правда, 13.I.1933.

[8] Волин Б. Зиновьев, с. 51.

[9] Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М. 1937, с. 71, 190.

[10] История ВКП(б). Краткий курс, с. 309—312, 331—332; БСЭ. Т. 46. М. 1940, с. 667—673; Политический словарь. М. 1940, с. 458; БСЭ. Т. 55. М. 1947, с. 44, 46.

насчет «блока» повторяется во 2-м издании БСЭ — в томе, который вышел уже после смерти Сталина, но до XX съезда партии[11]. Так как в 1932 г. никаких других оппозиционных внутрипартийных группировок в СССР, кроме рютинской, реально не существовало, значит, именно она (согласно замыслу Сталина) явилась той организацией, на базе которой сформировался «право-троцкистский блок».

Казалось бы, что в таком случае о «деле Рютина» надо было бы говорить и писать, громить и проклинать! Ведь членов «Союза марксистов-ленинцев» обвиняли в том, что они «разложились», стали «врагами коммунизма и Советской власти», «предателями партии и рабочего класса», пытались создать «буржуазную, кулацкую организацию» с целью «восстановления в СССР капитализма и, в частности, кулачества» (из Постановления Президиума ЦКК ВКП(б) 1932 г.). Но случилось нечто на первый взгляд непостижимое: Сталин постарался, чтобы о «деле Рютина» забыли.

Вторая реакция Сталина: обвиняя многих своих противников, действительных и мнимых, в связях с Рютиным и в солидарности с «рютинской платформой», он, однако, не афишировал группу Рютина, ее состав и программу. Более того, постепенно упоминания о «деле Рютина» становились все более редкими, а потом и вообще исчезли из истории партии. В 1-м издании БСЭ (статьи «Диктатура пролетариата», т. 22, 1935; «Классы и классовая борьба», «Коллективизация сельского хозяйства», т. 33, 1938; «Контрреволюция», т. 34, 1937; «Кулачество», т. 35, 1937) о группе Рютина нет ни слова, хотя, казалось бы, авторы этих статей, обвиняя многих деятелей партии во всех грехах, прежде всего должны были назвать именно членов «Союза марксистов-ленинцев». Ведь это как раз о них говорили, что они — контрреволюционеры, выступают за роспуск колхозов и совхозов, восстановление кулачества и реставрацию капитализма, против диктатуры пролетариата. Самое удивительное: «контрреволюционной группы Рютина» нет в «Кратком курсе»[12].

После Великой Отечественной войны упоминания о «деле Рютина» практически исчезли из литературы. Его нет в статьях «Советский период истории СССР» и «ВКП(б)», помещенных в дополнительном томе БСЭ, целиком посвященном описанию СССР (М. 1947). Зная о том, что Сталин создавал свой вариант истории партии, мы можем уверенно сказать: он почему-то не любил говорить о «Союзе марксистов-ленинцев», а в последние годы своей жизни пришел к выводу, что об этом деле вообще лучше не вспоминать. И если в 1-м издании БСЭ Рютин и рютинцы, насколько нам удалось установить, упоминались четырежды (т. 27, с. 51; т. 46, с. 672; т. 58, с. 373; т. 60, с. 557), то во 2-м, которое начало выходить еще при жизни Сталина,— ни разу. Инерция умолчания продолжала действовать вплоть до 1988 года. Мы не найдем «дела Рютина» ни в 8-м издании сборника «КПСС в резолюциях», ни в шеститомной «Истории КПСС», ни в издании 3-м БСЭ, ни в Советской исторической энциклопедии (тт. 1—16. М. 1961—1976). Только в 1989 г. по этому «делу» впервые помещена статья (Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М. 1989). Чтобы понять, почему Сталин счел нужным «забыть» о «деле Рютина», обратимся к составу «Союза марксистов-ленинцев» и его программе, к тем лицам, кто его создал.

Время создания, руководители, участники. Когда был создан «Союз», сколько в нем было членов и кто, не состоя в «Союзе», знал о нем — на эти вопросы достаточно точные ответы можно будет

[11] БСЭ. Т. 34. М. 1955, с. 363, 366.

[12] М. Н. Рютин упомянут там только как сторонник «группы Бухарина — Рыкова» в связи с борьбой с «правыми» в Московской партийной организации.— История ВКП(б). Краткий курс, с. 281.

дать лишь после публикации и анализа всех документов, связанных с его историей. Ныне можно высказать лишь предварительное мнение.

После «великого перелома» 1929 г. Сталин все больше отходил от ленинских принципов руководства страной, норм партийной жизни и коммунистической морали, злоупотреблял своим высоким положением, проявлял переходившую всякие рамки грубость к товарищам по партии, полную нетерпимость к критике. Ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии в связи с культом его личности, вызывала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Если в 1932 г. «Союз марксистов-ленинцев», включивший в свой состав именно таких людей, был уже разгромлен, значит, его зарождение можно отнести к более раннему времени.

Изучая биографию своего деда, я обратил внимание на то, что в 1923—1930 гг. В. Н. Каюров печатался почти непрерывно, опубликовав 18 статей, очерков, рецензий и заметок в журнале «Пролетарская революция», ряд статей и очерков в газетах, а также книги «Петроградские рабочие в годы империалистической войны» (М. 1930) и «Сормово в первой революции» (Н.-Новгород. 1930). И вдруг в 1931 г. замолчал: не появилось ни одной оригинальной его статьи, только в двух сборниках увидели свет отрывки из ранее опубликованных работ. Что же случилось? Я предположил, что он переключил свою энергию на что-то другое.

Рютин последний раз подписал в свет газету «Красная Звезда» 2 марта 1930 года. В том же году его исключили из партии по ложному доносу и в 1931 г. судили за организацию контрреволюционной группы и антисоветскую агитацию, но тогда оправдали. По нашему мнению, в 1931 г., причем независимо друг от друга, возникли две близкие по взглядам группы — Рютина и Каюрова, которые на совещании 21 августа 1932 г. объединились в «Союз марксистов-ленинцев».

Мартемьян Никитич Рютин родился в 1890 г. в Сибири, член большевистской партии с 1914 г., в 1918 г.— командующий Иркутским военным округом. После падения Советской власти в Сибири сражался с белыми в партизанском отряде. В декабре 1919 г.— член ревкома в Новониколаевске, в 1921 г.— секретарь Иркутского губкома партии, в 1923 г.— Дагестанского обкома партии, в 1924—1928 гг.— Краснопресненского райкома партии в Москве. Решительно выступал против троцкистской и зиновьевской оппозиций. В 1928 г. был снят с поста секретаря райкома как сторонник взглядов Бухарина, Рыкова и Угланова. Неоднократно избирался делегатом партийных съездов и конференций; в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК партии.

Василий Николаевич Каюров родился в 1876 г. в с. Тереньга Симбирской губернии, член РСДРП с 1899 г., с 1903 г.— большевик, член Сормовского и Нижегородского комитетов РСДРП, участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Сормове, один из видных деятелей большевистского подполья 1912—1917 гг. в Петрограде. Во время Февральской революции — один из руководителей общегородской стачки и вооруженного восстания в Петрограде, в результате которых было свергнуто самодержавие. В 1917—1918 гг.— активный участник Октябрьской революции, фактический руководитель Выборгского районного Совета, член Выборгского райкома РСДРП(б) и штаба Красной гвардии. В годы гражданской войны — заместитель начальника и начальник политотдела 5-й армии Восточного фронта, затем — уполномоченный Сибревкома, председатель Сибирской краевой комиссии ЦКК РКП(б) по чистке партии. С 1926 г. трудился в Москве, в Институте Ленина и партархиве. О его литературной деятельности мы уже сказали, добавим лишь, что он был широко известен в ту пору своими воспоминаниями о В. И. Ленине, которые много раз издавались в 1924—1931 годах. Ленин так писал о Каюрове: «великолепный питерский рабочий, старый партийный товарищ»; «мой старый знакомый, хорошо известный питерским рабочим»; нужны «вожди» «à la Каюров»; в гражданскую войну, как свидетельствует удостоверение, подписанное Лениным, Каюров выполнял «важнейшие государственные поручения»[13].

Рютин и Каюров были давно знакомы друг с другом. В 1920 г., когда второй, будучи уполномоченным Сибревкома, руководил постройкой Кольчугинской железной дороги, к нему на ст. Бочаты приезжал Рютин. Около вагона, в котором жил Каюров с семьей, проходили совещания со специалистами; на них бывал Рютин, в то время секретарь райкома партии[14]. В наиболее ранних документах, относящихся к «Союзу марксистов-ленинцев», организаторами группы, наряду с Каюровым и Рютиным, называли П. А. Галкина и М. С. Иванова; последний был секретарем «Союза»[15]. Галкин работал директором 28-й Московской типографии, Иванов — руководителем группы народного контроля Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Другими организаторами группы, согласно терминологии Постановления Президиума ЦКК, были П. М. Замятин, П. П. Федоров, В. И. Демидов и С. В. Токарев.

В названном Постановлении А. Н. Слепкова не отнесли к организаторам группы, а обвинили в «содействии» распространению «контрреволюционной литературы». Последующее переименование «группы Рютина — Галкина — Иванова» в «рютинско-слепковскую антипартийную группировку»[16] преследовало, по-видимому, цель подчеркнуть близость учеников Бухарина к «Союзу марксистов-ленинцев», чтобы нанести удар и по Бухарину, и по его ученикам. Между тем Слепков не принадлежал к числу руководителей «Союза».

В Постановлении Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. названы следующие участники «Союза марксистов-ленинцев» и их «пособники»: М. Н. Рютин, П. А. Галкин, М. С. Иванов, П. М. Замятин, П. П. Федоров, В. И. Демидов, В. Н. Каюров, А. В. Каюров, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, М. И. Мебель, Г. Е. Рохкин, Б. М. Пташный, С. В. Токарев, Н. И. Васильев, Н. П. Каюрова, К. А. Замятина-Черных, Н. И. Колоколов, В. Б. Горелов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Я. Э. Стэн, П. Г. Петровский, Н. А. Угланов, М. Е. Равич-Черкасский. Кроме того, в 1932—1933 гг. по «делу Рютина» были привлечены к уголовной ответственности В. Л. Лисянская, И. С. Розенгауз, Я. В. Старосельский, Б. А. Карнаух, П. А. Сильченко, И. Н. Боргиор, А. С. Зельдин, А. И. Козловский[17].

Сколько же всего членов было в «Союзе марксистов-ленинцев»? Думается, что на такой вопрос вряд ли можно ответить точно: трудно представить себе, чтобы такой опытный подпольщик, как В. Н. Каюров, вел списки членов «Союза». Арестованы были не все, кое-кто уцелел. Некоторые коммунисты знали о группе Рютина и его платформе, но активного участия в деятельности «Союза» не принимали. В любом случае в нем было не менее 33 человек, хотя скорее всего их было больше, особенно тех, кто разделял рютинскую платформу, но активного участия в делах «Союза» не принимал.

Об этом свидетельствует, в частности, такой факт. В 1961 г. наша семья подала в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС просьбу о реабилитации В. Н. Каюрова. В то время его дочь Людмила Васильевна поддерживала контакты с большевиками-выборжцами И. А. Поповым,

---

[13] Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 43; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 521; т. 50, с. 124; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6, с. 58.

[14] Каюрова Л. В. Хроника семьи Каюровых.— Личный семейный архив автора.

[15] Правда, 11.X.1932; Большевик, 1932, № 19, с. 86; № 20, с. 45.

[16] Правда, 13.I.1933.

[17] Правда, 5.VIII.1988.

О. А. Стецкой, М. В. Фофановой, А. А. Бабицыным. Неоднократно Фофанова, Бабицын и Попов ходили в КПК и беседовали там с инструктором, ведшим дело В. Н. Каюрова, и, объясняя инструктору позицию Каюрова, практически излагали ему рютинскую платформу [18]. Следовательно, о группе Рютина и ее взглядах знало больше людей, чем попало к следователям ОГПУ. Поэтому утверждение, что «Манифест» Рютина был известен «разве что дюжине лиц особого гражданского мужества», ошибочно [19].

В связи с вопросом о количестве людей, знавших о «Союзе марксистов-ленинцев» и о рютинской платформе, напомним о письме Бухарина «Будущему поколению руководителей партии», где он утверждал, что ничего не знал «о тайных организациях» Рютина и Угланова. Однако можно не знать об «организациях» и разделять взгляды их руководителей. Полагаем, что Бухарин должен был знать рютинскую платформу, в разработке которой участвовали многие его ученики. Нам следует учитывать высокую информированность не только высшего, но и среднего эшелона руководителей ВКП(б), а особенно — тесные связи между представителями старой ленинской гвардии, складывавшиеся годами. Иначе почти 300 делегатов XVII съезда ВКП(б) не смогли бы договориться в 1934 г., чтобы проголосовать против кандидатуры Сталина. Стихийное совпадение мнений маловероятно. Во всяком случае, в той или иной степени о взглядах Рютина и Каюрова наверняка знала часть старых большевиков, проживавших в Москве.

Состав «Союза марксистов-ленинцев». Один из самых важных вопросов — состав группы. Документы и выступления руководителей партии подчеркивают тот кардинальный факт, что «Союз марксистов-ленинцев» объединял представителей различных фракций, существовавших в большевистской партии послеоктябрьского периода. «Группа Рютина — Галкина — Иванова и др.» сомкнулась с «исключенными из партии троцкистами и другими антипартийными элементами», как утверждала редакционная статья «Правды» [20]. В докладе на пленуме МК и МГК ВКП(б) 8 октября 1932 г. Л. М. Каганович говорил, что в группе Рютина были люди «из контрреволюционного троцкистского и правоуклонистского лагеря» [21]. В группе Рютина, как отмечал С. М. Киров в докладе на общегородском собрании Ленинградской организации ВКП(б) в тот же день, сомкнулись «осколки разбитых партией оппозиций — правые и «левые» оппортунисты» [22].

Анализ списка участников группы Рютина, приведенного в Постановлении Президиума ЦКК, показывает, что среди 25 человек насчитывалось (согласно характеристикам этого документа): бывших троцкистов — 3, левых (зиновьевцев) — 3, правых (бухаринцев) — 8, эсеров — 1, бундовцев — 1. Наконец, если подтвердится, что В. Н. Каюров поддерживал связи с бывшей «рабочей оппозицией», в чем его обвиняло Постановление Президиума ЦКК, то значит в «Союзе марксистов-ленинцев» объединились представители всех основных направлений в партии, существовавших после Великого Октября. Вот первая особенность состава группы Рютина.

Из списка следует, что людей, так или иначе участвовавших в оппозиционных течениях, было 14; еще двое в прошлом состояли в других партиях; итого 16. А остальные 9? Тут заключена вторая примечательная особенность состава «Союза марксистов-ленинцев»: участие в нем людей, которые до того никогда ни в каких оппозициях не состояли.

---

[18] Каюрова Л. В. Ук. соч. Рассказ выборжцев о визитах в КПК она записала в 1961 году.

[19] Книжное обозрение, 7.X.1988.

[20] Правда, 11.X.1932.

[21] Правда, 12.X.1932.

[22] Правда, 14.X.1932.

К таковым относятся прежде всего В. Н. и А. В. Каюровы, М. С. Иванов. Складывалась такая картина: положение дел в партии и государстве стало, очевидно, настолько тяжелым, что против режима Сталина выступили и те, кто никогда не принадлежал к каким-либо оппозиционным течениям. Объяснить поведение Рютина можно было просто: вот человек, исключенный из партии, сторонник «правого уклона» («не разоружился», как было принято говорить в те времена), вновь выступил против генеральной линии ВКП(б).

Рютина было сравнительно легко «подать публике». Но как объяснить выступление В. Н. Каюрова? Ведь еще недавно в печати о нем говорили как об одном «из виднейших и преданнейших делу революции петербургских рабочих» [23], одном из «лучших руководителей нашей партии»; только что его очерк о выступлении Ленина публиковался в «Правде»; лишь год назад Каюров и Сталин мирно соседствовали на страницах массового сборника [24]. Типичный представитель питерской рабочей гвардии, не замешанный ни в каких антипартийных действиях, тоже выступил против существующего режима? Это было нежелательно для Сталина, так что Каюрова в связи с делом Рютина вскоре вообще перестали упоминать.

Конечно, не имея сейчас реальных биографических данных о всех членах «Союза марксистов-ленинцев», мы не можем судить об их социальном происхождении. Однако если к кадровым рабочим принадлежали В. Н. и А. В. Каюровы, то в группе были и другие представители трудящихся. Рютин происходил из сибирских крестьян; сыном батрака был Я. Э. Стэн.

Добавим, что в «Союзе» участвовали видные деятели молодежного движения: П. Г. Петровский и А. В. Каюров, которые в 1918 г. были в числе руководителей Союза социалистической рабочей молодежи Петрограда; Я. Э. Стэн, еще недавно работник аппарата ЦК ВЛКСМ; известный в свое время деятель молодежного движения в Сибири Н. П. Ершова, которая в 1922 г. вышла замуж за А. В. Каюрова и приняла его фамилию. О ней настолько забыли, что в недавно вышедшей книге по истории комсомола Алтая ее фамилия даже не упоминается [25]. В связи с «делом Рютина» о Н. П. Каюровой в печати лишь сообщалось, что она печатала «контрреволюционные документы группы» [26], а работала она тогда в объединении «Экспортмасло». Между тем Ершова была отнюдь не только женой Каюрова и хорошей машинисткой. В 1918 г. она вступила в подпольную (в белогвардейском тылу) молодежную организацию г. Змеиногорска, в 1920 г. стала членом РКП(б), в 1920—1921 гг.— член уездного комитета ВЛКСМ в Змеиногорске, секретарь горкома комсомола г. Барнаула и член губернского комитета комсомола, в октябре 1921 г., как писала она в «Автобиографии», «отозвана на работу в областной комитет комсомола в г. Новосибирск», где работала инструктором комсомола Сиббюро ЦК ВКП(б) до апреля 1922 года [27].

Итак, «Союз марксистов-ленинцев» объединил представителей почти всех основных фракций ВКП(б), бывших эсеров, бундовцев и ряд старых большевиков, которые до того ни к каким оппозициям не принадлежали; заметно и присутствие деятелей молодежного движения. Неверно было бы считать данную группу неким единым партийным антисталинским фронтом, но зачатком такой организации называть ее можно.

Программа. Пока невозможно в деталях реконструировать про-

---

[23] Ленинниана. Т. 1. М.— Л. 1926, с. 158.

[24] Красная летопись, 1927, № 2(23), с. 39; Каюров В. По поводу одного доклада В. И. Ленина.— Правда, 20.I.1929; От подпольного кружка к пролетарской диктатуре. Вып. V. От Февраля к Октябрю. М.— Л. 1931 (статья Сталина — с. 156—158; Каюрова — с. 159—162).

[25] Очерки истории Алтайской организации ВЛКСМ. Барнаул. 1988.

[26] Правда, 11.X.1932.

[27] Каюрова (Ершова) Н. П. Автобиография.— Личный семейный архив автора.

грамму «Союза марксистов-ленинцев», ибо неясно, какие идеи действительно принадлежали его членам, а какие — плод бумаготворчества сотрудников ОГПУ. Однако в целом взгляды группы Рютина известны. Начнем с анализа публикаций, появившихся в свет сразу же после разгрома «Союза». В них утверждается, что «контрреволюционная группа Рютина» имела своей целью: 1 — создать подпольную буржуазную организацию; 2 — распустить колхозы и совхозы; 3 — восстановить кулачество; 4 — сдать социалистические предприятия в концессию капиталистам; 5 — реставрировать в СССР капитализм [28]. Это — как бы общее место. Но в одном документе есть нечто такое, чего нет в других. Редакционная статья «Правды», помещенная в том же номере газеты, что и Постановление Президиума ЦКК ВКП(б), содержит два положения, которые отсутствуют в прочих материалах. Видимо, человек, писавший статью, случайно либо намеренно проговорился. Повторив те же обвинения в адрес группы Рютина, безымянный автор добавил: «Острие их злобной «критики» направлено теперь против того руководства, которое на протяжении ряда лет показало свою верность ленинизму, социалистической революции, Коммунистическому Интернационалу». То есть против сталинского руководства.

Обвинения членов «Союза марксистов-ленинцев» в том, что они стали «врагами коммунизма и Советской власти», «предателями партии и рабочего класса», абсурдны сегодня не только для нас, уже многое знающих о событиях тех лет и о методах борьбы сталинистов с противниками. Абсурдность этих обвинений была очевидна даже для тех, кто арестовывал и судил членов «Союза». Если бы хоть одно из этих обвинений содержало зерно истины, участников группы Рютина тут же расстреляли бы. Но этого не случилось. А Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, пришла к такому выводу относительно «Союза марксистов-ленинцев»: «Каких-либо данных об антисоветской преступной деятельности привлеченных к ответственности лиц в материалах дела не имеется. Что же касается их политических воззрений и теоретических взглядов, изложенных в программном документе, то они носили дискуссионный характер и не содержали призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» [29].

Члены «Союза марксистов-ленинцев» боролись против отступления от ленинского кооперативного плана, против фактического разгрома крестьянства и сверхиндустриализации. В целом группа Рютина разделяла бухаринские взгляды на ход развития экономики. Однако сказать, что члены «Союза» стояли просто на бухаринских позициях, значит сказать далеко не все. В. Н. Каюров еще в годы гражданской войны выступал за соглашение с трудовым крестьянством и против отношения к нему, как к врагу Советской власти. В июле 1918 г. он обращал внимание на то, что главная причина озлобления крестьянства против большевиков — прекращение свободной торговли и установление твердых цен на хлеб; при встрече с Лениным в Москве 11 июля он предложил «увеличить цены на хлеб» [30]. 22 апреля 1920 г. Каюров и рабочий Серебров, встретившись с Лениным, внесли предложение прекратить забирать продовольствие у крестьян: «Нужно было ослабить ремни и искать какой-нибудь другой выход» [31]. Это было, вероятно, одно из первых предложений от членов РКП(б) об изменении политики военного коммунизма.

Направленный на работу в Сибирь, В. Н. Каюров убедился там в бесперспективности продразверстки: «Репрессивные меры против восставших и изъятие всего наличия излишков хлеба заставили мужика перейти к пассивному сопротивлению. Он начал сокращать размеры посева, доводя его только до нормы, необходимой для удовлетворения своих нужд» [32]. В Сибири в 1920—1921 гг. Каюров старался действовать не принуждением, а убеждением, о чем рассказал в своих воспоминаниях [33]. 1 марта 1921 г. он написал Ленину большое письмо, в котором обосновал необходимость отмены продразверстки и введения подоходного налога [34]. Ленин внимательно прочел письмо и 24 марта ответил Каюрову, попросив его написать о том, «как сибирские крестьяне встречают налог» [35]. Уже в 1928 г., когда дочь Каюрова уезжала на практику в Пензенскую губернию (она училась в Тимирязевской сельскохозяйственной академии), Василий Николаевич сказал ей: «Не вздумай там мужиков учить, сама приглядывайся да учись у них, как землю обрабатывать» [36].

Как видим, В. Н. Каюров в течение многих лет неизменно выступал в поддержку крестьянства. Когда в конце 20-х — начале 30-х годов он увидел, что Сталин круто изменил политику, отошел от нэпа и стал проводить репрессивные меры против крестьянства, силой «учить» мужика жить, это вызвало сопротивление старого большевика. Имеется еще одно, ранее неизвестное свидетельство о взглядах В. Н. Каюрова и его друзей. Как уже говорилось, Фофанова, Бабицын и Попов в 1961 г. пытались сдвинуть с места реабилитацию Каюрова и в КПК так излагали взгляды Василия Николаевича начала 30-х годов: «Каюров был не против коллективизации вообще, а против коллективизации в той форме, в которой она совершалась... Следует сначала создавать простейшие формы кооперации — Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ)... Наряду с развитием фабрик и заводов надо развивать и производство товаров народного потребления, ибо без этого невозможен нормальный товарооборот между городом и деревней» [37].

Кроме того, члены «Союза» были против зажима внутрипартийной демократии, против неограниченной власти генсека. Особенность рютинской платформы — ее заостренность против Сталина. В этом состояло ее отличие от позиции «правых» во главе с Бухариным, которые воздерживались от прямой атаки на личность Генерального секретаря ЦК партии. В то же время, если Рютин с кем-то и говорил о физическом устранении Сталина, то с уверенностью можно утверждать, что «Союз марксистов-ленинцев» в принципе такой задачи не ставил. Ни один, даже официальный, документ 1932—1933 гг. не обвинял членов «Союза» в подготовке террористических актов.

Выше мы высказали предположение, что «Союз» возник из двух групп. Не исключено при этом, что их воззрения на практическую деятельность могли различаться: группа Каюрова придерживалась более умеренных взглядов, группа Рютина — более радикальных. Имеются косвенные доказательства этого.

Однако почему же все-таки Сталин не любил вспоминать о «деле Рютина» и в конце концов пришел к выводу, что выгоднее о нем вообще забыть? Основных причин, полагаем, четыре: ясно выраженная антисталинская направленность программы «Союза марксистов-ленинцев»; участие в «Союзе» людей, до того не входивших ни в какие оппозиционные группировки и считавшихся типичными представителями рабочего класса и старой большевистской гвардии; объединение в «Союзе» почти всех партийных фракций, то есть создание организации, вокруг которой

[28] Правда, 11.X.1932; Большевик, 1932, № 19, с. 86; № 20, с. 45.
[29] Правда, 5.VIII.1988.
[30] Каюров В. Мои встречи и работа с В. И. Лениным во время революции.— Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 38, 41.
[31] Там же, с. 53—54.

[32] Там же, с. 55.
[33] Каюров В. Встречи с Владимиром Ильичем.— Пролетарская революция, 1925, № 8, с. 162—163.
[34] Полностью опубликовано в: Пролетарская революция, 1924, № 3, с. 56—58.
[35] Ленинский сборник XX, с. 72; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 106.
[36] Каюрова Л. В. Ук. соч.
[37] Там же.

мог сложиться единый фронт против режима Сталина; привлекательная для широких масс экономическая программа. Вот почему Сталин приложил усилия, чтобы о «деле Рютина» забыли.

Практическая деятельность «Союза». Разгром. Как отмечалось выше, безымянный автор газетной редакционной статьи от 11 октября 1932 г. проговорился дважды. О первой обмолвке уже упоминалось, а вторая может показать, чем на практике занимались члены «Союза марксистов-ленинцев»: они «келейно» обсуждали и распространяли «контрреволюционные документы». Члены «Союза», соблюдая элементарную конспирацию, старались ограничить число людей, знакомых с их документами.

Летом 1932 г. дочь В. Н. Каюрова Людмила Васильевна зашла к брату Александру, который жил во дворе «Эрмитажа» (Москва, Каретный ряд, д. 3: там разрабатывали, обсуждали и печатали на машинке часть документов, созданных членами «Союза марксистов-ленинцев»). Брат, как вспоминает Каюрова, «пошел провожать меня. По дороге попросил перепечатать ему какой-то материал, сказав, что его жена Наташа отказалась это сделать. Я ответила согласием, совершенно не представляя, что это за материал. Из театра я вернулась в квартиру отца [38] поздно, положила сверток на стол, а утром поставила машинку, заложила бумагу, но предварительно стала просматривать материал. Прочитала 2—3 страницы, там писалось что-то о политической обстановке в стране (точно не помню, что именно). В это время в комнату вошел отец и спросил, что я печатаю. Выслушав мой ответ, отец отобрал у меня материал, сказав, что печатать не надо» [39].

В доме самого В. Н. Каюрова тогда делать что-либо незаметно было невозможно из-за присутствия двух взрослых сыновей — Петра 22 лет и Виктора 20-ти. В квартире же Александра летом детей обычно не было: сын Саян, 10 лет, жил на даче деда в Раздорах, около Барвихи, а дочь Лиана, 8 лет, лечилась от туберкулеза в детском костно-туберкулезном санатории им. Боброва в Алупке. Л. А. Каюрова вспоминает: летом 1932 г. в Москве перед отъездом в Алупку «у меня началось обострение болезни, я просыпалась ночью от боли. Я видела, как мать (Н. П. Каюрова-Ершова.— *И. Ш.*) что-то печатала на машинке, а дед и отец ходили по комнате и разговаривали. Видя, что я проснулась, дед брал меня на руки и так часами носил по комнате, что-то диктуя Наташе» [40]. Это воспоминание дочери Александра и внучки Василия Николаевича — едва ли не единственное сохранившееся свидетельство о том, как и где члены «Союза» готовили свои документы.

Долго оставаться на свободе членам «Союза» не позволили: ОГПУ быстро напало на след группы. Видимо, это произошло после того, как от составления документов перешли к их распространению. 20 сентября 1932 г. на квартире П. А. Сильченко, где хранились документы «Союза марксистов-ленинцев», был произведен обыск, а в последующие дни арестовали бо́льшую часть членов группы. Постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. 24 человека (члены «Союза» и их «пособники») были исключены из рядов партии; 25-й, Рютин, был исключен ранее. Коллегия ОГПУ определила членам группы сроки заключения от 3 до 8 лет. Есть данные, что Сталин потребовал расстрела Рютина, но Политбюро не согласилось, и Рютин был осужден на 8 лет. Погиб он в 1937 или 1938 году.

Сталин никогда не забывал, что лично против него выступила целая организация и что его окружение не проявило тогда единодушия при

[38] В то время В. Н. Каюров, его жена и два сына жили в доме «Общества старых большевиков» на ул. Герцена, 54.
[39] Каюрова Л. В. Ук. соч.
[40] Последнее свидание с отцом и дедом (запись нашей беседы с Л. А. Каюровой.— Личный семейный архив автора).

разборе «дела Рютина». Именно этим, вероятно, и объясняется содержание телеграммы Сталина и Жданова из Сочи в Политбюро от 25 сентября 1936 г., в которой выражается сожаление, что «в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока» ОГПУ опоздало «на 4 года» [41].

В 1932 г. В. Н. и А. В. Каюровых выслали на три года в Бирск (Башкирская АССР). После окончания срока ссылки в марте 1936 г. В. Н. Каюров внезапно умер. Принято считать, что от инфаркта или инсульта. Скажу здесь, однако, что мой дед обладал великолепным здоровьем и практически никогда и ничем не болел. Так что вопрос о причине его смерти остается открытым. Александр по окончании срока ссылки и смерти отца уехал в Алма-Ату, где жила с семьей его сестра Людмила. Там его вновь арестовали, и в 1937 г. он погиб в застенках. Почти все члены «Союза марксистов-ленинцев» и их «пособники» в 1936—1938 гг. были физически уничтожены.

Борьба за их реабилитацию была долгой и трудной. Наша семья неоднократно с 1961 г. обращалась с просьбой о реабилитации В. Н. Каюрова и в КПК, и в Верховный суд СССР, и в Прокуратуру СССР. Но еще в 1986 г. Прокуратура Союза ССР считала, что В. Н. Каюров «к уголовной ответственности за участие в контрреволюционной деятельности и проведении антисоветской агитации и пропаганды был привлечен обоснованно. Оснований для отмены состоявшихся по делу решений не имеется». Так ответил на нашу просьбу о реабилитации, подписанную Л. В. Каюровой и И. Б. Шишкиным, прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности советник юстиции И. К. Титов письмом от 31 октября 1986 г. за № 13/15968-55. И только в 1988 г. участники «Союза марксистов-ленинцев» были реабилитированы [42].

Последствия выступления «Союза марксистов-ленинцев». В начале статьи говорилось, что Сталин уничтожал всех деятелей бывших оппозиционных группировок. При этом генсек действовал поэтапно: обычно он сначала «приписывал» человека к рютинцам, а затем, обвинив тем самым в связях с ними, ликвидировал.

Пример такой политики — резолюция объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 12 января 1933 г. «Об антипартийной группировке Эйсмонта, Толмачева, Смирнова А. П. и др.» [43]. Она обрекла в дальнейшем на гибель не только названных людей, но и Бухарина. Ведь переименование «контрреволюционной группы Рютина — Галкина — Иванова» в «рютинско-слепковскую» предопределило также уничтожение в последующие годы и Слепкова — ученика Бухарина, и его учителя: протянулась роковая нить от одного к другому. В 1937—1938 гг. это было сделано.

Д. А. Волкогонов рассказывает, как проходило осуждение Бухарина и Рыкова на печально знаменитом февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года. Сталин тщательно отредактировал резолюцию Пленума, во втором пункте которой говорилось, что Бухарин и Рыков знали о террористических группах Слепкова, Марецкого, Угланова и других. Эти трое названных проходили по «делу Рютина». Волкогонов с полной определенностью пишет также, что Киров выступил на Политбюро против расстрела Рютина. Если это действительно так, то можно быть уверенным, что судьба Кирова была решена в момент его выступления против расстрела. Ведь все знали, что Рютин — враг Сталина. Всякий, выступающий в защиту Рютина, автоматически становился врагом генсека. А Киров не только не поддержал предложение последнего, но и увлек за собой нескольких других членов Политбюро. Зная ныне особенности личности Сталина, можно утверждать, что Киров был обречен еще до 1934 года.

[41] Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 138.
[42] Правда, 5.VIII.1988.
[43] Правда, 13.I.1933.

Идея никогда не существовавшего «право-троцкистского блока» была рождена в мозгу «хозяина» как реализованная на практике объединением некоторых участников прежних фракций в «Союз марксистов-ленинцев». Но их цель — борьба против сталинизма и за возвращение к ленинским нормам жизни — не имела ничего общего с тем, что впоследствии приписывали мнимым членам несуществовавшего «право-троцкистского блока» (шпионаж, вредительство, борьба против Советской власти и мн. др.). История свидетельствует, однако, что идея «право-троцкистского блока» отрабатывалась в течение нескольких лет. Возможно, в зародыше она появилась в 1930 г., еще до «дела Рютина». В Постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) от 1 декабря 1930 г. «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.» было сказано: «Эти фракционные подпольные группы организовали «лево-правый блок на основе общей политической платформы» [44]. Но оформление идеи осуществилось позднее.

Первое время после социальных потрясений 1932 г. (провал хозяйственных планов, голод, выступление группы Рютина и др.) Сталин был осторожен. Выступая 7 января 1933 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), он отметил лишь, что в связи с ростом могущества Советского государства «могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов» [45]. 19 февраля 1933 г. на I съезде колхозников-ударников Сталин с иронией говорил о тех, кто думает о «третьем пути»: «Особенно охотно хватаются за этот никому неведомый третий путь некоторые колеблющиеся товарищи, не вполне еще уверенные в правильности колхозного пути. Они хотят, чтобы мы вернулись к старому строю, вернулись к единоличному хозяйству, но без капиталистов и помещиков. Они хотят при этом, чтобы мы допустили «только» кулаков и прочих мелких капиталистов, как законное явление нашего хозяйственного строя. На самом деле это не третий путь, а второй,— путь к капитализму» [46]. Вот скрытая полемика с бухаринцами и рютинцами, взгляды которых Сталин излагает в невыгодном для них свете.

Оправившись от шока 1932 г. и убедившись в прочности своего положения, Сталин заговорил иначе. Выступая с докладом на XVII съезде ВКП(б), он в 1934 г. сказал: троцкисты требуют «*роспуска совхозов*, как нерентабельных, *роспуска большей части колхозов*, как дутых, *отказа от политики ликвидации кулачества, возврата к концессионной политике и сдачи в концессию целого ряда наших промышленных предприятий*, как нерентабельных». Чем же эта программа троцкистов, вопрошал Сталин, отличается от программы правых? «Ясно, что ничем. Выходит, что «левые» открыто присоединились к контрреволюционной программе правых для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии» [47]. Так выкристаллизовывалась идея «право-троцкистского блока». Она была затем канонизирована в 1938 г. в «Кратком курсе». Эта идея, одна из наиболее роковых в истории СССР, стоила жизни сотням тысяч честных советских граждан.

Одно из важнейших юридических последствий разгрома «Союза марксистов-ленинцев» — введение в стране паспортной системы. «Дело Рютина» не стало прямой причиной ее введения, но ускорило это мероприятие. Как известно, после Великого Октября паспортов у нас не было. Советские люди очень этим гордились [48]. И вдруг 27 декабря 1932 г. в СССР вводится паспортная система. По современным понятиям, она устанавливает «порядок учета и регулирования передвижения граждан посредством введения единых документов, удостоверяющих личность», т. е.

[44] ВКП(б) в резолюциях. Ч. II, с. 821.
[45] Сталин И. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М. 1934, с. 207.
[46] Там же, с. 227.
[47] ВКП(б) в резолюциях. Ч. II, с. 560—561.
[48] Малая Советская энциклопедия. Т. 6. М. 1931, с. 342—343.

паспортов. Эта система «призвана содействовать осуществлению гражданами своих прав и выполнению обязанностей перед государством, укреплению законности и правопорядка» [49]. Однако с иной целью вводилась она в 1932 году. Закон о паспортах, принятый ЦИК и СНК СССР, был «прежде всего направлен против врагов народа, против паразитов, тунеядцев, классовых врагов»; лишь на втором месте стояли задачи учета населения [50]. Это было не личное мнение Ем. Ярославского, а партийно-государственная точка зрения: главная цель введения паспортов — борьба с «врагами народа», так как «победа социализма обусловила обострение классовой борьбы» [51].

Еще одним следствием выступления старых большевиков против Сталина было его решение о новой чистке партии. Только что, в 1930 г., закончилась вторая генеральная чистка, начатая в 1929 году. Менее чем через два года — новая чистка. Решение о ней ЦК вынесло 10 декабря 1932 года [52]. 7—12 января 1933 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) одобрил это решение, подчеркнув, что одна из главных задач чистки — «обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» [53]. В третий раз к тому же вопросу вернулись в Постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) о чистке партии от 28 апреля 1933 года. Среди лиц, «вычищаемых из партии», были названы и те, которые подвергают сомнению и дискредитируют «решения и установленные партией планы болтовней об их «нереальности» и «неосуществимости» [54]. Это — уже явно о платформе Рютина, нацеленной против сверхиндустриализации и направлявшей «острие... злобной «критики» против... руководства».

Не «дело» ли рютинцев задержало на два года созыв I Всесоюзного съезда советских писателей? Ведь еще 23 апреля 1932 г. ЦК партии принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций и создании «единого союза советских писателей». Тогда же дали Оргбюро поручение «разработать практические меры по проведению этого решения» [55]. Но потом все застопорилось: возникало нечто вроде антисталинского фронта, а члены Политбюро заколебались в своей верности вождю. Только в августе 1934 г. был созван писательский съезд.

Скажем здесь несколько слов и о жене Сталина Н. С. Аллилуевой. Выросшую в семье старых большевиков, впитавшую в себя их традиции, мировоззрение и стиль поведения, Надежду Сергеевну возмущали деспотизм Сталина, его гонения на ленинскую гвардию. Немалую роль в ее самоубийстве сыграли характер Сталина, его грубость и черствость, равнодушие к семье, невнимательность к детям. Но следует сказать и об иных причинах, ставших дополнительным фактором. Надежда Сергеевна принадлежала к людям, которые свято верили в коммунистические идеалы. Когда эти идеалы стали растаптывать в пыточных камерах, она поняла, что ее муж — не тот человек, каким он ей казался в юности, и ее постигло страшное разочарование.

Н. С. Аллилуева была другом Бухарина; их взгляды на коллективизацию были совпадающими. А сторонники Бухарина были широко представлены в «Союзе марксистов-ленинцев». Дочь В. Н. Каюрова Надежда Васильевна [56] в начале 20-х годов работала вместе с Аллилуевой в ап-

[49] Юридический энциклопедический словарь. М. 1984, с. 243.
[50] Ярославский Ем. Ук. соч., с. 267.
[51] Паспортная система.— БСЭ. Т. 44. М. 1939, с. 323.
[52] Ярославский Ем. Чистка партии.— БСЭ. Т. 61. М. 1934, с. 654.
[53] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 5, с. 89.
[54] Там же, с. 100.
[55] Там же, с. 45.
[56] Старшая дочь Василия Николаевича (она в 1922 г. вышла замуж за моего будущего отца Б. Д. Шишкина и приняла его фамилию).

парате А. С. Енукидзе. Отношения между ними были самыми дружескими. И вот Сталин наносит удар по группе Рютина, по тем самым старым большевикам, в среде которых Надежда Сергеевна выросла и среди которых находились ее друзья. Возможно, она пыталась выступить в их защиту. Об этом много говорили в свое время в семьях старых большевиков. Автор данных строк лично и неоднократно слышал это из их уст. А в ночь с 8 на 9 ноября 1932 г., через месяц после Постановления Президиума ЦКК по «делу Рютина», Аллилуева лишилась жизни после того, как поссорилась с мужем и он ее публично оскорбил.

Некоторые выводы. Выступление старых большевиков против сталинизма отразило тогда недовольство средних и высших звеньев руководства большевистской партии положением в стране. Провалы в хозяйстве, голод, диктаторский режим генсека вызвали сопротивление. Оно вылилось, в частности, в создание «Союза марксистов-ленинцев», затем в попытку отстранения Сталина от власти на XVII съезде ВКП(б), где выступили практически те же силы, на которые опирались Каюров и Рютин,— старая большевистская гвардия и «умеренное крыло» в руководстве партии. Однако изменить ход событий демократическим путем — распространением манифестов и платформ, совещаниями и голосованиями — оказалось невозможным. Время для торжества такой линии было уже упущено. То, что имело место при Ленине, при Сталине явилось пройденным этапом.

История свидетельствует, что либо насильственный режим должен быть сломлен, либо должны исчезнуть его лидеры. Но ломать силой этот режим изнутри перед лицом капиталистического окружения, ослабляя первую в мире страну строившегося социализма, старые большевики считали для себя невозможным. В этом — корень их психологической трагедии: будешь бороться силой со Сталиным — поможешь фашистам. Ленинские же методы перемены курса уже не срабатывали: страна стала другой.

«Союз марксистов-ленинцев» заслуживает дальнейшего изучения. Надо установить, когда точно он возник; были ли вначале две группы, как мы предположили, или одна; как они действовали до объединения и как — после него; сколько человек входило в «Союз» и сколько — лишь поддерживало, прямо в его деятельности не участвуя; какова в деталях программа «Союза»; какое количество экземпляров разных документов и с каким результатом удалось распространить, и многое другое. Заниматься всем этим заставляет та простая мысль, что людей, не запуганных или не купленных «отцом народа», было мало. Поэтому каждый из них заслуживает внимания. В статье, опубликованной недавно «Правдой», есть такие строки: «Тогда, на рубеже 20—30-х годов, люди, подобные Я. Стэну или М. Рютину, оказались в меньшинстве и потерпели поражение. Но их борьба спасла честь коммунистического движения, послужила источником идейной силы для тех, кто расшатывал наследие сталинизма в 50-е годы, кто не прекращал этих усилий в годы застоя» [57]. И подчеркнем еще раз, что даже в схватке с не ведавшим пощады сталинским аппаратом рютинцы избрали демократический путь действий.

[57] Правда, 11.III.1989.

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

КАЗАХСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Ж. Б. Абылхожин, М. К. Козыбаев, М. Б. Татимов

На рубеже 20—30-х годов в сфере экономики и общественно-политической жизни нашей страны на долгие и мучительные десятилетия воцарился тотальный дух «силовой» политики. Глубоко трагические последствия возымела эта роковая данность в сельском хозяйстве. Поставленные во главу угла политики в деревне внеэкономические императивы выхолостили ленинскую идею кооперирования крестьянства, подменив ее ориентацией на чуждые социализму методы и жесточайший командно-административный террор. «Великий перелом» начинал безжалостно разламывать сельские структуры, исподволь подготавливая грядущие проблемы общества. В этих условиях основным движителем процесса кооперирования непосредственных производителей становились не столько действительное творчество масс и осознанная «снизу» экономическая целесообразность, сколько грубая сила и санкционированное «свыше» принуждение с его системой противоправных атрибутов обеспечения. И одним из первых подтверждений тому служил факт директивного установления зональных сроков и темпов проведения коллективизации сельского хозяйства, когда вся страна, словно театр военных действий, была поделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения кампании.

Казахстан волею сталинского руководства был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию необходимо было в основном завершить весной 1932 г. (за исключением кочевых и полукочевых районов) [1]. Тем не менее в республиканском чиновничье-бюрократическом руководстве даже эти форсированные сроки воспринимались как некая планка, которую во что бы то ни стало нужно «перепрыгнуть». Например, в постановлениях V пленума Кзыл-Ординского окружкома ВКП(б) прямо ставилась задача полностью коллективизировать сельское хозяйство округа уже к концу 1930 — началу 1931 года [2]. По-видимому, иного мышления в условиях командно-административной системы попросту не могло и быть, и коллективизация воспринималась только как очередная ударная кампания, о проведении которой надо по возможности скорее рапортовать. Поэтому вся партийно-политическая работа и деловые качества местного аппарата стали оцениваться исключительно по одному критерию — проценту коллективизированных хозяйств.

АБЫЛХОЖИН Жулдузбек Бекмухамедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР; **КОЗЫБАЕВ Манаш Кабашевич** — член-корреспондент АН КазССР, директор Института истории, археологии и этнографии АН КазССР; **ТАТИМОВ Макаш Байгалиевич** — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению национальных и межнациональных отношений АН КазССР.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4, с. 384.
[2] Ленинский путь. Кзыл-Орда. 7.II.1930.

Директивные органы как будто бы и предостерегали от чрезмерного забегания вперед, однако имевшиеся на этот счет многочисленные прецеденты в большинстве своем квалифицировались лишь как «издержки революционного рвения» или неопытность и в крайнем случае вызывали дисциплинарные взыскания, тогда как обратные тенденции расценивались как проявление «правого оппортунизма» или даже вредительство. А подобные обвинения уже в то время были чреваты самыми печальными последствиями. Районы и округа республики соревновались друг с другом в напыщенности победных реляций. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с «колхозного фронта». С каждым месяцем кампания приобретала все более ненормальный характер. Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 г. — 50,4, а к октябрю 1931 г.— около 65% [3]. В некоторых районах были перекрыты и эти показатели. В Уральском и Петропавловском округах на это же время в колхозах числилось свыше 70% имеющихся там хозяйств [4]. К началу осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где коллективизацией было охвачено от 70 до 100% дворов [5].

Однако если количественные характеристики вызывали на всех уровнях иерархической отчетности чувство оптимизма, то их качественная ипостась порождала сомнения. Не случайно в документах того периода все чаще повторялись эпитеты типа «бумажный», «дутый», «лжеколхоз». Даже наиболее беспрекословные и готовые на все функционеры в своих комментариях для вышестоящих инстанций были вынуждены признать, что подавляющее большинство стремительно «организовавшихся» колхозов не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики и может считаться таковыми лишь весьма условно [6]. Но даже эти вынужденные признания не смущали краевое руководство, которое несмотря ни на что продолжало «накручивать» темпы кампании.

Нарушения принципа добровольности и элементарной законности с самого начала приняли повсеместный характер. Сплошь и рядом во время проведения сельских сходов вместо вопроса: «Кто хочет вступить в колхоз?», звучало: «Кто против коллективизации?». В тех случаях, когда крестьяне не проявляли «доброй воли» и не спешили избавляться от «буржуазной» частной собственности, им напоминали о существовании административных способов вовлечения в колхозы. Наиболее типичными и распространенными являлись такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав, угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест, так сказать, в «воспитательных целях» [7]. Излюбленным средством наиболее рьяных «коллективизаторов» было огульное зачисление колебавшихся в так называемые подкулачники. Эта категория представлялась столь универсальной, что позволяла чиновным исполнителям подвести под нее кого угодно. Чрезвычайный характер кампании с особой силой проявился в проведении курса на ликвидацию кулачества и байства как класса, затронувшего не только эксплуататорские слои аула и деревни, но и большую часть зажиточных (но при этом трудовых) и середняцких хозяйств.

Своего рода предтечей обрушившихся на крестьянство репрессий стали сельскохозяйственные заготовки. Уже в ходе их произошла заметная эскалация силового нажима. О масштабах его можно судить хотя бы по тому факту, что в течение только двух хлебозаготовительных кампаний (1928—1929 г. и 1929—1930 г.) и только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) в результате применения 107-й и 61-й статей Уголовного кодекса РСФСР были осуждены 34 120 человек и подвергнуты административной ответственности 22 307 хозяйств. Кроме этого взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн. рублей, конфисковано скота — 53,4 тыс. голов, хлебных запасов — 631 тыс. пудов, различных строений 258 единиц. Показательно, что даже по официальным данным в общей массе судебно и административно привлеченных кулацкие хозяйства составляли несколько больше половины [8].

Заготовительные акции встречали сопротивление и со стороны только что созданных колхозов. Многие руководители в то время еще не до конца осознали, что решения о форсированном расширении сельхозартельной формы производства во многом определились задачей обеспечения удобной и бесконфликтной «перекачки» прибавочного (а очень часто и необходимого) продукта деревни в фонд индустриализации. Они еще не успели свыкнуться с мыслью, что общественные закрома должны рассматриваться не как элемент расширенного воспроизводства колхозной экономики и повышения материального благосостояния членов сельхозартелей, а скорее как своеобразная транзитная база продвижения хлеба за кордон в целях получения валюты.

Поэтому в первое время находилось немало работников, наивно пытавшихся апеллировать к руководству. Бюро Мендыгаринского райкома партии долго и упорно не соглашалось с твердыми заданиями по заготовкам, спущенным из краевого комитета ВКП(б). Когда же нажим усилился, секретарь райкома с откровенным разочарованием заявил: «Ну что же, раз так, то я возьму все до квашни, разую и раздену все колхозы и они разбегутся» (и это оказалось не столь уж далеко от истины). Из Карабалыкского райкома сообщали: «Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят» [9]. И подобных «демаршей капитулянтского оппортунизма», как расценивало все это тогдашнее руководство республики, было предостаточно.

Однако все эти обращения не дали результатов, и колхозники вынуждены были идти на всевозможные ухищрения, чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то толику выращенного урожая: не выкашивали полосы хлеба у дорог, межей и арыков, оставляли на полях колосья, зерно на токах, умышленно использовали неотрегулированные молотилки, чтобы пропускать в солому зерно, и т. д. [10] Вскоре, однако, эти «маленькие хитрости» стали сурово пресекаться. По закону от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» за подобные дела грозил расстрел, а при «смягчающих обстоятельствах» — десять лет тюрьмы с конфискацией имущества [11].

Только за первый год действия этой антиконституционной нормы в Казахстане было осуждено 33 345 человек, из них 7728 колхозников и 5315 трудящихся-единоличников (как сказано в отчетах). Во второй половине 1931 г., то есть еще до принятия закона, по делам, связанным с заготовками, было расстреляно 79 человек. Но даже эти вопиющие цифры меркнут на фоне террора, развернувшегося позже. В отчетном докладе Казахского отделения Верховного Суда за 1933 г. отмечается: «Уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая

[3] Жалнин Н. Очередные задачи колхозного движения в Казахстане.— Народное хозяйство Казахстана, 1931, № 8—9, с. 91; Центральный государственный архив (ЦГА) КазССР, ф. 247, оп. 1, д. 242, л. 104.
[4] ЦГА КазССР, ф. 5, оп. 11, д. 221, л. 133.
[5] Жалнин Н. Ук. соч., с. 92.
[6] Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (далее — Рукописный фонд). № 149, с. 20.
[7] ЦГА КазССР, ф. 247, оп. 1, д. 439, лл. 24, 27.

[8] Весь Казахстан. Алма-Ата. 1931, с. 77.
[9] Борьба за хлеб — борьба за социализм.— Большевик Казахстана, 1931, № 12, с. 45.
[10] Там же.
[11] Собрание законов СССР, 1932, № 62, ст. 360.

по 1 августа 1933 г. на 44,5% (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальным». Тут же запоздало констатируется, что «на 163 осужденных к расстрелу только 18 классово-чуждых элементов» (последняя фраза ясно дает понять, что социальная принадлежность могла служить «оправданием» для лишения человека жизни).

Поводом для жестокого наказания могли стать самые мелкие провинности. Примеров тому буквально сотни. Нарсуд Курдайского района приговорил к 10 годам лишения свободы колхозника Самойленко за одноразовое использование «общественных» лошадей в поездке по личным делам; Усть-Каменогорский суд дал тот же срок (меньше не было) Колпакову за то, что его дети «украли» 6 кг проса, а середняку Астафьеву — за «кражу» 17 кг зерна (по-видимому, судьи квалифицировали данное «дело» как крупное, ибо во многих случаях «народные» судьи давали срок и за несколько сот граммов); Сталинский нарсуд (совпадение глубоко символичное) отправил в лагеря колхозников Д. Воробьева и Н. Дудина: по их недосмотру на колхозную лошадь свалился стог сена и повредил ей глаз, и Б. Кочуга, ударившего лопатой строптивого верблюда [12]. Подобные определения судов являли собой горестные реалии набиравшего силу сталинизма.

Крайне тяжелыми последствиями обернулось так называемое раскулачивание. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3—5%. Во многих районах такого числа кулаков не набиралось. Однако для командно-административной системы всякая спущенная сверху установка без какого бы то ни было осмысления ударно претворялась в жизнь. Поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде «подтягивалась» до самого верхнего предела. А нередко план «по валу» выполнялся настолько усердно, что фактически превышал в два, а то и в три раза субъективно установленный контингент. Так было в Красноармейском районе Петропавловского округа, где экспроприации подверглись 7% всех хозяйств (496 дворов), т. е. втрое больше, чем насчитывалось индивидуальных налогоплательщиков. А в одном из сел Боровского района Кустанайского округа было определено к выселению сразу 37 хозяйств [13], хотя трудно поверить, что там имелось такое количество дворов кулацкого типа.

Подобные «достижения» имели очень простое объяснение: наряду с эксплуататорскими элементами раскулачивались (а точнее, «раскрестьянивались») и более или менее зажиточные и середняцкие хозяйства. Достаточно было иметь, скажем, дом под железной крышей или две лошади, чтобы попасть в разряд кулаков [14]. Следует также учитывать, что конкретные решения об экспроприации или выселении кулаков принимались на общих сходах колхозников, бедняков и батраков. А поскольку конфискованное имущество передавалось в качестве вступительных взносов бедняков и батраков в неделимые фонды колхозов (к лету 1930 г. доля стоимости имущества раскулаченных в неделимых фондах колхозов Казахстана составила 25,2%) [15], а частью раздавалось бедноте, то подчас «классово строгие» резолюции объяснялись просто корыстными и личными интересами.

Нередко середняки и зажиточные попадали в «кулацкие списки» в силу действия субъективно-эмоционального настроя массы, подхлестываемого всеобщим ажиотажем «нарастающей классовой борьбы» и чувством причастности к разоблачению «затаившихся врагов», тем более что за огульные обвинения не наказывали и даже поощряли занесением в число «активистов» (на мутной волне администрирования появились сотни и сотни таких беспринципных и корыстолюбивых лжеактивистов).

К сожалению, масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются точной оценке, так как историки располагают фрагментарными сведениями на этот счет. Тем не менее даже имеющиеся отрывочные данные позволяют констатировать беспрецедентную массовость этого печального явления. В самом деле, можно ли по другому интерпретировать тот факт, что уже на 15 марта 1930 г., то есть всего через месяц после принятия постановления ЦИК и СНК КазАССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» [16], в республике было арестовано и предано суду 3113 человек, а 2450 семей подлежало выселению за пределы округа проживания [17].

Можно предположить, что в последующие месяцы репрессивные акции охватили еще более широкий круг хозяйств. Косвенным образом на это указывают и некоторые официальные источники того времени. Согласно одному из них, на середину 1930 г. вследствие разбирательств различных комиссий было освобождено из заключения 4073 «раскулаченных», возвращено из ссылки 1160 семей, прекращены судебные дела на 2664 человека, восстановлены в избирательных правах 1618 «пораженцев», отменены штрафы с 1266 хозяйств, возвращено конфискованное имущество 9533 хозяйствам [18]. Приведенный выше перечень включает лишь тех, у кого хватило сил достучаться в вышестоящие инстанции. А сколько так и не смогли пробиться сквозь стену чиновничьего равнодушия? Наконец, сколько тысяч были признаны «справедливо» осужденными и правомерность экспроприации хозяйств которых властями не ставилась под сомнение? Кроме того, раскулачивание не закончилось в 1930 году. По имеющимся данным (опять-таки далеко не полным), аресту и выселению было подвергнуто 5500 семей в 1931 году [19]. Немало хозяйств было ликвидировано и в 1932 г., и в первой половине 1933 года. Рецидивы раскулачивания продолжались и позже.

Таким образом, казахстанская деревня испытала сильнейший административный нажим. Не случайно источники фиксируют на тот период многочисленные факты не только самораскулачивания, но и рассереднячивания. Суть последнего явления сводилась к тому, что часть середняков и зажиточных крестьян, будучи не уверенными в своей дальнейшей судьбе, предпочитали свертывать свои хозяйства или вообще порывали с аграрной сферой деятельности. Все это еще более ускоряло процесс раскрестьянивания, в ходе которого сельское хозяйство края лишалось наиболее предприимчивых, опытных и квалифицированных работников. Гримасой этого процесса было то, что люди, построившие свое хозяйство изнурительным, продолжавшимся из года в год трудом, отождествлявшие собой что называется «крестьянскую косточку», выдворялись в спецпоселения для «трудового перевоспитания». Поистине лицемерие командно-административного режима не ведало границ.

Глубоко антигуманная идеология сталинизма многое объясняет и в той страшной трагедии, которая выпала на долю казахского аула. По своим масштабам она затмила все сколько-нибудь известные прецеденты из исторического прошлого народа. Событийная канва горестного мартиролога складывалась здесь на все той же пагубной идее сверхфорсирован-

[12] Приведенные здесь данные о репрессивных мерах, применявшихся в соответствии с законом от 7 августа 1932 г., взяты нами из выкладок М. Ж. Хасанаева, сообщенных им на региональной дискуссии по проблемам истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстана (Алма-Ата, ноябрь 1988 г.).

[13] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Док. и м-лы. Ч. I. Алма-Ата. 1967. с. 287.

[14] Степной крестьянин, Кустанай, 17.II.1930.

[15] Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. 1972, с. 141.

[16] Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Ч. I, с. 273—280.

[17] Жумабеков Ж. Ленинской дорогой. Алма-Ата. 1973, с. 155.

[18] 7-я Всеказахская конференция ВКП(б). Стеногр. отч. Алма-Ата. 1930, с. 109.

[19] Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М. 1969, с. 148.

ной коллективизации. Ее катастрофические последствия многократно усугублялись извращениями по линии сельхозззаготовок и так называемого планового оседания кочевых и полукочевых хозяйств.

Кампания по заготовкам скота с самого начала приняла в ауле характер чрезвычайной акции времен «военного коммунизма» (хотя даже в тот трудный период казахское хозяйство не знало ничего подобного). Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели своей расчетной основой фальсифицированные данные о количестве у населения скота. Случилось это в том числе и потому, что более или менее достоверные первоначальные сведения (налоговый учет Наркомфина) в ходе своего продвижения от одной бюрократической инстанции к другой претерпели существенные поправки в сторону увеличения (при этом говорилось, что финансовые органы, дескать, не учли огромное количество сокрытого от налогообложения скота).

В результате приписок и грубого волюнтаристского планирования в районы спускались задания, намного превышающие реальную численность имеющегося в наличии скота. Характерен пример Балхашского района, располагавшего стадом в 173 тыс. голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тысяч [20]. Уже отсюда видно, что при заготовках востребовался даже тот скот, стада которого существовали лишь в представлении заинтересованных организаций.

Естественно, что очень скоро в краевые органы пошел поток жалоб. Но на них мало кто реагировал. Да и сама реакция была вполне в духе времени. Когда З. С. Торегожин (в начале 1931 г.— зам. наркома снабжения Казахской АССР) озабоченно сообщил, что согласно рассчитанному им балансу при существующих объемах заготовок животноводство в республике вряд ли выстоит, незамедлительно последовала статья в журнале, в которой давалась такая отповедь: «В балансе... ярко проявилась вся суть правооппортунистической, механистической методологии, теоретическая беспомощность, полное непонимание марксистско-ленинской диалектики... Автор ухватился за количественное снижение поголовья. Последнее — факт. Но ползучий уклонист за этим фактом не видит более существенных экономических и политических изменений... За внешней, поверхностной стороной событий близорукий эмпирик не видит действительного роста социализма» [21].

Не менее яркими «обличительным пафосом» отличались вердикты, сформулированные в более высоких сферах. Например, Бюро Казкрайкома ВКП(б), раздраженное исходящей от некоторых районных руководителей критикой, вынесло специальное постановление: «Крайком решительно осуждает тенденции отдельных районов и работников — не выполнить планы и ослабить темпы мясозаготовок... под прикрытием разговоров о сокращении стада, о необходимости сохранения производственного скота... как тенденции, вытекающие из правооппортунистического непонимания скотозаготовок как органической части социалистической реконструкции животноводства, как важнейшего рычага обеспечения индустриализации страны» [22].

Вскоре лозунг «Перегибов не допускать — парнокопытных не оставлять!», рожденный зловещей иронией бездушных исполнителей, стал определяющим в кампании. Как отмечал один из ее ретивых проводников, «миндальничать не приходилось» [23]. Тем более что по меркам заезжих заготовителей 25—30 баранов в хозяйстве выглядели чуть ли не как «сверхбогатство», от которого не убудет. Однако специфика кочевого способа производства допускала подобное количество скота лишь как жизнеобеспечивающий минимум. Для воспроизводства же и нормального функционирования хозяйственной ячейки требовалось гораздо больше (раза в четыре), но эта объективная предпосылка не принималась во внимание, и хозяйству в лучшем случае оставляли 2—3 барана, что ставило его на грань исчезновения (опасаясь, что заберут и оставшихся, скотоводы их тут же забивали).

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. В целях «ударного» проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец в стужу, посреди суровой зимы, что приводило к массовому падежу скота. Многократны были случаи, когда в поисках хлеба заготовители наезжали в скотоводческо-земледельческие аулы и выколачивали (другого слова не подберешь) его у хозяйств, имевших крошечные посевы. У них подчистую забирали даже то ничтожное количество зерна, с которым связывалась единственная надежда на выживание. Обязательные хлебозаготовки вопреки всякой логике распространялись и на несеющие хозяйства сугубо животноводческих районов. Страшась быть обвиненными в саботаже, их население было вынуждено обменивать свой скот на хлеб и сдавать его в счет заготовок [24]. Это неминуемо предвещало близкий голод.

Одной из переломных вех в истории Советского Казахстана явилось оседание кочевых и полукочевых хозяйств. Процесс этот, вне всякого сомнения, ознаменовал поистине революционный поворот в судьбе казахского народа. Но и это большое дело дискредитировалось безответственными актами волюнтаризма, необузданным стремлением урвать любой ценой сомнительные сиюминутные дивиденды. Подготовительные мероприятия не обеспечивали запланированный темп кампании. Так называемая плановость выражалась по большей части в определении контингента оседающих хозяйств. Другие же организационные аспекты (хозяйственная база, землеустройство, снабжение семенами и сельхозинвентарем, предоставление кредита для закупок рабочего скота, организация МТС и мн. др.) решались (если вообще решались) наскоком и, как правило, неэффективно [25].

Приступая к столь серьезной акции, важно было все время помнить, что кочевничество отнюдь не примитивный, но чрезвычайно сложный (по-своему, конечно) тип хозяйственно-культурной деятельности, с непростой социальной организацией и многоуровневым комплексом институциональных связей. Уже благодаря одним только отношениям собственности (их специфика до сих пор проблема проблем в исторической науке), эта общественно-экономическая система была способна демонстрировать сильнейший «иммунитет» к любым стандартно запланированным социальным проектам. Спецификой было и то, что преобладавшие здесь общинные структуры в течение веков формировали уникальную корпоративную психологию и традиционные идеологические установки с их смещенными в реальности стереотипами. В их данности «вязли» многие благие начинания, не слишком продуманные в контексте конкретно-исторических реалий.

Одним словом, необходим был всесторонний учет множества особенных факторов. Как раз такому подходу в решении задач социалистического строительства на местах и учил В. И. Ленин. В частности, обращаясь к коммунистам национальных районов, он предостерегал их от слепого копирования тактики, применяемой в условиях более разви-

---

[20] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). 10—16 июля 1933 года. Стеногр. отч. Алма-Ата. 1936, с. 232.

[21] Искаков П. Методологические основы «торегожинщины».— Большевик Казахстана, 1931, № 11, с. 40.

[22] Постановление бюро краевого комитета ВКП(б) о мероприятиях по выполнению решения декабрьского Пленума ЦК и ЦКК о скотозаготовках.— Большевик Казахстана, 1931, № 1, с. 9.

[23] Рукописный фонд, № 149, л. 30.

[24] 7-я Всеказахская партконференция ВКП(б), с. 101.

[25] Казахстан к IX съезду Советов. Алма-Ата, 1935, с. 97.

тых регионов, говорил о необходимости «обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»[26], советовал проводить в жизнь «общекоммунистическую теорию и практику,.. применяясь к своеобразным условиям,.. когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»[27].

Однако в то время ленинские мысли, противоречащие амбициям аппарата, выносились за скобки «теории социализма». В свете этого неудивительно, что глубоко специфические моменты в одних случаях воспринимались не более как досадные мелочи, которые можно попросту не замечать, а в других — как злобный имидж, выдуманный некоей националистической оппозицией. И в этом деле многие преуспели, о чем свидетельствовали вопиющие перегибы. Более всего они определялись игнорированием принципа добровольности: для работников он оказался простым звуком. Главное, верили они, форсированные темпы. И вот целые районы в административном порядке и в крайне сжатые сроки переводятся на оседлость.

Характерно, что сам смысл этого явления понимался подчас весьма вульгарно. Для одних администраторов это означало стягивание с огромного радиуса сотен и сотен хозяйств в одно место. Для других идея виделась в организации буквальных аналогов переселенческих деревень, для чего многочисленные юрты выстраивались прямо на снегу в идеально правильные кварталы[28]. Неважно, что вследствие подобного скопления скотоводы лишались хозяйственного простора и возможности маневрировать стадами в поисках воды и корма. Главное усматривалось не в этой «прозе» жизни, а в той, еще одной «галочке», ради которой больше всего и старались подвизавшиеся на столь благородной ниве различные инспекторы, инструкторы и прочие уполномоченные.

Не успев выйти из тяжелого состояния, вызванного административно-форсированными методами кампании по оседанию, население аула было тут же втянуто в еще более стремительную и нажимную коллективизацию. Собственно говоря, массовое оседание кочевых и полукочевых хозяйств и было задумано в тесной увязке с коллективизацией. Об этом прямо говорилось в постановлении Пленума Казкрайкома ВКП(б) в декабре 1929 г.: «Поставить весь план практических работ в области форсирования оседания и хозяйственного укрепления оседающего населения с таким расчетом, чтобы оседание производилось на основе стопроцентной коллективизации всех оседающих бедняцко-середняцких хозяйств». Директивные органы потребовали «стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству»[29].

Вольно или невольно эта глубоко ошибочная установка давала «зеленый свет» новым перегибам, тем более что под так называемым стимулированием понималась все та же политика жесткого нажима. И в значительной степени благодаря именно последней колхозное строительство стало стремительно разрастаться «вширь». Скотоводческие хозяйства в экстренном порядке и сплошными массивами зачислялись в до того неведомые им сельскохозяйственные артели. Например, в Абралинском районе было сразу же коллективизировано 70% всех хозяйств, в Джамбейтинском — 80, в Беркалинском — 84, в Джаныбекском — 95% и т. д.[30]

В марте — апреле 1930 г. были опубликованы сталинские статьи «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам». Оба документа долгое время рассматривались в историографии как этапные в нормализации колхозного движения. Между тем источники свидетельствуют, что в Казахстане (да и по стране в целом) и после этого все оставалось по-прежнему. Перегибы, а точнее сказать, административно-бюрократический террор, продолжались. Причем как и раньше они санкционировались самыми высокими инстанциями республики и, следовательно, не могут объясняться (как это имело место во многих работах) ссылками на непонимание или игнорирование партийной линии на местах.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 198.
[27] Там же. Т. 39, с. 329.
[28] Рукописный фонд, № 1041, л. 48.
[29] Бюллетень Казахского краевого комитета ВКП(б), 1929, № 14, с. 14.
[30] 7-я Всеказахская конференция ВКП(б), с. 103.

В постановлениях Казкрайкома, принятых в течение мая — августа 1931 г., перед животноводческими районами прямо ставилась задача «выйти на линию более высоких темпов коллективизации». При этом строго вменялось считать «основной формой колхозного движения в ауле... животноводческую сельскохозяйственную артель»[31]. И это требование на местах было выполнено более чем оперативно: к августу 1931 г. в 60 кочевых и полукочевых районах республики из 2771 товарищества по обработке земли (ТОЗ) осталось всего 312, остальные были переведены на устав сельхозартели[32]. Эти действия нанесли тяжелейший удар по скотоводческой отрасли. Перепрыгивание через ТОЗы, являвшиеся в стадиальном и сущностном отношении переходной формой кооперации, означало забегание вперед не на два и не на три года. Преждевременность односторонней ориентации на колхозы определялась и тем обстоятельством, что ТОЗы не всегда и не везде встречали понимание.

Понадобилась большая пропагандистская работа, чтобы переломить сложившееся настроение. Население казахского аула, будучи в массе своей малограмотным и к тому же задавленным всевозможными актами чиновничьего произвола, весьма туманно представляло разницу между ТОЗом и колхозом. Не случайно аббревиатура «ТОЗ», созвучная казахскому слову «тоз» («разоряйся»), нередко так и воспринималась в среде степняков, как, впрочем, и «коллективизация» чаще ассоциировалась с более знакомой «конфискацией». Кстати, байство умело использовало подобные «семантические версии» в своей антисоветской борьбе.

Как известно, колхоз предполагал более высокую степень обобществления. Если в ТОЗах основные средства производства (в частности, скот) оставались в индивидуальном пользовании, то в сельхозартелях они обобществлялись. Но в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. Источником гипертрофированно расширительного толкования процессов социализации служили категоричные команды вышестоящих организаций, в том числе того же Казкрайкома. В решениях одного из его пленумов записано: «В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное обобществление в сельскохозяйственных артелях всего товарно-продуктивного стада»[33].

И в этом случае периферийный аппарат в своем рвении пошел еще дальше. Тургайские работники поставили задачу «весь скот обобществить, не оставляя ни одного козленка в индивидуальном пользовании». Другим показалось этого недостаточно, и они решили «в целях изжития мелкособственнической психологии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам» (из районных директив)[34].

«Творческая инициатива» борцов с частной собственностью очень скоро дала свои результаты. К февралю 1932 г. в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота[35]. И это в традиционно животноводческой республике!

[31] VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 155.
[32] Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М. 1967, с. 291.
[33] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 146.
[34] Там же, с. 147.
[35] Рукописный фонд, № 1041, л. 15.

Весь «обобществленный» скот собирался на колхозно-товарных фермах (в абсолютном большинстве случаев за громким названием ничего не стояло). Казкрайком рекомендовал при проведении коллективизации предпочтение отдавать созданию «крупных животноводческих колхозов»[36]. А это понималось как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в радиусе до 200 и более километров в единый колхоз-гигант. В Курдайском районе существовало немало сельхозартелей, объединявших 600—800 хозяйств, в Келесском районе первоначальные 112 колхозов были объединены в 35, в Арысском — из 138 было создано 67 сельхозартелей, в Таласском районе в так называемые городки сгонялось до 300—400 хозяйств[37]. Скот в таких уродливых образованиях (где, естественно, не могло быть и речи о какой-то организации производства, учете труда и пр.) скапливался на колхозно-товарных фермах. Таким образом игнорировался основной экосистемный принцип номадного способа производства — точная соотнесенность численности скота и природного кормового потенциала.

Во все времена кочевая община допускала концентрацию скота лишь до определенного оптимума (определявшегося кормовыми и водными ресурсами). Когда достигалась критическая масса стада, происходила спонтанная сегментация общины, что, собственно, и обеспечивало непрерывность воспроизводства системы. Кроме того, в условиях аридной среды постоянно «работал» такой механизм выживания, который во многом опосредовался через устоявшиеся ритмо-режимные характеристики организации процесса производства (посезонный цикл утилизации природных ландшафтов)[38]. Но хозяйственников «новой формации» все это мало волновало. Вопреки народному опыту они всемерно поощряли любую концентрацию, ибо уже тогда гигантомания становилась одной из самых распространенных болезней командно-административной системы. Вместе с тем разрушение сложившейся организации производства с ее принципами концентрации (естественно, разумной) и дисперсности (пространственного рассеивания хозяйства с целью рационального использования среды обитания) не сопровождалось созданием другой, технологически приемлемой.

Расплата за абсурдные, невежественные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах и не имея возможности прокормиться скот попросту погибал. И до этого мало кому было дела, так как уже вступал в силу принцип «все вокруг колхозное — все вокруг мое». Надо добавить, что и тот скот, который был собран по линии заготовок, в результате бескормицы и вызванных скученностью эпизоотий во многих случаях не доходил до потребителя, образуя на скотопрогонных путях гигантские «овечьи» кладбища.

Самым чувствительным барометром неблагополучия в сфере принятия политических решений всегда и везде служит экономика. Так было и в Казахстане. Аул и деревня реагировали на перегибы и извращения повсеместным упадком сельскохозяйственного производства. В течение первой пятилетки (1928—1932 гг.) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился примерно с 9 до 3%[39]. Хотя посевные площади под зерновыми культурами возросли с 1928-го по 1940 г. почти в 1,5 раза, валовый сбор зерна не только не увеличился, но, наоборот, сократился и тоже примерно в 1,5 раза. И это неудивительно, так как урожайность за те же годы упала с 9,2 ц с гектара

[36] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 143.
[37] Большевик Казахстана, 1931, № 5; Рукописный фонд, № 1041, л. 50.
[38] Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. Алма-Ата. 1984, с. 25—95.
[39] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 184.

до 4,3[40] (по-видимому, начинали сказываться отчуждение крестьянина от земли и превращение его в наемного исполнителя воли начальства).

Беспрецедентный урон понесло животноводство. В 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932 г.— всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г., доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Еще больше поражают цифры по мелкому скоту: из 18 566 тыс. овец в 1932 г. осталось только 1386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из конского поголовья, составлявшего в 1928 г. 3516 тыс., в 1941 г. осталось 885 тыс. голов. Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. голов[41].

Столь внушительные провалы вызвали некоторое замешательство в сталинском руководстве. И вот 17 сентября 1932 г. выходит постановление «О сельском хозяйстве, и в частности животноводстве Казахстана»[42], где давалась установка на «выпрямление» перегибов. В научной литературе оно характеризовалось как «историческое», давшее «четкую программу действий».

Однако к этому времени разрушительные процессы зашли слишком далеко и приняли необратимый характер. В постановлении выражается некая озабоченность по поводу сокращения численности скота, но нет и намека на разразившийся голод и его многочисленные жертвы. Следует также обратить внимание на то, что в постановлении не прозвучала принципиальная оценка деятельности республиканских органов. В этом отношении выводы были более чем сдержанны, что и позволило истолковать документ как признание правильности линии Казкрайкома. Не случайно его секретарь И. Курамысов прямо заявил: «Последнее постановление ЦК от 17 сентября одобряет линию Краевого Комитета партии, а вы знаете, что ЦК очень скуп на похвалы»[43].

Тогдашнее руководство края в тот сложный период показало удивительную неспособность к критическому самоанализу и реалистической оценке событий. Беспредельная вера в субъективный фактор и всесилие аппарата, односторонняя ориентация на политико-идеологические регуляторы и нажимные методы управления, наконец, явно выраженная левацкая торопливость нейтрализовали даже слабые попытки в этом направлении. Жесткое администрирование стало нормой.

И тон здесь задавал секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекин[44] (хотя вину с ним, безусловно, разделяют и другие руководители республики). Как лидер он являл собой яркий тип работника, выпестованного авторитарной системой. А потому вождистские тенденции скрыто присутствовали в его политической деятельности. В гипертрофированных формах они не проявлялись, но когда Голощекина стали называть «вождем трудящихся отсталого Казахстана», то протесты его были больше деланными и не отличались принципиальностью.

[40] Казахстан за 50 лет. Стат. сборник. Алма-Ата. 1971, с. 74; Народное хозяйство Казахской ССР. Юбилейный стат. ежегодник. Алма-Ата. 1987, с. 68.
[41] Казахстан за 50 лет, с. 82—83.
[42] Казахстанская правда, 24.IX.1932.
[43] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 216.
[44] Голощекин Филипп Исаевич (1876—1941 гг.) — член партии с 1903 года. Вел партийную работу в дореволюционные годы. Избирался членом Петербургского (1906 г.) и Московского (1909 г.) комитетов РСДРП. На VI (Пражской) партийной конференции был выбран членом большевистского ЦК. Участвовал в работе VI съезда партии. В дни Октябрьской революции — член Военно-революционного комитета в Петрограде. С декабря 1925-го до начала 1933 г.— секретарь Казахского краевого комитета ВКП(б). Последние годы жизни — Главный государственный арбитр при СНК СССР. В начале войны Голощекин был незаконно репрессирован. 28 октября 1941 г. расстрелян.

Голощекин свято верил в собственную непогрешимость и был нетерпим к чужому мнению. Отрицательные качества эти особенно укрепились после того, как Сталин в ответ на полученную как-то от него записку (где, между прочим, были высказаны и ошибочные положения) выдал своеобразный мандат доверия: «Тов Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой» [45]. Заручившись такой «высочайшей грамотой», трудно было не впасть в эйфорию бесконтрольного администрирования. Ораторские навыки и задатки опытного полемиста позволяли Голощекину достаточно эффективно манипулировать идеологическим инструментарием в целях подавления критики. В своих многочисленных выступлениях и публикациях он умудрялся даже самые прозаические вопросы хозяйственной жизни поднимать до уровня глобальных проблем классовой борьбы и мировой революции. И тогда в ход обильно пускались обвинения в «правом» и «левом» оппортунизме, буржуазном национализме и великодержавном шовинизме, непонимании текущего момента и линии партии.

Примечательно, что под свои аргументы Голощекин стремился подвести некую теоретическую базу. Например, на одном из совещаний он поучал: «Мы — власть, у колхозников еще живут собственнические инстинкты, нужно уметь администрировать!» [46]. По поводу сокращения поголовья скота руководитель партийной организации края высказался так: «Животноводство проявляет неустойчивость при переходе от натурального хозяйства к социалистическому» [47]. Казалось бы, абсурд, но вездесущие конъюнктурщики, нимало не смущаясь, подают эту «мысль» как блестящий образец диалектического подхода к животноводству [48].

Реакция на силовые решения и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. В Казахстане имело место и проявление открытого недовольства, которое в ряде случаев выливалось в вооруженные выступления крестьянства. Наиболее крупные инциденты произошли в Семипалатинском округе. Здесь с февраля по май 1930 г. волнениями были охвачены Зыряновский, Усть-Каменогорский, Самарский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы [49]. Осенью 1929 г. тревожные вести не переставали поступать из Бостандыкского района Сырдарьинского округа, Батбакаринского и Наурузумского районов Кустанайского округа [50]. Острые конфликты возникали в Балхашском районе Алма-Атинского и Иргизском районе Актюбинского округов [51]. В феврале — марте 1930 г. вспыхнули мятежи в Сарысуйском и Сузакском районах Сырдарьинского округа [52]. Крестьянские волнения отмечались и в других районах края.

Кулацко-байские элементы, воспользовавшись ситуацией, стремились придать крестьянским протестам антисоветскую направленность. И надо признать, что подчас это им удавалось. Так было в случае со скотоводами, откочевавшими из Западного Казахстана [53]. Часть их, покинув территорию республики, под влиянием байской агитации влилась в басмаческую, так называемую иомудо-казахскую группировку, терроризировавшую население Красноводского и Казанджикского районов Туркмении [54]. Вина кулачества и байства в этих событиях несомненна, что и отмечают партийные документы тех лет. Однако объясняют они эти события исключительно проявлениями классовой борьбы и происками внутренних и внешних врагов. Между тем огромное провоцирующее воздействие на ход событий оказали именно перегибы и извращения. Не будь их, социальная база движений оказалась бы куда уже да и сами они вряд ли вылились бы в столь острые конфликты, если вообще имели бы место. Подтверждением тому служит опыт нэпа, с переходом к которому волна крестьянских протестов мгновенно пошла на убыль, несмотря на все усилия контрреволюционного лагеря.

Ставка на чуждые социализму методы имела самым страшным своим итогом огромные человеческие жертвы, вызванные голодом, эпидемиями и другими лишениями. Долгие годы эта тема была запретной [55]. И сегодня, когда гласность становится неотъемлемой частью образа жизни советских людей, необходимо как можно скорее устранить образовавшиеся лакуны. Но «скорее» не означает, что замалчивавшиеся десятилетиями проблемы надо вскрывать без серьезного изучения. К сожалению, в последнее время получили распространение и такие попытки. Между тем здесь недопустимы облегченные подходы, непрофессиональные, эмоционально насыщенные оценки, как, впрочем, и скрытые установки на некую сенсационность, которые вообще не вписываются ни в какие нравственные рамки. Настала пора интенсифицировать исследовательский поиск в этой области. И здесь огромную роль должна сыграть историческая демография с ее эффективным познавательным инструментарием и универсальными методиками исследования.

На сегодняшний день единственным документальным источником для анализа проблемы служат данные первой (17 декабря 1926 г.) и второй (15 января 1939 г.) Всесоюзных переписей населения [56]. Интервал между ними составляет 12 лет и один месяц. Именно в этот межпереписной период произошла убыль населения. Если учесть, что пик демографической депопуляции падает на середину зимы 1932/33 гг., то, следовательно, катастрофа произошла в середине интервала между двумя переписями, что существенно облегчает расчеты.

Но для корректности анализа необходимо точное соотнесение не только временных структур, но и пространственных, то есть производимые расчеты принципиально важно проецировать на сопоставимые административно-территориальные границы Казахской АССР (с 1936 г.— союзная республика).

Согласно результатам переписи 1926 г., на территории Казахской АССР (без Каракалпакской автономной области) проживало 3628 тыс. человек коренного населения [57]. Через 12 лет, по переписи

---

[45] 6-я Всеказахская конференция ВКП(б). Стеногр. отч. Кзыл-Орда. 1927, с. 90—95; Советская степь, Алма-Ата, 20.XI.1927.

[46] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 255.

[47] Там же, с. 150.

[48] Искаков П. Ук. соч., с. 44.

[49] ЦГА КазССР, ф. 74, оп. 4, д. 1444, л. 60.

[50] Там же, ф. 229, оп. 3, д. 159, л. 32.

[51] Партийный архив Казахского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 141, оп. 1, д. 3297, лл. 112—118.

[52] Абдуразаков А. Операция «Кокандские эмиссары». В кн.: Мы из ЧК. Алма-Ата. 1974, с. 122—149.

[53] Рукописный фонд, № 139, л. 43.

[54] Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М. 1981, с. 176.

[55] В годы застоя история коллективизации сельского хозяйства подавалась исключительно в восторженно-оптимистических интонациях и стилевых оборотах из «Краткого курса» истории ВКП(б). Откровения, прозвучавшие после XX съезда партии, очень скоро стали восприниматься в идеологических инстанциях как покушение на революционное прошлое. Даже простая констатация ошибок и перегибов вызывала негативную реакцию. В этом смысле характерна речь Л. И. Брежнева на III Всесоюзном съезде колхозников (ноябрь 1969 г.), где он говорил: «В процессе колхозного строительства мы не избежали известных ошибок. Но это были ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта... К сожалению, еще и по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле» (Брежнев Л. И. Об основных вопросах экономической политики на современном этапе. Речи и доклады. Т. I. М. 1975, с. 397).

[56] В 1937 г. была проведена очередная союзная перепись населения, однако ее результаты были признаны ошибочными. При этом ссылались на «дефекты» методологического и организационного характера. Действительные причины уничтожения материалов переписи сегодня известны. Хотелось бы надеяться, что данные ее рано или поздно будут обнаружены и обнародованы.

[57] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VIII, отд. I. М. 1928.

1939 г., фиксируется убыль в 1321 тыс. человек, то есть происходит уменьшение совокупности на 36,7%[58]. Но даже эту огромную цифру следует признать минимальной, требующей существенной коррекции в рамках факторного анализа. При сравнении данных переписей 1897 и 1926 гг. становится очевидным, что часть кочевого и полукочевого населения республики оказалась вне поля зрения счетчиков переписной кампании 1926 года. Сравнение демографических структур обнаруживает явный недоучет детей, особенно грудного возраста, а также женщин. И это понятно. Перепись 1926 г. прошла после недавней отмены калыма и многоженства. Декрет был издан, но явление, как это часто бывает, еще продолжало сохраняться, приняв лишь нелегальные формы. Не случайно в 15-летней возрастной группе на 100 юношей приходилось всего 60 девушек. Последнее объясняется умышленным сокрытием девушек от регистрации в ходе переписи. (Еще и сейчас при проведении переписей многие не очень охотно сообщают сведения о себе. А о тех временах и говорить не приходится: население, боясь как-то напортить себе, всячески пыталось ввести счетчиков в заблуждение.)

Следует также учитывать, что в то время в памяти народа еще свежи были воспоминания о насильственных мобилизациях мужчин на тыловые работы в годы империалистической войны. Поэтому неудивительно, что в группе двадцатилетних на 100 женщин по переписи 1926 г. зафиксировано лишь 70 мужчин (такое не всегда наблюдается даже после крупных войн). Мужчин молодых и средних возрастов при переписных опросах попросту не называли. Недоучет получился и вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения. Часто случалось, что «забывали» целые аулы, находившиеся на дальних зимовьях, а если учет их населения все же осуществлялся, то нередко по заочным декларациям с использованием всевозможных условных и средних коэффициентов, что в конечном счете тоже искажало картину.

С учетом перечисленных выше факторов (явные диспропорции в половозрастной структуре и фронтальный недоучет жителей отдаленных поселений) минимальная поправка, подсчитанная нами по специальной методике[59], определяется в +6,7% общего результата численности казахского населения.

Нельзя сбрасывать со счетов и естественный прирост населения за 12 лет. В межпереписной период (1926—1939 гг.) естественный прирост у соседних народов, имевших сходный с казахским этносом тип воспроизводства, был достаточно высоким. Численность узбеков возросла на 22%, таджиков — на 29%, киргизов — на 16%, каракалпаков — на 25%[60]. Учитывая этот ряд, а также то обстоятельство, что из 12 лет межпереписного периода 9 (1927—1930 гг. и 1934—1938 гг.) были в отношении естественного прироста более или менее благополучными, мы вправе предположить близкие к названным показателям и у казахов. Однако надо принять к сведению еще и то, что в этот сложный период демографическая ситуация в республике ухудшилась. Отмечались высокая детская смертность, относительно невысокая рождаемость, частое бесплодие аульных женщин, низкая брачность мужчин в возрасте до 30 лет (по-видимому, из-за необходимости уплаты калыма)[61]. В контексте всех этих особенностей расчеты дают прирост +5,6%.

Таким образом, суммарная поправка к данным переписи 1926 г. на 12,3% дает основание предполагать, что на середину 1930 г., когда население еще оставалось относительно стабильным, численность коренных жителей в сопоставимых границах республики составляла 4120 тыс. человек. Эта цифра и послужит базой для последующего демографического анализа.

Примерные масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана в годы трагедии составляют около 2 млн. человек, или 49% его первоначальной численности. По данным текущего учета движения населения для того периода (20-е годы) уровень естественной смертности достигал 25 человек на 1000[62]. С учетом этого численность умерших естественной смертью за 1931—1933 гг. должна была составить не менее 250 тыс. человек (7%). Отсюда следует, что прямыми жертвами голода и его последствия — эпидемии брюшного тифа стали в названные годы 1750 тыс. человек, или 42% всей численности казахского населения республики. В это время в Казахстане произошло снижение численности и других этносов: украинцев с 859,4 тыс. до 658,1, узбеков — с 228,2 тыс. до 103,6, уйгуров — с 62,3 тыс. до 36,6 тыс. человек[63]. В это лихолетье многие представители этих народов были вынуждены покинуть обжитые места и переехать в более благополучные в продовольственном отношении районы — Сибирь, Узбекистан.

Из приведенных данных видно, что масштабы голода, вызванного мясозаготовками и поголовным обобществлением скота в колхозах, были поистине страшными. Утратив скот, жители Степи лишались традиционного для них мясо-молочного рациона питания. Рыболовство, охота и собирательство не спасали положения. Хлеба в ауле по причине недорода также не было (а тот, что был, выгребли по хлебозаготовкам). Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Без лошадей, верблюдов голодному кочевнику трудно было преодолеть огромные расстояния в несколько сотен, а то и тысяч километров. Для лишенного скота казахского крестьянина огромная Степь из кормилицы превратилась в ловушку.

Гонимые нуждой людские массы растекались по городам, поселкам, станицам, деревням, станциям железных дорог с единственой целью — выжить. В местах их концентрации вспыхивали очаги эпидемии брюшного тифа, который до того времени был неизвестен жителям редконаселенной Степи. Отсутствие иммунитета против неизвестной ранее болезни, плохая организация здравоохранения (во многих случаях его полное отсутствие) обрекали ослабленных голодом людей на смерть.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности, или половина уцелевшего населения (1030 тыс. человек), откочевала в годы голода за пределы республики. Из них 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. По нашим оценкам, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

Неоспоримым доказательством крупных откочевок казахов в сопредельные регионы также служат материалы переписей населения 1926 и 1939 годов. Если по переписи 1926 г. в соседних республиках проживало 314 тыс. лиц казахской национальности, то по переписи 1939 г.— уже 794 тыс., то есть превышение составило в сопоставимых границах 453 тыс. человек. В межпереписной период 1926—1939 гг. за счет мигрантов численность казахов возросла: в РСФСР — в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане в 7 раз, в Киргизии — в 10 раз[64].

С приходом нового руководства (Голощекин в начале 1933 г. был освобожден от занимаемой должности) во главе с видным большевиком-ленинцем Л. И. Мирзояном (в казахском народе его любовно называли

[58] Численность и расселение народов мира. М. 1962, с. 108.
[59] Татимов М. Б. Рост народонаселения. Алма-Ата. 1975 (на казах. яз.).
[60] Татимов М. Б. Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата. 1978, с. 114.
[61] Половозрастная структура, брачность и размер семьи у народов Средней Азии и Казахстана. В кн.: Проблемы народонаселения. М. 1970, с. 304—307.

[62] Естественное движение населения Союза ССР в 1925 г. М. 1926.
[63] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская АССР. М. 1929, с. 126—152; Статистика миграции населения. М. 1973, с. 222.
[64] Татимов М. Б. Летопись в цифрах. Алма-Ата, 1968, с. 79—80 (на казах. яз.).

«Мырзажан» — «щедрая душа») была проделана большая работа по возвращению и хозяйственному обустройству откочевников. Но с 1938 г. после репрессий «японских шпионов» и «национал-фашистов» эти усилия были свернуты. Новый состав ЦК республики не рискнул продолжать дело «врагов народа» (Л. И. Мирзоян был арестован и расстрелян). Однако это уже другая, не менее печальная страница истории.

Только благодаря мощному демографическому взрыву в послевоенные годы (пик приходится на 1962 г.) казахский этнос смог восстановить огромные потери. Численность его стала прежней почти через 40 лет, в 1969 году. Если бы не было демографического взрыва и его до сих пор продолжающегося «эха», то для преодоления подобного кризиса народонаселения потребовалось бы не менее 100—120 лет.

Прошедший страшный голод в Казахстане не только сильно деформировал в свое время нормальный ход демографических процессов, но и оставил глубокий след в современной половозрастной структуре казахского народа, где явно заметен сильный дефицит численности поколения 1930—1934 гг. рождения, которое пережило эти критические и трудные периоды истории в самом раннем детстве. При детальном демографическом анализе обнаруживаются отдельные последствия некоторых аномальных явлений. По переписи 1959 г. заметно преобладание численности мужчин среди поколения этого года рождения над численностью женщин (на 1000 женщин — 1092 мужчины) [65]. По-видимому, подобное соотношение и даже с еще большим разрывом сложилось в их самом раннем детстве, когда отчаявшиеся родители, спасая своих детей от голодной смерти, в той катастрофической обстановке большее предпочтение отдавали мальчикам, чем девочкам из-за укоренившегося патриархального сознания, вопреки рациональному демографическому поведению, которое учитывает возобновление нового поколения в будущем.

Трагические события тех лет в традиционной историографии объясняются ошибками и перегибами. Дело обстояло, скорее, наоборот, здесь имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули сказать — фатальное, ибо мобилизационно-административные и волюнтаристско-силовые методы уже по природе своей стихийны. Следовательно, ошибки и перегибы выражают в действительности объективную логику сталинской модели организации общества. Осознавая эту предпосылку, тем не менее трудно удержаться от вопроса: как в то время могли допустить такое трагическое развитие событий? Тем более что еще и сегодня бытует мнение о якобы неведении Сталина и его ближайшего окружения о положении дел, о масштабах драмы в Степи. Так ли это?

Действительно, как рассказывали на одном из заседаний бюро Казкрайкома Л. И. Мирзоян и председатель СНК КАССР У. Исаев, возвратившиеся из Москвы после доклада о ситуации, сложившейся в крае, Л. М. Каганович был более чем возмущен. Он грозно вопрошал: «Как это могло случиться? Почему ЦК узнает об этом из газет?» (явная ложь, так как пресса в то время не выходила в своей «информации» далее санкционированных пропагандистских клише). «Кому выгодно было это (т. е. голод, откочевки и т. д.) замалчивать»? (привычный намек на «вредителей»). Казалось бы, в Центре на самом деле не представляли масштабов катастрофы [66]. Но документы говорят об обратном. Прежде всего известна официальная правительственная записка, за подписью У. Исаева (май 1932 г.), в которой давалась более или менее правдивая

[65] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М. 1964, с. 215.

[66] Сегодня, зная уже очень много о преступной деятельности Кагановича, можно утверждать, что в данном случае имел место фарс. Кому, как не Кагановичу, было знать о голоде в Казахстане, да и в других районах страны. Ведь он прямо ответствен за его возникновение (Правда, 16.IX.1988).

информация [67]. Существует также версия, что о голоде и откочевках в Казахстане в Москву сообщали секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе и председатель ЦИК Узбекистана Ю. Ахунбабаев (логика здесь есть, поскольку Западная Сибирь и Узбекистан приняли большие массы откочевников, и их руководители не могли не поставить об этом в известность Сталина).

В этой связи можно также напомнить эпизод, когда Молотов выразил подобие беспокойства по поводу массовых откочевок населения из Западного Казахстана, при этом сразу удовлетворившись объяснениями Голощекина, что, дескать, там опять «классово чуждый» элемент воду мутит (столь универсальная отговорка в те годы всегда «снимала» все проблемы: от поломки турбины до пожара в поле) [68]. Кстати, понимание Голощекиным сущности откочевок вообще отличалось большой «оригинальностью». Вот цитата из его выступления: «Казах никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Одни — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие — «левые» фразеры — видят в этом только контрреволюцию. Конечно, в некоторой степени есть элементы и того, и другого, но в основном идет перестройка быта» [69]. Невдомек было первому руководителю республики, что стихийные передвижения огромных масс населения были вызваны не «перестройкой быта», а нуждой и голодом.

Убедительным свидетельством того, что руководство страной знало обстановку, служат письма Т. Р. Рыскулова Сталину [70]. Последнее из его известных писем датировано мартом 1933 г. и написано на основе информации, которую Рыскулов, как зам. председателя Совнаркома РСФСР, имел возможность получать из самых разных мест и источников [71]. Адресовано письмо лично Сталину (копии: Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) — Кагановичу, СНК СССР — Молотову). Рыскулов, человек большого гражданского мужества и принципиальной партийной честности, не побоялся раскрыть правду о разразившейся трагедии. Письмо начинается с преамбулы. По сути это был крик о помощи. Здесь говорилось: «Прошу Вас ознакомиться с настоящей запиской и вмешаться в это дело и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть». Далее шли страницы, раскрывавшие нарастающую трагедию, часть которых мы и приводим.

Рыскулов писал: «Откочевки казахов из одного района в другой, из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 г., с возрастанием к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 г. вновь теперь усиливаются... Откочевки по отдельным районам

[67] Жумабеков Ж. Ленинской дорогой, с. 201.

[68] VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 49.

[69] Советская степь, 1.IX.1931.

[70] Рыскулов Турар Рыскулович (1894—1943 (?) гг.) — член партии с сентября 1917 года. В январе 1920 г. избран председателем Туркестанского ЦИК, осенью того же года назначен зам. наркома по делам национальностей РСФСР. Осенью 1922 г.— председатель СНК ТуркАССР, с февраля 1924 г. работает в Исполкоме Коминтерна, его уполномоченный в Монголии. С мая 1926 по май 1937 г.— зам. председателя СНК РСФСР. Незаконно арестован и расстрелян.

[71] Правильнее было бы сказать, что до сих пор больше известны не сами письма, а лишь факт их существования. Фрагмент из последнего письма Рыскулова публикуется впервые ниже. Авторы выражают искреннюю признательность известному казахскому советскому писателю Ш. Муртазаеву, в архиве которого хранилась копия письма, предоставившему нам эту возможность. Достоверность авторства Рыскулова и самого приводимого письма абсолютна. Документ имеет соответствующую архивную атрибуцию.

доходят до 40—50 процентов всего количества населения районов... В прошлую весну в Казахских районах среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемии. Это явление вновь усиливается сейчас, с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов с мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев представители для участия в рабочих комиссиях СНК РСФСР сообщают следующие факты:

т. Илларионов (от Средне-Волжского Крайисполкома) говорит, что в Сольилецком и Орском районах среди откочевников умирают ежедневно 5—10 чел., тов. Алагызов (от Зап. Сиб. исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж. д. скопилось 10 тыс. казахов, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительна смертность, Туганбаев (Зам. пред. Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях до 10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б) и ежедневно умирают 15—20 человек (особенно дети).

Не лучше обстоит дело с откочевниками внутри самого Казахстана. По многим городам (Аулие-Ата[72], Чимкент, Семипалатинск, Кзыл-Орда и др.) и ст. ж. д. ежедневно вывозят трупы умерших. В Чуйском районе (по сообщению Уполномоченного тов. Джандосова), в райцентре сел. Ново-Троицком умирает ежедневно 10—12 чел., В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хозяйств осталось только 500 хозяйств, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и др. районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сотен казахов из этого района с семьями. На вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. На дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали детей в воду. В г. Аулие-Ата 5—6 января по чайханам подобрали замерзших 20 трупов детей, и за это же время умерло 34 чел. взрослых.

...В докладе московского отряда Красного креста, работающего в Актюбинской области, сообщается, что казахи в таких районах, как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. Собаки и кошки... съедены полностью и кули мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак, кошек и мелких грызунов... Передают о случаях трупоедства.

...По данным местных органов, в Тургайском и Батбаккаринском районах вымерло 20—30 процентов населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов — 30—35 процентов населения. В целом по Актюбинской области (куда относятся эти районы) председатель облисполкома тов. Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 г.), что в области в 1930 г. было населения 1 012 500 чел., в 1932 г. осталось 725 800 чел., или 71 процент.

По свидетельству председателя Кзыл-Ординского райисполкома, в этом районе по большинству аулсоветов осталось 15—20 процентов населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тыс., откочевало 12 тыс. человек, умерло 30 тыс. В Каратальском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов в другое место погибла половина населения. В том же районе (по свидетельству местного ОГПУ) на декабрь и 10 дней января (1933 г.) умерло 569 чел. от голода, подобрано за это же время на ст. Уштобе, площадке Караталстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартавском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, а на 1/I-1933 г. осталось 1941 хоз. В Каркаралинском районе в мае 1932 года было 50 400 чел., а к ноябрю месяцу осталось 15 900 чел.

[72] Ныне г. Джамбул.

и в райцентре ежедневно умирало 15—20 чел. (из сведений Крайисполкома). В Караганде в прошлую весну умерло около 1500 чел. казахов, среди них рабочие, от голода и эпидемии. В гор. Сергиополе (Турксиб) за январь месяц умерло около 300 чел. Все вышеприведенные данные взяты из официальных источников.

Таких примеров с большим или меньшим размером убыли казахского населения можно встретить и по ряду других казахских районов. Особенно значительна убыль среди детского населения. Многие откочевники бросают детей на произвол судьбы. Прибывшие в другие края откочевники мало приносят с собой детей. Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям ж. д. в Казахстане,.. приносят и бросают детей перед учреждениями и домами. Казахские органы еще в конце 1932 г. официально сообщали о неустроенных 50 тыс. казахских беспризорных детей. Существующие детдома в Казахстане переуплотнены и немало смертности среди детей. Так, например, в Семипалатинском районе при обследовании комиссии обнаружено в одном детдоме в подвале разложившихся 20 трупов детей, которых вовремя не убрали из-за отсутствия транспорта.

Вот выдержка из доклада того же Актюбинского отряда Красного Креста о казахских детях в Тургае: «В самом жутком состоянии находятся дети. Детское население в возрасте до 4-х лет вымерло поголовно, если осталось без родителей». В Кзыл—Орде в январе скопилось до 450 беспризорных детей. С одной станции Аягуз было собрано 300 детей, там же казашка бросила двух своих детей под поезд, а в г. Семипалатинске казашка двух детей бросила в прорубь».

Недавно были опубликованы главы из книги К. Икрамова, где он, в частности, приводит стенограмму допроса своего отца, видного большевика Акмаля Икрамова, незаконно арестованного по «делу Бухарина». Отвечая на иезуитские вопросы Вышинского, Икрамов подтвердил, что у них с Н. И. Бухариным во время посещения им Ташкента был разговор о Казахстане. Николай Иванович рассказывал как «ехал по дороге, из окна вагона смотрел, что видел — ужас...»[73].

Читая выдержки из письма Рыскулова Сталину, начинаешь понимать, что мог видеть, проезжая многие станции Казахстана, Бухарин. Ужас его был вызван апокалипсическими картинами голодной Степи, проплывавшими за окнами вагона. И с болью всматриваясь в них, видный ленинец, наверное, как никто другой, чувствовал, что это есть начало господства глубоко преступной системы сталинизма, в рамках которой нет места конкретным людям, с их болями и бедами, а есть только масса, послушная воле «вождя».

[73] Икрамов К. Дело моего отца.— Огонек, 1988, № 43.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

РИШЕЛЬЕ

П. П. Черкасов

Кардинал Ришелье принадлежит к числу тех исторических личностей, деятельность которых до сих пор служит предметом острых дискуссий и диаметрально противоположных оценок. Еще при жизни Ришелье снискал редкую для государственного деятеля непопулярность у себя на родине. Аристократия связывала с ним упадок своего политического влияния. Впоследствии ему припишут подрыв феодальных устоев, приведших к падению Старого порядка в 1789 году. В «низах» его считали виновником бедственного положения народа, усугубленного развязанной кардиналом разорительной войной против Габсбургов. Просветители — от Монтескье до Руссо и Вольтера — обвиняли Ришелье в насаждении деспотизма и подавлении свободомыслия. «У этого человека,— утверждал Монтескье,— деспотизм был не только в сердце, но и в голове» [1]. Великая Французская революция объявит Ришелье тираном, а якобинцы даже надругаются над его прахом.

Таким образом, одни обвиняли Ришелье в разрушении Старого порядка, другие — в его консервации. Довольно рано идейное размежевание в оценке личности Ришелье произошло по принципу политической принадлежности. Левые, унаследовавшие концепцию просветителей, видели в Ришелье мрачного деспота и душителя свобод; правые все более склонялись к тому, чтобы объявить его национальным героем, «спасителем Франции». Откровенная политико-идеологическая окраска споров вокруг личности Ришелье сохранилась вплоть до наших дней [2].

Когда в 1985 г. отмечалось 400-летие со дня рождения Ришелье, социалисты, стоявшие у власти во Франции, постарались придать этому юбилею достаточно скромные масштабы: во-первых, ограничили сугубо академическими рамками, во-вторых, объединили с 350-летием основанной им Французской академии. Акцент был сделан не на вкладе Ришелье в политическую или дипломатическую историю Франции, как того можно было ожидать от голлистской или жискаровской администраций, а на его вкладе в культуру. В правящих кругах Франции сочли, что «культурная направленность» юбилея не вызовет ненужной внутренней полемики, а также не заденет национальных чувств западноевропейских партнеров Франции — Великобритании, ФРГ, Испании или Австрии.

Арман Жан дю Плесси де Ришелье родился 9 сентября 1585 г. в Париже. Предки его по отцовской линии принадлежали к родовитому, но небогатому дворянству Пуату. Его отец входил в ближайшее окружение двух королей — Генриха III и Генриха IV, занимая важную административно-судебную и военную должность главного прево. Он умер, когда Арману было всего 5 лет. На руках у вдовы осталось пять несовершеннолетних детей. Мать Ришелье (в девичестве Сюзанна де Ла Порт) происходила из семьи адвоката Парижского парламента, сумевшего приобрести дворянство.

Начальное домашнее образование Арман получил в фамильном замке Ришелье [3]. В 1594 г. семья перебралась в столицу, и мальчик был определен в привилегированный Наваррский коллеж, по окончании которого поступил в «Академию» Плювинеля, где готовили офицеров для королевской кавалерии. Арман твердо решил стать военным, однако по семейным обстоятельствам вынужден был в 1602 г. сменить светское платье на сутану. Необходимо было спасать фамильное епископство в Люсоне, (провинция Пуату), от которого неожиданно отказался старший брат Альфонс. Арман становится студентом богословского факультета Сорбонны и уже в 1606 г. получает ученую степень магистра канонического права. Генрих IV дал согласие утвердить 20-летнего аббата де Ришелье епископом Люсонским, хотя существовало правило, что претендент на епископскую митру не может быть моложе 23 лет. Ришелье пришлось самому ехать в Рим и добиваться разрешения Святейшего престола. Своими глубокими познаниями он произвел самое благоприятное впечатление на папу Павла I и 17 апреля 1607 г. был посвящен в сан епископа.

Вернувшись в Париж, Ришелье уже в октябре того же года защищает в Сорбонне диссертацию на степень доктора богословия. Вскоре юный епископ становится одним из модных придворных проповедников. Генрих IV оказывает ему знаки внимания, именуя не иначе как «мой епископ». В это время Ришелье приобретает не только друзей, но и врагов. С самого начала не сложились его отношения с влиятельным фаворитом герцогом де Сюлли, а также с королевой Марией Медичи, вокруг которой собирались все недовольные политикой короля. Пробыв некоторое время при дворе, Ришелье стал ощущать двусмысленность и ненадежность своего положения. Он решает оставить столицу и отправиться в свою епархию. Там, в провинции, он надеялся набраться опыта и приобрести так недостававший ему политический вес. Он был убежден, что обязательно вернется в Париж.

В декабре 1608 г. он приехал в Люсон и сразу же с головой ушел в дела епархии. По положению он был вторым человеком в провинции после губернатора Пауту и ему приходилось заниматься не только делами клира. В его епархии проживало значительное число гугенотов, что требовало от молодого епископа в равной степени твердости и гибкости в решении постоянно возникавших проблем и конфликтов. Он показал себя столь же ревностным князем церкви, сколь и разумным администратором. В свободное время Ришелье занимается теологическими исследованиями. Именно тогда он написал или задумал свои известные богословские сочинения: «Синодальные ордонансы», «Основы вероположения католической церкви», «Наставление христианина» и др.

Полностью отдаваясь своим многотрудным обязанностям, епископ Люсонский не порывал связей с Парижем. Он вел оживленную переписку с друзьями и знакомыми, интересуясь новостями столичной и придворной жизни. В последних числах мая 1610 г. он получил ошеломившее его известие об убийстве Генриха IV, с которым связывал столько личных надежд и планов. Ришелье сожалел, что у него не сложились отношения с Марией Медичи, провозглашенной регентшей до совершеннолетия ее сына, Людовика XIII. Он едет в Париж, чтобы напомнить о себе, но новому двору было не до него. Ришелье понял, что поторопил-

ЧЕРКАСОВ Петр Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

[1] Монтескье Ш. Избранные произведения. М. 1955, с. 209.

[2] В нашей стране была опубликована лишь одна брошюра, посвященная Ришелье (Ранцов В. Л. Ришелье. СПб. 1893).

[3] О детских и юношеских годах Ришелье см.: Hanotaux G. Histoire du cardinal de Richelieu. T. 1. La jeunesse de Richelieu (1585—1619). P. 1896; Carré H. La jeunesse et le marche au pouvoir de Richelieu (1585—1624). P. 1944.

ся. Зато он раньше многих сумел угадать, кто сделается фактическим правителем страны. Это был Кончино Кончини, итальянец из свиты Марии Медичи. Пока он держался в тени, но Ришелье сразу понял, кто будет направлять волю вздорной королевы. Вскоре Кончини стал маршалом д'Анкром, главой совета королевы-регентши.

Вернувшись из столицы, епископ Люсонский вновь погружается в дела своей епархии, продолжая поддерживать оживленную переписку с парижскими знакомыми. В Люсоне он встречает человека, который войдет в его жизнь в качестве верного помощника и, быть может, единственного настоящего друга. Это отец Жозеф, «серое преосвященство», как его назовут уже современники [4]. Виднейший деятель ордена капуцинов, отец Жозеф (Франсуа Леклерк дю Трамбле) пользовался большим влиянием как в религиозных, так и в политических кругах. К его мнению прислушивались при дворе, к нему благоволила Мария Медичи, что было впоследствии использовано Ришелье. Отец Жозеф одним из первых поверил в высокое предназначение молодого епископа и без колебаний отдал ему свои силы и недюжинные способности.

Именно отец Жозеф положил начало политической карьере Ришелье, рекомендовав его Марии Медичи и ее фавориту маршалу д'Анкру. Епископ Люсонский был приглашен в Париж выступить с проповедями; на одной из них присутствовали королева и Людовик XIII, благосклонно принявшие Ришелье. Тогда же он установил контакт с д'Анкром.

В августе 1614 г. епископ Люсонский был избран духовенством Пуату представлять его интересы на Генеральных штатах, созывавшихся для обсуждения кризисной ситуации, в которую ввергло страну бездарное правление королевы. Ришелье возлагал большие надежды на свое участие в работе Генеральных штатов. На том этапе его волновала прежде всего и главным образом собственная карьера. Он был полон решимости показать свою нужность тем, кто вершил судьбами Франции: они должны оценить его и принять в свой круг.

На Генеральных штатах, открывшихся 27 октября 1614 г., Ришелье сразу же привлек всеобщее внимание фундаментальностью знаний, зрелостью суждений, энергией и инициативностью. Ему было поручено представлять интересы первого сословия (духовенства) в контактах с двумя другими палатами. Именно ему доверили выступить докладчиком от первого сословия на пленарном заседании 23 февраля 1615 года. Изложив мнение духовенства по проблемам, волнующим страну, епископ Люсонский высказался за более широкое привлечение церкви к управлению государством, напомнив, что 35 канцлеров Франции были священнослужителями. Он высказался за сокращение государственных расходов, запрещение дуэлей, «истребляющих дворянство», потребовал решительной борьбы с коррупцией чиновников, «притесняющих народ». Епископ прямо указал на государство, как естественного защитника народа от всевозможных «обид», не забыв при этом сказать о желательности более благоразумного обложения налогами.

Зная о желании Марии Медичи удержаться у власти и после достижения Людовиком XIII совершеннолетия, Ришелье разразился откровенным панегириком в ее адрес, не скупясь на комплименты «политической мудрости» королевы. «Счастлив государь,— воскликнул он, демонстративно повернувшись к ней лицом,— которому Господь дарует мать, исполненную любовью к его особе, усердием к его государству и опытом в ведении его дел!» [5]. Нельзя было лучше угодить королеве, чем это сделал Ришелье, сумевший придать ее сокровенным желаниям форму государственной необходимости. Молодой честолюбец прекрасно знал истинную цену «государственному уму» правительницы, сумевшей менее чем за пять лет практически свести на нет результаты усилий Генриха IV, прежде всего в финансово-экономической области. Жертвуя истиной ради карьеры, Ришелье полностью отдавал себе отчет в том, что делал, его не мучили угрызения совести, он хотел угодить королеве, и это ему удалось.

В декабре 1615 г. епископ Люсонский был назначен духовником молодой королевы Анны Австрийской, а в ноябре 1616 г. получил желанный пост государственного секретаря, став членом Королевского совета и личным советником Марии Медичи. Начиналась новая глава в его политической биографии. В обязанности государственного секретаря входило руководство не только внешнеполитическими, но и военными делами. Прежде всего новый государственный секретарь занялся реорганизацией армии, стремясь внести в ее комплектование порядок и единообразие. Ему было важно добиться того, чтобы противники правительства из числа фрондирующих аристократов не могли свободно формировать вооруженные отряды и даже целые армии как в самой Франции, так и за границей. Он настойчиво советовал Марии Медичи и маршалу д'Анкру не идти на уступки мятежным принцам, оспаривавшим полномочия королевы. В результате его настойчивых усилий к лету 1617 г. удалось сломить сопротивление мятежников, вынудив их пойти на примирение с правительством.

Добившись некоторой стабилизации внутреннего положения, Ришелье получил возможность в большей степени заняться вопросами внешней политики. Здесь, как и в военном делопроизводстве, царила неразбериха. Многочисленные предшественники Ришелье приходили и уходили, и каждый из них должен был начинать буквально с нуля. Практика передачи дел тогда была еще неизвестна. Ришелье решил навести и здесь порядок. Он начал с того, что потребовал от помощника бывшего государственного секретаря А. Сервьена вернуть всю дипломатическую корреспонденцию. «Убедительно прошу вас,— писал он Сервьену,— выслать мне копии инструкций, которые вы забрали с собой; кроме того, прошу детально ознакомить меня с тем, что происходило за время вашего пребывания здесь, с состоянием дел на текущий момент и с тем, чего можно было бы ожидать в будущем. Я должен составить себе более полное представление о возможном течении событий. Служба королю требует того, чтобы вновь назначенное лицо стремилось получить всестороннюю информацию» [6]. С аналогичным запросом Ришелье обратился к французскому послу при папском дворе де Бетюну, не обнаружив даже копий его депеш из Рима. Государственный секретарь потребовал от всех дипломатических представителей Франции за рубежом упорядочить делопроизводство.

Опираясь на поддержку все более благоволившей к нему Марии Медичи, Ришелье добился существенного обновления дипломатического корпуса, введя в него ряд способных, энергичных людей. Что касается внешней политики, то здесь Ришелье не был свободен, так как не имел достаточных полномочий. Руководство внешней политикой держали в своих руках королева и д'Анкр, взявшие курс на максимально тесное сближение с Испанией, Священной Римской Империей и папским Римом. Ришелье, принадлежавший в то время к «испанской партии», действовал в том же направлении. Но интуиция государственного деятеля, каковым он постепенно становился, подсказывала ему пагубность для интересов Франции линии на поощрение гегемонистских устремлений австрийских и испанских Габсбургов.

В сущности, Ришелье была понятнее и ближе дипломатия Генриха IV, ориентированная на союз с протестантскими государствами Евро-

[4] См. о нем: Fagniez G. Le père Joseph et Richelieu. Tt. 1—2. P. 1894; Lafue P. Le père Joseph, capucin et diplomate. P. 1947.
[5] См. Mémoires du cardinal de Richelieu. T. 1. 1600—1615. P. 1907, pp. 340—365.

[6] Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat du Cardinal de Richelieu (далее — Lettres). T. 1. 1608—1624. P. 1853, p. 195.

вы. но он еще не осмеливался идти наперекор воле тех, кто его возвысил. Тем не менее уже тогда отдельные действия государственного секретаря свидетельствовали о правильном понимании им национальных интересов Франции. Инструктируя посла в Вене графа Шомберга, Ришелье подчеркивал в секретном циркуляре, что недопустимо действовать «в интересах Рима или Испании в ущерб нашим старым союзам (с немецкими протестантскими княжествами.— *П. Ч.*) и нашим собственным интересам» [7]. Переписка Ришелье 1616—1617 гг. говорит о предвидении им Тридцатилетней войны, поводом к которой стал вопрос о наследовании императорской короны. «Нужно воспользоваться случаем дать им (немецким протестантам.— *П. Ч.*) понять,..— писал Ришелье Шомбергу,— что мы ни в малейшей степени не желаем выдвижения Испании, предложив им, хотя и косвенно, помощь в борьбе против действий короля Испании, который стремится к падению королевских домов Венгрии и Богемии, а также Валахии и намерен со временем возложить императорскую корону на голову одного из своих сыновей» [8].

Откровенная ориентация внешней политики на сближение с Габсбургами вызвала резкое охлаждение между Францией, с одной стороны, и Англией и Голландией — с другой: ухудшились отношения с Венецианской республикой, оставленной без поддержки перед лицом угрозы со стороны Испании и эрцгерцога Штирийского (будущего императора Фердинанда II). И все же внешнеполитические просчеты Ришелье как государственного секретаря были результатом не столько его неопытности, сколько несамостоятельности; они были запрограммированы провозглашенной Марией Медичи стратегической линией на сближение с Габсбургами.

Активная внешнеполитическая деятельность Ришелье была прервана в апреле 1617 г. в результате государственного переворота, осуществленного с согласия Людовика XIII. 24 апреля 1617 г. был убит д'Анкр, а юный король, желавший управлять самостоятельно, разогнал Королевский совет и призвал к власти «бородачей», сподвижников Генриха IV. Фактическим правителем страны стал фаворит короля Альбер де Люинь. Мария Медичи была отправлена в ссылку. Вместе с нею туда отбыл и епископ Люсонский. Всего лишь пять месяцев продержался он на посту государственного секретаря.

За годы опалы Ришелье окончательно убедится в пагубности политики как Марии Медичи, так и де Люиня, умершего в декабре 1621 года. В голове епископа созрел, говоря словами Сюлли, «великий замысел». Ришелье мечтает о единой, сплоченной Франции, которая займет подобающее место в Европе. Для этого необходимо преодолеть внутреннюю разобщенность и сокрушить мощь Габсбургов. Ришелье считает, что осуществление этого замысла по силам только ему, он уверен, что сумел бы навязать свою волю упрямому, но слабохарактерному королю. Но как приблизиться к Людовику XIII, квк преодолеть его недоверие, как убедить в своей нужности и даже незаменимости?

Ришелье делает ставку на примирение матери и сына. Неожиданная смерть заклятого врага королевы — де Люиня — открывала возможность для такого примирения. Епископ Люсонский будет содействовать ему всеми силами и, надо сказать, успешно. Летом 1622 г. Мария Медичи, а вместе с нею и ее любимец возвращаются в Париж. Король сразу вводит мать в состав Королевского совета. Не были забыты и старания Ришелье. 22 декабря 1622 г. он был возведен в сан кардинала римско-католической церкви. С этого времени его положение при дворе существенно меняется. с ним должны считаться даже члены Королевского совета. На фоне незначительных и даже мелких политиканов фигура кардинала Ришелье привлекала всеобщее внимание. Известный поэт Ф. де Малерб писал одному из друзей: «Вы знаете, что я не льстец и не лжец, но клянусь Богом, что в этом кардинале есть нечто такое, что выходит за общепринятые рамки, и если наш корабль все же справится с бурей, то это произойдет лишь тогда, когда его доблестная рука будет держать бразды правления» [9].

Кардинал получил желанную возможность часто видеться с королем. Он хорошо изучил характер Людовика XIII и сделал ставку на его тщеславие, на желание походить на своего знаменитого отца. При каждом удобном случае Ришелье апеллировал к памяти Генриха IV и его деяниям на благо страны. Кардинал упорно внедрял в сознание молодого короля такие понятия, как «родина», «величие», «слава» и т. д., не уставая говорить о предназначении Людовика Справедливого. Своими аргументами Ришелье дискредитировал политику бездарного правительства, возглавлявшегося в то время Б. де Силлери, а затем сменившим его маркизом Ш. де Ла Вьевилем. Наконец, он приблизился к желанной цели.

24 апреля 1624 г. Людовик XIII сделал его членом Королевского совета, а 13 августа того же года назначил первым министром Франции. На этом посту кардинал бессменно пробудет до своей смерти. Позади остались годы трудного восхождения к вершине власти, вместившие взлеты и падения. успехи и поражения, унизительные заискивания перед ничтожествами, фальшивая дружба с врагами и сознательные измены друзьям, наконец, безденежье. Началась новая, наиболее важная часть жизни Ришелье.

В «Политическом завещании», составленном на исходе жизни для Людовика XIII, кардинал так характеризовал доставшееся ему в 1624 г. наследство: «Когда Ваше Величество соблаговолили призвать меня в свой Совет для участия в управлении своими делами, могу удостоверить, что гугеноты разделяли с Вами власть в государстве, вельможи вели себя так, словно они не были Вашими подданными, а самые сильные губернаторы чувствовали себя чуть ли не самостоятельными властителями...' Еще могу сказать, что союзы с иностранными государствами были в запущенном состоянии. а собственная корысть предпочтена была общей пользе. Одним словом. достоинство Королевского Величества было недопустимо унижено» [10]. Картина, обрисованная Ришелье, действительно была безрадостной: внутренняя разобщенность страны, слабость центральной власти при наличии мощной оппозиции, истощенные финансы, непоследовательная, пагубная для интересов Франции внешняя политика.

Как исправить положение к лучшему? На этот счет у нового главы Королевского совета были совершенно определенные намерения. В том же «Политическом завещании» Ришелье писал: «Я Вам обещал употребить все мои способности и всю власть, которую Вы мне изволили дать, чтобы ликвидировать гугенотскую партию, уменьшить притязания знати, привести в послушание всех Ваших подданных и возвысить Ваше имя в глазах чужих народов на такую ступень, на какой ему надлежит быть» [11]. Такова была программа действий, предложенная королю Ришелье, и он придерживался ее на протяжении своего 18-летнего пребывания на посту первого министра. Основные контуры этой программы были намечены кардиналом уже в его первом выступлении на Королевском совете 13 августа 1624 г., а также в памятной записке, поданной королю 6 мая 1625 года [12].

Намерения Ришелье, постепенное сосредоточение всех рычагов власти в его руках вызывали самые серьезные опасения у фрондирующей

---

[7] Ibid., p. 210.
[8] Ibid., p. 223.

[9] Цит. по: Carré H. Op. cit., p. 275.
[10] Testament politique du Cardinal de Richelieu. P. 1947, pp. 93—94.
[11] Ibid., p. 95.
[12] См. Lettres. T. 2. 1624—1627. P. 1856, pp. 77—78.

аристократии, предпринявшей в 1626 г. попытку устранить министра-кардинала. Заговор Шале был раскрыт, а глава его казнен. «Заговор Шале представлял собой попытку придворной знати, окончательно оттесненной кардиналом от всякого участия в государственных делах, расправиться не только с виновником своего «бесправного положения» (как заявляли вельможи), но и с поддерживавшим Ришелье королем, заменив его более приемлемой для них фигурой молодого, безвольного и легкомысленного Гастона» [13]. Кардинал сумеет подчинить центральной власти фрондирующую аристократию, применяя самые крутые меры, вплоть до публичных казней. 30 октября 1632 г. был отправлен на эшафот первый дворянин королевства, следующий за принцами крови, герцог де Монморанси, возглавивший антиправительственный мятеж в Лангедоке. Казнь его как бы символизировала триумф абсолютизма над сепаратизмом аристократии.

Центральным событием в борьбе с сепаратизмом явилась ликвидация гугенотской «республики» в Ла-Рошели, этого «государства в государстве». Будучи вполне терпим в вопросах вероисповедания, Ришелье не допускал никаких компромиссов, когда дело касалось монополии на власть. Всю жизнь он боролся с любыми проявлениями оппозиции, тем более организованной. В записке от 6 мая 1625 г. Ришелье подчеркивал: «До тех пор, пока гугеноты разделяют власть во Франции, король никогда не будет хозяином в своей стране и не сможет предпринять каких-либо успешных действий за ее пределами» [14]. Цитадель гугенотов была взята после 13-месячной осады, которой кардинал руководил лично, показав, что он еще и крупный полководец. Это была тем более трудная победа, что осажденной Ла-Рошели оказывала помощь английская эскадра. Ришелье проявил находчивость, приказав возвести дамбу и тем перекрыть вход в гавань Ла-Рошели, что в конечном счете и предрешило ее капитуляцию.

29 октября 1629 г. кардинал в сутане и доспехах въехал верхом в поверженный город во главе королевской армии. Открывшаяся его взору картина потрясла воображение Ришелье. В своих «Мемуарах» он рассказывает: «Город был заполнен трупами; они лежали на площадях, на улицах, в общественных местах и в домах. Оставшиеся в живых были до такой степени ослаблены, что не в состоянии были хоронить умерших, остававшихся на том самом месте, где их настигла смерть. Покойники были настолько иссушены голодом, что их трупы даже не разлагались, а ссыхались, и только по этой причине в городе не вспыхнула эпидемия» [15]. Из 28-тысячного населения Ла-Рошели в живых осталось немногим более 5 тыс. человек.

Ришелье сумел убедить прибывшего в Ла-Рошель короля проявить милость к побежденным. Людовик XIII, успевший уже проникнуться идеями своего первого министра, объявил, что закончившаяся война имела «государственный», а не религиозный характер. Он подтвердил свободу протестантского вероисповедания в Ла-Рошели и объявил о прощении всех заблудших и презревших свой долг. Одновременно в Ла-Рошели восстанавливался и отмененный гугенотами католический культ. Никто из защитников города не был предан суду, лишь руководители мятежа были высланы за пределы Ла-Рошели. Ее укрепления со стороны суши по приказу Ришелье были разрушены, остались лишь те, которые защищали город с моря, т. е. от внешнего врага. Началась реконструкция порта Ла-Рошели, который Ришелье задумал превратить в один из центров торгово-колониальной экспансии.

[13] Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.— Л. 1965, с. 297. Гастон Орлеанский — младший брат Людовика XIII.
[14] Lettres. T. 2, p. 81.
[15] Mémoires du cardinal de Richelieu sur le regne de Louis XIII. T. 24(4). P. 1823, pp. 172—173.

Победа над Ла-Рошелью потребовала от правительства огромного напряжения и мобилизации всех сил. По данным, приводимым современным французским историком, общая сумма расходов, связанных с осадой Ла-Рошели, составила примерно 40 млн. ливров, что в 2,5 раза превышало ежегодный доход королевства [16].

Сразу же после взятия Ла-Рошели Ришелье начал борьбу против Лангедока — второго очага мятежа гугенотов и возглавлявшего его герцога де Роана. Взяв несколько крепостей гугенотов, Ришелье вынудил Роана подчиниться власти короля. 28 июня 1629 г. в г. Але был подписан «мир милости», положивший конец длительным и кровопролитным религиозным войнам во Франции. Таким образом был сделан важнейший шаг к достижению национального единства. В реляции, отправленной королю, Ришелье подчеркивал: «Теперь можно сказать с полным убеждением, что источники ереси и бунта иссякли... Все склоняется перед Вашим именем» [17]. И на этот раз кардинал сумел убедить Людовика XIII отказаться от намерения подвергнуть гугенотов массовым репрессиям, на что толкали короля ультрамонтаны (ярые паписты).

Ришелье лучше многих понимал, что репрессии и унижения способны лишь посеять семена будущих мятежей. Он решительно отказался ввести во Франции единую религию, считая эту идею совершенно утопичной. Соглашения, подписанные в Але, оставляли гугенотам свободу вероисповедания, лишив их повода к политическому и военному сопротивлению центральной власти. Это было тем более важно, что численность гугенотов составляла примерно 1 млн. человек. «Религиозные различия,— говорил Ришелье после подавления гугенотской оппозиции,— никогда не мешали мне оказывать всевозможные добрые услуги гугенотам, я различал французов только по степени их верности» [18]. Справедливость этих слов доказана всей последующей деятельностью первого министра. Он настойчиво и последовательно стремился к достижению национально-политического единства Франции.

Между тем политика Ришелье все более определенно входила в противоречие с позицией тех кругов, которые привели его к власти. Многочисленные кланы и группировки, соперничавшие друг с другом при дворе Людовика XIII, по своей политической ориентации принадлежали к двум противостоящим блокам — «святош» и «добрых французов». Партия «святош», возглавляемая Марией Медичи, кардиналом де Берюлем и братьями Марильяками, стремилась к тому, чтобы подчинить внутреннюю и внешнюю политику Франции интересам католицизма, выступая за союз с папским Римом, Мадридом и Веной. «Добрые французы» были представлены в основном сподвижниками Генриха IV. Эта партия исходила из галликанской традиции, она в одинаковой степени отвергала и гугенотский сепаратизм и папский универсализм, настаивая на защите прежде всего национально-государственных интересов.

Приход Ришелье к власти «святоши» искренне считали своей победой над «бородачами». Разве может не быть «своим» князь церкви, ближайший советник Марии Медичи, друг кардинала Берюля и отца Жозефа? Но они жестоко обманулись. Ошибались, впрочем, и «добрые французы», принявшие поначалу кардинала за своего противника. Вынужденный пройти весь извилистый путь к власти, держась за шлейф Марии Медичи, будучи длительное время одним из «святош», Ришелье не легко и не сразу решился круто повернуть руль государственного корабля, давно, еще с 1610 г., потерявшего нужное направление. Разрыв кардинала с Марией Медичи и партией «святош» приобрел очевидный характер лишь после подавления гугенотской оппозиции.

[16] Tapié V. L. La France de Louis XIII et de Richelieu. P. 1967, p. 182.
[17] Ibid., p. 192.
[18] Цит. по: Guizot F. L'Histoire de France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789. T. 4. P. 1875, p. 117.

Ришелье решительно отверг требования «святош» о полном искоренении «ереси», восстановив действие Нантского эдикта после взятия Ла-Рошели и сохранив за гугенотами гражданские и политические права. К концу 1620-х годов Ришелье окончательно убедился и в пагубности внешнеполитических установок «святош», ориентировавшихся на тесный союз с Испанией и Империей. Трезвый политический расчет подсказывал первому министру, что не следует вести как внутреннюю, так и внешнюю политику в узких религиозно-идеологических рамках. Решающая схватка Ришелье с выдвинувшей его партией «святош» произошла в ноябре 1630 г., когда кардиналу ловким маневром (демонстративным заявлением об отставке) удалось добиться удаления Марии Медичи и ее сторонников из Королевского совета. С легкой руки графа де Ботрю, одного из соратников Ришелье, 10 ноября 1630 г. (день победы кардинала над «святошами») стали называть во Франции «днем одураченных».

Одним из последствий «дня одураченных» явилось бегство за границу Марии Медичи и Гастона Орлеанского. Ришелье значительно укрепил свои позиции, свидетельством чего явилось, в частности, пожалование ему титулов герцога и пэра. С устранением королевы-матери Ришелье становился подлинным хозяином страны на все оставшиеся ему 11 лет жизни. Он пользовался безраздельным доверием короля и занимался всеми вопросами от определения внешнеполитических приоритетов и решения запутанных финансовых проблем до организации театрального дела. Еще в ноябре 1629 г. Людовик XIII специальным эдиктом возвел Ришелье в ранг главного государственного министра.

Важнейшее место в деятельности кардинала занимали вопросы централизации государственного аппарата. Считая себя продолжателем дела Генриха IV, Ришелье энергично боролся с сословным и провинциальным партикуляризмом. Под его руководством и при непосредственном участии в январе 1629 г. был принят «кодекс Мишо» (по имени тогдашнего хранителя печатей Мишеля де Марильяка, считавшегося составителем этого документа). Это было, по существу, первое систематизированное французское законодательство. Основной в «кодексе Мишо» была идея королевской власти как единственной и бесспорной во Франции. В нем подтверждался суверенитет государства в области финансов, внутренней и внешней безопасности.

В течение всего своего правления Ришелье целеустремленно вел наступление на права Парижского и провинциальных парламентов, пытавшихся ограничить абсолютистские притязания королевской власти. Первый министр постепенно лишал эти судебно-административные институты политических полномочий, а провинции — региональных свобод. Там, где оказывалось открытое неповиновение, Ришелье прибегал к карательным мерам, как это было в Нормандии в 1639—1640 гг., когда был распущен Руанский парламент. В 1641 г. королевская декларация официально запретила парламентам всякое вмешательство в дела государственной администрации.

Ту же линию Ришелье проводил и в отношении провинциальных сословных ассамблей (штатов провинций), пытавшихся отстаивать региональные свободы. Всемерно ослабляя старые структуры власти, Ришелье последовательно насаждал новые. В 1637 г. он унифицировал местную администрацию, создав для каждой провинции должности интендантов юстиции, полиции и финансов, которые стали реальным противовесом отмиравшей власти губернаторов. «Губернаторства во Франции почти все так мало полезны»,— подчеркивал Ришелье в своем «Политическом завещании» [19]. Интенданты сосредоточили в своих руках практически всю полноту административной власти, оказав правительству эффективную

[19] Testament politique, p. 259.

поддержку в преодолении местничества и сепаратизма губернаторов, провинциальных штатов и парламентов.

Долгое время считалось, что менее всего Ришелье преуспел в области управления финансами и экономикой. «Великолепный министр иностранных дел, умелый военный министр и никудышный министр финансов»,— писал о Ришелье французский историк Д. д'Авенель [20]. Такая оценка как будто подтверждалась и самим Ришелье, который в одном из писем к сюринтенданту финансов К. де Бюльону писал: «Я настолько признаю свое невежество в финансовых делах, а вас считаю в них столь сведущим, что единственное мое пожелание к вам состоит в том, чтобы мы подобрали себе людей, наиболее подходящих для королевской службы» [21]. Исследования французских и советских историков [22] опровергли эту точку зрения. Согласиться можно лишь с тем, что в финансово-экономической области Ришелье не выдвинул принципиально новых идей, но он хорошо ориентировался в современных ему представлениях, черпая идеи из литературы, докладных записок, составлявшихся по его поручению, наконец, из многочисленных бесед со знающими людьми.

Ришелье досталось очень тяжелое наследие в сфере финансов, совершенно расстроенных после смерти Генриха IV. Положение осложнялось тем, что успешно лечить финансово-экономические недуги Франции можно было только в условиях длительного мира, а именно такой возможности и не получил первый министр. Едва покончив с внутренними волнениями, он втянул страну в изнурительную европейскую войну, поставив под сомнение выполнение собственных финансовых проектов.

Взгляды его на финансы и экономику страны впервые были изложены им на Ассамблее нотаблей в 1626 году. Впоследствии он развил и уточнил их в «Политическом завещании»: «Давно уже считается, что финансы — это нервы государства, и действительно, они составляют ту точку опоры, которая, согласно Архимеду, позволяет перевернуть весь мир» [23]. Взгляды Ришелье были типичными для эпохи меркантилизма. Как и большинство его современников, он считал первейшим условием процветания государства изобилие в нем звонкой монеты. В отличие от Испании, получавшей золото из своих владений в Америке, Франция могла надеяться добыть золото и серебро главным образом путем развития экспорта. Но этому мешали крайне ограниченные производственные возможности аграрной страны с ее закрытой экономикой. Крестьянство, составлявшее основную массу населения Франции, жило, по существу, в условиях натурального хозяйства, едва сводя концы с концами. С сельским хозяйством была связана подавляющая часть дворянства и даже городской буржуазии.

Ришелье был противником чрезмерного усиления налогового бремени. Из этого, разумеется, не следует, что он отличался состраданием к простому народу. Как трезвый политик, он хорошо понимал негативные социально-экономические последствия злоупотребления налоговым прессом. В «Политическом завещании» Ришелье писал: «Все политики согласны в том, что ежели народ будет пребывать в чрезмерном достатке, то станет невозможно держать его в правилах его обязанностей... Его можно сравнить с мулом, привычным к поклаже; от продолжительного отдыха он портится больше, чем от работы. Но работа эта должна быть соразмерна силе этого животного. Так же следует поступать и с народом» [24]. Ришелье был убежден, что размер налога не может определяться «одной

[20] d'Avenel G. Richelieu et la monarchie absolue. T. 2. P. 1884, p. 181.
[21] Lettres. T. 4 (1630—1635). P. 1861, p. 728.
[22] Hauser H. La pensée et l'action économique du cardinal de Richelieu. P. 1944; Tapié V.-L. Op. cit.; Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л. 1982.
[23] Testament politique, p. 427.
[24] Ibid., pp. 253—254.

лишь волей государя». Здесь необходимо проявлять умеренность и здравый смысл. Неоправданные повышения налогов, предостерегал Ришелье, неизбежно «навлекут на государя проклятия, а за ними последуют большие затруднения... ибо бесспорно, что, беря от своих подданных больше, чем положено, он истощает их любовь и верность, гораздо больше необходимые для существования государства и сохранения его особы, чем золото и серебро»[25].

Еще в 1626—1627 гг. на Ассамблее нотаблей Ришелье пытался решить финансовую проблему за счет выкупа в течение шести лет королевского домена (заложенных коронных имуществ), но эта идея не была поддержана нотаблями. Драматизм финансовой политики кардинала заключался в том, что, будучи противником повышения налогов и займов у финансистов, он тем не менее был вынужден прибегать к этим испытанным средствам получения денег, потребность в которых особенно возросла после вступления Франции в Тридцатилетнюю войну.

Большие надежды Ришелье возлагал на развитие внешнеэкономических связей как средство улучшения финансово-экономического положения Франции. «Трудно поверить...— заметил французский исследователь,— что этот государственный кардинал находил время интересоваться сукнами, полотнами, шелками, пряностями, маслами и красителями, солью, квасцами, шафраном, ковким и хрупким железом»[26]. Но недостаточно было произвести продукты на экспорт, надо было обеспечить их вывоз.

Ришелье первым из французских государственных деятелей поставил задачу превратить Францию в морскую державу, располагающую военным и торговым флотом, а также хорошо оборудованными портами и перевалочными базами. «Нет,— говорил он,— другого королевства, которое было бы расположено столь удачно, как Франция, и столь богато необходимыми средствами для того, чтобы стать хозяйкой на море»[27]. Еще в 1626 г. в преддверии решающей схватки с гугенотами Ла-Рошели он создал и возглавил Морской совет, ставший прообразом будущего морского министерства. По указанию кардинала, была проведена модернизация морских портов Тулона, Гавра, Бреста и Ла-Рошели. Когда Ришелье стал первым министром, у Франции не было ни одного военного корабля в Атлантике и в районе Ла-Манша, а в Средиземном море она располагала лишь 10 галерами. К 1635 г. французский военно-морской флот включал в себя три эскадры в Атлантике, а также одну парусную эскадру и 20 галер в Средиземном море. В «Политическом завещании» Ришелье рекомендовал Людовику XIII довести численность боевых кораблей в Атлантике до 40 и увеличить число галер в Средиземном море до 30. Он понимал, что исход борьбы против испано-австрийской гегемонии в Европе решается не только на континенте, но и на морях.

Из программы Ришелье вытекала и необходимость активной колониальной политики. В качестве Начальника и Генерального сюринтенданта навигации и торговли он активно способствовал созданию французских заморских торговых компаний, которым предоставил самые широкие привилегии в колониях. Начиная с 1625 г. эти компании стали проявлять большую активность в Северной и Южной Америке, в Сенегале и Гамбии, на Мадагаскаре и островах Зеленого Мыса. Французская колониальная экспансия при Ришелье была отмечена небывалой активностью. Именно тогда были заложены основы той колониальной империи, которую Франция утратила в XVIII веке. В 1635 г. Франция захватила о-ва св. Христофора, Мартинику, Гваделупу, о-в Доминик и ряд других островов в Вест-Индии. В 1638 г. Т. Ламбер основал французскую факторию в устье р. Сенегал, назвав ее Сен-Луи, а руанский торговец

[25] Ibid., p. 434.
[26] Hauser H. Op. cit., p. 4.
[27] Цит. по: Hardy G. Histoire de la colonisation française. P. 1928, pp. 35—36.

Ф. Кош попытался начать освоение Мадагаскара. В 1642 г. в Новой Франции (Канада) был заложен город Монреаль[28].

Исторический портрет Ришелье был бы неполным без характеристики его активной деятельности на ниве культуры и просвещения. В борьбе за национальное единство страны он широко использовал не только административные меры и силу оружия, но также средства культурно-идеологического воздействия, которые считал не менее эффективными. К развитию культуры он подходил прежде всего как политик, озабоченный укреплением внутренней сплоченности государства. «Ришелье,— отмечал проф. Р. Мунье,— взялся за эту задачу, используя на благо короля... науки, литературу и искусства, с настойчивостью и прозорливостью заботясь о необходимых преобразованиях, которые, как представляется, превратили его в одного из виднейших поборников единства нации»[29]. Одним из первых в Европе Ришелье пытался осуществлять государственное руководство культурой.

Первостепенное значение он придавал делу пропаганды правительственной политики. Едва ли не первым он понял значение «идеологического» воздействия на общественное мнение. В этих целях он создал в 1631 г. «Gazette» — первую французскую газету, превращенную им в рупор правительственной политики. Ришелье сделал все от него зависящее, чтобы установить государственную монополию на информацию. Население, по его убеждению, должно получать только ту информацию и в том освещении, которое выгодно правительству.

С позиций «государственной целесообразности» подходил Ришелье и к делу образования. Его взгляды на этот счет достаточно четко изложены в «Политическом завещании». Кардинал был убежден, что «образованность — лучшее украшение любого государства», но считал, что «не всякого следует обучать». «Точно так же,— писал он,— как безобразным стало бы человеческое тело, снабженное глазами на всех его частях, так и государство обезобразилось бы в случае, если бы все жители стали образованны, ибо вместо послушания они преисполнились бы гордостью и тщеславием. Увлечение науками пошло бы во вред торговле, обогащающей государство, погубило бы земледелие, кормящее народ, в короткий срок опустошило бы армию, которой благотворно скорее суровое невежество, нежели мягкость книжного учения; наконец, Франция заполнилась бы возмутителями народного спокойствия... Всеобщее образование привело бы к тому, что число сеющих сомнения намного превысило бы количество людей, способных их разрешить».

Ришелье выступил сторонником того, что в наши дни называется профессионально-техническим образованием. Как государственный деятель он отдавал явное предпочтение техническим и другим «полезным» знаниям перед гуманитарными, считая, что слишком много молодых людей ориентируются на занятия правом, философией и литературой и слишком мало — торговлей. «В хорошо устроенном государстве,— подчеркивал кардинал,— наставники технических дисциплин должны преобладать над учителями свободных профессий»[30].

При всем том Ришелье питал слабость к литературе, считая себя знатоком в этой области. Он не только свободно ориентировался в современной ему литературе, но и сам был не чужд ремеслу драматурга. Ему принадлежало несколько пьес, которые ставились в театре и даже имели успех — «Большая пастораль», «Смирнский слепой», «Мирам», «Европа»... Аплодисменты в театре приводили его в истинный восторг. Однажды, работая со своим постоянным литературным помощником

[28] См. Черкасов П. П. Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI—XX вв. М. 1983, с. 15—16.
[29] Richelieu et la Culture. Actes du Colloque international en Sorbonne. P. 1987, p. 12.
[30] Testament politique, pp. 204—205.

Демаре, Ришелье неожиданно спросил его: «Как вы думаете, мосье, что доставляет мне наибольшее удовольствие?» — «По всей видимости, монсеньор, трудиться на благо Франции»,— учтиво ответил литератор. «Вовсе нет,— возразил кардинал.— Писать стихи» [31].

У Ришелье был тонкий литературный вкус, который, правда, несколько портили его политические пристрастия. Он покровительствовал кружку литераторов, регулярно собиравшихся в доме маркизы де Рамбуйе. Эти «конференции» натолкнули кардинала на мысль, которую он постарался реализовать. Речь шла о создании академии, миссия которой состояла бы в том, чтобы совершенствовать французский язык и способствовать «правильному» развитию отечественной литературы. И здесь он выступал прежде всего как политик, убежденный, что единое государство немыслимо без единого языка и единой культуры.

10 февраля 1635 г. на свет появилась Французская академия — один из самых оригинальных институтов, когда-либо существовавших во Франции. Королевским эдиктом кардинал Ришелье был назначен ее главой и протектором. Формально функции Академии ограничивались упорядочением и совершенствованием французского языка, в действительности же с самого начала она приобрела характер официального общекультурного центра. Разрабатывая статут Академии, Ришелье отказался от узкопрофессиональной ее ориентации в пользу общекультурной и даже политической. Он мыслил Французскую академию как своего рода интеллектуальный Олимп, «населенный» выдающимися деятелями культуры и нотаблями. Именно поэтому в числе «сорока бессмертных» наряду с литераторами Ж. Шапленом и В. Конраром оказались канцлер П. Сегье, дипломаты Г. Ботрю и А. Сервьен, математик Баше и врач М. К. Лашамбр... Вместе с тем Ришелье был далек от того, чтобы поощрять свободу мысли. Он пытался направлять духовное развитие общества в интересах абсолютистского государства, решительно пресекая все, что, на его взгляд, содержало угрозу для этого государства.

Именно при Ришелье во французской культуре стал утверждаться классицизм с его пафосом государственных идей. При всей неоднозначности и противоречивости деятельность Ришелье на ниве культуры все же может быть оценена положительно, так как она способствовала прогрессу просвещения и росту талантов, подготавливая наступление «золотого века». Сам он являл собой колоритную личность, наделенную многими талантами. Он был не только способный драматург и писатель, но также художник и музыкант, тонкий ценитель культурного наследия прошлого, знаток античности и Возрождения, меценат и коллекционер. У него была одна из самых богатых во Франции библиотек, которую он завещал Сорбонне, кстати, реконструированной и реорганизованной по его инициативе и при личном финансовом участии. Его коллекция картин только в Пале-Кардиналь (ныне Пале-Рояль) была представлена именами Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Корреджо, Пуссена, Рубенса, Бассано, К. Лоррена и многих других выдающихся мастеров. Облик Ришелье дошел до нас в основном благодаря полотнам Ф. де Шампеня и гравюрам Ж. Калло, на которых фигура кардинала как бы воплощает собой идею абсолютизма.

Важнейшим элементом политической программы Ришелье наряду с ликвидацией гугенотского «государства в государстве» и утверждением королевской власти было повышение международного влияния Франции за счет изменения сложившегося в Европе соотношения сил.

Размах дипломатической активности кардинала поражает, если учесть его занятость внутренними делами. По данным, приводимым Ф. Гизо, за время правления Ришелье им было подготовлено и заключено 74 договора: 4 — с Англией, 12 — с Голландией, 15 — с германскими княжествами, 6 — со Швецией, 12 — с Савойей, 6 — с Венецией, 5 — с Империей, 2 — с Испанией, 3 — с папским Римом, 4 — с Лотарингией, 1 — с «Серыми лигами» Швейцарии, 1 — с Португалией, 2 — с повстанцами Каталонии и Руссильона, 1 — с Россией, 2 — с Марокко [32]. Одно перечисление этих договоров показывает антигабсбургскую направленность внешней политики Ришелье, продолжившего линию Генриха IV на поддержку протестантов против Империи и Испании.

Поглощенный внутренними делами, Ришелье тем не менее внимательно следил за развитием европейского конфликта, вспыхнувшего в 1618 г. в Чехии. Начало правления Ришелье совпало с обозначившимся перевесом сил габсбургско-католического блока после побед, одержанных им в Чехии и Пфальце. Немецкие протестанты, восставшие против императора, были на грани поражения, что представляло очевидную угрозу и для Франции, надеявшейся с их помощью, а также протестантов других стран Европы ослабить мощь Империи. Как трезвомыслящий политик, Ришелье не мог допустить закрепления успехов Фердинанда II. Сокрушить габсбургскую гегемонию в Европе — в полном смысле слова навязчивая идея Ришелье. Но как противодействовать усилению мощи Империи?

По ряду причин Франция не была готова вступить в Тридцатилетнюю войну ни в середине 1620-х, ни даже в начале 1630-х годов. Но Ришелье не мог пассивно наблюдать за тем, как немецкие протестанты будут окончательно разбиты. Оставалось действовать за кулисами, оказывая противникам Габсбургов дипломатическую и финансовую поддержку. Кардинал взял на себя роль закулисного режиссера и кредитора всех антигабсбургских коалиций, которые он умело создавал на протяжении десяти лет (1624—1634 гг.). «Его мысль,— отмечал Б. Ф. Поршнев,— была направлена на поиски союзников, руками которых Франция могла бы воевать и против этого противника (Габсбургов.— *П. Ч.*), не ввязываясь по возможности сама в военные действия, а опираясь преимущественно на свои финансовые ресурсы. Он искал союзников в любой части Европы» [33].

В течение десяти лет Ришелье с успехом проводил линию, которую французский историк Ф. Эрланжер назвал «дипломатией пистолей» [34]. Он финансировал военные действия немецких протестантов, вовлек в войну Христиана IV Датского, а после его поражения — шведского короля Густава Адольфа. Ришелье умело поддерживал испано-голландский антагонизм, поощрял антиавстрийские и антииспанские настроения в Северной Италии, пытался вовлечь в антигабсбургскую коалицию Россию и Турцию. Он не жалел финансовых средств для того, чтобы держать Империю и Испанию в постоянном напряжении. Один только Густав Адольф обходился французской казне в 1 млн. ливров ежегодно: Ришелье охотно финансировал любого, кто готов был сражаться против Габсбургов. «Дипломатия пистолей» ложилась дополнительным тяжелым бременем на французского налогоплательщика.

Гибель Густава Адольфа в сражении под Люценом (16 ноября 1632 г.) и разгром шведско-веймарской армии под Нёрдлингеном (5—6 сентября 1634 г.) имели следствием фактический распад протестантской коалиции, созданной стараниями Ришелье. Саксония и Бранденбург прекратили военные действия против императора и в мае 1635 г. подписали с ним мирный договор. Создалась реальная угроза выхода из войны Швеции. К 1635 г. возможности «дипломатии пистолей» были исчерпаны. Ришелье

---

[31] Цит. по: Cahu T., Leloir M. Richelieu. P. 1901, p. 66.

[32] См. Guizot F. Op. cit. T. 4, p. 120.

[33] Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976, с. 140.

[34] Erlanger Ph. Richelieu. P. 1980, p. 491. Пистоль — испанская золотая монета, имевшая широкое хождение в Европе.

понимал это и вынужден был вплотную заняться военными приготовлениями.

Перед тем как бросить открытый вызов Габсбургам, он сумел решить две важные проблемы: в 1634 г. Франция аннексировала Лотарингию, отодвинув свои границы на восток; тогда же Ришелье удалось добиться возвращения на родину Гастона Орлеанского, считавшегося наследником престола, ибо его пребывание в стане противника представляло серьезную угрозу безопасности Франции. Кардинал мог быть доволен результатами своих стараний: Лотарингский герцогский дом, столетиями досаждавший французским королям, перестал существовать, а Лотарингия превратилась во французский аванпост на германской границе; наследник престола вырван из-под влияния врагов Франции и возвращен на родину. Теперь можно было непосредственно заняться приготовлениями к войне.

Параллельно с мобилизацией внутренних ресурсов Ришелье начал сколачивать новую антигабсбургскую коалицию. В феврале 1635 г. был заключен договор об оборонительном и наступательном союзе с Голландией, которым, в частности, предусматривалась организация освободительного восстания в Испанских Нидерландах. Ришелье удалось предотвратить выход из войны Швеции путем заключения с нею в апреле 1635 г. Компьенского договора о совместных военных действиях против императора. Кардинал предпринял также усилия по созданию антииспанского блока в Северной Италии, в который ему удалось вовлечь Савойю и Парму. Одновременно он отправил специальное посольство в Англию. Зная о растущих внутренних сложностях Карла I, Ришелье хотел на худой конец «заручиться его нейтралитетом», не настаивая на помощи со стороны Англии «ни людьми, ни деньгами» [35].

Подготовив дипломатическую почву, Ришелье ждал удобного casus belli, который представился в марте 1635 г., когда войска наместника Испанских Нидерландов вторглись в Трирскую область, находившуюся под покровительством короля Франции. 19 мая 1635 г. Франция объявила войну Испании, а затем и Империи. В преддверии войны Ришелье представил Людовику XIII докладную записку, в которой предельно четко обосновал необходимость прямого французского вмешательства в Тридцатилетнюю войну.

Людовику XIII и Ришелье нелегко было бросить открытый вызов родственным царствующим домам. Ко всему прочему они рисковали быть осужденными Святейшим престолом. И тем не менее национальные интересы взяли верх над религиозно-идеологическими соображениями. «Очевидно,— писал Ришелье королю,— что если партия (протестантская.— *П. Ч.*) будет сокрушена, то вся мощь Австрийского дома обрушится на Францию. Очевидно, что после недавнего поражения (при Нёрдлингене.— *П. Ч.*) эта партия перестанет существовать, если в нее не вдохнут надежду и если ей не будет оказана солидная поддержка... Очевидно, что самым худшим, что можно посоветовать Франции, было бы вести себя таким образом, будто она способна в одиночку выдержать натиск со стороны Императора и Испании» [36].

Толкнув короля на конфликт с его «кузенами», кардинал отдавал себе отчет в том, что Франция в 1635 г. еще не была готова к войне. Особое беспокойство у него вызывала боеспособность французской армии, и в частности уровень высшего командного состава. Маршалов было более чем достаточно, но действительно способные военачальники были наперечет. Состарившиеся, хотя и заслуженные в прошлом, они не были готовы к новым методам ведения войны, безнадежно отстали и вместе с тем

[35] См. Mémoires du cardinal de Richelieu sur le regne de Louis XIII. T. 28(8). P. 1823, p. 262.
[36] Ibid., pp. 178—179.

упорно цеплялись за свои посты. Ришелье сетовал в письме сюринтенданту финансов Бутилье: «Мне внушает серьезные опасения возраст месье де Лафорса, но я не знаю, что здесь можно поделать. Король лучше всех знает военные кадры. Но даже если он объедет все свое королевство, то, с моей точки зрения, он все равно не найдет таких военных, каких желательно было бы иметь» [37].

У вступившей в Тридцатилетнюю войну Франции было одно преимущество — ее географическое положение. Компактность национальной территории создавала возможности для быстрой переброски войск, в то время как силы ее противников были разобщены (Испанские Нидерланды, Германия, Северная Италия, Пиренеи) и практически не могли объединиться. К тому же Габсбургская империя вынуждена была одновременно вести борьбу на собственной территории со шведами и немецкими протестантами, а Испания — с Голландией. Было у Франции и еще одно преимущество, на которое рассчитывал Ришелье. На него первым из историков обратил внимание лорд Болингброк.

Воздавая должное расчетливости Ришелье, выбравшего весьма удачный момент для вмешательства в Тридцатилетнюю войну, Болингброк писал: «Он (Ришелье.— *П. Ч.*) имел двойное преимущество, вступив в войну на столь позднем этапе,— ввод свежих войск против утомленного и почти выдохшегося противника и преимущество, вытекавшее из того, что, уступив нетерпению друзей, нуждавшихся в помощи Франции, этот государственный деятель получил возможность выставить те требования и заявить те претензии — во всех договорах с Голландией, Швецией, с князьями и государствами империи,— на которых он основывал будущее возвеличивание Франции» [38].

За несколько дней до объявления войны ближайший помощник первого министра, отец Жозеф, определяя цели войны, писал: «Подлинные намерения короля состоят в том, чтобы в максимально короткие сроки обеспечить всеобщий мир на будущее, которое было бы аналогично золотому веку времен Августа» [39]. Ни сам отец Жозеф, ни Ришелье, ни Людовик XIII не могли тогда предположить, что Франции придется воевать без малого четверть века, до 1659 г., когда Пиренейский мирный договор, вслед за Вестфальским, увенчает ее многолетние усилия.

Первые три года войны были для Франции неудачными. Почти на всех направлениях ее армии терпели поражения. Особенно тяжелым оказалось лето 1636 г., когда войска наместника Испанских Нидерландов Хуана Австрийского подошли почти к самому Парижу. Лишь нерешительность этого габсбургского военачальника, опасавшегося за свои растянутые коммуникации, а также помощь принца Оранского, развернувшего наступление на бельгийские провинции, спасли Париж.

Неудачи на фронтах поощрили противников Ришелье при дворе, они даже попытались физически устранить кардинала. Одновременно росло недовольство «низов» военными тяготами. Оно вылилось в восстание кроканов, охватившее в 1636—1637 гг. несколько провинций, в особенности Перигор и Ангумуа. Правительство вынуждено было бросать целые армии на подавление восстаний.

И все же Франция устояла в испытаниях 1635—1638 годов. Именно в 1638 г. наметился перелом в ходе военных действий в ее пользу. Борьба велась одновременно на нескольких направлениях: в провинциях Артуа, Пикардии и Шампани, на границе с Люксембургом, в Эльзасе и Рейнской области, на границе Франш-Конте, в Северной Италии, на Пиренеях, в прибрежных водах Средиземного моря и Атлантики.

В марте 1638 г. герцог Бернгард Саксен-Веймарский, состоявший на французской службе, разгромил под стенами Рейнфельдена имперскую

[37] Цит. по: Carmona M. Richelieu. P. 1983, p. 573.
[38] Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М. 1978, с. 88.
[39] Цит. по: Fagniez G. Op. cit. T. 2, p. 224.

армию И. фон Верта. Центральным событием кампании 1638 г. и одновременно важнейшей вехой в истории Тридцатилетней войны станет сражение за город Брейзах в Бадене. «Крепость Брейзах на Верхнем Рейне господствовала над этой рекой и считалась ключом к Эльзасу,— отмечал Ф. Шиллер в своей «Истории Тридцатилетней войны».—... Надежность укреплений и выгодное положение делали Брейзах неприступным, и императорские генералы, отправленные туда, получили приказ не щадить ничего, лишь бы отстоять эту твердыню»[40]. Сражение за Брейзах продолжалось восемь месяцев. 18 декабря 1638 г. сопротивление защитников города-крепости было сломлено. «Отныне Франция — полная хозяйка Эльзаса, она контролирует Южную Германию и отрезала испанцев от Рейнской области»,— отмечал французский историк[41].

В том же году французская армия полностью очистила от испанцев Пикардию, а флот нанес чувствительные удары по военно-морским силам Испании в Атлантике и Средиземном море. Эти победы несколько сгладили крайне неблагоприятное впечатление от сокрушительного поражения французов под Фонтараби (на Пиренейском фронте) в сентябре.

«Боль Фонтараби убивает меня»,— писал Ришелье Людовику XIII 17 сентября 1638 года[42]. Этот год принес и еще одно печальное для Ришелье событие. 18 декабря, в день капитуляции Брейзаха, в замке кардинала в Рюэле умер отец Жозеф. Ришелье, обычно сдержанный и даже холодный, был потрясен до глубины души и даже не пытался скрыть охватившего его смятения. Кардинал был безутешен и горько рыдал над телом капуцина.

С потерей отца Жозефа ближайшим сотрудником Ришелье станет Дж. Мазарини. Ришелье давно и пристально следил за ловким сицилийцем, собственными силами сделавшим блестящую карьеру при папском дворе. В 1639 г. кардинал пригласил Мазарини на службу, и в январе 1640 г. тот прибыл в Париж, где его ожидало большое будущее.

Итоги 1638 года были для Ришелье и в целом для Франции все же обнадеживающими. Кардинал чувствовал наступление перелома в ходе войны. Главное — Франция сумела выстоять под натиском двух таких мощных противников, какими были Габсбургская империя и Испания. Менялся настрой в обществе, крепла уверенность в победе. Армия извлекала опыт из первых горьких неудач. Важное психологическое значение для умонастроений французов имело и рождение 5 сентября 1638 г. долгожданного дофина, будущего Людовика XIV. Почти одновременно с рождением дофина в Мадриде появилась на свет инфанта Мария-Терезия. Двадцать лет спустя — в 1659 г. Людовик XIV вступит с нею в брак, который положит конец извечной вражде двух королевских домов.

Между тем война продолжалась с неослабевающим накалом, унося все новые жертвы, возлагая на налогоплательщиков все новые тяготы. Выражением возраставшего недовольства беднейших и даже средних слоев населения стало «восстание босоногих» летом 1639 г. в Нижней Нормандии[43]. Его удалось подавить лишь к январю 1640 года.

1639—1641 гг. в ходе войны характеризовались преимущественно победами Франции и ее союзников. Ришелье сумел воспользоваться обострением внутренней обстановки в Испании, где вспыхнули национально-освободительные восстания в Каталонии и Португалии. Франция поспешила признать их независимость и оказать им демонстративную поддержку. Совместными усилиями французы и каталонцы изгнали испанцев из Руссильона. Провозгласивший себя королем Португалии

[40] Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 5. М. 1957, с. 361.
[41] Erlanger Ph. Op. cit., p. 595.
[42] Lettres. T. 6. 1638—1642. P. 1867, p. 182.
[43] См.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.—Л, 1948; Люблинская А. Д. Франция при Ришелье, с. 164—185.

Жоан IV заключил договоры с Францией и Голландией, обязавшись в обмен на признание независимости Португалии не вступать в какие-либо соглашения с испанским королем Филиппом IV в течение 10 лет. Внутренний кризис, охвативший Испанию, существенно ослабил габсбургскую коалицию. Успехи шведско-французских войск в Германии побудили немецких протестантов, примирившихся было с императором, задуматься над правильностью сделанного ими выбора. В июле 1641 г. молодой курфюрст Бранденбурга порвал с императором и заключил союз со Швецией. Заколебалась и Саксония.

Ришелье имел все больше оснований полагать, что желанная победа не за горами. Упрочивалось и его положение, несмотря на не прекращавшиеся против него интриги и даже заговоры. В 1641 г. кардинал породнился с королевской семьей, выдав свою племянницу Клер-Клеманс де Мейе-Брезе замуж за герцога Энгиенского. Ришелье испытывал чувство удовлетворения от заключенной сделки, за которую он заплатил в качестве приданого своей племянницы 600 тыс. ливров.

В течение многих лет кардинал бессменно находился на верхней ступени, ведущей к королевскому трону. День за днем он — непопулярный в обществе, окруженный завистниками и врагами, желающими его смерти,— должен был твердой рукой направлять государственный корабль. «Ни один человек в истории,— заметил его биограф,— не вел свое дело в окружении стольких опасностей. Противоборствуя с первой державой мира. Ришелье должен был остерегаться королевской семьи, фаворитов, духовников из дворца Рамбуйе, заговорщиков из Седана, Брюсселя и Лондона»[44]. Ришелье едва ли преувеличивал, сетуя на то, что в кабинете Людовика XIII он пережил куда больше неприятностей, чем от всех кабинетов Европы. Кардинал слишком хорошо знал непостоянную и неблагодарную натуру короля, поддававшегося всевозможным влияниям. Характер Людовика XIII был хорошо известен и при дворе, чем неоднократно пользовались авантюристы и авантюристки в своих корыстных целях. Кто знает, сколько лет жизни отняла у Ришелье изнурительная борьба за монопольное влияние на короля?

Всю жизнь он страдал от физической немощи и многочисленных болезней. Когда он родился, то мать каждый день ожидала его смерти, настолько младенец был слаб; его даже крестили только через восемь месяцев после рождения. Ужасные головные боли и хроническая бессонница, сопровождавшие Ришелье до конца его дней, были вызваны не только постоянным переутомлением. По всей видимости, они были отзвуком душевных заболеваний, имевших место в роду дю Плесси. Незначительные психические отклонения наблюдались у старшего брата Ришелье — Альфонса, монаха-отшельника; в еще большей степени им была подвержена младшая сестра кардинала Николь. Характер самого Ришелье отличали частая, беспричинная смена настроений, склонность к меланхолии и даже депрессивным состояниям, представляющаяся тем более удивительной для столь деятельной натуры.

Ришелье не всегда мог контролировать свое поведение, несмотря на школу «хороших манер», пройденную в «Академии» Плювинеля. Современники отмечали частые взрывы эмоций у кардинала, проявлявшиеся в неожиданных, резких криках, переходивших иногда в завывания; в эти моменты в уголках рта у него появлялась пена. Ему были свойственны, правда, не часто, непонятные состояния: он вдруг воображал себя лошадью и с громким ржаньем принимался бегать вокруг письменного стола или бильярда. К страданиям душевным добавился целый «букет» болезней. Какой могучей волей надо было обладать, чтобы всю жизнь преодолевать свои недуги?

Окруженный немногочисленными помощниками, Ришелье любил оди-

[44] Erlanger Ph. Op. cit., p. 586.

ночество. Единственные живые существа, разделявшие короткие часы его досуга и искренне к нему привязанные, были многочисленные кошки, населявшие его резиденцию — Пале-Кардиналь. Не исключено, что не чуждый мистики кардинал прослышал, что кошки заряжают человека какой-то неведомой энергией, в которой он так нуждался. Он искренне верил, что кошки способны если не исцелить, то хотя бы облегчить его страдания. Во всяком случае, Ришелье относился к своим кошкам с редкой привязанностью и даже любовью, которой он не удостаивал никого из людей. Кроме отца Жозефа, лишь герцогиня д'Эгийон, племянница кардинала, пользовалась его доверием.

Последнюю схватку со своими врагами Ришелье пришлось пережить незадолго до смерти, в 1642 году. На этот раз его противники, среди которых вновь оказался Гастон Орлеанский, а также Анна Австрийская, попытались использовать фаворита короля, 20-летнего маркиза А. де Сен-Марса, главного шталмейстера двора. Заговорщики, склонявшие Людовика XIII к заключению мира с Испанией и Империей, пошли даже на заключение тайного договора с Филиппом IV. В их планы входило устранение не только Ришелье, но и самого Людовика XIII в случае, если бы король отказался прекратить войну. На роль регента претендовал Гастон Орлеанский, что вызвало серьезные опасения у Анны Австрийской, которая и сообщила о заговоре кардиналу. Получив текст тайного договора с Испанией, Ришелье немедленно начал действовать. Он проинформировал Людовика XIII о готовившемся государственном перевороте и получил санкцию на арест всех участников заговора. 12 сентября 1642 г. были казнены главные заговорщики — Сен-Марс и его друг де Ту, советник Парижского парламента. Гастон Орлеанский отделался легким испугом, написав под диктовку Ришелье, что навсегда отказывается от всех притязаний на престол.

25 октября Ришелье направил королю письмо, в котором пытался преподать ему уроки, вытекающие из «дела Сен-Марса». Он потребовал положить конец фаворитизму как явлению, представляющему серьезную опасность для государства. Надо, считал кардинал, исключить самое возможность появления в будущем новых фаворитов. Король, писал Ришелье, должен управлять, опираясь только на своих министров, полностью доверять им, добиваться исполнения всех принимаемых решений, «время от времени очищать двор от злонамеренных умов... в целях предотвращения зла, которое зачастую ведет к необратимым последствиям» [45].

Людовик XIII не отвечал на письмо своего заболевшего министра почти месяц. Надо сказать, что их отношения к тому времени были уже не те, что прежде. Железная воля кардинала травмировала болезненное самолюбие слабохарактерного короля. Мнительный Людовик XIII подозревал, что Ришелье презирает его как личность; даже в том, как кардинал поддерживал в нем представление о себе как о достойном продолжателе дела своего великого отца, Людовик XIII усматривал скрытую насмешку. При дворе многие замечали, что диктаторские замашки первого министра ущемляют самолюбие короля. Далеко не все решения, навязываемые Ришелье, отвечали мнению Людовика XIII, но король был бессилен противиться его воле.

Однажды между королем и первым министром в дверях королевского кабинета произошла сцена, свидетелем которой стал Сен-Марс. У самого порога Людовик XIII внезапно остановился и съязвил, обращаясь к Ришелье: «Проходите первым, все и так говорят, что именно Вы — подлинный король». Другой бы растерялся, но Ришелье взял оказавшийся рядом подсвечник и прошел в кабинет впереди короля со словами: «Да, сир, я иду впереди для того, чтобы освещать Вам дорогу» [46]. Побаиваясь и недолюбливая кардинала, король уже не мог обходиться без него в государственных делах. Поборов самолюбие, Людовик ответил кардиналу согласием со всем тем, что писал он в своем письме от 25 октября 1642 года.

Летом 1642 г. Ришелье тяжело заболел. Многочисленные нарывы не позволяли ему двигаться, он даже не мог писать. Он явно чувствовал приближение конца и потому торопился завершить дела. Несмотря на жестокие боли, он продолжал напряженно работать, диктовал приказы по армиям, дипломатические инструкции, распоряжения губернаторам и интендантам. Его угасающий взор был устремлен в Германию, откуда он успел получить радостную весть о разгроме имперских войск под Брейтенфельдом. 28 ноября наступило резкое ухудшение. Врачи поставили еще один диагноз — гнойный плеврит. Четыре обильных кровопускания не дали результата, они лишь до предела ослабили больного. Кардинал часто терял сознание, но, придя в себя, пытался еще работать. В эти последние дни его дважды посетил король, обещавший, что политика Ришелье будет продолжена. Людовик XIII согласился с просьбой умирающего первого министра назначить его преемником Мазарини. Когда его стали причащать перед смертью, Ришелье слабым голосом прошептал: «У меня не было других врагов, кроме врагов государства» [47].

4 декабря 1642 г. Людовик XIII известил страну о кончине своего первого министра: «Богу угодно было,— говорилось в королевской декларации,— призвать к себе кардинала де Ришелье. Я принял решение сохранять и поддерживать все установления, принятые в течение его министерства, продолжать все проекты, выработанные при его участии как во внешних, так и во внутренних делах, не внося в них никаких изменений. Я сохранил в моем Совете тех же людей, которые там уже служили, и призвал к себе на службу кардинала Мазарини, в способностях и верности которого я имел возможность убедиться» [48]. История дает множество примеров крутых перемен, происходивших после смерти правителей, слишком долго находившихся у власти. Ришелье продолжал править и из могилы, устроенной по его желанию в церкви Сорбонны.

Каковы итоги правления Ришелье? Ему принадлежит бесспорная заслуга в утверждении абсолютизма во Франции. Именно он подорвал политическую мощь аристократической оппозиции, добился существенных успехов в преодолении регионального сепаратизма и сословного партикуляризма, которым он противопоставил национально-государственные интересы. Бесспорен его вклад в развитие французской культуры. Эпоха Ришелье — это время бурного интеллектуального кипения во всех областях, время утверждения классицизма и рационализма, подготовивших наступление «золотого века». С полным правом Ришелье мог бы претендовать на почетное звание одного из «отцов» французской нации.

И все же история не дала однозначной оценки его деятельности на государственном поприще. Впрочем, возможна ли она — однозначная оценка? Навязчивое стремление к унификации, централизации и бюрократизации влекли за собой очевидные издержки, свойственные внутренней политике кардинала. Подавление легальной оппозиции, ликвидация сословных и провинциальных свобод затрудняли, хотя и не могли остановить развитие гражданского общества во Франции. Ришелье создавал централизованное, бюрократическое государство, полностью игнорируя интересы гражданского общества, постоянно попирая их, что и определило в конечном счете непрочность его творения. Внешне внушительное здание абсолютной монархии довольно быстро обветшало и пришло в негодность, лишенное поддержки общества, в том числе его привилегированных слоев. Первый удар по этому зданию нанесла уже через десять

[45] Lettres. T. 7. 1642 — Suppl. 1608, à 1642. P. 1874, pp. 163—167.
[46] Цит. по: Carmona M. Op. cit., p. 667.

[47] Цит. по: Guizot F. Op. cit. T. 4, p. 151.
[48] Цит. по: ibid., p. 152.

лет после смерти Ришелье Фронда. Необходимость гармоничного развития государства и гражданского общества не была понята Ришелье, хотя, впрочем, и не им одним...

Ришелье не дожил до окончания Тридцатилетней войны. Но как в Вестфальском (1647 г.), так и в Пиренейском (1659 г.) мирных договорах есть немалый его вклад. История подтвердила правильность избранной кардиналом внешнеполитической ориентации Франции на противоборство с папско-габсбургской гегемонией в Европе. Он всегда мыслил общеевропейскими категориями, о чем свидетельствовала сама «география» его дипломатической активности. В отличие от многих современных ему и позднейших западноевропейских политиков он, в частности, не исключал Россию из понятия «Европа», считая естественным и необходимым ее прямое участие в европейских делах.

Ришелье был неутомимым поборником идей «европейского равновесия» и «естественных границ». В результате Тридцатилетней войны эти идеи кардинала были реализованы. Угроза испано-австрийской и папской гегемонии в Европе была устранена, на континенте впервые возникло состояние равновесия, а Франция обрела наконец «естественные границы» (Пиренеи на юго-западе, морское побережье на юге и северо-западе, левый берег Рейна на востоке). Прямым следствием войны и усилий кардинала явилось приращение территории Франции за счет Эльзаса и Лотарингии, Артуа и Руссильона. Начиная с Пиренейского мира в течение почти 130 лет территория Франции не подвергалась иностранным нашествиям, и в этом тоже немалая заслуга Ришелье.

Ришелье положил начало активной морской и колониальной экспансии Франции. Отныне французские корабли бороздили моря и океаны, достигая самых отдаленных уголков Земного шара. Франция становилась европейской державой, в то время как ее экономика и финансы оставались в плачевном состоянии. В этой области кардинал мало что сумел предпринять, при нем положение даже усугубилось. Его финансовый проект «для мирного времени» не был реализован, поскольку и сам он не дожил до окончания войны. Ришелье оставил страну в состоянии хозяйственной разрухи, вызванной многими годами, если не десятилетиями, внутренних и внешних войн. Экономика и финансы страны в значительной мере были принесены Ришелье в жертву его амбициозной внешней политике. И тем не менее вклад его в создание новой Франции не может быть убедительно оспорен: он принадлежит к числу самых крупных государственных деятелей в ее истории.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

СТАЛИН И ЕГО ВРЕМЯ

А. В. Антонов-Овсеенко

Сталин требовал от историков оценивать политические персонажи не по тому, что произносится на видной всем сцене, а по их повседневным делам, подчас не терпящим никакого освещения. Этому совету мы и следуем. И в каждом поступке Сталина обнажается та личность, которая служила (а кому-то служит и поныне) предметом почитания, в большинстве случаев и за страх и за совесть. Нелишне будет специально остановиться на некоторых свойствах этой личности.

Характер человека, естественно, формируется в раннем детстве, в первые годы жизни. Что довелось испытать маленькому Сосо в своей семье в дошкольные и школьные годы? Порку, жестокость, грубость и постоянное унижение.

Почему в книгах о Сталине, даже в его официальной биографии, нет ни одного портрета Виссариона Джугашвили, в то время как фотография матери опубликована, и не раз. Имеется лишь туманная ссылка на «рабочего обувной фабрики», и это все, что известно об отце будущего вождя.

У Сталина, очевидно, были веские причины умалчивать о нем. Среди старых грузин идут разные разговоры о настоящем отце генсека. Говорят, он был влиятельным чиновником при царе и имел любовную историю со своей служанкой Кето, молодой крестьянкой из села Гамбарсулы. Ее полное имя — Екатерина Георгиевна Геладзе. Когда стало невозможным скрывать далее последствие их связи, Кето подыскали мужа, Виссариона Джугашвили из села Дици-Лоло в Тифлисской провинции. Для него купили сапожную мастерскую, и состоялось венчание.

Сегодня не осталось ни одного свидетеля, но в 1954 г. старый грузинский меньшевик Нестор Менабде был еще жив. Отсидев второй или третий срок в тюрьме, он отбывал ссылку в Красноярском крае и после смерти Сталина раскрыл кое-что своим товарищам по ссылке. Например, что в обувной мастерской Джугашвили работало несколько квалифицированных ремесленников. Менабде рассказывал, что владелец мастерской стал пить и скоро был убит в пьяной ссоре [1]. В старые времена никто из этого секрета не делал. Но когда возникла надобность в незапятнанной биографии вождя, образ его отчима был обелен при помощи таких опытных выдумщиков партийных легенд, как Ем. Ярославский и П. Н. Поспелов. В тексте официальной «Краткой биографии», которую писали под надзором самого хозяина, сказано, что Виссарион Джугашвили был сыном крестьянина и «сапожником по профессии; затем рабочим на обувной фабрике» [2].

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории, №№ 1—4, 6.

[1] По воспоминаниям А. Г. Ахметели. Записаны в Сухуми в 1957 году.
[2] И. В. Сталин. Краткая биография. М. 1948, с. 5.

Татьяна Петровна Вардина, вдова Иллариона Мгеладзе (его литературный псевдоним — Вардин), члена партии с 1906 г., хранит в памяти рассказы мужа, близко знавшего молодого Кобу. Мгеладзе утверждал, что Сталин — сын зажиточного князя и горничной. Выдав ее замуж за сапожника, князь наделил супруга участком земли и покровительствовал Сосо [3].

Согласно другой версии, отцом Сталина был Яков Егнаташвили, купец 2-й гильдии. Он жил в Гори и нанял прачкой юную Екатерину Геладзе. Чтобы покрыть грех, купец Егнаташвили выдал Кето замуж за «холодного» сапожника Виссариона Джугашвили — запойного пьяницу, вспыльчивого и грубого. Сосо доставалось от него часто. Первые годы мать брала его с собой в дом хозяина, тот не запрещал своим сыновьям дружить с сыном прачки. Не исключено, что именно Егнаташвили устроил Сосо вначале в Горийское духовное училище, потом — в Тифлисскую духовную семинарию. Будущий генсек очень тяготился своим происхождением, положение бастарда (по-грузински внебрачного сына богатого или знатного господина называют набичвари) его угнетало, озлобляло. Старший сын Егнаташвили пошел по коммерческой части, в годы нэпа владел большим рестораном, трехэтажным зданием возле Воронцовского моста в Тифлисе. В свое время он окончил гимназию, служил в армии офицером.

Достигнув вершин власти, Сталин забрал старшего сына Егнаташвили в Москву, на службу в комендатуру Кремля. Он дослужился до звания генерал-лейтенанта. Похоронен с большими почестями в Гори. Младший сын купца Егнаташвили, Васо, стал редактором центральной газеты КП Грузии «Коммунисти», потом — секретарем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР. Это был один из самых надежных информаторов Сталина.

Бремя сомнительной родословной Сталин ощущал всю жизнь. Однажды, в 1927 г., прибыв в Тифлис и увидев среди встречающих на вокзале свою мать, воскликнул: «Ты тоже здесь, старая б...?!» К Екатерине Георгиевне были приставлены две доверенные коммунистки. Этим женщинам поручили заботиться о матери генсека. Одна из них, по имени Цецилия, вспоминала позднее и о таком эпизоде. Втроем они ездили в загородную резиденцию вождя. В нескольких километрах от Тифлиса, в горах, легче было переносить летний зной. Немногим выше, в местечке Манглис, партийные активисты занимались на курсах в летнее время.

Вилла Сталина в Коджори была довольно просторной. Соратники собирались в большой жилой комнате, которая соединялась с его кабинетом. В тот день там находился Филипп Махарадзе, председатель ЦИК Грузии. Увидев свою мать, Коба решил подшутить над ним: «Ты что, Филипп, все еще ... эту старую б...?» Махарадзе плюнул и, опрокинув стул, вышел из кабинета. В жилой комнате, которая в то время была наполнена гостями, он дал волю своим чувствам: «Что это за генсек? Он всего лишь грубый кинто» [4]. Но веселый кинто, постоянный герой грузинских анекдотов и водевильных представлений, шутник и проказник, это ангел по сравнению с Кобой...

Однажды, в начале 20-х годов, когда дома в Кремле у Сталина был философ Я. Э. Стэн, генсек познакомил его с матерью: «Ян Эрнестович, правда, ей надо подобрать хорошего мужа?» [5].

Сталин никогда не упускал случая публично унизить свою мать. Рассказ Светланы Аллилуевой о сыновней привязанности Сталина не имеет никакого основания. Газеты тоже распространяли легенды об этой семье: будто родители окружали Сосо любовью, всемерно заботясь о его

[3] Из воспоминаний Т. П. Вардиной-Мгеладзе.
[4] Сообщение Александра Ивановича Папавы.
[5] Свидетельство Валерии Львовны Стэн.

воспитании. А сам товарищ Сталин «всегда чутко относился к своей матери, постоянно проявлял о ней теплую сыновью заботу».

Екатерина Георгиевна скончалась летом 1937 г. на 82-м году жизни. В некрологе сказано, что до девяти лет она жила в деревне, потеряв рано отца, испытывая нужду. В 1864 г., после отмены крепостного права, переехала вместе с матерью в Гори. Через десять лет вышла замуж за Виссариона Джугашвили, рабочего обувной фабрики Адельфанова. Иосиф был ее третьим сыном (старшие, Михаил и Георгий, умерли в младенчестве). Средств на жизнь не хватало, и мать работала поденно у хозяев. В 1888 г. ей удалось определить девятилетнего сына в Горийское духовное училище, а через шесть лет с большим трудом она устроила его в Тифлисскую духовную семинарию.

«Заря Востока» сообщала также, что летом 1903 г., после ареста Сталина, мать приезжала к нему на свидание в Кутаисскую губернскую тюрьму. В годы революции, утверждала газета, ее притесняли [6]. В советское время Екатерина Георгиевна лишь в 1922 г. приезжала в Москву. Последний раз Сталин виделся с «любимой» матерью в 1935 г. в Тифлисе. Хоронить ее генсек не приехал.

К отцу (фактически — к отчиму) Сосо питал отвращение, которое очень скоро переросло в открытую ненависть. Виссарион Джугашвили, пьяница и дебошир, безжалостно избивал мальчика за малейшую провинность. Случалось, и матери попадало. Среди самых скандальных жителей города семья Виссариона (Бесо) Джугашвили пользовалась особо дурной славой. Сосо наблюдал, как его мать сидела за швейной машинкой ночами, ибо большую часть своего заработка отец пропивал. В мальчике очень рано развилось чувство мстительности, которая со временем станет чертой характера будущего вождя. Беспричинная жестокость, побои породили ответное бессердечие и злобу ко всем окружающим. С детства целью Сосо стала реализация мстительных замыслов, и этой цели впоследствии будут подчинены его планы и действия.

Позднее, по мере возвышения Сталина, его биография стала обрастать легендами. Одну из них генсек сочинил о своем детстве. Немецкий писатель Эмиль Людвиг был наслышан о подробностях жизни Сосо в Гори и, посетив в декабре 1931 г. Москву, затронул в беседе с генсеком эту щекотливую тему. Сталин ответил, что родители вовсе не обращались с ним плохо [7].

Один из бывших преподавателей духовного училища, С. А. Хуцишвили, вспоминал, что Сосо отличался от других детей поразительной злобливостью. Постоянный зачинщик ссор и драк, он почти всегда оставался в стороне, когда дело доходило до наказания. Со временем Сосо научился искусно изводить учителей своими злобными проказами. Он тяготился бедностью и не брезговал никакими способами извлечения доходов: то перепродавал с двойной наценкой пирожки, то выманивал деньги у младших... Сосо окружил себя послушными ребятами, которые по его указке избивали обидчиков. А обидчиками были все, кто не признавал его превосходства или позволял себе подшутить над ним. В последние годы учебы в Горийском училище Сосо учинял жестокие расправы над неугодными ему ребятами. Его мести стали опасаться даже учителя [8].

Он был совершенно нетерпим к любой критике своих действий, поведения. Эту черту характера отмечали в свое время Серго Орджоникидзе и их общие друзья из Тифлисской семинарии. «Коба просто не принимает шуток,— говорили они с досадой.— Странный грузин: не понимает шуток, отвечает кулаками на невинные замечания» [9].

[6] Заря Востока, 5—6.VI.1937.
[7] Сталин И. В. Соч. Т. 13, с. 113.
[8] В передаче Г. С. Хуцишвили.
[9] Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М. 1963, с. 92.

С детства Сталин не терпел насилия над собой, однако именно тогда он испытывал его не только со стороны отца, но и от государства. В то время изучение русского языка стало обязательным во всех учебных заведениях Российской империи. Учителям было дано право пороть школьников, которые разговаривали по-грузински, и это случалось сравнительно часто.

Судьбу Иосифа Джугашвили как будто направляла чья-то твердая рука. Пятнадцатилетний подросток, сын сапожника, был принят в Тифлисскую семинарию православной церкви, где он стал получать стипендию. В этом заведении Сталин проучился пять лет (1894—1899). Уже в училище Сосо проявил страсть к чтению. В семинарии, где наряду с основным предметом — теологией, преподавали также древние языки, он впервые увидел нелегальные политические издания. В журнале, в котором делались отметки о поведении семинаристов, имя Иосифа Джугашвили за нарушение правил занесено 13 раз. За чтение запрещенной литературы его подвергали наказанию в виде удержания части стипендии. Обыски, доносы, слежка, суровые проверки, проводимые монахами, и жестокий ректор во главе семинарии — все это способствовало озлоблению.

До окончания семинарии оставался всего лишь год. Причина исключения Сталина — еще одна тайна его биографии. Рассказы штатных биографов об организации им революционных кружков ничем не подтверждаются.

Догматизм будущего генерального секретаря берет свое начало в церковном обучении. Так же как и его лицемерие, изощренное притворство. Отпечаток семинарии прослеживается во всех действиях Сталина, его риторических приемах. Он и на партийной трибуне оставался семинаристом. Уже в раннем возрасте он убедился, что официальные истины общества — сплошная ложь, а истины, проповедуемые церковью,— двойная ложь. Здесь и следует искать корни неистощимого цинизма Сталина.

Читая запрещенные книги, молодой Сталин постепенно пришел к выводу о необходимости свергнуть царя. Еще ранее он усвоил не менее важную истину: такой, как он, попавший в семинарию лишь благодаря высокому покровительству, не сможет далеко продвинуться при существующей системе. Итак, долой правительство! Этому пролетарию действительно нечего было терять.

В первый год обучения в Тифлисской семинарии Сталин вступил в кружок марксистского чтения. Этот факт сам по себе не очень знаменателен. Однако, как замечает другой член кружка, Иосиф Иремашвили, семинарист Джугашвили наотрез отказывался признавать чье-либо лидерство, не говоря уже о личном превосходстве. Он даже пытался организовать свой собственный кружок. Если к этому прибавить свидетельство Сильвестра Джибладзе, что молодой Сталин был неуживчив и сварлив и что он не только агитировал против царя, но и интриговал против местных социал-демократов, то портрет начинающего политика будет почти законченным [10].

Чрезвычайно трудно составить четкое представление, хотя бы в общих чертах, о начале революционной деятельности Сталина. Вся партийная работа проводилась в условиях подполья, протоколы заседаний не велись, а революционные организации обходились без списков своих членов. Кроме того, долгое время у исследователей не было возможности изучить полицейские документы. Сталин наглухо перекрыл все подступы к архивам.

Несмотря на отсутствие большого документального материала, воспоминания людей, участвовавших в тех событиях,— опубликованные, а также изложенные в рукописном виде и устно,— дают достаточно ясную картину, что собою представлял подлинный Коба.

[10] Иремашвили И. Сталин и трагедия грузинского народа. Берлин. 1932, с. 12.

Имя Кобы Сталин позаимствовал из полного романтики рассказа Александра Казбеги «Отцеубийца». Действие происходит на реальном историческом фоне, когда отряды свободолюбивых героев, предводительствуемые Шамилем, поднялись против царского ига. Один из героев этого рассказа, бесстрашный Коба, спасает молодую пару влюбленных, сражается против войск царского наместника на Кавказе графа Воронцова и в заключение убивает предателя Джирголу. Триумф мести... Как свидетельствует Иремашвили, Коба стал для семинариста Сосо символом героических деяний, и он просил называть его этим именем.

Никто не знает, что он делал непосредственно после исключения из семинарии. Лишь в последние дни 1899 г. Иосифу удалось получить работу в качестве писаря в Тифлисской обсерватории. К марту следующего года его уволили с работы,— возможно, это была единственная в его жизни настоящая работа. В комнате писаря полиция обнаружила нелегальные книги, после чего были арестованы десятки активистов социал-демократической партии. И только Иосиф Джугашвили вышел сухим из воды [11].

Первое десятилетие нового века ознаменовалось подъемом революционной борьбы в Закавказье. Роль Кобы — Сталина на этом поприще оказалась своеобразной.

1901—1902. Тифлис. Батум. В 1910 г. участник и историк революционного движения на Кавказе С. Т. Аркомед рассказывал о «молодом товарище», не назвав его по имени, который прибыл в Батум осенью 1901 г. и сразу же предъявил претензии на полную власть в партийной организации. Он начал плести интриги против Тифлисского комитета социал-демократической партии. Этот человек выступал против избрания промышленных рабочих в комитет на том основании, что рабочие пока еще не доросли до уровня интеллигенции [12]. Свидетельство Ноя Жордания выдержано в том же духе. Он сообщает, что Коба буквально изводил руководителей социал-демократического движения своими интригами и инсинуациями. Внутри партийной организации Коба сколотил свою собственную группировку, которая была предана ему лично [13].

В 1901 г. Ладо Кецховели и Авель Енукидзе собирали деньги на подпольную типографию. Они не добрали около ста рублей, и Авель поехал за помощью в Тифлис. Однако Коба и Сильвестр Джибладзе отказали ему в деньгах. Они хотели, чтобы это предприятие находилось под их собственным контролем и руководством [14].

И еще одно свидетельство — донесение полицейского агента: «В Батуме во главе организации находится состоящий под особым надзором полиции Иосиф Джугашвили. Деспотизм Джугашвили... многих наконец возмутил, и в организации произошел раскол» [15].

Весной 1902 г. Сталин ушел в подполье. В марте он принимал участие в некоторых политических демонстрациях рабочих в Батуме. Арест 32 бастующих 7 марта явился первым значительным событием. На следующий день Коба был среди тех, кто организовал демонстрацию протеста. Власти арестовали 300 человек — почти всех, кто пришел протестовать к зданию тюрьмы. 9 марта Коба собрал толпу — около 600 человек — и повел их на новую демонстрацию. В последовавшей перестрелке

[11] Там же, с. 24.

[12] Аркомед С. Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе (с 80-х годов по 1903 г.). М. 1923, с. 83—84.

[13] Жордания Н. Моя жизнь. Стэнфорд. 1968, с. 109—112.

[14] Енукидзе А. Большевистские подпольные типографии. М. 1923, с. 11. Эти факты подтверждают три автора: Патн, Смит, Л. Троцкий. О них упоминают Хингли и Р. Такер.

[15] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1898 г., д. 5, л. 27.

было убито 15 рабочих и 45 ранено. 11 марта Коба принял участие в массовых похоронах жертв столкновения.

Такая последовательность событий может показаться вполне естественной, если бы не одно обстоятельство: Коба остался на свободе и не подвергался каким-либо неприятностям. Его арестовали лишь 5 апреля, и это спасло его репутацию «вождя» местных социал-демократов.

1903 год. В июле 1903 г., отбыв 15 месяцев в заключении, Сталин был наказан административной ссылкой в Иркутскую губернию. Об этом периоде его жизни почти ничего не известно, если не считать того, что говорится в официальной биографии вождя: прибытие в Новую Уду, жизнь в ссылке, получение какой-то «партийной программы» от Ленина и, наконец, побег в январе 1904 года.

1904 год. Батум. Коба еще раз пытается подчинить себе местный комитет. И еще раз терпит неудачу. Озлобленный «большевик» провоцирует рабочих на проведение неорганизованной акции, потом обвиняет членов партийного комитета в трусости[16].

Батумские социал-демократы решили отметить праздник 1 Мая на море. На гребных лодках они отправились на «воскресный пикник». Планом предусматривалось, что лодки встретятся далеко от берега и там, в море, будет проведен митинг. Пока лодки двигались к назначенному месту встречи, товарищи пели, шутили, дурачились. Все шло великолепно до тех пор, пока кому-то не пришло в голову подшутить над Кобой. Ему тогда было 25 лет, но он держался особняком и не допускал фамильярностей. Взбешенный Коба опрокинул лодку. Обидчики очутились в воде, к ним на помощь поспешила полицейская патрульная лодка. Тем и кончилось празднование 1 Мая.

Если бы дальнейшие события развивались в том же духе, спровоцированные Кобой скандалы полностью парализовали бы Батумскую организацию. Однако, хотя Сталин тесно примыкал к меньшевикам, которые тогда явно преобладали в Грузии, ему не удалось навязать местному комитету свою волю; пришлось покинуть город. И все же он сумел основательно навредить делу.

Приблизительно в это время наметился сдвиг в его стратегии. Благодаря своему необычайному политическому чутью, Коба одним из первых в Закавказье осознал, что Ленин находится на том пути, который ведет к революции.

1905 год. Тифлис, Батум, Баку. В Тифлисе Коба оставался прежним: сразу же затеял новые маневры против руководства комитета РСДРП, спровоцировал личные ссоры, отличился анархическими выпадами. Придравшись к резкому слову, затеял драку с Филиппом Махарадзе на квартире Сильвестра Джибладзе. Местные партийные руководители собрали «суд чести» для рассмотрения дела Кобы. Ставился вопрос об его исключении из рядов социал-демократической организации как неисправимого интригана. Никто из участников тех событий не дожил до времен десталинизации, и документов, по-видимому, не сохранилось. Однако многие члены партии слышали об этой акции, предпринятой партийным судом.

После кратковременного пребывания в Батуме, где он был слишком хорошо известен, Коба перебрался в Баку.

Год 1905. Юная Фарандзем Кнунянц, член социал-демократической партии, приехала из Петербурга на родину, в Баку. Миха Цхакая направил ее к товарищу Кобе, члену партийного комитета, за марксистской литературой.

«Кобу я увидала в небольшой комнате,— вспоминала она.— Маленький, тщедушный и какой-то ущербный, он был похож на воришку, ожидающего кары. Одет он был в синюю косоворотку, в тесный, с чужого

[16] Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине.— Новый журнал, 1963, № 72, июнь, с. 232.

плеча пиджак, на голове — турецкая феска. Встретил он меня с нескрываемой подозрительностью. Лишь после подробных расспросов, похожих на допрос, вручил мне стопу книг и брошюр. Часть из них я уже достала в другом месте, поэтому ограничилась тремя из предложенных книг. Он проводил меня до двери, продолжая окидывать подозрительным, враждебным взглядом.

В тот же вечер я вместе с подругой посетила кружок гимназистов, которым руководил Степан Шаумян, вожак бакинских рабочих. Домой мы пошли вместе с ним. Я решила спросить Шаумяна о товарище Кобе.— Кто он? Ни один из социал-демократов не производил на меня такого гнетущего впечатления... Уж очень он неприветлив, недоверчив и злобен. Он со всеми ведет себя так? — Что вы, это наш старый подпольщик, опытный и преданный,— заверил меня Шаумян.

Я остановилась на Меркурьевской улице у бедного, многодетного рабочего-жестянщика. Там собирались члены Бакинского партийного комитета. Нас было тринадцать, председательствовали по очереди. Перед началом собрания оживленно беседовали, шутили. Вот уже время начинать, а Кобы все нет, он всегда опаздывал. Немного, но постоянно. Казалось, что часы у него существуют лишь затем, чтобы вычислить необходимое для опоздания время. Когда он входил, атмосфера сразу менялась, что-то нас сковывало, терялась деловитость. Коба приходил с книгой, которую прижимал левой, укороченной, рукой к груди. Сев в угол, он слушал каждого выступающего молча. Высказывался последним, не спеша, сравнивая взгляды, мнения, аргументы. Выбрав самые перспективные и дельные, он вносил свое предложение, как бы подводя черту. Отсюда — впечатление особой значительности каждого произносимого им слова. Таким способом он достигал большого театрального эффекта»[17].

Тетушка Фаро, сестра известного марксиста Богдана Кнунянца, прожила более 90 лет, но тот далекий пятый год помнила всегда.

1906 год. Тифлис. На одном партийном собрании в столице Грузии Коба не переставал чинить всякие препятствия председательствующему Арсенидзе. Когда тот упрекнул его в непристойном поведении, Коба цинично парировал его замечание: «А я и не заметил, что снял штаны...» На это Арсенидзе ответил, что он скорее похож на «бродягу без подштанников» (выражение, популярное среди проституток), чем на мужчину без штанов. Задетый за живое, Коба покинул помещение. Собрание было нелегальным, у входа выставлен пост. Внезапно послышался свисток, предупреждающий о приближении полиции. Так Коба отомстил Арсенидзе, сорвав партийное собрание[18].

1908 год. Кутаиси. Один из членов подпольного комитета партии, меньшевик по убеждению, работал в банке. Через него комитет мог поддерживать связь с другими комитетами объединенной в то время социал-демократии и получать денежные переводы. Этот товарищ был знаком с некоторыми преданными делу революции военными социал-демократами местного гарнизона и вообще оказывал неоценимую помощь партии.

Из Баку прибыл представитель Кавказского комитета. Это был Коба. Члены Кутаисского комитета сели за стол, чтобы обсудить с товарищем из центра актуальные вопросы. Увидев меньшевика, Сталин потребовал, чтобы тот удалился. Мало того, он также требовал, чтобы его исключили из состава комитета. Активисты-подпольщики выступили в защиту своего товарища, тогда Коба заговорил тоном диктатора и от имени Кавказского комитета потребовал исключить меньшевика. Оскорбленные в своих чувствах товарищи отправились в Тифлис с жалобой.

Вскоре после этого Коба вновь прибыл в Кутаиси. На собрании комитета он обрушился на местных членов партии: «Почему вы исключили

[17] Театр, 1988, № 8, с. 127.
[18] Арсенидзе Р. Ук. соч., с. 221.

того меньшевика? Зачем вы это сделали?» — «А разве вы сами не потребовали этого?» — «Чтобы я такое сказал? — притворялся Коба.— Я приказывал вам держаться за этого товарища, поскольку он является исключительно ценным активистом».

Член комитета Серго Кавтарадзе был одним из участников этого совещания. Он схватил керосиновую лампу и обрушил ее на голову Кобы. Лампа разбилась, обдав надменного уполномоченного керосином. Дело исключенного меньшевика расследовалось Филиппом Махарадзе. Кобе удалось заручиться поддержкой одного члена комитета, который дал лживые показания по этому скандальному делу [19].

1908 и 1909 годы. Баку. В 1908 г. Сталина арестовали и посадили в Баиловскую тюрьму. В одной камере с ним оказался молодой меньшевик Андрей Вышинский, сын богатого аптекаря. В то время будущий фаворит генсека каждый день получал от своих родителей корзину со всякими яствами. Коба тут же присоседился к полезному сокамернику, несмотря на идеологические разногласия. Корзина стоила того.

Осенью 1909 года, после второго побега из ссылки, Сталин вернулся в Баку. В то время в редакции журнала «Пролетарий» шли ожесточенные споры. По счастливой случайности сохранилось письмо Сталина Михе Цхакая «Для Мики от Ко». В последующем генсек не смог уничтожить это письмо, но ему удалось надолго внести его в список секретных партийных документов. В этом письме Коба ссылался на разногласия, возникающие внутри партии, как на «бурю в стакане». Он призывал к единству противоборствующих фракций и к «сглаживанию остроты отдельных положений большевизма», подчеркивая «хорошие стороны» эмпириокритицизма и махизма. Резолюция Бакинского комитета РСДРП была составлена при участии Кобы в том же духе. Бакинский комитет выразил протест «против всяких «извергаций из нашей среды» сторонников меньшинства редакции» (пункт 7 резолюции) [20].

К 30-ти годам Сталин стал уже законченным политиканом-карьеристом. 1909 г. стал поворотной точкой в деятельности Кобы. Кавказ оказался для него тесным. Пришла пора испытать свои силы в столице, в среде руководителей партии. Однако личным контактам с лидерами большевиков помешали репрессии. В марте 1910 г. Сталина вновь сослали — в Сольвычегодск. Очередной побег он совершил в феврале 1912 г., и вот тогда товарищ Коба появляется в Петербурге. Пребывание в столице оказалось кратким: арест последовал уже в апреле. Потом — ссылка в Нарымский край.

Находясь в Сольвычегодской ссылке, Сталин писал 24 января 1911 г. Бобровскому: «О заграничной «буре в стакане», конечно, слышали: блоки Ленина—Плеханова, с одной стороны, и Троцкого—Мартова—Богданова — с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: «Пусть, мол, лезут на стену сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится. Это, по-моему, к лучшему».

Письмо в свое время было перлюстрировано полицией, а в период работы Орджоникидзе секретарем Закавказского крайкома партии опубликовано в декабре 1925 г. на страницах тифлисской газеты «Заря Востока» [21].

Похоже, выражение «буря в стакане» стало у Сталина излюбленным. Обращает на себя внимание менторский тон посланий Сталина и смакование политических разногласий. Особенно это заметно в третьем письме. Другой адресат, другая дата: «Где корни этой «бури в стакане воды»?.. В философских разногласиях? В тактических? В вопросах организационной политики (отношение к левым меньшевикам и т. д.)? В самолюбиях «различных я»? Как тебе понравилась новая книга Богданова? По-моему, некоторые отдельные промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать...» [22].

Жажда власти. При изучении склада сталинского ума нельзя пройти мимо утверждения Э. Фромма, что жажда власти является самым характерным проявлением садизма. Для Сталина это не было какой-то неосознанной жаждой или желанием стать самым богатым человеком на земле. Власть ему нужна была как средство подавления ближних и дальних. Поразительно точный портрет грядущего тирана нарисовал Максим Горький в 1918 г., спустя всего несколько месяцев после победы Октябрьской революции: «Он прежде всего обижен на себя за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли... Он весь насыщен, как губка, чувством мести, и хочет заплатить сторицею обидевшим его... Он относится к людям как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов. Люди для него — материал, тем более удобный, чем меньше он одухотворен» [23].

Среди множества политических деятелей трудно найти другого, который бы столь же целеустремленно, как Сталин, осуществлял личную власть. В его руках она превратилась в средство садистского наслаждения и поистине дьявольского издевательства над подвластными партией и народом. Власть для него означала всемогущество. Пока он пользовался властью, все остальное — идеи (для него все они были ложными), так же как цели и средства (для него любые средства были допустимы),— отодвигалось на второй план. Вкусив впервые власти в годы революции, он уже не мог остановиться. Как известно, власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Это высказывание не относится к Сталину: он был абсолютно развращен еще до захвата власти.

Провокатор. Старая большевичка Вера Швейцер, которая отбывала срок ссылки в Туруханском крае вместе со своим мужем, видным большевиком Суреном Спандаряном, вспоминала, что многие политические ссыльные не доверяли товарищу Кобе, считали его интриганом и провокатором.

Вот что рассказывала она Розалии Землячке в 1931 г. в присутствии Владимира Милютина: «Когда Коба прибыл в Туруханский край, незадолго до начала мировой войны, мы все решили бойкотировать его. Он пользовался репутацией закоренелого интригана и карьериста, способного на любую анархическую акцию. В партийных кругах Петрограда и Москвы носились слухи о существовании связей между Сталиным и жандармерией. В дальнейшем ему каким-то образом удалось войти в доверие к некоторым ссыльным. Объяснение такого поворота дел, очевидно, в том, что таким старым большевикам, как Григорию Петровскому и Льву Каменеву, по чистоте души своей и в голову не могло прийти подозревать других товарищей в предательстве» [24].

Несколько лет спустя, когда кампания возвеличивания Сталина набрала решающую силу, старой большевичке пришлось совершить поворот на 180 градусов. Она передала составителям мифической биографии вождя Г. Ф. Александрову, Н. Р. Галактионову, В. С. Кружкову,

[19] В 1960 г. Кавтарадзе рассказал о своих встречах с вождем. Он поведал о его проделках и провокациях — о праздновании 1 Мая в Батуме, о поведении Кобы в Баиловской тюрьме и в Кутаиси. Присутствовало около 12 друзей Кавтарадзе — русских и грузин (по воспоминаниям А. И. Папавы и А. А. Бека).

[20] Сталин И. В. Соч. Т. 2, с. 168.

[21] См. также: История КПСС. Т. 2. М. 1966, с. 375—376.

[22] См. там же, с. 272; Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. М. 1964, с. 368 (выступление Э. Н. Бурджалова).

[23] Горький М. Несвоевременные мысли. Пг. 1918, с. 30.

[24] Воспоминания В. Л. Швейцер в передаче В. П. Милютина.

М. Б. Митину, В. Д. Мочалову, П. Н. Поспелову совершенно иное свидетельство, которое представило товарища Кобу замечательным теоретиком, самоотверженным борцом и всеми уважаемым революционером. Согласно новым воспоминаниям, Сталин занимался в туруханской ссылке переводом брошюры Розы Люксембург с немецкого на русский...

В декабре 1916 г. Иосифа Джугашвили вместе с питерским рабочим Борисом Ивановым призвали в армию. Их отправили под конвоем вниз по замерзшему Енисею в Красноярск. В дороге Сталин вел себя так, словно он командовал стражей: решал, когда останавливаться на отдых, в каком месте ночевать. По прибытии в Красноярск бывших ссыльных должны были передать военным властям. Однако Джугашвили сказал конвоирам, что отправляется на свидание со своими старыми друзьями, и был таков...

У ветерана партии Бориса Иванова не было никаких сомнений относительно того, что Коба — полицейский провокатор[25]. И у Степана Шаумяна, которого справедливо называли «кавказским Лениным». Он являлся бесспорным лидером революционных рабочих Баку, пользовался огромным авторитетом в среде социал-демократов всего Закавказья. Мог ли примириться с этим Сталин? Шаумян был опытным конспиратором, и все же в 1905 г. тифлисской полиции удалось его выследить. Вспоминая позднее об этом событии, Степан Георгиевич сказал товарищам в присутствии своих сыновей, что адрес нелегальной квартиры, где его арестовали, был известен только одному человеку — товарищу Кобе[26].

Три года существовала в Авлабаре, предместье Тифлиса, большевистская типография. Весной 1906 г. нагрянула полиция. Работники подпольной типографии были уверены, что о ее местонахождении полиции сообщил Сталин. Поэтому бойкотировали его. Другие активисты социал-демократического движения тоже убедились в причастности Кобы к провалу. Вскоре же после разгрома авлабарской типографии последовал арест Сталина — в конце марта. Заключение оказалось удивительно кратким: «отважный подпольщик» успел прибыть в Стокгольм 10 апреля — к открытию IV съезда РСДРП. Об этом аресте в официальной биографии Сталина — ни слова[27]. Еще одна случайность?..

Второй арест Шаумяна в 1908 г. в Баку тоже не похож на случайную удачу полиции. Во всяком случае, бакинские рабочие связывали эту акцию с именем Сталина. В революционном подполье ему грозили крупные неприятности, но последовали новый арест и спасительная высылка товарища Кобы. По свидетельству известного социал-демократа Бориса Николаевского, жившего в 1912 г. в Баку, Сталин устроил покушение на жизнь одного меньшевика. Пострадавший написал об этом в бакинскую организацию меньшевиков и предупредил товарищей о том, что Коба работает на царскую охранку[28].

После двух побегов Сталина из Сольвычегодской ссылки и очередного ареста в апреле 1912 г. этого странного большевика отправили в Нарымский край. Здесь он попал в такую глухомань и бездорожье, откуда без помощи властей выбраться было чрезвычайно трудно. Однако он бежал и в октябре того же года объявился в столице. Поистине интимно-доверительные отношения сложились между р-революционером Кобой и царской охранкой, если он позволил себе отправить из Сольвычегодска в Париж, сквозь жесткую цензуру, такое письмо: «Мне остается шесть месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно». Это столь показательное по открытости послание написано из ссылки 31 декабря 1910 года[29].

В январе 1913 г. Ленин созвал в Польше совещание ЦК. По мнению А. Орлова, о подробностях Краковского совещания полицию известил Сталин. Провокатор Малиновский в роли члена ЦК большевистской партии стал бесценным осведомителем охранки. Но Сталин не терпел чужого лидерства и на этом поприще. Вернувшись после совещания в Кракове в Петербург, Коба отправил на имя заместителя министра внутренних дел донос на Малиновского: дескать, тот является на деле последователем Ленина и предан не царскому правительству, а большевистской партии. Эти сведения опубликовал после XX съезда партии упомянутый нами крупный резидент НКВД А. Орлов, оставшийся на Западе[30]. Насколько достоверно свидетельство Орлова, пересказавшего сообщение другого сотрудника НКВД, Штейна, судить трудно.

В связи с этим уместно привести отрывки из воспоминаний Татьяны Александровны Словатинской и ее сестры Веры. В годы партийного подполья квартиру Т. Словатинской посещали Ленин, Калинин и Сталин. Вере Словатинской посчастливилось обнаружить в архиве копию письма Сталина Роману Малиновскому с приложенной к нему справкой начальника Енисейского жандармского управления полковника Байкова: «4 января 1914 г. г. Красноярск. Совершенно секретно. Представляя при сем агентурные сведения за № 578, имею честь донести Вашему Превосходительству, что автором таковых является гласнонадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионович Джугашвили. Адресат таковых член думской фракции с.-д. Роман Вацлавович Малиновский. Меры к недопущению побега Джугашвили мною приняты. В Томск и С.-Петербург сообщено за номерами 13, 14. Полковник Байков».

Иосиф Джугашвили пишет члену Государственной думы Малиновскому: «Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов мороза), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но деньги... нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии. У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву.

Моя просьба состоит в том, что, если у соц-дем. фракции до сих пор остается «фонд репрессивных», пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя в руб. 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что я и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции. Если же нет больше такого фонда, то м. б. вы все сообща выдумаете что-нибудь подходящее. Понимаю, что вам всем, а тебе особенно, никогда нет времени, но, черт меня дери, не к кому больше обратиться, а околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же, и деньги переслать по телеграфу, потому ждать дольше — значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край, Енисейская губ., деревня Костино, Иосифу Джугашвили... Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар... Ну-с, жду от тебя

---

[25] Воспоминания Б. И. Иванова были сразу же заключены в глухие сейфы «банка Ярославский — Поспелов и К°». Но прежде чем это случилось, с ними успели ознакомиться несколько честных историков.

[26] Свидетельства Л. С. Шаумяна и О. Г. Шатуновской. Об этом же, вполне убежденный в предательстве Сталина, С. Шаумян сообщил Ною Жордания (см. Восленский М. Номенклатура. Лондон. 1985, с. 72).

[27] Восленский М. Ук. соч., с. 70.

[28] Там же, с. 72.

[29] Сталин И. В. Соч. Т. 2, с. 211—212.

[30] Life, 23. IV.1956.

просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефании. ребятам. Привет Бадаеву. Петровскому, Самойлову, Шагову. Муранову. Неужели мне суждено здесь прозябать 4 года... Твой Иосиф».

И еще несколько писем на имя Т. Словатинской. Краткие послания, но как много они рассказывают о характере политического ссыльного Джугашвили-Сталина.

«10/XI. Письмо лежит у меня 2 недели вследствие испортившейся почтовой дороги. Татьяна Александровна! Как-то совестно писать, но что поделаешь — нужда заставляет. У меня нет ни гроша, и все припасы вышли. Были кое-какие деньги, да ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги. Пока еще доверяют в кредит. но что будет потом, ей-богу не знаю... Нельзя ли будет растормошить знакомых (вроде Крестинского) раздобыть рублей 20—30? А то и больше?!!».

«12/XI. Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у вас нового белья, я просил только своего, старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем жаль денег, у Вас очень мало. Я не знаю, как отплатить Вам, дорогая, милая-милая».

«20/XI. Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграфом, нет мочи ждать больше» [31].

Пройдет 20 лет. «Бедствовавший» когда-то ссыльный станет всемогущим вождем и отплатит «милой» Татьяне Александровне и соратникам по партии Крестинскому, Сольцу, Петровскому. Не оставит вниманием родных «дорогой» Т. Словатинской: ее зятя ждет гибель, сына Павла и дочь Евгению — ссылка...

А теплое, дружеское письмо Малиновскому? Разве Сталин не подозревал (не знал!) предательства? Малиновский вошел в историю как выдающийся провокатор. Он пробрался в Центральный Комитет большевистской партии, вошел в доверие к Ленину и сумел провалить не одно важное предприятие, предать несколько видных революционеров. Уж не по его ли совету Ленин в январе 1912 г. заочно кооптировал Сталина в состав ЦК, избранного на Пражской конференции? Ведь не кто иной, как Малиновский отвечал перед ЦК за партийную работу в России. О Сталине, о его политической деятельности Ленин мало что знал. В ноябре 1915 г. Владимир Ильич просит сообщить ему в Женеву фамилию Сталина: он и Крупская ее забыли [32].

Роман Малиновский и Иосиф Сталин. В них было что-то общее, даже во внешнем облике: развязные, наглые манеры, едва прикрытые дешевыми актерскими ужимками; полны жажды подняться над людьми. Однако во многом — в характере, в поступках — они были несхожи. Когда после Февральской революции вторая профессия Малиновского стала явью (в печати были опубликованы документы Департамента полиции), провокатор вернулся из-за границы в Петроград. Его судили и казнили. Какие-то человеческие побуждения, пусть ложные, в нем теплились. А Сталин, будучи изобличен в предательстве, поступил бы так?

В начале 30-х годов Сталин приказал арестовать В. Каспарову, старую большевичку, которая годы эмиграции провела вместе с мужем в Швейцарии. Ленин высоко ценил испытанного большевика Славу Каспарова и скорбел, когда тот умер в 1917 г. от туберкулеза на чужбине. Варя Каспарова выехала на родину в одном вагоне с Владимиром Ильичем. В восемнадцатом она заведовала отделом народного образования Бакинского Совета. Варя Каспарова знала о службе Сталина в царской охранке и, выступая на партийных собраниях в 1927—1929 гг., открыто

---

[31] Трифонов Ю. Исчезновение. М. 1988, с. 560—563.
[32] Ленинский сборник XI, с. 193.

обвиняла его в предательстве. Генсек зачислил ее в злостные оппозиционеры, но не терял надежды сломить. С этой целью он направил к ней в 1936 г. в Новочеркасскую тюрьму Бориса Петровича Шеболдаева, который хорошо помнил узницу по совместной работе в Баку. «Нехорошо держать заслуженную революционерку в тюрьме,— сказал Сталин,— зачем она выступает против партии?»

Генсек, как всегда, отождествлял себя с партией. Но Каспарова не могла примириться с узурпатором. Она рассказала первому секретарю Азово-Черноморского крайкома все, что ей было известно о преступном прошлом товарища Кобы. И отказалась покориться его воле. Вернувшись в Ростов, Шеболдаев сказал близкому товарищу: «То, что мне передала Варя, я не могу сообщить даже тебе. Теперь мне конец...» [33]. Вскоре последовал вызов в Москву. Что он доложил генсеку? Этого мы не знаем. Год спустя Борис Шеболдаев, находясь в Лефортовской тюрьме, попросил оказавшегося с ним в камере работника Ростовского наробраза Этингофа: «Может быть, вы уцелеете, тогда передайте на волю мой рассказ». И сообщил ему все, что узнал от Вари Каспаровой. Предсмертную просьбу Б. Шеболдаева Этингоф смог выполнить лишь в 1958 году. Отбыв свое, он пришел в Комитет партийного контроля [34].

В 1956 г. Д. Левин опубликовал в журнале «Life» письмо заведующего особым отделом Департамента полиции от 12 июля 1913 г. Еремина, отправленное на имя начальника енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякова:

«Совершенно секретно. Лично. Милостивый государь Алексей Федорович!

Административно высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского Г. Ж. Управления ценные агентурные сведения. В 1908 году н-к Бакинского Охранного Отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного Отделения. Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная. После избрания Сталина в Центральный Комитет партии в городе Праге, Сталин по возвращении в Петербург стал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил связь с Охранкой. Сообщаю, милостивый государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы. Примите уверения в совершенном к Вам почтении». Текст был позднее перепечатан в трудах нескольких ученых, которые так же, как и Д. Левин, приняли его за подлинный документ. Однако проведенные в ЦГАОР исследования относят «письмо Еремина» к разряду фальшивых. Документ не выдерживает критики по семнадцати позициям. Достаточно привести здесь последний пункт: по приказу штаба Корпуса жандармов Еремин назначен 11 июня 1913 г. начальником Финляндского жандармского управления. Поэтому письмо в качестве заведующего особым отделом Департамента полиции отправить 12 июля он не мог.

Итак, множество косвенных улик, изобличающих Сталина в предательстве, и только один документ, и тот фальшивый. В ряду объективных данных — поразительная терпимость к одному из лидеров революционного движения в Закавказье со стороны охранки, отправлявшей его всякий раз лишь в административную ссылку. И неизменно благополучные побеги. И безбоязненное возвращение беглеца в столицу. И беспрепятственные поездки в Таммерфорс, Стокгольм, Лондон, Берлин, Вену...

Не случайно в среде партийных руководителей политическое лицо Кобы вызвало стойкое подозрение. На озеро Разлив, где скрывались Ленин и Зиновьев после июльских дней семнадцатого, Сталина не допуска-

---

[33] По воспоминаниям А. Е. Горелова, делегата Первого Всесоюзного съезда писателей.
[34] Свидетельство О. Г. Шатуновской.

ли. И на последнюю нелегальную квартиру М. В. Фофановой Ленин его не приглашал. Маргарита Васильевна мне рассказывала, что в 30-е годы, когда создавалась легендарная биография Сталина как второго вождя революции, ей настойчиво предлагали «вспомнить» о посещении им квартиры на Сердобольской перед Октябрьским восстанием. Но она отстояла правду: «Нет, товарища Кобу Владимир Ильич не вызывал к себе ни разу».

Всматриваясь пристально в течение жизни Джугашвили-Сталина, следуя за ним от порога к порогу на пути к абсолютной власти, приходишь к непреложному выводу: этот человек, даже если и не служил платным агентом царской охранки, был провокатором по убеждению, из душевной потребности. Старый большевик Серго Кавтарадзе сообщил писателю Александру Беку одну любопытную деталь из жизни Сталина. В 1904 г. Коба изучал «Катехизис революционера». В основе этой работы С. Г. Нечаева, который, кстати говоря, мог быть способен и на плагиат [35], лежит принцип «цель оправдывает средства». Нечаевщина воспринимается ныне историками как некая смесь политического цинизма, провокаций и мистификаций. Александр Бек справедливо замечает, что Сталин чрезвычайно тяготел к нечаевщине.

Фридрих Энгельс писал в 1872 г.: Нечаев «либо русский агент-провокатор, либо, во всяком случае, действовал как таковой» [36]. Какое удивительно точное попадание в образ Сталина-Джугашвили!

В 1923 г. уполномоченным Народного комиссариата внешней торговли СССР в Закавказье работал Арам Исаакович Иванян, член большевистской партии с 1918 года. До революции он участвовал в социал-демократическом движении в Грузии. В 1910 г. его сослали в Вологду. Он был отличным математиком, образованным человеком, с мягким, открытым характером. Неудивительно, что генерал-губернатор, отец двух сыновей, пригласил его в качестве преподавателя точных наук. Месячный оклад учителю положили 150 руб., сумму по тем временам значительную. Скромный, непритязательный в быту Иванян почти все деньги раздавал нуждающимся политическим ссыльным.

Отбыв срок ссылки, Иванян вернулся в Грузию. 1917 год он встретил в Петрограде, был избран делегатом II Всероссийского съезда Советов. После установления Советской власти в Грузии (1921 г.) выехал в Тбилиси. Кавказское бюро РКП(б) направило Иваняна в Армению. Два года работал он там, занимая посты наркома по продовольствию, наркома внешней торговли, председателя правления Арменторга. В Тифлис он вернулся на более ответственную должность наркома внешней торговли Закавказья. Ниже приводится часть письма Иваняна секретарю Закавказского крайкома партии Серго Орджоникидзе от 3 июля 1926 года:

«К концу 1923 года мои взаимоотношения, как уполномоченного Наркомвнешторга, настолько обострились, что я вынужден был просить Заккрайком об освобождении от должности, тем более что, по моим тогда сведениям, недовольство Внешторга начинало передаваться и в ЦК... Заккрайком отказал и вынес постановление, при сем прилагаемое, которое было мне лично поручено передать в ЦК партии.

.... По приезде в Москву я немедленно явился к Назаретяну, и здесь у него в кабинете произошла моя первая удержанная памятью встреча с тов. Сталиным. Он вышел из кабинета, поздоровался с некоторыми товарищами, а при представлении меня спросил: «Иванян из Вологды? Знаю...» И прошел дальше, занятый разговором. Признаюсь совершенно искренне и откровенно, я был просто в приятном недоумении. Приятном, потому что тебя знает генеральный секретарь; в недоумении — потому что откуда все же он тебя знает из Вологды, когда ты его совершенно оттуда не знаешь». Действительно, кто его тогда знал, Иосифа Джугашвили? Это потом, спустя 20 лет, его возведут в ранг вождя.

Ничего плохого от встречи со Сталиным Иванян не ждал. Он настоял на уходе из Наркомата внешней торговли и вернулся в Тифлис, где ему предоставили работу в Госплане. Неприятности начались не сразу. Прошло два года, на новом месте Иванян в полной мере проявил свои разносторонние знания и способности. К тому времени Лаврентий Берия продвинулся на пост заместителя председателя грузинского ГПУ. Однажды он пригласил секретаря парторганизации госплана крайисполкома Людмилу Ивановну З. и предложил ей немедленно исключить из партии Иваняна как «не оправдавшего доверия». Секретарь пыталась вступиться за товарища, но Берия сказал, что по этому поводу имеется указание ЦК, и предложил подумать. Через неделю Берия вызвал секретаря вновь. «Ну как?» — «Товарищ Иванян честный, знающий работник, он пользуется общим и заслуженным уважением».— «Ладно! Решим этот вопрос в рабочем порядке».

8 июня 1926 г. Контрольная комиссия Закавказского крайкома исключила Иваняна из партии. 21 июня председатель комиссии напомнил Иваняну о партбилете, и тот сдал документ. Иваняна обвинили в том, что, «находясь в Вологде в ссылке в 1911 году, он получил 70 рублей, переведенных Питерской организацией по предложению заграничного Бюро для передачи т. Сталину на предмет его побега из Вологды. Деньги в размере 70 рублей Иваняном были получены и не переданы адресату, причем на имя Иваняна одновременно с деньгами была послана соответствующая телеграмма».

Позднее Иваняну довелось ознакомиться с письмом Сталина, послужившим единственной «уликой» и причиной невероятной акции против честного партийца. С текстом письма его ознакомил следователь партколлегии ЦКК ВКП(б) Фишкин. Процитируем это письмо Сталина Мирзабекяну, члену Закавказской Контрольной Комиссии:

«Довожу до Вашего сведения, согласно моей просьбе (так в тексте.— *А. А.— О.*), о некоторых необходимых Вам фактах, имеющих отношение к т. Иваняну.

1) Живя нелегально в Вологде в 1911 г., я провел у т. Иваняна две или три ночи по его приглашению.

2) Он (Иванян) жил тогда на одной квартире с Татариновым и его (Татаринова) женою, где я и оставался около недели.

3) Он (Иванян) устроил меня (после двухдневной ночевки у него) у ссыльного Доррера, где я прожил недели две или больше.

4) Я получил от ЦК 70 руб. на побег по адресу, данному мне Иваняном. Денег этих мне не передал т. Иванян, а передал лишь телеграмму о посылке для меня указанной суммы (в телеграмме было вытравлено несколько слов), причем т. Иванян не мог объяснить ни «пропажи» денег, ни факт вытравления из телеграммы нескольких слов.

Впоследствии, приехав за границу в ЦК, я получил все документы, говорящие о том, что действительно было послано для меня в Вологду по адресу, данному Иваняном, 70 рублей, что эти деньги не пропали, а были получены адресатом в Вологде».

Написано по-семинарски обстоятельно, но лишено элементарной логики. Опровержение этой инсинуации содержится в самом тексте письма. Какой же это злоумышленник, присвоив деньги, предъявит потерпевшему телеграмму, да еще с «вытравленным» текстом? И это не единственная несуразность в сталинском поклепе. Это дело связано с особыми обстоятельствами, на которых следует остановиться.

Сталин отбывал ссылку в отдаленном селе и, задумав побег, прибыл в Вологду нелегально. Явившись на квартиру Иваняна, он должен был представлять себе возможные последствия оказанного ему гостеприимст-

[35] Прометей. Вып. 5. 1968, с. 177—181.
[36] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 33, с. 332.

ва для хозяина и не только для него. В случае провала неминуемо пострадали бы все товарищи, прописанные в Вологде, ужесточился бы режим для ссыльных. На Иваняна могло пасть подозрение в содействии побегу, он остался бы без места, политические — без материальной поддержки. Но вернемся к письму Сталина, на основании которого Иванян был исключен из партии, и ЦКК ВКП(б) отклонила его апелляцию.

Приведем часть заявления А. Иваняна секретарю Партколлегии ЦКК от 2 апреля 1927 года:

«Никаких других обвинительных материалов по этому поводу, кроме письма т. Сталина, не имеется. Таким образом, здесь нетрудно проследить чудовищное несоответствие обвинительного акта обвинительному материалу. Здесь допущена по непонятным для меня соображениям непозволительная передержка, никем до сих пор не выявленная и не выправленная.

Это письмо т. Сталина в Тифлисе при рассмотрении моего дела мне предъявлено не было, и я, таким образом, был лишен возможности своевременно ознакомиться с ним и реагировать на допущенную формулировку предъявленного мне обвинения. Протест по этому поводу мной был заявлен устно на заседании Пленума Партколлегии 1 апреля с. г. Доводя об этом до Вашего сведения, прошу распорядиться о расследовании указанного мною факта».

Никто, разумеется, не внял доводам Иваняна, и все неправомерные решения по его делу остались в силе, ибо к тому времени генсек уже подмял под себя контрольные органы партии. Между тем в Закавказское представительство в Москве на имя представителя, Тер-Габриеляна, поступило следующее письмо:

«Мы, группа бывших вологодских ссыльных, ныне живущих в Москве, а некоторые проездом находящиеся здесь, имеем сообщить следующее. Нам стало известно, что нашему товарищу Иваняну, бывшему с нами в ссылке в 1910—1913 годах, предъявлено обвинение в присвоении им в этот период 70 рублей. В связи с этим обвинением товарищ Иванян исключен из партии.

Мы считаем своим моральным долгом отметить следующее.

Прежде всего мы, нижеподписавшиеся, были в большой близости и дружбе с товарищем Иваняном. Постоянные встречи и даже совместная жизнь позволили нам близко наблюдать его и установить в нем те качества общественного, развитого, чуткого и отзывчивого товарища, которые нас привлекали к нему за все время ссылки и сохранились в воспоминаниях до сих пор. Хотя и по обстоятельствам времени некоторые из нас впоследствии столкнуться с ним не могли, его жизнь в ссылке известна нам достаточно подробно.

Он пользовался исключительным успехом как преподаватель математики и с легкостью получал отовсюду уроки, имел их на очень большие суммы. Почти весь день отдавал урокам, получая значительный заработок, ни в коей мере не терял связи с ссылкой.

Нам известна его широкая помощь политическому Красному Кресту, не укладывавшаяся только в рамки взносов. Нам известна его поддержка своих же товарищей приисканием уроков или передачей своих собственных. Некоторые ссыльные (Татаринов, Ананьев, Тихомиров) получали непосредственную помощь от него. Образ жизни его, как и всей остальной ссылки, был весьма скромен. Он являлся инициатором и организатором разных видов спорта среди ссыльных. Отношение к нему ссыльных, насколько мы знаем, было очень хорошим, близким, товарищеским.

При этих условиях нам кажется совершенно невозможным присвоение им 70 рублей. Нам это кажется невозможным и по моральным и по материальным причинам: моральным — в силу его общественности и отношения к ссыльным, материальным — ввиду незначительности суммы,

которая не могла представить для него интереса при его месячном бюджете.

Мы убеждены, что в этом злоупотреблении или недоразумении, которое произошло с 70 рублями, товарищ Иванян ни при чем».

Подписи: Татаринов Н., Венгеров В., Апаньев А., Парамонов Алексей Иванович, член партии с 1902 г., Лобанов Виктор Александрович, член партии с 1907 г., Барский Борис Евгеньевич, член партии с 1918 г., Астафьев Н. Н., Нанцев М. Н.

Коллективное письмо старых коммунистов не помогло Иваняну восстановить справедливость, так же как и официальный ответ ЦК партии Армении на запрос следователя ЦКК Фишкина:

«За все время работы товарищ Иванян проявил качества хорошего работника. Выдающиеся организаторские способности выдвинули его в ряды наиболее активных хозяйственников Армении. Отношение к нему со стороны руководящих товарищей было хорошим... За время его нахождения в Армении он никаким партийным взысканиям не подвергался. ...После двух лет работы в Армении был выдвинут на работу в Закавказском масштабе — назначен уполномоченным Наркомата внешней торговли СССР. Мы, в Армении и в Тифлисе, продолжали слышать о нем, в частности от товарища Мясникова, лишь хорошие отзывы.

Народный комиссар РКИ *Амирханов*
Член ЦКК ВКП(б) *Мартикян*
Нарком финансов АССР *Погосян*
Предсовнархоза Армении *Бальян*
Секретарь ЦК КП(б) Армении *Иоаннисян*»

И, наконец, приведем еще один документ, последний. 7 июля 1936 г. Иванян обращается к Сталину с письмом, в котором рассказывает о своей общественной деятельности в ссылке и перечисляет свидетельства товарищей. Он не помнит о встречах со Сталиным в Вологде, но не сомневается в том, что они имели место, раз Татаринов с женой помнят об этом:

«Хотя прошли уже десять тяжелых мучительных лет, тем не менее я с такой же настойчивостью, как и раньше, утверждаю, что переведенных для вас 70 рублей я не видел, не получал и не присваивал.

Разве не мог я быть хорошо знаком с Вами, а перевода денег все же не получить. Если бы мои заявления могли быть поняты кем-нибудь как маневрирование, то разве не лучшим маневром с моей стороны было бы заявление: «Да, я действительно товарища Сталина знал, помог ему укрыться у себя и у товарища, но никакого перевода на свое имя для тов. Сталина не получал и денег не получал и не присваивал».

... Мне скоро минет 50 лет, а надо мной тяготеет тяжкое обвинение...

Прошу Вас снять с меня Ваше обвинение в присвоении мною перевода на Ваше имя 70 рублей и помочь мне в восстановлении в партии.

Глубоко преданный Вам *А. Иванян.*»

Иванян отправил это письмо в Москву, уповая на милосердие генсека. Арестовали его 17 ноября 1936 года. На квартиру явились два агента НКВД, но застали дома лишь жену и детей — 17-летнего Юрия и 12-летнюю Люцету. Один оперативник отправился за Иваняном в исполком, где тот работал. Железные кровати, простой стол, стулья да деревянный сундук в углу — вот и вся обстановка. И книги — единственное богатство семьи. Жену застали за глажением выстиранного белья. Когда оставшийся в доме энкаведист зашел на кухню, Юра достал из сундука папку с личными документами и фотографиями отца и подложил заветную папку под стопку белья на табуретке. Привели отца, обыскали при нем квартиру. Араму Исааковичу позволили проститься с Айкануш Лазаревной и

детьми — случались в ту непередаваемую пору такие проявления гуманности — и увели под конвоем.

Указующий перст вождя не оставлял его ни на один день. Иваняна оперативно приговорили к пяти годам лишения свободы и отправили «врага народа» в лагерь, в памятную Вологду — именно туда... В конце тридцать седьмого его срочно этапировали обратно, в Тбилиси. Лагерной смерти долго ждать... Айкануш Лазаревна тотчас пошла в тюрьму с передачей... Этот день, 19 декабря, ей запомнился навсегда. Ей ответили, что Иванян у них не числится. Может быть, бедная женщина не смогла сдержать своих чувств и сказала несколько нелестных слов в адрес виновника репрессий. Ее арестовали 21 декабря, в день рождения генсека. Через неделю казнили Арама Иваняна. После лагеря вдова вернулась в Тбилиси. Срок ей дали небольшой, восемь лет, но пришлось отбыть девять.

Дочь погибшего, Люцета, обратилась в 1956 г. к Зинаиде Гавриловне Орджоникидзе, та позвонила Микояну, но он отказал в помощи, сославшись на занятость. Тогда вдова Серго созвонилась с Генеральным прокурором Руденко и отправилась к нему вместе с Люцетой. Руденко запросил дело Иваняна из КПК, ознакомил посетителей с документами[37]; оказалось, что Иванян ни в чем не виновен.

...Маленькая в масштабе всесоюзных репрессий история, но в ней истинная натура провокатора проявилась в полной мере.

Семинарист, учившийся вместе с Иосифом Джугашвили, рассказывал, что осенью 1899 г., когда того изгнали из духовной семинарии, он выдал всех членов нелегального кружка ректору. Их исключили вслед за доносчиком. Кое-кто склонен объяснить сей поступок горячностью 20-летнего юноши. Но я в этом вижу вполне сознательный донос агента-провокатора. Таким он был по натуре. Так действовал в годы подполья. Еще в 1908 г. в Баиловской тюрьме он продемонстрировал поразительную способность провоцировать драки и столкновения, ухитряясь всякий раз оставаться в тени[38].

Аресты руководителей социал-демократов Закавказья, полицейские облавы на нелегальные собрания, провалы явочных квартир — за кулисами подобных эпизодов можно было разглядеть честолюбивого авантюриста и провокатора Кобу-Сталина. Таким он оставался в период революции и гражданской войны. Его предательство на Польском фронте в 1920 г.— акция того же ряда.

Антипартийные провокации, которые он постоянно применял в борьбе за власть и позднее, в годы своего деспотизма, уж очень напоминали содеянное Кобой в молодости. Поэтому биографию Иосифа Сталина можно озаглавить так: «Житие политического провокатора». И это будет справедливо.

О сексуальной распущенности Сталина достаточно известно. В свое время я опубликовал очерк «Театр Иосифа Сталина», в котором он предстает и как комедиант, и как меценат[39].

Во время Туруханской ссылки Коба изнасиловал 13-летнюю дочь хозяина избы, у которого квартировал. По жалобе отца жандармы возбудили уголовное дело. Пришлось Иосифу Джугашвили дать обязательство повенчаться с пострадавшей. Первый ребенок родился мертвым, потом появился на свет мальчик[40]. Позднее он воспитывался и работал в Москве.

[37] Документы хранятся в личном архиве дочери и сына Иваняна, Люцеты и Юрия.

[38] Верещак С. Сталин в тюрьме.— Дни, Париж, 22—24.I.1928.

[39] Театр. 1988, № 8.

[40] Документы по этому делу на заседании Политбюро в 1962 г. зачитал И. Серов (по воспоминаниям О. Г. Шатуновской); см. также: Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк. 1969, с. 381—382.

Продолжение следует.

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II Г. А. ПОТЕМКИНУ

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится огромный архив В. Д. Бонч-Бруевича (1873—1955 гг.). Деятель революционного подполья, в 1917—1920-х годах управляющий делами Совета Народных Комиссаров, позднее организатор и первый директор Государственного литературного музея в Москве, Музея истории религии и атеизма АН СССР, Бонч-Бруевич собрал огромное количество исторических и литературных материалов, в значительной степени опубликованных в сборниках «Звенья» и в «Летописях» Государственного литературного музея, а также немало документов, частично или полностью не обнародованных.

Работая над книгой «Грань веков», посвященной политической истории конца XVIII — начала XIX в., автор этих строк изучил сохранившуюся в собрании Бонч-Бруевича корректуру «Писем Екатерины II к Потемкину» (предисловие и комментарии Я. Барскова)[1]. Из 132 корректурных страниц первые 23 заняты предисловием; на с. 24—123 следовали тексты 419 записок и писем Екатерины II Потемкину. Текст сопровождался небольшими приложениями, указателями, немалым числом иллюстраций, а также краткой пояснительной запиской Бонч-Бруевича, которую приводим здесь полностью:

«10 октября 1950 г. Это исследование «Писем Екатерины II-ой к Потемкину» с предисловием и комментариями Я. Барскова не было разрешено к печати в советское время. Придет время, когда его у нас напечатают. Они нуждаются в остро-политическом предисловии. Я хотел их напечатать в «Летописях» Гослитмузея. Получил я их в 1932 году и тогда намеревался поместить в сборниках «Звенья». На время пришлось отложить. Предисловие Барскова аполитично. Он не вскрыл по ним всю ту мерзость и запустение, которые царили при дворе Екатерины II-ой и ее окружении,— этой кульминационной точки разложения феодального дворянства и аристократии. Если написать такое предисловие, то и эти письма, и записочки великой блудницы принесут пользу истории. Этот единственный сохранившийся оттиск надо хранить среди рукописей и на правах рукописи — в коробках материалов для сборников «Звенья». Может быть, удастся их напечатать при моей жизни. Мне очень желательно написать предисловие и политически осветить эту закулисную придворную жизнь того времени, а также характеристику действующих лиц»[2].

Как можно понять из приведенного текста, Бонч-Бруевич дважды хотел напечатать «Письма Екатерины II к Потемкину»: в 30-е годы в «Звеньях» и после Великой Отечественной войны — в «Летописях» Государственного литературного музея. Сравнительно недавно был обнародован пример неудачной попытки публикации этих материалов в «Ли-

[1] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевич), 375, 29.

[2] Там же, л. 1.

тературном наследстве». И. С. Зильберштейн свидетельствовал: «Когда мы с И. В. Сергиевским в 1933 году подготовили том «XVIII век», один из авторов тома, известный ученый Я. Л. Барсков, предложил нам публикацию неизданных писем Екатерины II к Потемкину, но мы от нее отказались: документы эти не имели никакого отношения ни к литературе, ни к истории и отличались изрядным количеством интимных подробностей»[3]. Зильберштейн, однако, не упомянул о появившемся год спустя анонимном французском издании екатерининских писем, восходящем к тексту, представленному ранее Барсковым[4].

Если Зильберштейн совершенно отрицал ценность писем Екатерины Потемкину, то Бонч-Бруевич хорошо представлял себе значение этих материалов, но полагал, что они требуют острого политического комментария. Обе эти точки зрения характеризуют в разной степени тот период развития отечественной историографии, когда документы и материалы, связанные с царской фамилией, ценились преимущественно за то, что содержали разоблачения и саморазоблачения монархии или же проливали дополнительный свет на биографию и творчество таких известных отечественных деятелей, как А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, декабристы и т. д. Наша историческая наука 20—50-х годов отдавала предпочтение социально-экономическим и революционным страницам русской истории: меньше и слабее освещались внутренняя политика самодержавия, политический механизм власти, борьба различных придворных группировок и тому подобные сюжеты.

Капитальные труды П. А. Зайончковского, ряда других исследователей способствовали преодолению отмеченного перекоса в отношении истории XIX столетия; а борьба за власть и дворцовые перевороты XVIII в. осмыслялись любителями и специалистами, в основном по дореволюционным трудам С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. Г. Устрялова, Д. А. Корсакова, Н. К. Шильдера, В. А. Бильбасова и некоторых других авторов. При всех достоинствах этих работ многое в них сегодня устарело и требует новых подходов; недостаточно разработаны, в частности, такие важные эпизоды XVIII в., как дело царевича Алексея, события 1730 г., государственные перевороты 1740, 1741 и 1762 годов. Среди работ немногих советских исследователей елизаветинской поры отметим книгу Е. В. Анисимова[5], но подобные труды о внутренней и дворцовой политике Екатерины II у нас практически отсутствуют.

Можно отчасти согласиться с Бонч-Бруевичем в том отношении, что работа Барскова не исчерпала возможностей изучавшегося им эпистолярного комплекса. Однако публикатор сумел выявить ряд важных политических закономерностей: и в том плане, который был желателен Бонч-Бруевичу, и по многим другим направлениям Барсков проделал огромную работу — выявил сотни записок и писем Екатерины II, а также критически осмыслил прежние публикации конца XIX — начала XX в., связанные с этой темой. Наконец, само комментирование им документов характеризует автора как одного из выдающихся знатоков истории и общественной мысли России XVIII столетия.

Яков Лазаревич Барсков (1863—1937 гг.) происходил из поморской старообрядческой среды (кстати, среди его работ имеется обширная публикация «Памятники первых лет русского старообрядчества». СПБ. 1912). Преподаватель гимназии, допущенный позже к разбору рукописей дворцового архива, он имел доступ к разнообразным, порою практически недосягаемым для многих ученых историко-литературным материалам. Занимая заметные официальные посты, став тайным советником и сенатором, Барсков тем не менее сохранил широкий подход к проблемам истории и литературы XVIII столетия. Его профессиональные интересы

[3] Литературная газета, 11.I.1984.
[4] Lettres d'amour de Catherine II à Potemkine. P. 1934.
[5] Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. М. 1986.

сосредоточивались в основном на двух темах. Одна — литературная и общественная, в том числе революционная, мысль (ученый до и после социалистической революции опубликовал значительные работы об А. Н. Радищеве, Н. И. Новикове, Кутузове, И. В. Лопухине и др.[6]). Другая его постоянная тема — Екатерина II, ее государственная и литературная деятельность; 12-томное академическое издание сочинений Екатерины II после кончины в 1904 г. А. Н. Пыпина возглавил Барсков. Ему же принадлежит заслуга в составлении и комментировании последнего тома екатерининского собрания, вышедшего в 1907 г. и включившего к себя семь редакций мемуаров царицы, а также ряд мемуарных фрагментов. Публикацией Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1859 г.) в русской легальной печати впервые были обнародованы эти ценные документы. Об особенностях издания мемуаров царицы, достижениях и трудностях комментаторов Барсков рассказал во вступлении к изданию[7].

Среди приложений к основному тексту записок императрицы публиковалось несколько важных документов, связанных с Потемкиным: «Чистосердечная исповедь», открывавшая переписку царицы с фаворитом[8], а также одно из позднейших (июнь 1789 г.) писем Екатерины князю Таврическому[9]. В комментариях к этим фрагментам Барсков рассказал о том, как эти документы с соблюдением большой секретности хранились во дворце: ознакомившись с «Чистосердечной исповедью», Николай I, например, приказал 1 декабря 1841 г. запечатать документы «в секретном шкафу кабинета в Аничковом»; из этого шкафа рукопись была извлечена лишь 24 сентября 1898 г. для подготовки академического издания[10].

При подготовке академического издания сочинений Екатерины II Барсков ознакомился с сотнями ее писем и записок Потемкину: как с теми, что публиковались в разных изданиях, так и с неопубликованными[11]. Обнародование откровенных, а порою интимных документов императрицы было невозможно или, во всяком случае, затруднительно даже в начале XX в., поэтому некоторые из собранных им материалов ученый смог предложить издательствам только после 1917 года. В 1918 г. он публикует комплекс, «родственный» тому, который позже предложит Бонч-Бруевичу: 63 письма Екатерины II одному из ее фаворитов, П. В. Завадовскому[12]. Многие соображения ученого, высказанные в этой и других публикациях, обнаруживали наличие большого, еще не полностью реализованного запаса исторических, литературных и бытовых сведений о Екатерине II и ее времени.

Колоритная личность Барскова осталась в памяти исследователей старшего поколения. Известный филолог профессор С. А. Рейсер по просьбе автора этих строк в письме от 22 июля 1988 г. поделился своими

[6] Статья об И. В. Лопухине в «Русском биографическом словаре» (т. «Лабзин — Лященко»). СПб. 1914; Переписка московских масонов XVIII века, 1780—1792 годы. Пг. 1915; Письма Кутузова.— Русский исторический журнал, 1917, №№ 1—2; Новое о Радищеве.— Книга и революция, 1920, № 3—4; Книги из собрания Радищева. В кн.: Труды и дни. Т. I. 1920; А. Н. Радищев и Н. И. Новиков. Обзор. В кн.: Литературное наследство. Тт. IX—X; Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. 2. Материалы к изучению. М.-Л. 1935; Радищев А. Н. Торжок. В сб.: XVIII век. Вып. 2. М.-Л. 1940. Кроме того, под редакцией Я. Л. Барскова вышел ряд сборников русской поэзии XVIII века.
[7] См. Екатерина II. Полн. собр. соч. Т. XII. СПб. 1907, с. VI—XV.
[8] Там же, с. 697—698.
[9] Там же, с. 699—701.
[10] Там же, с. 795—796 (подлинник на франц. яз.).
[11] Письма Екатерины II Потемкину публиковались в «Сборнике Русского исторического общества» (т. XXVII. СПб. 1880), в журнале «Русская старина» (1876, № 9) и других изданиях.
[12] Русский исторический журнал, 1918, № 5, с. 223—257.

воспоминаниями о Барскове, которые мы цитируем с разрешения мемуариста: «По моим записям Яков Лазаревич Барсков скончался 17 августа 1937 г. ... Из большой барской квартиры его все время вытесняли, и он говорил, что пока ему оставили ванную — довольно большую комнату. Он шутил, что в ванне спать очень удобно. В сущности, он проводил почти все время в Публичной библиотеке, в так называемом «предбаннике» — фойе перед залом для научных работников, тогда на первом этаже, сейчас это отдел картографии и стол записи новых читателей. Там мы (Гуковский, я и другие) сидели часами, беседуя с ним... Он не раз касался вопроса о происхождении Екатерины II и считал не лишенным основания слух о том, что она дочь Бецкого. По его словам, когда Бецкой умирал, Екатерина просидела в кресле возле его постели всю ночь — откуда он это взял, не помню.

Если не ошибаюсь, он получал пенсию — тогда ее давали немногим. Основания были такие: «Был у меня племянник, сын покойного брата, человек «предосудительного» (его слова) образа мыслей — все путался с революционерами и не раз скрывался у меня. А я был уже в высоком чине, и полиция не рисковала ко мне являться. Племянник привел как-то какого-то революционера, и я его несколько дней у себя скрывал. Мы с ним много спорили о революции. После революции я узнал, что это был Молотов (я не вполне уверен в этой фамилии, может быть, кто-то другой, но видный большевик). Это было одно из оснований выплаты мне пенсии».

Александра III Барсков весьма уважал, а Николая II презирал. Один из его рассказов такой: «Как-то, после доклада, А. III пригласил меня погулять в парке (в Гатчине). Подошли к озеру — старик-инвалид-сторож подал удочку. А. III забрасывает раз, другой. Подбегает дежурный — кто был назван, забыл: «Ваше Величество, звонят из министерства иностранных дел, германский посол просит об аудиенции». А., не поворачиваясь, все удит рыбу. Адъютант ждет ответа, жмется, кашляет, наконец: «Ваше Величество, что прикажете ответить?». А. долго молчит, потом, повернувшись вполоборота: «Запомните. Когда русский царь удит рыбу, Германия может подождать. Приму завтра в полдень».

Было еще много всяких придворных и иных рассказов, надо было их записывать, а теперь не вспомнить. Хорошо знал Я. Л. и интимную хронику столицы. Помню вечер «соревнований» с одесским Б. В. Варнеке, который тоже ее хорошо знал,— сам сын Садовского, артиста... Был Я. Л. очень по-старомодному учтив. Очень интересовался старообрядцами, и подозреваю, что сам был их веры».

Сверх того, Барсков рассказывал Рейсеру, что Александр III справлялся у него, кто был истинным отцом Павла I: узнав, что сама Екатерина намекала на отцовство С. В. Салтыкова, царь бурно радовался, что у него больший процент русской крови, чем принято было считать. Подборка, публикуемая почти через 60 лет после ее создания, приобретает ныне дополнительную историческую и историографическую ценность. Незаурядность исследователя, уникальность его знаний, воспоминаний и наблюдений делают его вступительную статью к «Письмам» неотъемлемой частью историко-литературного памятника. Вряд ли кто-либо в ту пору, да и сегодня, мог бы произвести столь объемное сопоставление эпистолярного наследия Екатерины II с ее мемуарами и кругом чтения, а также определить место переписки в политической биографии императрицы. Отметим также, что во вступительной статье помещены отдельные мемуарные заметки Барскова, носящие одновременно исторический и историографический характер. Таково указание на (очевидно, устную) информацию, полученную им в начале XX в. от историка Шумигорского. «Тщательное сопоставление всех редакций «Мемуаров» (Екатерины) и других данных привело Е. С. Шумигорского к уверенности, что Павел был Петровичем не только по имени, но и по происхождению»; таковы же, по всей видимости, сведения о явном предпочтении, которое Николай II отдавал Павлу I по сравнению с его матерью.

Даже с позиций сегодняшней науки мы не находим особой апологетики во взглядах Барскова на Екатерину II; как раз за это он упрекает одного из своих предшественников, В. А. Бильбасова, и подчеркивает, что после подавления восстания Пугачева начался период деспотизма. Интерес представляют соображения Барскова о механизме самодержавной власти в XVIII в. и роли в нем фаворитизма. Отнюдь не ради смакования сплетен и копания в интимных подробностях он анализирует историю екатерининских фаворитов, ясно понимая и показывая, что каждый из них и затем смена любого имели немалое влияние как в России, так и порою за ее пределами на судьбы миллионов людей. Поэтому тот, кто хочет изучать реальные судьбы народов, не может пройти мимо данного обстоятельства. Еще публикуя письма Екатерины II Завадовскому, Барсков составил своеобразную хронику фаворитов: 1752—1754 гг.— С. В. Салтыков; 1756—1758 гг.— С. Понятовский; 1761—1772 гг.— Г. Г. Орлов; 1772—1774 гг.— А. С. Васильчиков; 1774—1776 гг. Г. А. Потемкин; 1776—1777 гг.— П. В. Завадовский; 1777—1778 гг.— С. Г. Зорич; 1778—1779 гг.— И. Н. Корсаков; 1780—1784 гг.— А. Д. Ланской; 1785—1786 гг.— А. П. Ермолов; 1786—1789 гг.— А. М. Мамонов; 1789—1796 гг.— П. А. Зубов. Сверх того, Барсков называет еще несколько, менее известных в данном качестве лиц: Стахиев, Страхов, Левашов, Ронцов, Высоцкий, Мордвинов.

Указанные французским публицистом Кастера 92,5 млн. руб., потраченные Екатериной II на фаворитов, Барсков считал заниженной цифрой, ибо «под чужим именем они участвовали в выгодных предприятиях, откупах, поставках, подрядах»[13] Интересны наблюдения Барскова, касающиеся борьбы за власть и разных политических перемещений в результате смены очередного фаворита. Так, политические затруднения 1774 г. после окончания турецкой войны и в ходе восстания Пугачева, а также опасные притязания партии братьев Орловых стимулируют стремление Екатерины найти твердую политическую опору в давно известном ей участнике переворота 1762 г. Григории Потемкине. Личная склонность и политика здесь соединяются, о чем было откровенно сказано Екатериной II в упоминавшейся «Чистосердечной исповеди». Поскольку Барсков ссылается на этот документ, который многое объясняет в отношениях и переписке царицы с ее фаворитом, приведем его текст:

«Марья Чоглокова, видя, что через девять лет обстоятельства оставались те же, каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение, чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела; с одной стороны, выбрали вдову Грот, которая ныне за артиллерии генерал-поручика Миллера, а с другой Сергей Салтыков и сего более по видимой его склонности и по уговору мамы, которая в том поставляла великая нужда и надобность[14]. По прошествии двух лет Сергея Салтыкова послали посланником, ибо он себя нескромно вел, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была в силе его удержать. По прошествии года великой скорби приехал нынешний король Польский (Станислав-Август Понятовский.— *Н. Э.*), которого отнюдь не приметили, но добрые люди заставили пустыми подробностями догадаться, что глаза были отменной красоты, хотя так близорук, что далее носа не видит, чаще на одну сторону, нежели на другие. Сей был любезен и любим с 1755 до 1761 по тригодняшней отлучке, то есть от 1758, и старательства князя Григория Григорьевича

[13] Там же.

[14] Чоглокова — «мамка», приставленная Елизаветой Петровной к Екатерине, сводила великую княгиню с Салтыковым, ибо Елизавета была недовольна, что у Петра III и Екатерины и через девять лет после заключения брака нет детей.

(Орлов.— *Н. Э.*), которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мыслей. Сей бы век остался, если б сам не скучал, я сие узнала в самой день его отъезда на конгресс из села Царского (Г. Г. Орлов в 1771 г. отправился для переговоров с турками на Фокшанский конгресс.— *Н. Э.*) и просто сделала заключение, что, о том узнав, уже доверки иметь не могу: мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации (отчаяние.— *Н. Э.*) выбор кое-какой, во время которого и даже до нынешнего месяца я более грустила, нежели сказать могу, и никогда более, как тогда, когда другие люди бывают довольны, и всякая приласканья во мне слезы возбуждала, так что я думаю, что от рожденья своего я столько не плакала, как сии полтора года (подразумевается «случай» А. С. Васильчикова.— *Н. Э.*); сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо с другой стороны месяца по три дуться стали и признаться надобно, что никогда довольнее не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его мне плакать принуждала. Потом приехал некто богатырь (Потемкин.— *Н. Э.*), сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что, услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однаю же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша (П. А. Брюс, урожденная Румянцева, ближайшая наперсница императрицы.— *Н. Э.*) сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которая я желаю, чтоб он имел. Ну, господин богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих, изволишь видеть, что не пятнадцатая, но третья доля из сих, первого по неволе да четвертого из дешперации, я думала, на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, если точно разберешь, бог видит, что не от распутства, которому никакой склонности не имею, и, если б я в участь получила смолода мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась; беда та, что сердце мое не хочеть быть ни на час охотно без любви, сказывают такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель, но напрасно я к тебе сие пишу, ибо после того возлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтобы я тебя позабыла, но право не думаю, чтоб такую глупость сделала, а если хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько ж дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду»[15].

Откровенный, хотя и приукрашенный автобиографический очерк Екатерины открывает не только интимную, но и дворцово-политическую сторону фаворитизма: очередного «вельможу в случае», как правило, готовит определенная придворная партия, которая в 1774 г. была представлена влиятельной «Брюсшей», сестрой фельдмаршала П. А. Румянцева, и другими людьми румянцевского клана. В 1776 г. Потемкин, «в свою очередь, через Румянцевых, подготовил себе преемника»[16]. То был Завадовский, при котором и после которого Потемкин, тем не менее, сохранил огромное влияние на ход государственных дел. Скажем, что как царский двор, так и сама Екатерина II не видели ничего зазорного в том, что у нее имелись фавориты. Это было тогда в порядке вещей. Поэтому она и писала Потемкину вполне откровенно о своих очередных увлечениях. Характернейшим эпизодом, сопровождавшим смену фаворита, были колебания Екатерины II насчет того, оставлять ли в руках Потемкина некоторые ключевые военные и государственные должности: 2 февраля

[15] Екатерина II. Полн. собр. соч. Т. XII, с. 697—698. Текст дав нами с некоторыми поправками согласно орфографии подлинника.

[16] Барсков Я. Л. Письма императрицы Екатерины II к графу П. В. Завадовскому.— Русский исторический журнал, 1918, № 5, с. 232.

1776 г. Е. М. Румянцева извещала своего мужа П. А. Румянцева, что «третьего дня ввечеру [Потемкину] конную гвардию отдали в команду... Поутру [Екатерина] дала приказ, а там остановила; опять к вечеру послали»[17].

В то время как государственная корреспонденция Екатерины II и Потемкина время от времени публиковалась в русской исторической печати, почти не освоенной исследователями оставалась их потаенная переписка за двухлетний период максимального потемкинского фавора. Именно к этому времени относится эпистолярный комплекс, представленный Барсковым. Даже беглый обзор 400 с лишним записок и писем Екатерины II позволяет увидеть обширный круг затронутых тем: речь шла о Пугачеве, турецкой кампании, исторических занятиях Екатерины, учреждении губерний. Мелькают имена Суворова, Фонвизина, наследника Павла, его жены Натальи Алексеевны, авантюриста Калиостро, многих других лиц. Переписка содержит подробности, подтверждающие факт тайного брака Екатерины и Потемкина и проливающие свет на некоторые эпизоды составления записок Екатерины II.

Особую ценность письма царицы имеют как источник сведений о быте и нравах XVIII столетия. Филологи оценят значение этого комплекса для истории русского языка, в частности при анализе языка царицы-немки, стремившейся говорить и писать по-русски. Это было связано также с недостаточной склонностью ее адресата употреблять иностранные языки и с поисками достаточно откровенного стиля выражений, не прикрытого лаком отработанного французского политеса. Парадоксально быстрые переходы от интимных излияний к политическим вопросам (выборы крымского хана, суд над провинившимся чиновником Глебовым и пр.) передают общую отмеченную выше особенность фаворитизма как почти неразделимого сочетания сугубо личных мотивов с экономическими и политическими. Намеки А. Г. Орлова на интимную жизнь императрицы (письмо № 157) характеризуют общий тон придворных отношений той поры, включая переплетение куртуазности с откровенной грубостью.

Безграмотность писем (сама Екатерина просит Потемкина и других корреспондентов поправлять ее слог), неправильные, причудливые, порою оригинальные словосочетания, разговорность эпистолярных оборотов, отсутствие в то время твердых правил русской грамматики и правописания придают текстам своеобразный колорит. Так, обращаясь к Потемкину, Екатерина шутит: «Вы мне внизу вовсе позабыли и оставили одну, как будьто я городовой межевой столб» (п. 30); пересылая Потемкину какие-то фолианты, царица советует: «Забався книгами; оне по твоему росту» (п. 97); о прежнем фаворите Васильчикове сообщается: «Скучен и душен» (п. 224); постоянно интересуясь, не прошла ли у фаворита «хандрушечка», Екатерина сетует: «Батя, ты иногда замысловат» (п. 108); или: «душенка, разчванисть ты очен» (п. 109). А вот обращения царицы к своему любимцу: милинкой, батя, милуша, мама, Гришифичечка, скакун, скорохват, парюш (т. е. «попугайчик»), а в одном из посланий находим сразу: «гаур, москов, козак яицкой, Пугачев, индейский петух, павлин, коть заморской, фазан, золотой тигр, лев в троснике» (п. 291).

Размышляя сейчас над тем, чего не достает предисловию и примечаниям Барскова, а также против чего следует возразить, отметим труднейшую проблему датировок. В дальнейшем, возможно, удастся их уточнить, а также переменить порядок писем, которые Барсков публиковал в той последовательности, в какой они сохранились среди запечатанных бумаг. Переписка позволяет поставить вопрос о переменах, происшедших во второй половине XVIII в. во взаимоотношениях между разными эта-

[17] Там же, с. 234.

жами российской государственной власти. Если при Петре I и его ближайших преемниках обычной формой политических перемен были государственные перевороты, аресты, казни сановников, то при Екатерине II устанавливаются более гибкие формы: отставка министра и смена фаворита происходят сравнительно безболезненно, без пыток и казней; Екатерина специально пишет Потемкину: «Только одно прошу не делать — не вредить и не стараться вредить кн. Г. Г. Орлову в моих мыслях» (п. 145). Дело, конечно, не в жестокости или доброте правителя, а в поисках более оптимальных форм взаимоотношений дворянства, высшей бюрократии и самодержицы. В связи с этим можно упрекнуть Барскова в том, что он считал подобное «смягчение форм» признаком ослабления императорской власти и усиления ее зависимости от фаворитов. На деле новый тон придворной жизни, наоборот, усиливал политическую роль Екатерины II.

Сочетание самодержавия и определенных форм просвещения порождало двойственность как формы, так и сущности политической жизни. Старинный спор о «потемкинских деревнях», серьезные возражения некоторых историков и литераторов против самой возможности подобного обмана следует теперь отвести на основании множества документов, в частности публикуемой переписки: накопилось достаточно фактов, говорящих о том, что огромные маскирующие акции действительно были осуществлены Потемкиным во время путешествия Екатерины в Крым, да и сама царица хорошо знала о том обмане, как и о многих других, и вообще охотно шла навстречу своим фаворитам или приближенным в их усилиях соединить жестокую правду со спасительной ложью, природу вещей с их видимостью. «Потемкинские деревни» в широком смысле слова были чрезвычайно распространены в течение всего екатерининского царствования.

Последней проблемой, заслуживающей упоминания в связи с публикуемой перепиской, можно считать вопрос о не исчерпанной еще к концу XVIII в. прогрессивности тогдашней верховной власти, определенных просветительских и «ренессансных» возможностях, которые позволяли активному дворянству добиваться успехов и побед, не выходя за рамки господствующей социально-политической системы. В заключение подчеркнем, что изучение «Писем Екатерины II к Г. А. Потемкину» отражает одну из современных тенденций развития нашей исторической науки: стремление, не утрачивая прежних научных завоеваний и постоянно имея в виду первостепенное значение социально-экономических факторов в истории, больше внимания обращать на человеческий фактор, на мотивы, роль поступков, психологию и действия как широких народных масс, так и отдельных исторических личностей.

Н. Я. Эйдельман

ЭЙДЕЛЬМАН Натан Яковлевич — кандидат исторических наук, член Союза писателей СССР.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ Я. Л. БАРСКОВА

I

12 октября 1791 г. к пяти часам пополудни курьер привез в столицу весть о смерти кн. Г. А. Потемкина, который умер по дороге из Ясс в Николаев 5 октября 1791 г. среди степи. Екатерина была потрясена. «Слезы и отчаяние» отмечает в «Дневнике» ее секретарь А. В. Храповицкий: «В 8 часов пустили кровь, в 10 часов легли в постель — 13/X.

Проснулись в огорчении и в слезах. Жаловались, что не успевают приготовить людей. Теперь не на кого опереться.— 16/X. Продолжение слез. Мне сказано: «как можно Потемкина мне заменить? Все будет не то. Кто мог подумать, что его переживут Чернышев и другие старики? Да и все теперь, как улитки, станут высовывать головы». Я отрезал тем, что все это ниже ее величества. «Так; да, я стара. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить».— 21/X. Уведомление к принцу Пассау о кончине кн. Потемкина: «c'était mon ami cheri, mon élève, homme de génie, il faisoit le bien à ses ennemis et c'est par là qu'il les désarmoit» (это был мой дорогой друг, мой ученик, гениальный человек, он творил добро своим врагам и этим их обезоруживал). Екатерина оправлялась от удара медленно. «Вчера ввечеру,— отмечает Храповицкий 19/XI,— и сегодня поутру плакали.— 24.XI. Причесались, убрали голову, но при надевании платья вдруг слезы... Жалуются ипохондрией и не могут сносить публики.— 4/XII... вдруг прыснули слезы при чтении письма из Ясс.— 6/I.1792. Получен из Ясс мирный трактат, подписанный уполномоченными с турецкой и с русской стороны; курьеру пожалован чин генерал-майора и 2 т. червонных, но за уборным столом слезы», и т. д., и т. п.

Заметки Храповицкого совпадают с письмами императрицы Гримму. «Снова поразил меня, как обухом в голову, страшный удар,— пишет она в 2 1/2 часа ночи с 12 на 13 октября 1791 г.— мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, кн. Потемкин-Таврический скончался в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. С прекрасным сердцем он соединял необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его всегда были широки и возвышенны. Он был чрезвычайно человеколюбив, удивительно любезен, а в голове его непрерывно возникали новые мысли. Никогда человек не обладал в такой степени, как он, даром остроумия и умения сказать словцо кстати. Его военные способности поразительно обрисовались в эту войну, потому что он ни разу не оплошал ни на море, ни на суше. Никто менее его не поддавался чужому влиянию, а сам он умел удивительно управлять другими. Одним словом, он был государственный человек как в совете, так и в исполнении. Он страстно, ревностно был предан мне: бранился и сердился, когда полагал, что дело было сделано не так, как следовало. С летами и опытом он исправился от многих своих недостатков. Три месяца тому назад, когда он приехал сюда, я говорила генералу Зубову [последнему фавориту], что меня пугает эта перемена и что я не вижу в нем его прежних недостатков, и вот, к несчастию, мои опасения оказались пророчеством. Но в нем было еще одно редкое качество, отличавшее его от всех других людей: у него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, кн. Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что в состоянии был сделать»; «Кн. Потемкин своей смертью сыграл мне злую шутку»,— продолжает скорбеть Екатерина через десять дней.

12 декабря 1791 г. Екатерина снова в письме Гримму возвращалась к Потемкину: «Я здорова и дела идут тем же порядком, несмотря на ужасную потерю, о которой я вам писала в ту же ночь, как пришло роковое известие. Я все еще продолжаю грустить. Заменить его невозможно, потому что надобно родиться таким человеком, как он, а конец этого столетия как-то вовсе не предвещает гениев. Не теряю надежды, что будут, по крайней мере, умелые люди, но надобно время, старания, опытность».

II

Литературный талант Екатерины был не велик, но читать и писать она любила и начала рано. Ее библиотека заключала в себе десятки тысяч томов, у нее было богатое собрание гемм и камей, ее столы завалены были редчайшими древнерусскими рукописями и ее собственными рукописными трудами по литературе, истории, законодательству. Участь бумаг Екатерины после ее кончины породила множество противоречивых известий, и ее литературное наследство до сих пор еще не вполне выяснено.

Самый крупный из всех литературных трудов Екатерины — это ее мемуары; за ними следуют ее письма, более ценные, нежели ее комедии, оперы, сказки, журнальные статьи и «Записки касательно российской истории». Мемуары и письма, по крайней мере многие из них, всецело принадлежат императрице; в остальных произведениях большое участие принимали ее секретари и другие сотрудники.

Опубликованные письма занимают уже тысячи печатных страниц, но многие остаются еще в рукописях, рассеянные по разным собраниям не только в России, но и за границей. Первый литературный опыт Екатерины не сохранился: то был ее автопортрет под названием «Набросок начерно характера философа в 15 лет» (по-французски) [...].

К «Мемуарам» в редакции 70-х годов и к «Чистосердечной исповеди» примыкает большая часть помещаемых ниже писем [...]

IV

Придворный журнал отразил в своих повседневных официальных записях, как весело провела Екатерина два года (1774—1775) своего романа с Потемкиным. Записи велись по шаблону, бесцветны и редко дают живую деталь, но и по ним легко представить себе окружение императрицы, пышность и суету двора, непрерывную цепь развлечений, особенно в 1775 г.

В столовой Екатерины обычно обедало или ужинало около 40 человек, иногда 60—80, в том числе двое и даже трое фаворитов сразу. Десятки дам и кавалеров обязаны были присутствовать на балах, куртагах, спектаклях, при «выходах» Екатерины, при «пожаловании к руке» или при «выездах» в загородные дворцы, в палаты вельмож, на богомолье, на военный парад, на охоту. Императрица после обеда «изволила забавляться с кавалерами» в карты (в 1775 г. до двухсот раз), в шахматы и шашки или на бильярде (алягер — à la guerre). На маскарадах перебывало в 1775 г.: 8 февраля — 2720 масок, 13 февраля — 3274, 20 февраля — 3342, всего — 9336; в 1776 г. (на 6 маскарадах) — 13 939 масок, из них 2082 купеческого сословия. При дворе бывали свадьбы и крестины с участием императрицы: она меняла кольца жениха и невесты, убирала невесту к венцу, становилась крестной матерью.

В повседневной жизни двора Потемкин как генерал-адъютант принял самое деятельное участие, стал рядом с Екатериной движущей силой в этой огромной машине, в свою очередь, сообщавшей свое движение бюрократическому аппарату всей империи. Получить видную должность, большую награду, выгодный подряд, заключить торговый договор, разрешить дипломатическую задачу, вообще сделать «крупное» дело, минуя двор, почти не было никакой возможности, а при дворе все зависело от «партий», которые поддерживали фаворитов или боролись с ними.

Потемкин сразу вошел в свою роль, назначенную ему императрицей.

В письмах Екатерины к Потемкину рассеяно множество разных «дел» о производстве, наградах, раздаче земель, суммах, отпускаемых на приданое, на похороны, на уплату долгов. Потемкин делит с нею все мелкие делишки и большие заботы и, главное, самую власть. «О чем мы спорим,— спрашивает императрица в одном из этих писем,— что мы делим, как не власть?» В этом отношении из всех двадцати с лишком фаворитов он представляет собой исключение: никому, даже Платону Зубову, не уступала императрица из своей власти так много, как Г. А. Потемкину, и притом сразу, в первый же год его «случая». Он является исключением и в другом отношении: как показывают публикуемые здесь письма, только его называла она своим «мужем», а себя его «женою», связанною с ним «святейшими узами».

Об этом браке существует несколько рассказов. По словам П. И. Бартенева («Р. А.» 1906, № 11, с. 613—616), гр. Д. Н. Блудов говорил, что Екатерина II была замужем за Потемкиным и что, по свидетельству кн. М. С. Воронцова, графиня Браницкая (рожд. Энгельгардт, племянница и любовница Потемкина) сообщила ему эту тайну и передала даже самую запись о браке. Кн. С. М. Воронцов говорил Бартеневу, что «у кн. Елизаветы Ксаверьевны [матери князя, ур. гр. Браницкой] хранится список с этой записи, а гр. А. Г. Строганов добавлял, что эта запись хранилась в особой шкатулке, которую княгиня Воронцова поручила ему [Строганову] бросить в море по пути из Одессы в Крым». В записках кн. Ф. Н. Голицына сказано: «Один из моих знакомых, бывший при Павле I в делах и в большой доверенности, уверял меня, что имп. Екатерина вследствие упорственного желания кн. Потемкина и ее к нему страстной привязанности, с ним венчалась [в Петербурге] у Самсония, что̀ на Выборгской стороне. Она изволила туда приехать поздно вечером, где уже духовник ее был в готовности, сопровождаемая одною [камерфрау] Марьей Савишной Перекусихиной. Венцы держали гр. [А. Н.] Самойлов [племянник Г. А. Потемкина] и Евграф Александрович Чертков». Наконец гр. А. А. Бобринский говорил, что брачная запись положена в гроб его деда, гр. А. Н. Самойлова; брачная же запись, полученная М. С. Перекусихиной, должна была храниться у кн. П. Д. Волконского и у Чертковых. По слухам, венчание происходило осенью 1774 или в половине января 1775 г. перед отъездом двора в Москву; лето 1775 г. новобрачные проводили в Коломенском и затем в Царицыне.

Все эти рассказы и публикуемые здесь письма дают повод решительно утверждать, что Потемкин был обвенчан с Екатериной [...]. Уже один слух о том, что они были обвенчаны, создавал для Потемкина исключительное положение, особенно в первое время его «случая»; в нем действительно видели «владыку», как называет его в письмах сама Екатерина, и ему оказывали почти царские почести при его поездках в подчиненные ему области или на театр военных действий и обратно в столицу. Как ни велико расстояние от брачного венца до царской короны, но по тем временам так же велико было расстояние, отделявшее случайного любовника царицы от ее мужа, которого она явно считала первым лицом в государстве после себя. Всем дальнейшим фаворитам она ставила в обязанность «поклоны» Потемкину в письмах и, по ее собственному примеру, почтительное с ним обращение при дворе. Это был царь, только без титула и короны [...].

V

Письма Екатерины к Потемкину постигла общая участь всего ее литературного наследства. По смерти Потемкина они доставлены были императрице вместе с другими его бумагами и заперты в особый ящик. По всей вероятности, она перебирала эти бумаги и едва ли оставила письма в прежнем порядке, если только он существовал у самого адресата. По смерти императрицы все рукописи, находившиеся в ее кабинете, были собраны на скорую руку и, когда рылись в бумагах, выискивая нужное Павлу, потревожили, надо полагать, и письма. В течение многих

лет пв них, как и на «Мемуары», наложен был строгий запрет; несмотря на него, именно секретные бумаги рано стали появляться и ходить по рукам в копиях, не всегда точных [...].

Все эти 419 писем и записочек или, как их называла Екатерина, «цидулок» писаны большей частью на клочках; тринадцать писем (№№ 18, 40, 65, 83, 101, 125, 138, 146, 155, 240, 277, 279, 419) адресованы «Князю Григорию Александровичу Потемкину»; одно (277) с припиской: «в карете» [...].

Эпистолярная литература имела в XVIII веке большой успех. Искусству составлять письма обучалась молодежь дома и в школе. В эту форму отливались не только художественные произведения, романы, повести, рассказы, но и рассуждения по вопросам религии, права, хозяйства, воспитания. Скука одолевала Екатерину в первые годы по выходе замуж; она прибегла к книгам, прежде всего к романам. «Когда они стали мне надоедать,— говорит она в «Мемуарах»,— я случайно попала на письма г-жи де Севинье; это чтение меня очень заинтересовало; когда я их проглотила, мне попались под руку произведения Вольтера».

Екатерина должна была именно «проглотить» письма г-жи де Севинье. Многие черты характера г-жи де Севинье отчетливо выступают и в «Мемуарах», и в письмах Екатерины; но вторая не имела литературного таланта первой. Г-жа де Севинье вполне владела стилем. «Будьте уверены, говорит Лансон, что она крепко держала перо в руке и наблюдала за ним, не позволяя ему отдаваться на долю случая». Екатерина, наоборот, писала нервно и небрежно даже иностранным корреспондентам, не говоря уже о Потемкине и других любовниках. К этой небрежности она примешивала подчас вульгарную «мещанскую» грубость. Вообще она писала, по-видимому, так же, как говорила, и речь ее была жива, ярка, но не отделана. Известно, что она была совершенно тупа к музыке, вовсе не могла писать стихов и ей большого труда стоил художественный оборот. Грамматикой и правописанием она не могла овладеть всю жизнь. Остроумием она не отличалась: в письмах Потемкину там и сям попадаются плоские шутки, которые самой Екатерине казались, однако, способными рассмешить.

Пафос Екатерины был едва ли искренним даже в 1774—1775 гг., когда страсть ее была в полном разгаре. Почти так же выражали свою любовь и другие «сударки», писавшие Потемкину, и сам он, и наконец она же в письмах другим «избранникам». Любовь в этих письмах была для нее в значительной мере забавой, литературной игрой, средством развлечься с пером в руках. Но в помещаемых ниже автографах интересна и другая сторона: они объясняют приход Потемкина к власти и решительный поворот императрицы на путь деспотизма.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II Г. А. ПОТЕМКИНУ *

1

Фрелин двенацат человек старее Ал[ександры] Ва[сильевны Энгельгардт]; в том числе одна, коя была еще при покойной Государыне [Елизавете Петровне].

Что бариша досаждать всем? Это не мой обычный способ действия и не в моем характере.

* В конце каждого письма под чертой помещены пояснения, принадлежащие перу Я. Л. Барскова. Он употребляет нижеследующие сокращения: А. Г. С.— Архив Государственного Совета; Барсков Я. Л.— Письма имп. Екатерины II к гр. П. В. Завадовскому. Русск. истор. журн., кн. 5. СПб., 1918, с. 223—257; Бильбасов В. А.— «История Екатерины II». Т. I—II. Берлин. 1900; Бобринский А. Г.— «Дневник, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия

Я люблю иметь разум и весь свет на стороне своей и своих друзей, и не люблю оказывать милости, из-за которых вытягиваются лица у многих. Это увеличит число завистников князя и заставит шуметь его врагов.

Если эта девица, которую я люблю и высоко ценю, выйдет завтра замуж, я дам ей свой портрет и сделаю ее послезавтра статс-дамой, и никто слова не скажет, но я совсем не люблю усиленные переходы.

Помимо этих соображений, я даю честное слово ничего не делать для князя и его родни, не сказав ему, и я люблю держать свое слово и в особенности по отношению к нему, коего я люблю и чту безгранично.

Г. А. Потемкин получил княжеский титул 21/III 1776 г. Он просил, по-видимому, о пожаловании А. В. Энгельгардт в камер-фрейлины, не считаясь со старшинством. Не желая увеличивать число завистников князя, Екатерина отклоняет просьбу и обещает сделать ее статс-дамой и дать ей свой портрет, как только она выйдет замуж. А. В. Энгельгардт пожалована фрейлиной 10/VII 1775 г. и камер-фрейлиной 24/XI 1777 г.

«Старше» А. В. Энгельгардт в 1777 г. были: А. А. Куракина, А. А. Полянская, Е. А. Ефимовская, А. С. Протасова, А. М. Волконская, Е. С. Протасова, Е. А. Сенявина, С. А. С. Беле, М. С. Озерова, Е. П. Бутурлина, А. А. Бибикова, Н. Л. Нарышкина. Из них Екатерина Андреевна Ефимовская (1754–1780), дочь гр. Андрея Михайловича Е – его (двоюр. брата имп. Елизаветы) и Марии Павловны, р. Ягужинской (ум. 1755), взята была во дворец вместе с сестрой Анной Андреевной (1751–1824) и пожалована фрейлиной в январе 1759 г. В списке 1777 г. поименованы также Е. Н. Зиновьева, А.-Х.-К. Кновлес (Knowles, Наульс, дочь адмирала) и М. В. Шкурина; но первая вышла за кн. Г. Г. Орлова, вторая выехала с отцом из России, третья, по приглашению Дмитриевых-Мамоновых, уехала с ними в Москву (№ 94). *См. также № 137.*

2

Милинкой, и впрям, я чаю, ты вздумал, что я к тебя сегодня писать не буду. Изволил ошибится. Я проснулась в пять часов. Тепер седьмой, быть – писать к нему. Только правда сказат, послушай пажалуй, какая правда: я тебя не люблю, и более видит не хочю; не повериш, радость, никак терпеть тебя не могу вчерась до двенацатаго часа добальталисъ, а его выслали, не прогневайся, будьто и впрям без него быть не можно. Милее всего из сего разговора то, что я сведаю, что между собою говорять, неть, дескат, ето не А. С. В[асильчиков], етого она инако ведаеть. Да есть в ково, и нихто не дивится, а дело так принято, как будьто

по России и загранице». «Русс. арх.», 1877, № 10, 116—165; Гельбиг Георг— «Русские избранники». Перев. и примеч. В. А. Бильбасова. Берлин, 1900; Грот Я. К.— «Екатерина II в переписке с Гриммом». Ст. I—III. СПб. 1879, 1881, 1884; К. Ф. Ж.— «Камер-фурьерский Церемониальный Журнал»; Карабанов П. Ф.— «Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII столетии» («Русск. Стар.». 1870, ноябрь, с. 468—498; 1871, январь, стр. 39—48; февраль, стр. 272—282; июль, стр. 59—67, октябрь, стр. 379—404); Кастера — см. Castêra; Кобеко Д. Ф.— «Цесаревич Павел Петрович (1754—1796)». Изд. 3. СПб. 1887; Корберон — см. Labande; Ловягин А. М.— «Исторические и библиографические очерки». Вып. I, II. 1917; Лунинский Е. «Княжна Тараканова». Перев. с польского. М. 1908; Обзор — Бантыш-Каменский Н. Н. «Обзор внешних сношений России по 1800 год». Тт. 1—4. М. 1894—1902; Осьм. век — Осьмнадцатый век. Историч. сборник, изд. П. Бартеневым. Кн. I—IV. М. 1868—1869; П. С. З.— Полное собрание законов; Понятовский — см. Poniatowsky; Р. А.— «Русский архив»; Р. С.— «Русская старина»; Сб.— Сборник имп. Русского исторического общества; Фонвизин Д. И.— «Сочинения, письма и избранные переводы». Ред. П. А. Ефремова; Храповицкий А. В.— «Дневник 1782—1793». СПб. 1874; Castêra. «Histoire de Catherine II, Impératrice de la Russie». Vol. I—IV. P. 1800; Harris James.— «Diaries and Correspondence». Vol. I—IV. L. 1844; Haven Marc. Inconnu Cagliostro, étude historique sur la haute magie». P.; Labande H.— Un diplomate français à la cour de Catherine II. 1775—1780».— Journal intime du chevalier de Corberon. Tt. I—II. P. 1901; Poniatowski Stanislas-Auguste.— «Mémoires». Tt. I—II. Petrograd. 1914—1924.

давно ждали, что тому быть так. Только нету, быть всему инако, от мизинца моего до пяти и от сих до последному волоску главы моей зделано от меня генеральное запрещенье сегодня показат вам малейшей ласки, а любов заперта в сердце за десяти замками, ужасно как ей тесьно, с великой нуждою умещается, тово и смотри, что где ни па есть выскочит. Ну, сам расуди, ты человек разумной, можно ли в столько строк более безумство заключит? Река слов вздорпых из главы моей изтекохся. Каково то тебя мило с таковою разстройного ума обходится, не ведаю О, г. Потемкин, что за непутное чудо вы содеяли, расстроив так голову, которая доселе слыла у всех одной из лучших в Европе? Права, пара и великая пара за ум принятся; стыдно, дурно, грех, Ек[атерине] вт[орой] давать властьвовать над собою безумной страсти; ему самому ты опративися подобной безрасудности: почасто сей последной стишек себя твердит стану, что один он в состоянье мне опять привести на путь истинной, и сие будет не из последних доказательствах великой твоей надо мной власти. Пара перестат, а то намараю целая метафизика сентиментальная, которая тебя наконец насмешит, а инаго добра не выдьет. Ну, бредня моя, поежжай к тем местам, к тем щастливым брегам, где живеть мой герой, авослибо не застанит уже его дома и тебя принесут ко мне назад, и тогда прямо в огоп тебя киню и Гришинка не увидит сие сумазбродство, в которой однако, Бог видит, любвы много; но гораздо луче, чтоб он о сем не знал. Прощай, гаур, московъ, казак, не люблю тебя.

Гр. Г. Г. Орлов выехал из Царского Села на конгресс в Фокшаны 25/IV 1772 г.; через две недели (6/V 1772) в «К. Ф. Ж.» записано уже имя А. С. Васильчикова. Партия, враждебная Орловым, воспользовалась отсутствием гр. Г. Г-ча, чтобы выдвинуть нового фаворита: 2/IX 1772 Васильчиков был пожалован камергером. Орлов прервал переговоры и устремился в Петербург, но был задержан в Гатчине. Он вернулся ко двору после кратковременной поездки сначала в столицу и затем в Ревель весной 1773 года. Борьба придворных партий разгорелась с такой силой, что Фонвизин писал о ней своей сестре: «Развращенность здешнюю описывать излишне. Ни в одном скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят» («Сочинения», 403). Васильчиков, хотя и был любовником Екатерины, но деятельно участвовать в делах внутренней и внешней политики не был способен. Орлов своим волокитством довел Екатерину до того, что она уже «доверки» к нему иметь не могла; «дешперация» принудила ее «сделать выбор коя какой». С тех пор до самого приезда Потемкина она только «грустила и никогда более», как «тогда, когда другие люди бывают довольные, и всякая приласканья [в ней] слезы возбуждала». «От рождения,– продолжает она свою «исповедь» Потемкину,– я столько не плакала, как сии полтора года. Сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо с другой стороны месяцы по три дутся стали и признаться надобно, что никогда довольнее не была, как когда осердится и в покои оставит, а ласка его мне плакать принуждала» («Сочинения», XII, 697–698). Фонвизин сообщал Обрескову 20/III 1774 г.: «Здесь у двора примечательно только то, что г. камергер Васильчиков выслан из дворца и ген.-поручик Потемкин пожалован ген.-адъютантом и в Преображенский полк подполковником. Sapienti sat [Мудрому достаточно]». Тогда же (в марте) императрица писала Васильчикову, что она отдала приказ о даче ему деревень, 50 т. р. деньгами, а за доход текущего года 5 т. р. и, сверх того, серебряный сервиз на 24 персоны, белье к столу и поваренную посуду, да, когда отстроится дом, купленный на Луговой Миллионной ул., отдать ему же в вечное владение. Васильчиков благодарил государыню за оказанные ему милости и уведомлял, что переезжает на житье к брату. Императрица приказала И. П. Елагину «поспешить указами об деревнях, доме, деньгах и сервизе» (Фонвизин. «Сочинения», 476.– Сб. XIII, 397–398). Кастера оценивает все вознаграждение Васильчикова в 1 млн. 100 т. р. (Барсков, 240). *См. № 17, 224.*

3

Что то написано было на сем листе: уж верно брань, ибо превосходительство ваше передо мною вчерась в том состояло, что вы были надуты по середи сердце, а я с сокрушенным сердцем была ласкова и искала с фанарем любвы вашей утомленную ласку, но да самаго вечера оная обретат не была в силе. Что же зделалось? О, Боже! Лукавство мое поправило то, что чистосердечие испортило; брань родилась третьеводни о[т] тово, что я чистосердечно искала дружески и без хитрости лукавства и приуготовлении изяснится с вами о таких мыслях, кой нельза было думать, чтоб кому ни на есть могли быть предосудительны, но напротиву того оне еще были в собственной ваши пользу. Вчерась же вечеру я поступала с лукавством нарошно, признаюсь, нарошно не посылала к вам до девяти часов, чтоб видит, приидеш ли ко мне, а как увидела, что не идьеш, то послала наведатся о твоем здаровье. Ты пришель и пришель раздут; я притворилась, будьто то не вижу и наровная [?] во всем тебя довела сердцо и дуванье до упадка и видела с удовольствием, что ты сам уже от нее рад был отделатся. Ты скажеш, что просил у меня ласковое письмо и что я въместо того делаю рекапитуляции брани; но погоди малинко, дай перекипеть оскорбленному сердцу, ласка сама приидьеть везде тут, где ты сам ласки место даш. Она у меня суетливо, она везде суется, где ее не талкают вонь, да и когда талкаеш, и тогда она вертится около тебя, как бесь, чтобы найти место, где ей занять посту. Когда ласка видит, что с чистосердечием пройти не может, тотчась она облечет ризи лукавства. Видиш, как ласка хитра, она всех видов с радостию примметь, лишь бы дойти до тебя. Ты ее удариш кулаком, она отпригнет с таво место и тотжечась перейдьет занимать способнейшее по ситуации, дабы стат ближе не к неприятелю, но к ее другу сердечного. Хто же он? Его заут Гришинка. Она преодолевает его гнева, она ему прощает неправильное каверканье ее слова, она крутым его речам присвойвает смысл уменшительной, спылчивых пропускает мимо ушей, обидных не принимает на сердце или старается позабыть, одним словом ласка наша есть наичистосердечнейшая любов и любов чрезвычайная. Насердись, буде, можеш и отвад нась, буде способ имеешь. Быть чистосердечно великой пайдьеш барищ. Раздумайся, раздуйся, но, пажалуй, хотя мало соответствуй и обе будем довольны.

4

Милинкой, какой ты вздор говорил вчерась, я и сегодня еще смеюсь твоим речам. Какия счасливыя часы я с тобою провожю. Часа с четыри вместо проводим и скуки на уме неть, и всегда растаюсь чрез силы и нехотя. Галубчик мой дарагой, я вась чрезвычайно люблю; и хорош, и умень, и весель, и забавень, и до всего света нужды нету, когда с тобою сижю. Я отроду так счастлива не была, как с тобою. Хочется часто скрыть от тебя внутренное чувство, но сердцо мое обыкновенно прабальтает страсть. Знатно, что полно налито, и оттого проливается. Я к тебя не писала давича для того, что поздо встала, да и сам будеш на дневанье. Пращай, брать, веди себя при людех умпинко и так, чтоб прямо нихто сказать не мог, чего у нась на уме, чего нету; ето мне ужасьпо как весело – нимношко пофинтарничит.

5

Душинка, прошу нам не пенять; я так заспалась, что встала в девятом высходе, и когда я к тебя приходила, тогда уже окошки твой были отдернуты и, следовательно, я опасалась входить. Однако вер, что тебя люблю примерно.

6

Сейчась получила я, Гришинка, твое письмо. Что нам обеим вчерась покой нужен быль, ето правда; но в том ни под каким видом признатся не могу, что будьто бы я тебя отпустила, душа мои, неласково, и не понимаю, из чего делаеш

подобное заключенье. Я тебя люблю чрезвычайно и когда ты ко мне приласкайся, моя ласко всегда твоей поспешно ответствует. Я спала хорошо и не скушна, а буду совершенно весела, как тебя увижю: более сего нету в свете удовольствие. Насила Мих[аила] Сер[геевича Потемкина] дождались; но Павла [Сергеевича Потемкина] послать надобно. Не забуд. А как приедит, то две вещи нужны: первая — поправит его домашное разстройнное состояниье, без чего он не в состоянье будет зделать, чего я от него требую, без некотораго рода поношенье; другое — запретит ему нужво матать и в долг входит; по одним протестованным векселам на него здесь он около одинацати тысечи должен, чего я вам показат могу, именно кому да кому. Пращай, душа; грусно, что сегодня са мною не завтре не будеш. Пращай, москов, гяур, козак.

7

Здравствуй, милинкой. Са мною зделалось великая диковина — я ствла сомнамбулой: я во сне гулала по саду, да присвилось мне, что хожю по каким то полатам, израдно прибранным стены на подобии золота разпестрены светами и голубками; тут я нашла амбон, на котором не стоял, но лежал прекрасный человек, и на нем было надето одежда серая, соболом опущенное; сей человек ко мне весьма быль ласков и благодарил за мой приход и мы с ним разговаривали о посторонных делах несколько врямяни; потом я ушла и проснулась; гпатьно, ето быль сонь, так как рак но спино пользет, а тепер я везде ищу того красавца, да его нету, а в уме моем его воображение никогда не исчезнет; куда как он мил — милее целого света; о, естьлиб вы могли его видит, вы б от него глаз не отвратили. Милинкой, как ты его встретиш, поклянись ему от меня и поцалуй его; он, права, того достоин: а может статся, что встретишся с ним, естьли, встав с постели, обратися направа и на стену взгляниш.

8

Голубчик, странное н тебя скажю, сего утра вздумала я смотрет план московского Екатерининскаго дворца и нашла, что покой, кой бы, например, могли быть для тебя, так далеко и к моим почти что не проходни, и вспомнила, что я их полтора года назад зделала сама парочно таково, за что я была брапина, по оставила их так, отговорясь, что места нету, а теперь нашла шесть покой для тебя так блиски и так хороши, как луче быть не можно. С вами все становится легко; вот что значит воистину любить. Прощай, милинкой!

9

Голубчик мой, я приходила к тебя, но не осмелилась войти для того, что у тебя окошки были подняти уже, и так отдаю тебя письменно свой поклон; сама же я встала в девятом часу, а люблю тебя чреавычайно.

10

Здравствуйте, сердце мое, я по грязи хотя и гулать не люблю, но однако с вами везде весело и хорошо.

11

Я ужасьно как с тобою бранится хочю. Я пришла тебя будит, а но то, чтоб спаль, и в комнаты тебя нету, и так вижю, что только для того сон на себя всклепаль, чтоб бежать от меня; в городе, по крайной мере, бывало, сидиш у меня, хотя после обеда с нуждою несколько под сильной моей прозбы или вечеру, а здесь лиш набегом, гаур, козак, москов, побываеш и всячески спешиш бежать; ей-ей отвадиш меня желат с тобою быть самой кп. (Г. Г.) Орлов; ну, добро, если одиножды принудиш мне переломить жадное мое желанье быть с тобою; права, холоднее буду; сему смеятся станеш, но, право, мне не смешно видит, что скушаеш быть са мною и что тебя везде нужнее быть, окроме у меня, г.м.к.к.м.с.с.т.м.с. и все на свети брани и ласки не одной нету. Я пошлю по [Ф. В.] Баура.

Ф. В. Баур обедал при дворе 18/V 1776 г. («К.Ф.Ж.»).

12

Красивиц мой милинкой, на котораго не единой корол не похож, я весьма к тебя милостива и ласкова и ты протекции от меня имееш и иметь будеш во веки. Протапопьской кресть поехал к Москвы и так ни изволь более пецися о его отправленье. Как я чаю, ты пуще хорош и чисть после бани. Только ето дело стравная, я отнюд тебя не люблю, не повериш, радость, терпеть тебя не могу. Легко ли ето? Скажи Миха[илу] Сер[геевичу Потемкину], что ты ныне в опале совершенной; только не вдруг ему объяви: умрет с печали. Иван Ив[анович] Бет[ской] что-то мне обещал сегодни: не прогневайся, не скажю; да небось и [бар И. Ю.] Фридрихсь, как не догадлив, по зяту твоему не скажет. Не могу вздумат, как сей войдьет в бывшей билиярдной: из двух одно: или умру со смеху, или как рак покраснею. Нужно ли его допустить к малому вечернему столу под пару с Елагиным? То-то зачинюсь, подумаю, что в сенате сижю. Чем то он позабавится жалует? В веревки что-ли заставить играт? Пожалуй, душинка, не много падсбных вводи. Вить для меня это будет вместо потовое. Слушай ты, мраморный мой красавиц: я встала ужасно как весела и не ласкова печуть к тебя, сердце мое; нужна перемена в слоге и для этого я говорю, что неласкова; разумееш вит, хотя ты разумовски [?.] Прощайте, мое сокровище.

Императрица 21/IV 1775 г., в день своего рождения, подарила сыну недорогие часы, а Потемкину 50 т. р. (Кобеко, 119); ему же в день его рождения и именин (30/IX 1777) — 150 т. р. (Сб. XXVII, 137). По приезде в Петербург в январе 1774 г. Потемкин остановился в доме зятя своего Н. Б. Самойлова. Кп. Г. Г. Орлов доложил о приезде Потемкина императрице 3/II и в тот же день был получен ответ. «4/II в шестом часу пополудни в Царское Село из первой армии прибыл курьер (ген.-поручик Г. Г. Потемкин), который и проходил во внутренние апартаменты к е. и. в-ву». Вторично он не был в Царском Селе, потому что двор вскоре вернулся в Петербург (14/II 1774. «К.Ф.Ж.»). О зяте Потемкина императрица пишет: «Первый час: если тебя теперь стригут и завивают, то обедать дома будешь, я догадываюсь. Зятя определю, и мне сие отпюдь не противно, но и зятю скажи, чтоб он держал ухо востро, ибо, конечно, я как не хочу разоренья вичьего, так и равно хочу, чтоб корона вышла без потери и обмана из сего дела» (Сб. XLII, 406).

13

Сударушка милая, здравствуй! Прошу дать знать, каков кавалер святого Андрея [Г. Г. Потемкин] опочивал, ибо опасаюсь, не растрогалась ли старость его необычайными его делами, о чем скорбет буду, еже так учинилось, понеже крепко его люблю.

14

Высокогневной и превосходительной господин генерал-аншеф и розных орденов кавалер, я нахожю, что сия неделя изобильна дураками. Буде ваша глупая хандра прошла, то прошу мне уведомит, ибо мне она кажется весьма продолжительна, а как я ни малейшую причину ни повода вам не подала к такому великому и продолжительному вашему гневу и того для мне врямя кажется длинна, а по нещастию вижю, что мне одною так и кажется, а вы лихой татарин.

15

Милуша, [П. В.]. Заводовской, чаю, тебя сказал, что я велела об деле Сапожевском; ответствоват же на ласку доселе не могла, ибо был у меня в[еликий] к[нязь], а тепер знай, что ты милая душа и я тебя люблю как душу.

По рекомендации гр. П. А. Румянцева П. В. Завадовский назначен статс-секретарем 10/VII 1775 г.; впервые обедал при дворе в Царицыне 26/VII 1775 г. и с тех пор много раз; в конце 1775 г. пошли слухи об его «случае»; 7/I 1776 г. он обедал во «внутренних апартаментах» с Екатериной, гр. Г. А. Потемкиным и гр. И. Г. Чернышевым: далее он упоминается в «К. Ф. Ж.» почти ежедневно. Он получил 6 т. душ в Украине, 2 т. душ в Польше, 1800 душ в русских губерниях, 80 т. р. драгоценностями, 150 т. р. деньгами, 30 т. р. посудой и ежегодную пенсию в 5 т. р.; другие оценивают все его вознаграждение в 1 млн. 380 т. р. *См. № 345.*

16

Здравствуй, господин подполковник! Каково вам после мыльны, а мы здаровы и весели отчасти по милости ваши. По отшествии вашем знаете ли вы, о чем слово было? Лехко вам можно догадатся; вы и мысли иногда отгадаете; о б в а с ь, милуша; расцегили вась, а цены не поставили; ее неть. Прощай; возись с полком возись с офицерами сегодня целой день, а я знаю, что буду делать: я буду думать – о б ч е м? Для виршп скажеш: о б н е м. Правда сказат – все Гришинка на уме. Я его не люблю, а есть ни что чрезвычайное, для чего слов еще не сыскано. Алфавит короток и литер мало.

17

Здравствуйте, сердце мое. Как вы поживаете? Фуй, милинкой, как тебя не стыдно, какая тебя пужда сказат, что жив не останется тот, хто место твое займеть! Похожа ли на дело, чтоб ты страхом захотел приневолит сердца? Самой мерской способ сей не похож вовсе на твой образ мысли, в котором пигде лихо не обитает, а тут бы одна Амбиция, а не любов действовало. Но вычерни сии строки и истреби о том и мысли, ибо все это пустош похожа на скаску, что у мужика жена плакала, когда муж на стену повесил тапор, что сорвется и убьеть дитяту, котораго на свете не было и быть не могло, ибо им по сту леть было. Не печалься: скорея ты мною скучаиш, нежели я. Как бы то не было, я привещлива и постоянного сложения, и привычка и дружба более и более любов во мне подкрепляют. Вы не отдаете себе [должной] справедливости, хотя вы явная сласть. Вы чрезвычайно милы. Признатся надобно, что и в самом твоем опасенье есть нежность, но опасатся тебя причине никакой нету; ровнаго тебя нету; я с дураком [А. С. Васильчиковым] пальцы обожгла и к тому я жестоко опасалась, чтоб привычка к нему не зделала мне из двух одно: или на век безсщастна, или же не укратила мой век; а есть-либо еще год остальсн и ты б не приехал, или б при приезде я б тебя не нашла, как желалось, я б статся могла, чтоб привыкла, и привычка взяла места, тебя по склонности изготовленная. Тепер читай в душе и в сердце моем. Я всячески тебя чистосердечно их открываю и, есть-ли ты сие не чувствуеш и не видиш, то не достоин будеш той великой страсти, которой произвел во мне за пожданью. Право, крупно тебя люблю; сам смотри; да просим покорно нам платит такой же копейкою, а то весьма много слез и грусти внутренней и наружной будет. Мы же, когда ото всей души любим, жестоко нежна биваем. Изволь нежность наше удовольствовать нежностию же, а ни чем иным. Воть вам письмецо не короткое. Будет ли вам так приятно читать, как мне писат было, не ведаю.

18

Я пишу это письмецо, чтобы сказать вам, что этой ночью во сне явились мне духи Калиостро и они мне сказали: В с я к о й с о н л о ж ь, но написано [?]: ки. Потемкин в химической микстуре, над которой он мудрит для тебя, употребляет все сорта превосходных и весьма здоровых трав; они мне назвали все травы по именам и прозваниям; я могла бы сделать особый каталог (но так как это не портит дела и в него не входит, то я откладываю его до другого раза); но, прибавили малые духи в два с половиной дюйма, есть две [травы], растущие на одном и том же стебле, которые он не ставит ни во что или которыми пренебрегает, не вводя их туда, а между тем это очень существенно для тебя и для твоего счастья, чтобы они там находились [?]; эти травы н е ж н ы и д е л и к а т н ы; они не имеют других имен, но стебель, из которого они исходят, имеет священное имя для душ благородного происхождения. Я была поражена тем, что сказали мне духи; я поспешила принести щепотку этих трав, без приказания мне духов, к вашему перегонному кубу; все прочее осталось втуне, но я пошла на цыпочках и едва я приблизилась к вашему перегонному кубу, как я вас нашла на своем пути. Вы оттолкнули меня с такой силой, что я проснулась от испуга и глаза мои купались в слезах оттого, что единственные травы, которые могли сделать микстуру хорошей, здоровой и приятной для меня, были именно те, которыми вы пренебрегали и о которых вы не хотели слушать разговора. Проснувшись, я собралась с духом и сказала: нужно, чтобы он знал мой сон. Вот он. Если он вас не забавляет, вы должны только сказать Калиостро, чтобы он держал своих духов в узде, чтобы они перестали являться мне, и я легко обойдусь без них.

Калиостро выехал в Петербург из Митавы в конце мая 1779 г., но в начале 1780 г. вынужден был его покинуть; адептами Калиостро считались П. И. Мелиссино, И. П. Елагин, Г. А. Потемкин и мн. др. Его успех был велик, но у него было много врагов при дворе; бар. Гейкинг и д-р Рожерсон в особенности настаивали на удалении Калиостро (H a v e n, 71–82); он оправдывает Калиостро; беспристрастно судят русские исследователи). Императрица знала по слухам о «чудесах» Калиостро и вызывании им духов. В июле 1776 г. он приехал в Лондон, и здесь с 10/II 1777 г. начались повседневные угрозы, аресты, наложения запрета и т. п. преследования. «Духи Калиостро» – разумеется условное выражение. *См. № 63, 286, 367.* Потемкин пожалован князем 21/III 1776 г.

19

1. Д о м, ч т о в Л у г а в о й п р о т и в у д в о р ц а с т р о и т с я. Он для того год назад куплен, ибо предвиделось тогда, чего збыватьця могло, и с тех пор, что куплен, смотрела на него с удовольствием всякой раз, что к окошки подходила, и И[вану] И[вановичу] Бет[скому] покои не давала, дабы достроил; но в[еликого] кн[язя] свадьба нам помешала кончит.

2. Деревен, как заслуг и качеству к заслугам неть, едва ли просижа [?] дать, но умнее меня отдаю на размышлении сию статью и, есть-ли розсудится включит, то прошу поступать умерено, а более двух не дам.

3. Деньги я в четыри приема давала, а сколько всего не помню, а думую – около шостидесять; за последных весма на меня осердились, и тепер не ведаю, почему, и так дать впред кажется излишно, но ест-ли за пужно почитатся будет, то прошу умерено поступать; более сорока не дам.

4. Сервиз серебренной персон на двацат или денег на сие.

Свадьба Павла Петровича была 29/IX 1773 г.; она помешала отстроить дом, купленный на Луговой ул. «год назад» до письма № 19, которое можно отнести поэтому к 1774 г.; в конце 1773 г. Екатерина ждала уже приезда Потемкина. В п. 2–4 речь идет о наградах по просьбе Потемкина, по-видимому, одному из его друзей или родственников, но не ему самому.

20

Милинкой мой галубчик, все на свету толку подвержено; я чаю, и сим строкам подобное толкованье будет; но я на то не посмотрю, а буду писать истинну по совести: яицким козакам нужен покой, когда оне четыри почи его не имели,

а то с ног свалится; один из них уже ясьно чувствует, что он не может, жалуется, что голова болит, лом в снине и лихорадка малинкая, у него же чирье на груди и рана, которая производит, заживая, обыкновенно лихорадки; пожвлуй, дайте им отдахнут, по крайной меры, сему больному; я знаю, что вы скажете, что он плут и машейник, но, как бы то не было, плуту и машейнику покой нужень же. Топер вам донесу пужнее сего: я вась чрезвычайно люблю и вечно любит буду, лишь не отимайте у меня нежности чувствы и не откажите мне нижайшое мое прозба к умножение нежности служащее. Здраствуйте, сердце мое.

Г. А. Потемкиным представлены были императрице полковник Мартемьян Бородин и 20 казаков 1/III 1775 г. *См. № 142.*

21

Вел[икий] кн[язь] был у меня и сказал, что он, апасающися, чтоб до меня недошло и чтоб я не прогневалась, пришель сам сказать, что на него в на вел[икой] кне[гини] долг опять есть. Я сказала, что мне ето неприятно слышать и что желаю, чтоб тянули ножки по одежки и излишныя расходи оставили. Он мне сказал, что ее долг там о[т] того-от другова, на что я ответствовала, что она имеет содержаине и он такое, как никто в Европа, что сверх того сие содержание только на одныя платье и прихоти, а прочее – люди, столь и экипаж им содержится и что сверх того еще она платьем и всем года на три свабдена была и чтоб не хуже было менее купит и заказат всякия дрены и ласкутки и завести хозяйство порядочное. Он говорил, что дорога им дорога стала. На что я ответствовала, что я их вожю и что за них вдвое пошло противу моего проезда. На сие он мне хотел уверит, что на них кладут то, что на меня пошло; одним словом он просит более двацети тысечи и сему, чаю, никогда конца не будет. Говори Ан[дрею] Ро[зумовскому], что[б] мотовство унял, ибо скучно понапрасно и без спасибо платит их долги. Если все счесть и с тем, что дала, то более пятисот тысечи в год на них изошло, и все еще в нужды, а спасибо и благодарность не получила.

Екатерина была недовольна расходами вел. княгини Наталии Алексеевны ум. 15/IV 1776); ей отпускалось 50 т. р. ежегодно («П. С. З.» № 14024). «Дорого стала дорога»,– вероятно, при поездке двора в Москву в 1775 г., так как и наследник ехал со своей свитой. Гр. А. К. Разумовский по смерти первой жены цесаревича, Наталии Алексеевны, ввиду компрометировавших его писем и слухов был удален в Ревель 27/IV 1776 г., а оттуда переехал к отцу в Батурин, где оставался до 1/I 1777 г. *См. №№ 165, 219, 280 и прим. к № 152.*

22

Конец вашего письма довольно доказывает противоречие в словах сумазброда. Получа единаго чина, которой сам собою миновать вась никак не мог, не могла я скучать прозбами о чинах и вы чини просит не могли, ибо вы имели уже степень, выше которой лишь два чина: один вам дань, а другога я и не помню, чтоб вы просили, ибо вы столько же, как я, знали и имели принципии мои, но эта дурная голова слагает и разлагает фразы; по своей фантазии он берет одно слово и прикладывает его к другому; ато случалось у меня с ним сотни раз и не сомневаюсь, что вы и многие другие этого не замечали и, быть может, также в эту минуту, когда он вабешен, у него на уме нет злобы и, не будучи в состоянии помириться, он не ищет и ссоры и возможно, что на это подбили его другие. Я надеюсь, что вы уже имеете известия об особе, растерявшейся вчера во время скучного разговора, который вы вытерпели. Прощайте, мой друг; будьте здоровы; мне очень досадно, что вас встревожил сумасброд.

Г. А. Потемкин просил, по-видимому, не о своем повышении, а о повышении кого-то из друзей или родственников; уже 15/III 1774 г. он был подполковником л.-гв. Преображенского полка (где полковником была императрица) и 30/V 1774 г.– ген.-аншефом.

23

Подань мне от Сената доклад по дело [А. И.] Глебова. В сем докладе полагается, дабы установить на Москве комитет из трех сенаторов, кои бы именем Сената [которому от мене поручено сие дело] производство вель; сие делается для того, чтоб все щеты и людей из Москвы не таскать сюда. Хотя Глебов и жалуется на кн. [М. Н.] Волхонскаго, но однако как сему следствие уже поручено, то думаю ему только придать двух сенаторов, и именно – или [М. М.] Измайлова, или [И. И.] Козлова, или [Л. И.] Камынина, или [кн. И. А.] Вяземского; из сих четырех двух; но как дело сие комисариятское, то прошу мне сказать, для пользы кого вы пвходите из них луче, буде иных не придумайте.

А. И. Глебову приписывают манифесты о вольности дворянства, об упразднении Тайной канцелярии и об отобрании крестьян от духовенства; когда за ним обнаружились большие злоупотребления в комиссариате, он был отстранен от должности (в июле 1776 г.) и дело было передано (21/I 1777) особому комитету при сенате в Москве.

24

Галубчик, при сем посылаю к вам письмо к гр. Алек[сею] Гр[игорьевичу] Орлова; естьли в ортографии есть ошибка, то прошу, поправя, где надобно, ко мне возвратит. Тем, кои не правиться пожалованье господ [П. А. и Н. А.] Демидовых в советники берх-коллегии, в которой части они однако знания имеют довольное и с пользою могут быть употреблены, в ответ можно сказат, что Сенат часто и откупчиков жалует по произволению своему в чины, и так, чаю, и мне можно по власти моей жаловать разоренных людей, от коих порядочным управлением заводов торговле и казенным доходам принесена немалая и долголетная прибыль и оне, чаю, не хуже будет дурака генералского господина [бар. К. Л.] Бильштейна, за котораго весь город старалься, но у насъ любят всего брать с лихой стороны, а я на сие привыкла плевать и давно знаю, что те ошибаются, кои думают, что на весь свет угадит можно, потому что намерения их суть безпорочны. Юла моя дорогая, не прогневайся, что заочно написала того, чево вы мне не дали договорит или б не выслушали, есть-либ были со мною; всякому человеку свойственно искать свою оправданье, а кольми паче меня, которая подвержена е ж е ч а с н о безчисленным от людей умных и глупых п о п р о к а м и критикам, и так, когда уши мои сим набиты, тогда и мой ум около того же вертится и мысли мои не столь веселы, как были бы с природою, есть-либ на всех угодить могла. Прошу написат, есть-ли в а м д о с у г б у д е т, о [А. И.] Бибикове, князя [Н. М.] Голицына, [М. Ф.] Фреймане, [П. Д.] Мансурове и [И. А.] Рейнсдорфа. Тепер говорит буду о том, что, статся может, нам обоим приятнее будет, то есть, что [гр.] Иван [Григорьевич] Чернышев вам солгал, когда он говорил, что я заочно любит не умею, ибо я вась люблю и тогда, когда я вась не вижю, а вижю вась по моему мнению всегда редко, хотя в самом деле и не редко. Изволь сие приписать страсти: ково не любиш, тово видит жадности нету. Пращай, милинкой.

Гр. А. Г. Орлов подал прошение об отставке в ноябре 1775 г., черновой указ императрицы об увольнении гр. А. Г. Орлова «ото всякой службы, как штатской, так и военной, по причине долговременной и весьма тяжкой его болезни» в декабре 1775 г. напечатан в Сб. XXVII, 55; указ военной коллегии 11/XII 1775 г.– Сб. I, 167. *См. №№ 66, 224, 231.*

Кн. П. М. Голицын убит «изменническим образом» 11/XI 1776 г. на дуэли, по проискам Г. А. Потемкина, Петром Амплиевичем Шепелевым (1737–1828); за ним была Екатерина Александровна, ур. кн. Долгорукова (1745–26/III 1770); «Вдовец, красавец, умен, прекрасно образован», разбил Пугачева под Татищевой 22/III 1774 г.; «ваше превосходительство,– говорил ему Пугачев,– прямо храбрый

генерал! вы первый сломили мне рог». За него сговорена была Анна Михайловна, княжна Волконская, вышедшая впоследствии за кн. А. А. Прозоровского. («Р. С.», 1870, II, 217 и 1871, III, 274). *См. № 132.*

25

Здравствуй, милинкой, и с белим орлом, и с двумя красными лентами. и с поласатым ласкутком, которой. однако, милее прочих. ибо дель рук наших. его же требовать можно как принадлежащей заслуги и храбрости: нась же просим впред не унизит, а пороки и ошибки покрыть епанечкою, а не вывадит наружу пред людми, ибо сие вам приятно быть не может, да и не уместно ниже с другом еще меньше с ж[еною]: вотъ теби выговор, но самой ласковой. Я встала весела, к чему много способствует вчерашной вечер и ваше удовольствие и веселье: ужасьно как люблю, когда ты весель. Я чаю, сегодни примерпванье сколько будет. Прощайте, мое сокровище. Часто у вас не было здравого смысла, но вы всегда достойны любви. Об [И. А.] Рейнсдорфа ты ко мне позабыл и писат, и говорит.

Г. А. Потемкин получил от польского короля Станислава-Августа Понятовского орден Белого Орла 19/IV 1774 г.

26

Письмо ваше с приложением сейчась получила. Я сегодня веселюсь тем, что завтра у вась буду обедать. О вашей же дружбы нежной никак не сумневаюсь; уверении же принимаю с крайной чувствительности. Прошу Перюше вручить приложенную цыдулку, а Катишa привезу. но с условием, что Перюша не будет строить проектов аттакп на сей ретраншамент. Понеже не упоминайте о моем письме, посланным с конюхом, то знатно, еще до вась не дошло.

В спальне Г. А. Потемкина, с которым была в связи Е. В. Энгельгардт, лежал портрет императрицы, осыпанный бриллиантами и данный князю для ношения на груди. Екатерина Васильевна взяла его и приколола его себе. Потемкин воскликнул: «Катенька, поди благодарить императрицу. ты – статс-дама!» и тут же набросал коротенькую записку. Государыня поморщилась, но желание Потемкина исполнила (17/VIII 1786). *См. №№ 30, 134, 137. 173.* Перюшей (Peruche), или «попугайчиком», Екатерина называла, по-видимому, самого Потемкина, судя по намеку на долги (№ 138) и на его привычку грызть ногти (*№ 374*).

27

Милинкой галубчик и безценной дружечик, я должна к тебя писат, чтоб слово сдержат. Знай же, что я тебя люблю и тем никого не дивлю. Посади возле себя глава полиции и не перемени позиции. а то Черныш[ев](п...т, а Разум[овский] карта дернит, за что [К. П.] Бран[ицкий] будет косится, а Ми[хаил Сергеевич Потемкин] сердится. Не прогневайси, рифма не очень чиста; но принимайте сие за вольной слог; для вас сделают невозможное и для того я буду также илв вашей покорнейшей служанкой или вашим покорнейшим слугой или также охотно тем и другим зараз.

К. П. Браницкий много раз бывал при русском дворе в 1774–1775 гг. («К. Ф. Ж.»). С блестящей свитой по приглашению Г. А. Потемкина он выехал в мае 1775 г. в Петербург. Потемкин вызывал его в личных видах, чтобы добиться индигената в Польше (Понятовский, XLII, 282 – Сб., XII, 412).

28

Дурное настроение и нетерпение вредят здоровью; все. что делается со злобой и нетерпением, плохо сделано и гнусно; когда поддаются дурному настроению, то из досады и по недомыслию всегда принимают самое дурное решение. Вот, что я прочла в одной книга; если вы находите, что моя книга права, приходите ко мне.

29

Милая милюша, я встала очен весела и просвещеннее, нежели ложилась. Куда, сказывают, греки в старину какия хитрия были люди, у них науки и художествы свои начали взяли и оне очен были лихи на выдумки; все сие написано в Энсиклопедии; но милее, умнее. красивее гораздо их тот, с кого списень точ в точ артикул Сладостный, то есть Гришинка мой любезной.

30

[Чужой рукою] Милостивой Государь мой Григорий Александрович, я желаю вашему превосходительству всякого благополучия, а в карты сего вечера необходимы вы должны проигрыватся, ибо вы мне внизу вовсе позабыли и оставили одну, как будьто бы я городовой межевой столб.

[Одна строка условных знаков].

[Рукой Екатерины] то-есть ответ, если сметь сказать или доложить, что всио писанное неправда, ибо вас сюда нетерпеливо ожидали.

Первая половина записочки, по-видимому, рукой Е. В. Энгельгардт, близко стоявшей к императрице в 1774–1775 годах.

31

Гришенок, по сей записки прикажи себя дать, как в ней написано.

32

Денгы четыре тысечи привезли для трех полков и я приказала тебя сказать, чтоб изволил взять на каждой сколько надобно, а ты ответ прислал, что не знаеш и не помниш. Я также не знаю, как фруит проеду, остановится ли? дабы мимо прошли нась или нету? Прошу о сем ясьно сказать, как: луче, а отнюд не ответствовать, как благоугодно вам. ибо я ищю ясьностии лучее, дабы опять не было от недогадки моей, как у Троица, что ход с крестами очтуиться позади кареты оттово, что не знал, что он у приходской церкви, а его позади народа не видно было. Просим о сих наших докладах не гневаться, а ответствоват без гнева, ибо и мы не гневны, а только голова ломаем о сотворения креста Господня при самом возхождении солнцы из недра сна.

Екатерина с многолюдной свитой была в Троице-Сергиевской лавре 29/V–3/VI 1775 г.; возвратилась из Москвы в Петербург 26/XII 1775 г. («К. Ф. Ж.»).

33

[Черновик]

Гр[аф] П[етр] А[лександрович]!

Сколь бы не желала я прибытье ваше суда, но как усматриваю из письма вашего от 19 марта, что вы почитаете за необходимо нужно для поправления вашего здоровья употребит май месец на питье сыворотки, то соглашаюсь на такое ваше желание. Всевышной да укрепит силы ваши, дабы я удовольствие имет могла видит вас здесь к мирному торжеству в добром здаровье. Каковы на сих днях получены известии из Вены, из Саксонии и из Богемии, прилагаю копии. Прикажите полковнику [И. И.] Петерсону оных доставит чрез третни руки до сведении Порты, чтоб упадшей дух ее хотя тем поободрит на несколько часов. Впрочем пребываю с отличным доброжелательством.

Черновое письмо гр. П. А. Румянцеву императрица дала просмотреть Потемкину, когда предположено было отпраздновать 10/VII.1775 г. мир с турками, за-

ключений в Кучук-Кайнарджв 10/VII 1774 года. В бумагах Потемкина сохранилось повеление о наградах Румянцеву, Долгорукому, А. Орлову, А. Голицыну и П. Панину (Сб., XXVII, 42–43).

34

Милинкой, здравствуй! Надобно правда сказат, куда как мы обо друг к другу ласкова; в свете нету ничего подобное. Что встала, то послала к вицеканцлеру [кн. А. М. Голицыну] по ленты, написав, что она для ген[ерал-] пор[учика] Пот[емкина]. После обедни и надену на него. Знавш ли его? Он красавиц; да сколь хорош, столь умен и, сколь хорош и умень, столь же меня любит, и мною любим совершенно наровне. Мудрепно будет доказат, чтобы один другова больше и луче любил. При сем прилагаю записки, кой я сегодни заготовила для объявлении; сего же дня прошу их ко мне возвратит, есть-ли в них не найдеш чего поправит, а есть-ли что переменит находиш, напиши, милуша душа май. Прощайте, мое сокровище. Пажалуй, быть весель сегодни, а я, по милости ваши, очен весела, и не минута из ума не выходиш.

Г. А. Потемкин получил орден Александра Невского 21/IV 1774 г.

35

Что все больни, сие немило слышат, и что ты назабся, о том, милинкой, желею, а есть-ли полк Кексг[ольмской] вам понравился, то надеюсь, что хандра уменьшилась; о прочем после поговорим; также о том, что ты миль, мой голубчик.

Кексгольмский полк (гренадерский) сформирован в 1710 г.

36

Милуше милая, поздравляю тебя со днем рождения моего милаго друга к моему щастью.

Продолжение следует

Л. ТРОЦКИЙ. СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

(ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К ЛИТЕРАТУРЕ ЭПИГОНОВ)

Ниже печатается значительная часть полемической книги Л. Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов», вышедшей на русском языке в Берлине в 1932 г. в издательстве «Гранит». Предисловие к ней помечено 13 сентября 1931 г. и написано автором в турецком городе Кадикей на анатолийском берегу Мраморного моря, куда Троцкий ненадолго переехал после пожара, случившегося в его доме на острове Принкипо (Принцевы острова). Но основу книги составили документы, написанные Троцким или прокомментированные им еще до высылки, в 1927–1928 гг., и вывезенные им из Советского Союза в феврале 1929 года. Они несут на себе все отблески огня внутрипартийной борьбы и страстной полемики 1923–1927 годов. Лишь в предисловии, написанном уже после двух с половиной лет пребывания в эмиграции, он несколько приподнимается в своих оценках над все еще ноющей, но уже закрытой раной.

Задача книги и ее состав охарактеризованы самим автором в предисловии. Сделано это с присущими автору афористичностью и блеском. Для заинтересованного читателя начала 30-х годов, у кого все этапы борьбы с оппозицией были еще в памяти, а история революционной борьбы российского пролетариата составляла часть собственной жизни, предисловие было исчерпывающим. И сегодня узкий круг специалистов по истории и историографии Великого Октября не нуждается, разумеется, ни в каком введении к данной публикации, будучи заинтересован прежде всего в самом тексте, который был скрыт от нам свыше 60 лет. Но этот источник может привлечь внимание и гораздо более широкого круга читателей. К ним я и хотел бы обратиться в первую очередь.

Критическая фаза борьбы, сотрясавшей партию до конца 20-х годов, пришлась на начало 1923 года. Между вторым и третьим приступами болезни В. И. Ленин, диктуя свои последние статьи и письма, призвал себе в союзники Л. Д. Троцкого, стараясь привлечь к этому союзу и Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева. Целью данного политического союза было смещение И. В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК РКП(б). Нечего и говорить, что если бы эта цель была достигнута, вся наша последующая история пошла бы по-другому.

Колебания Каменева и Зиновьева, их страх перед Троцким, недооценка отрицательных свойств характера Сталина, а главное – третий инсульт, лишивший В. И. Ленина дара речи (начало марта 1923 г.),– все это привело к тому, что план Ленина, разделявшийся Троцким, не смог быть приведен в исполнение на XII съезде РКП(б). Предложения Ленина, адресованные XII съезду, остались не известными его делегатам и партийному активу, но были досконально известны всем заинтересованным лицам: Троцкому, Сталину, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину. Убедившись в фактически беспомощном состоянии Ленина, Каменев и Зиновьев уже 7–10 марта 1923 г. присоединились к Сталину с тем, чтобы не допустить Троцкого к руководству партией и страной в случае вероятной и скорой смерти Ленина. Борьба, начавшаяся скрытно еще на XII съезде, затем получила отражение в открытой дискуссии октября 1923 – января 1924 года.

В конце 1924 г. Троцкий, не смирившись со своим поражением в первой дискуссии по внутрипартийному режиму, начал новую, «литературную» дискуссию. В предисловии к 3-му тому собрания своих сочинений, озаглавленном «Уроки Ок-

тября». он дал основанную на точных фактах и убийственную по форме характеристику ошибкам Каменева и Зиновьева в 1917 г., описал их неверие в победу восстания, а затем капитулянтскую позицию в октябре и ноябре. Его выступление было расценено большинством Политбюро как попытка дискредитировать руководящую группу в партии, подорвать авторитет двух ее главнейших членов.

Каменев, Зиновьев и Сталин предприняли массированную контратаку, обвиняя Троцкого в искажении истории Октября, попытке заменить ленинизм «троцкизмом». При этом Сталин, например, заявлял, что Каменев и Зиновьев всегда были «верными ленинцами», что разногласия их с Лениным в октябре были незначительными, длились всего несколько дней. Зиновьев, опираясь на Ленинградскую партийную организацию, провел кампанию митингов ленинградских рабочих и работниц с требованиями исключить Троцкого из партии. Но Сталин не поддержал попытку Каменева и Зиновьева сразу и навсегда избавиться от Троцкого. Пленум ЦК удовлетворился только уходом Троцкого в отставку с постов наркомвоена и председателя Реввоенсовета СССР. Он был оставлен и в ЦК и в Политбюро. Уже это показало Каменеву и Зиновьеву, что они ошиблись и что Сталин не собирается становиться их послушным орудием, а ведет собственную политику.

В конце 1925 г. на XIV съезде партии Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Н. К. Крупская, Г. Я. Сокольников и ряд других руководителей партии, опираясь на поддержку ленинградской делегации, выступили против Сталина и пытались добиться его смещения. Но было уже поздно: большинство делегатов съезда поддержало именно Сталина. Тогда с апреля 1926 г. складывается объединенная оппозиция, возглавленная Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Последние публично признают, что были неправы в 1923 г., и что они, не поддержав тогда Троцкого и его сторонников, совершили самую большую ошибку в своей политической деятельности.

Оппозиция охватывала незначительное меньшинство старой партийной гвардии. Она лишена была реальных шансов отстранить сталинскую группу от власти. Но, критикуя «слева» позицию официального руководства партии в лице Сталина, Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова по внутренним и международным вопросам, она в ряде случаев способствовала выработке более взвешенного курса, заставляла руководящую группу критически относиться к собственным планам. Сегодня наша публицистика справедливо замечает, что И. В. Сталин, круто переложив руль «влево» после XV съезда ВКП(б), учел многое из критики оппозиции и по сути пошел по некоторым путям, предложенным именно ею. Тем самым он разорвал союз с «правыми» – Бухариным, Рыковым и Томским, а их сопротивление использовал как повод, чтобы удалить их из руководящей группы Политбюро и заменить своими послушными сторонниками.

Предисловие к своей книге Троцкий писал, уже зная об этом итоге внутрипартийной борьбы в ВКП(б). Но в октябре 1927 г., составляя справку для Истпарта, он лишь предугадывал такую направленность действий Генерального секретаря, когда они еще не стали фактом. Для оппозиции это были тяжелейшие дни. Каменев и Зиновьев, все время державшиеся в последние полтора года заодно с Троцким, вдруг опять заколебались. Они были авторами совместной платформы «большевиков-ленинцев», легально напечатанной перед XV съездом партии. Но затем они отреклись от нее и публично заявили о своей критике «троцкизма». Будучи исключенными из партии через несколько недель, они потом подали апелляцию XV съезду и были на нем восстановлены в партии. Троцкий же не отрекся от своих взглядов и в начале января 1928 г. был отправлен в ссылку в Алма-Ату, а так как и там он продолжал борьбу против сталинского курса, то в январе 1929 г. большинство Политбюро постановило выслать его за пределы СССР.

В такой неблагоприятной, насыщенной недоброжелательностью, враждебностью и предательством атмосфере писал Троцкий свою справку «О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии», которая открывает данную публикацию. Это объясняет во многом и резкость тона автора, беспощадность многих характеристик людей, к которым мы привыкли относиться с уважением и некритически. Многие из тех, кого Троцкий уличает здесь в недобросовестности, сами пали через несколько лет жертвами сталинского коварства и его гегемонистских замыслов. Другие, окончательно сломавшись, послушно совершали все новые и новые переделки истории. Всего этого не мог предвидеть Троцкий в момент работы над своей справкой. Но из песни слова не выкинешь, и факты, подмеченные Троцким, должны быть приняты во внимание историками при создании биографий многих видных деятелей большевистской партии.

Троцкий в предисловии отмечает три поворота официальной историографии Октября в 20-х годах. Сколько их было с тех пор! Уже в 1931 г. Сталин пишет письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», требуя покончить с рецидивами меньшевизма, «троцкизма» и «гнилого либерализма» в освещении истории революционного движения и революции. Уже в изданном в 1935 г. I томе «Истории гражданской войны в СССР» Сталин изображался вторым вождем Октября, а с появлением книги «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.) утвердилась схема, изображающая Сталина рядом с Лениным – единственным вождем Октября. Остальным же членам ЦК 1917 г.– Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину и другим – отводилась роль банды предателей, шпионов и убийц, с самого начала замышлявших физическое уничтожение Ленина и Сталина. Да и после XX съезда КПСС наши историки Октября медленно и неохотно отходили от этой схемы. Лишь в лучших книгах 1964–1968 гг. тезис о двух вождях Октября был окончательно преодолен. Однако только сегодня, в условиях перестройки, демократизации и гласности начинаем мы писать подлинную историю Октября с показом всех его героев и вождей. И среди них есть место, по праву принадлежащее Троцкому. Надо сказать об этом; это не было сказано тогда потому, что на Троцкого мы все еще смотрели сквозь «сталинские очки», а существо и обстоятельства возникновения партийных разногласий и борьбы с 1923 г. были еще скрыты от нас догмами историко-партийной науки. Правда не может испортить историю. Процессу бесконечной ее перелицовки должен быть положен конец.

Современный читатель без труда заметит, что многие нынешние публицисты, авторы нашумевших публикаций, пользовались данным трудом Троцкого, черпая (и не только из этой работы) многие факты, разоблачающие Сталина. Мы не собираемся стыдить их за это. Но пора напечатать и первоисточник.

Естественно, что не со всеми оценками и интерпретациями Троцкого мы можем и обязаны соглашаться. Кое в чем наша историческая наука все-таки ушла вперед за 60 с лишним лет. Поэтому я позволил себе дать несколько комментариев к публикуемому тексту и документам.

В. И. Старцев

СТАРЦЕВ Виталий Иванович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не осталось, пожалуй, ни одного благородного рыцаря среди мировых империалистских политиков или из «демократических» мальчиков для побегушек, который не выражал бы своего возмущения циническим отношением большевиков к заповедям морали. Британские консерваторы, которые не моргнув глазом пустили в оборот «письмо Зиновьева», русские либералы, которые пытались задушить революцию при помощи подлейшей клеветы против большевиков, правящие классы Франции — с их панамой, дрейфусиадой, устрпкиадой, с их руководящей газетой «Temps»,– все они, как нельзя более призваны обличать безнравственность большевиков, противопоставляя им высокие образцы лояльности и правдивости.

На самом деле ложь в политике, как и в быту, есть функция классового строения общества. Ложь угнетателей есть система отуманивания масс для поддержания своего господства. Ложь угнетенных есть оборо-

нительное орудие слабости. Революция есть разрыв социальной лжи. Революция правдива. Она начинается с того, что называет вещи и отношения их собственным именем.

Для рутинеров империалистской лжи революционные марксисты представляют собою партию «демагогии». Между тем Марксу, который всю жизнь посвятил изучению глубоких социальных процессов, анализируя под микроскопом клеточку общественного организма, демагогия была противна, как ученому медику — зазывание базарного знахаря. Ленин, с его глубоким революционным реализмом, представляет собой политический тип, прямо противоположный демагогу. Ибо что такое в самом деле демагогия? Сознательная игра с мнимыми величинами в политике, раздача фальшивых обещаний, утешение несуществующими воздаяниями. Не является ли в таком случае основным учреждением демагогии церковь, которая за восковую свечку обещает вечное блаженство на всем готовом? Между тем церковь, как правильно и метко сказал Ллойд-Джордж, является центральной силовой станцией, питающей все партии порядка. Но и чисто политические программы капиталистических партий насквозь проникнуты духом сознательного обмана. Демагогией людям порядка кажется разрушение их традиционной лжи. Революция, которая есть наиболее беспощадное обнажение противоречий общества и его фальши, представляется людям порядка извержением демагогии. Так в сознании меньшинства, которое строит свое благополучие на подавлении и духовном закабалении большинства, все отношения переворачиваются вверх дном.

Но сама революция не есть целостный и гармонический процесс. Она полна противоречий. Она развивается не иначе, как делая после двух шагов вперед один шаг назад. Она сама поднимает новый правящий слой, который стремится закрепить свое привилегированное положение и склонен видеть в себе не временное историческое орудие революции, а ее завершение и увенчание. Периоды идеологической реакции, которая не раз в истории шла параллельно с экономическими успехами, вызывают необходимость ревизии революционных идей и методов и создают свою условную ложь. Таков смысл той исторической фальсификации, против которой направлена настоящая книга.

Будучи не в силах вести политику в духе традиций партии, эпигоны занялись переделкой традиций применительно к потребностям своей политики. Так называемая борьба против «троцкизма» выросла из бюрократической реакции против Октябрьской революции и стремления к национальному покою. Фальсификаторская переделка прошлого вовсе не была делом личной интриги или групповой склоки, как это изображает обыкновенно банальная буржуазная историография. Дело шло о глубоком политическом процессе, имеющем свои социальные корни. Как американские буржуа, ведущие нередко свое происхождение от британских каторжников, испытывают, после известного числа миллионов, потребность создать себе почтенную родословную, по возможности восходящую к шотландским королям, так поднявшаяся над революционным классом бюрократия не могла, по мере упрочения своих самостоятельных позиций, не испытывать потребности в такой идеологии, которая оправдывала бы ее исключительное положение и страховала бы ее от недовольства снизу. Этим объясняется тот гигантский размах, который получила перекройка, перелицовка и прямая подделка еще совсем свежего революционного прошлого.

Противоречия хозяйственного процесса и мировой обстановки не дают, однако, бюрократии мирно почить на лаврах национального социализма. Метания официальной политики препятствуют выработке как новой теории, так и новой традиции. При каждом большом историческом зигзаге приходится переделывать историю заново. Таких больших переделок было три.

Первая производилась в течение 1923—1926 гг. так называемой «старой гвардией», незыблемыми, стойкими и непреклонными учениками Ленина. Напомним состав основного ядра «старой гвардии»: Зиновьев, Каменев, Сталин, Рыков, Томский, Бухарин, Куйбышев. История партии переделывалась для потребностей этого периода главным образом Зиновьевым.

В 26-м году на сцену выступает новая оппозиция: Зиновьев, Каменев, Крупская, Сокольников. История прошлого заново пересматривается блоком Сталина — Бухарина с таким расчетом, чтобы, сохраняя основной курс на разгром «троцкизма», разжаловать задним числом часть «старой гвардии», возглавляемую Зиновьевым — Каменевым, и возвеличить другую ее часть, возглавляемую Сталиным — Бухариным. Теоретиком этого периода является Бухарин, в качестве историка дебютирует Ярославский. Но он остается пока-что историком блока центристов и правых. Бухарин еще «лучший теоретик» после Ленина, Рыков — старый надежный большевик.

В 1929 году, после разрыва сталинцев с правыми, теория и история перестраиваются в третий раз. Сталин выступает теоретиком, Ярославский специализируется на пересмотре и исправлении истории. Задание имеет до последней степени ограничительный характер: надо доказать, что никакой «старой гвардии» в прошлом не было, а был Сталин; кроме него существовал лишь ряд оппортунистов и штрейкбрехеров, которые по неизвестной причине руководили Центральным комитетом большевистской партии.

Каждый новый вариант прошлого не только дополнял, но и разрушал предшествующий вариант. В результате официальная история партии и революции представляет собою сейчас свиток, исписанный во всех направлениях разными писцами, мало заботившимися друг о друге, отчасти — одним и тем же писцом, мало заботившимся о том, что им написано вчера.

Расшифровка последовательных наслоений фальсификации партийного прошлого могла бы представить в своем роде поучительную работу. Наша задача скромнее. Мы восстанавливаем самые основные факты и документы, легшие в основу противопоставления троцкизма и ленинизма: не забудем, что при всех своих превращениях и изменениях идеология эпигонства пытается все же держаться на этой основной антитезе.

* * *

Значительную часть книги занимает так называемое «Письмо в Истпарт» (Институт по истории партии и Октябрьской революции). Написанное в 1927 году, в ответ на анкету Истпарта, оно ходило в СССР по рукам в сотнях копий, переписанных на машинке или от руки. Отдельные копии, не всегда точные, попадали за границу и издавались на разных языках. В более полном виде «Письмо» было опубликовано, уже после высылки автора за границу, на немецком, французском, английском, испанском, китайском и др. языках, но до сих пор не появлялось в оригинале, т. е. на русском языке. Мы печатаем здесь письмо впервые.

Три речи автора этой книги перед высшими учреждениями ВКП(б) относятся к тому же кругу вопросов: искажению прошлого в целях обоснования новых политических тенденций. На русском языке речи эти также печатаются впервые. Необходимые пояснения к ним даны в тексте книги.

Две главы: «К политической биографии Сталина» и «Сталин и Красная армия» были ранее напечатаны в «Бюллетене русской оппозиции». Последняя из двух только что названных глав («Сталин и Красная армия») написана не автором этой книги, а Н. Маркиным, которому приношу здесь благодарность.

В книгу включены, кроме того, два документа большого исторического значения: протоколы так называемого «Мартовского совещания» большевиков 1917 г. и протокольная запись исключительно важного заседания Петроградского комитета партии 1 ноября 1917 г. с участием Ленина и других членов Центрального комитета.

Мартовское совещание состояло из делегатов-большевиков, прибывших на Всероссийское совещание Советов. Политическое состояние верхнего слоя большевистской партии, особенно Сталина и К°, накануне приезда Ленина в Россию, чрезвычайно ярко характеризуется протоколами этого Совещания — ярко, но далеко не лестно. Именно поэтому они скрыты от партии до сего дня [1]. Документ этот печатается здесь впервые и этим спасается от верной гибели.

История протокольной записи заседания Петроградского комитета 1 ноября рассказана в тексте книги. И в этом случае мы имеем перед собою документ, злонамеренно скрытый от партии. На корректурном оттиске сделана надпись: «В разбор». По счастливой случайности оттиск с корректурной правкой и надписями своевременно попал в наши руки. Этим ценная частица истории Октябрьской революции спасена от «разбора».

Книга в целом составляет, таким образом, собрание исторических документов. Но от недавнего прошлого, которое она охватывает, идут живые нити к настоящему. В этом смысле книга имеет отнюдь не архивный характер, а является орудием политической борьбы за теорию Маркса, за политику Ленина — против эпигонства.

Л. Троцкий

Кадикей, 13 сентября 1931 г.

Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б)

О ПОДДЕЛКЕ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА, ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ИСТОРИИ ПАРТИИ

Уважаемые товарищи!

Вы прислали мне подробнейшие печатные листы анкеты о моем участии в Октябрьском перевороте и просите дать ответ. Не думаю, чтобы я мог многое прибавить к тому, что запечатлено в разного рода документах, речах, статьях, книгах, в том числе и моих. Но я позволяю себе спросить вас: какой смысл спрашивать меня по поводу моего участия в Октябрьском перевороте, когда весь официальный аппарат, в том числе и ваш, работает над тем, чтобы скрыть, уничтожить или по крайней мере исказить всякие следы этого участия?

Меня не раз уже спрашивали десятки и сотни товарищей, почему я молчу и молчу в ответ на совершенно вопиющие подделки истории Октябрьской революции и истории нашей партии, направленные против меня. Я совершенно не собираюсь здесь исчерпать вопрос об этих подделках: для этого пришлось бы написать несколько томов. Но позвольте в ответ на ваши анкетные запросы указать с десяток примеров того сознательного и злостного искажения вчерашнего дня, которое сейчас производится в самом широком масштабе, освящается авторитетом всяческих учреждений и даже вводится в учебники.

ВОЙНА И ПРИЕЗД В ПЕТРОГРАД (МАЙ 1917 г.)

1. Я приехал в Петроград из канадского плена в начале мая, на второй день после вхождения меньшевиков и эсеров в коалиционное правительство.

Органы Истпарта, как и многие другие, пытаются сейчас задним числом изобразить мою работу во время войны как близкую к социал-патриотизму. При этом «забывают», что сборники моих работ за время войны («Война и революция») выходили во многих изданиях при Ленине, изучались в партшколах, выходили на иностранных языках в издательствах Коминтерна.

Пытаются обмануть насчет моей линии во время войны молодое поколение, которое не знает, что за революционную интернационалистскую борьбу против войны я был заочно осужден уже в конце 1914 г. в Германии к тюремному заключению (за немецкую книжку «Война и Интернационал»), был выслан из Франции, где работал с будущими основателями коммунистической партии; был арестован в Испании, где вступил в связь с будущими коммунистами; был выслан из Испании в Соединенные Штаты; вел революционно-интернационалистскую работу в Нью-Йорке; участвовал вместе с большевиками в редактировании газеты «Новый мир», где давал ленинскую оценку первым этапам Февральской революции; возвращаясь из Америки в Россию, был снят с парохода британскими властями; месяц провел в концентрационном лагере в Канаде вместе с шестью—восьмью сотнями немецких матросов, которых вербовал на сторону Либкнехта и Ленина (многие из них участвовали потом в гражданской войне в Германии, и письма от них я получаю до сего дня).

2. По поводу английского сообщения о причинах моего ареста в Канаде ленинская «Правда» писала:

«Можно ли поверить хоть на минуту в добросовестность того сообщения, которое получено было английским правительством и состояло в том, что Троцкий, бывший председатель Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1905 году, революционер, десятки лет отдавший бескорыстной службе революции,— что этот человек имел связь с планом, субсидированным «германским правительством»? Ведь это явная, неслыханная, бессовестнейшая клевета на революционера!» (Правда, № 34, 16.IV.1917 г.).

Как свежо звучат эти слова теперь, в эпоху гнусных клевет на оппозицию, ничем не отличающихся от клевет 1917 г. на большевиков!

3. В примечании к XIV тому сочинений Ленина, изданному в 1921 г., говорится:

«С начала империалистической войны (Троцкий) занял ярко интернационалистскую позицию» (с. 482).

Таких и еще более категорических отзывов можно было бы привести сколько угодно. Рецензенты всей партийной печати — русской и иностранной — десятки и сотни раз указывали по поводу моих книг «Война и революция» на то, что, обозревая мою работу во время войны в целом, необходимо признать и понять, что разногласия мои с Лениным имели подчиненный характер, а основная линия была революционной и все время сближала меня с большевизмом — притом не только на словах, но и в действии.

4. Пытаются задним числом ссылаться на отдельные резкие полемические замечания Ленина против меня, в том числе и во время войны. Ленин не терпел никаких недомолвок или неясностей. Он был прав, нанося двойные и тройные удары, когда политическая мысль казалась ему недоговоренной или двусмысленной. Но одно дело — полемический удар в каждый данный момент, а другое дело — оценка линии в целом.

В 1918 г. в Америке некий Р. издал сборник статей Ленина и моих за время войны, в том числе моих статей по спорному тогда вопросу о Соединенных Штатах Европы. Как реагировал на это Ленин? Он написал: «...вполне прав американский товарищ Р., который издал толстую книгу, содержащую ряд статей Троцкого и моих и дающую таким образом сводку истории русской революции» (т. XVII, с. 96 [2]).

5. Не буду касаться здесь поведения большинства нынешних моих обличителей во время войны и в начале Февральской революции. Можно было бы рассказать немало интересного по поводу Скворцовых-Степановых, Ярославских, Ворошиловых, Орджоникидзе и многих, многих иных. Ограничусь несколькими словами о тов. Мельничанском, который пытался в печати лжесвидетельствовать по поводу моей линии в мае—июне 1917 года.

Мельничанского все в Америке знали как меньшевика. В борьбе большевиков и революционных интернационалистов против социал-патриотизма и центризма Мельничанский никакого участия не принимал. По всем такого рода вопросам он отмалчивался. Это продолжалось в канадском лагере, куда он случайно (как и некоторые другие) попал вместе со мной и Чудновским. Строя с Чудновским планы насчет будущей нашей работы, мы из осторожности не делились ими с Мельничанским. Но так как на нарах приходилось жить бок о бок, то мы с Чудновским решили поставить Мельничанскому вопрос в упор: с кем он будет работать в России, с меньшевиками или большевиками? К чести Мельничанского надо сказать, что он нам ответил: с большевиками. Только после этого мы с Чудновским стали с ним говорить как с единомышленником.

Перечитайте, что Мельничанский писал на этот счет в 1924 и в 1927 годах. Все, кто наблюдали Мельничанского в Америке, могут по этому поводу только пожать плечами. Да зачем Америка — стоит послушать сегодня любую речь Мельничанского, чтобы признать в нем чиновника-оппортуниста, которому перселизм много ближе чем ленинизм.

6. По приезде нашей группы в Ленинград тов. Федоров, член тогдашнего ЦК большевиков, приветствовал нас от имени ЦК на Финляндском вокзале, причем в приветственной речи поставил ребром вопрос о дальнейших этапах революции: о диктатуре пролетариата и социалистическом пути развития. Я ответил в полном согласии с ленинскими Апрельскими тезисами, которые для меня неотвратимо вытекали из теории перманентной революции [3]. Как тов. Федоров мне рассказывал впоследствии, основной пункт его речи был сформулирован им по соглашению с Лениным, точнее, по поручению Ленина, который, само собою разумеется, считал этот вопрос решающим для возможности совместной работы.

7. Я не вступил немедленно по приезде из Канады в организацию большевиков. Почему? Потому ли, что у меня были разногласия? Их пытаются теперь построить задним числом. Кто пережил 17-й год в составе центрального ядра большевиков, тот знает, что не было и намека на какие-либо мои разногласия с Лениным с первого же дня.

По приезде в Петроград, вернее сказать, уже на Финляндском вокзале, я узнал от выехавших мне навстречу товарищей, что в Петрограде существует организация революционных интернационалистов (так называемая «межрайонная»), которая откладывала вопрос о слиянии с большевиками, причем некоторые из руководящих работников этой организации связывали решение вопроса с моим приездом. В состав межрайонной организации, охватывавшей около 4000 питерских рабочих, входили: Урицкий, А. А. Иоффе, Луначарский, Юренев, Карахан, Владимиров, Мануильский, Позерн, Литкенс и другие.

Вот как охарактеризована межрайонная организация в примечании к XIV тому сочинений Ленина: «По отношению к войне межрайонцы стояли на интернационалистской позиции и по своей тактике были близки к большевикам» (с. 488—489).

С первых дней приезда я говорил сперва т. Каменеву, затем в редакции «Правды», где присутствовали Ленин, Зиновьев и Каменев, что я готов вступить в организацию большевиков сегодня же, ввиду отсутствия каких бы то ни было разногласий, но что необходимо решить вопрос о скорейшем привлечении в состав партии межрайонной организации. Вспоминаю, что кто-то из участников беседы поставил вопрос о том, как я себе мыслю слияние (кого надо из межрайонки ввести в редакцию «Правды», кого в ЦК, и прочее). Я ответил, что этот вопрос для меня лишен какого бы то ни было политического значения ввиду отсутствия разногласий.

В составе межрайонной организации были элементы, которые тормозили слияние, выдвигая те или другие условия и пр. (Юренев, отчасти Мануильский). Между Петербургским комитетом и межрайонной организацией накопились, как всегда в таких случаях, старые обиды, недоверие и пр. Этим и только этим была вызвана задержка слияния до июля.

8. Тов. Раскольников немало исписал за последнее время бумаги для противопоставления моей линии линии Ленина в 1917 году. Приводить соответственные цитаты было бы слишком скучно, тем более, что они ничем не отличаются от других такого же рода фальсификаций.

Небесполезно поэтому привести слова, которые тот же Раскольников писал об этом периоде несколько раньше: «Отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились. Между тактической линией Ленина и Троцкого не существовало различий. Это сближение, наметившееся уже во время войны, совершенно отчетливо определилось с момента возвращения Льва Давыдовича в Россию; после его первых же выступлений мы все, старые ленинцы, почувствовали, что он — наш» («В тюрьме Керенского», «Пролетарская революция», № 10(22), 1923 г. с. 150—152).

Эти слова писались не для доказательства чего-либо и не в опровержение чего-либо, а просто для того, чтобы рассказать, как было дело. Потом Раскольников показал, что он умеет рассказывать и то, чего не было. При перепечатке своих статей, опубликованных органами Истпарта, Раскольников старательно выбросил из них то, что было,— дабы заменить тем, чего не было.

Задерживаться на т. Раскольникове может быть и не стоило бы, но очень уж ярок пример.

В рецензии на III том моих сочинений («Красная Новь», № 7—8, 1924 г., с. 395—401) Раскольников спрашивает: «а какова была в 1917 году позиция самого Троцкого?» и отвечает:

«Тов. Троцкий еще рассматривал себя, как члена одной общей партии вместе с меньшевиками, Церетели и Скобелевым».

И дальше:

«Тов. Троцкий еще не выяснил своего отношения к большевизму и меньшевизму. В то время тов. Троцкий еще сам занимал колеблющуюся, неопределенную, межеумочную позицию».

Вы спросите: как примирить эти поистине наглые заявления с приведенными выше словами того же Раскольникова о том, что «отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились»? Если Троцкий не определил своего отношения к большевизму и меньшевизму, как же это, «мы все, старые ленинцы, почувствовали, что он наш»?

Но этого мало. В статье того же Раскольникова «Июльские дни» («Пролетарская Революция» № 5(17), 1923 г., с. 71—72) говорится:

«Лев Давыдович тогда формально еще не состоял членом нашей партии, но фактически он все время со дня приезда из Америки работал внутри ее. Во всяком случае уже тотчас после его первого выступления в Совете мы все смотрели на него как на одного из своих партийных вождей».

Как будто ясно? Как будто не допускает лжетолкований? Но ничего не поделаешь: довлеет дневи злоба его. Да еще какая «злоба». Злоба систематически организованная, подкрепленная приказом и циркуляром.

Для того, чтобы поведение Раскольникова, характеризующее, впрочем, не его лично, а целую систему руководства и воспитания, предстало перед нами во всей своей красе, придется из статьи его «В тюрьме Керенского» привести выдержку в более полном виде. Вот что там гово-

рится: «С огромным уважением относился Троцкий к Владимиру Ильичу. Он ставил его выше всех современников, с которыми ему приходилось встречаться в России и за границей. В том тоне, которым Троцкий говорил о Ленине, чувствовалась преданность ученика: к тому времени Ленин насчитывал за собой 30-летний стаж служения пролетариату, а Троцкий — 20-летний».

Дальше следуют уже приведенные строки: «Отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились... Старые ленинцы почувствовали, что он — наш».

Свидетельство Раскольникова об отношении Троцкого к Ленину нисколько, разумеется, не помешает Раскольникову приводить извлеченное из мусорной кучи эмигрантских дрязг «письмо Троцкого к Чхеидзе»[4] для просвещения молодых членов партии.

Нужно прибавить, что Раскольников по работе встречался со мной в летние месяцы 1917 г. очень часто, возил меня в Кронштадт, обращался не раз за советами, много разговаривал со мной в тюрьме и пр.

Его воспоминания представляют собою в этом смысле ценное свидетельское показание, тогда как его позднейшие «поправки» — не что иное, как продукт фальсификаторской работы, выполненной по наряду.

Прежде чем расстаться с Раскольниковым, послушаем, как он рисует в своих воспоминаниях чтение следователем показаний Ермоленко насчет немецкого золота и пр.: «Во время чтения его показаний мы от времени до времени вставляли иронические замечания. Но когда бесстрастный голос следователя добрался до дорогого нам имени тов. Ленина, то Троцкий не выдержал, стукнул кулаком по столу, поднялся во весь рост и с негодованием заявил, что отказывается выслушивать эти подлые и лживые показания. Не в силах сдержать свое возмущение перед лицом неприкрытой фальсификации, мы все до одного горячо поддержали тов. Троцкого».

Возмущение перед лицом «неприкрытой фальсификации» — чувство вполне понятное. Но оставляя в стороне мелкие фальсификации самого Раскольникова (тоже не очень прикрытые), приходится спросить: а каково отношение нынешнего Раскольникова, прошедшего через сталинскую школу, к новейшему Ермоленковскому творчеству насчет врангелевского офицера и контрреволюционного заговора[5] левой оппозиции?

МАЙ – ОКТЯБРЬ 1917 г.

9. Многие документы, исходившие от большевиков в мае — июне — июле 1917 г., были написаны мною или при моем редакционном участии. Сюда относится, например: заявление большевистской фракции съезда Советов о готовившемся наступлении на фронте (1-й съезд Советов), письмо ЦИК'у от ЦК большевистской партии в дни июльской демонстрации и пр. Мне приходилось наталкиваться и на некоторые большевистские резолюции того же периода, писанные мною или при моем участии. Во всех своих выступлениях, на всех собраниях я, как известно всем товарищам, отождествлял себя с большевиками.

10. Какой-то из «историков-марксистов» нового типа пытался совсем недавно открыть разногласия между мною и Лениным по поводу июльских дней. Каждый стремится внести свою лепту, надеясь на воздаяние сторицей. Надо преодолеть чувство брезгливости, чтобы опровергнуть такие фальсификации. Не буду ссылаться на личные воспоминания, ограничусь документами. В своем заявлении Временному правительству я писал:

«1. Я разделяю принципиальную позицию Ленина, Зиновьева и Каменева и развивал ее в журнале «Вперед» и во всех вообще своих публичных выступлениях.

...3. Неучастие мое в «Правде» и невхождение мое в большевистскую организацию объясняются не политическими разногласиями, а условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение» («Соч.», т. III, ч. I, с. 165–166).

11. В связи с июльскими днями эсеро-меньшевистский Президиум созвал пленум ЦИК. Большевистская фракция пленума пригласила меня в ту трудную минуту в качестве докладчика по вопросу о создавшемся положении и задачах партии. Это было до формального объединения и несмотря на то, что Сталин, например, находился в Питере. «Историков-марксистов» новой формации тогда еще не было, и собравшиеся большевики единодушно одобрили основные мысли моего доклада об июльских днях и задачах партии. Об этом есть свидетельства в печати, в частности, в воспоминаниях Н. И. Муралова.

12. Ленин, как известно, отнюдь не страдал благодушной доверчивостью к людям, когда дело шло об идейной линии или о политическом поведении в трудных условиях; в особенности же ему чуждо было благодушие по отношению к революционерам, которые в предшествовавший период стояли вне рядов большевистской партии. Именно июльские дни сломили последние остатки старых перегородок. В своем письме к ЦК по поводу списка большевистских кандидатов в Учредительное Собрание Владимир Ильич писал: «Совершенно недопустимо также непомерное число кандидатов из малоиспытанных лиц, совсем недавно примкнувших к нашей партии (вроде Ларина)... Необходим экстренный пересмотр и исправление списка...

Само собою понятно, что... никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата. Ясно, что нельзя этого сказать про множество внесенных в список вчерашних членов партии...» (Первый легальный П. К. большевиков в 1917 г.». Ленинградский Истпарт, [М.–Л. 1927], с. 305–306)[6].

13. Вопрос о нашем отношении к Предпарламенту обсуждался в отсутствие Ленина. Я выступал докладчиком от большевиков-бойкотистов. Большинство большевистской фракции Демократического совещания высказалось, как известно, против бойкота. Ленин решительно поддержал меньшинство. Вот что он писал по этому поводу в ЦК: «Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом, с этой церетелевски-булыгинской думой. Меньшевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам (в коих у нас *тогда* еще *не* было большинства), они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров. Беспощадная борьба с ними. Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими *друзьями Кишкиных*, друзьями корниловских помещиков и капиталистов.

Суббота, 23 сентября.

Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий! Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое совещание.

Да здравствует бойкот!» («Пролетарская Революция» № 3 за 1924 год[7]).

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

14. О моем участии в Октябрьской революции в примечаниях к XIV тому сочинений Ленина сказано: «После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, (Троцкий) был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября» (с. 482).

Что тут правда, что неправда — пускай разбирает Истпарт, если не нынешний, то будущий. Сталин, во всяком случае, за последние годы категорически оспаривал правильность этого утверждения. Так, он сказал: «Должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании тов. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом т. Троцкого».

И далее: «Никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть т. Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября» (И. Сталин. «Троцкизм или ленинизм», стр. 68—69 [8]).

Правда, давая такое свидетельское показание, Сталин забыл о том, что он сам же говорил 6 ноября 1918 года, т. е. в первую годовщину переворота, когда факты и события были еще слишком свежи в памяти всех. Сталин уже тогда вел по отношению ко мне ту работу, которую он так широко развернул сейчас. Но он вынужден был тогда вести ее гораздо более осторожно и прикрыто. Вот что он писал тогда в «Правде» (№ 241) под заглавием: «Роль наиболее выдающихся деятелей партии»: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому» [9].

Эти слова, сказанные отнюдь не для хвалебных преувеличений,— наоборот, цель Сталина была прямо противоположная: он хотел своей статьей «предостеречь» против преувеличения роли Троцкого (для этого, собственно, статья и была написана),— эти слова звучат сейчас под пером Сталина совершенно невероятным панегириком. Но **тогда** нельзя было иначе сказать! Давно отмечено, что правдивый человек имеет то преимущество, что даже при плохой памяти не противоречит себе, а нелояльный, недобросовестный, неправдивый человек должен всегда помнить то, что говорил в прошлом, дабы не срамиться.

15. Сталин, при помощи Ярославских, пытается построить новую историю организации октябрьского переворота, ссылаясь на создание при ЦК «практического центра по организационному руководству восстанием», в который-де не входил Троцкий. В эту комиссию не входил и Ленин. Уже один этот факт показывает, что комиссия могла иметь только организационно-подчиненное значение. Никакой самостоятельной роли эта комиссия не играла [10]. Легенда об этой комиссии строится ныне только потому, что в нее входил Сталин. Вот состав комиссии: «Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий».

Как ни противно копаться в мусоре, но позвольте мне, как довольно близкому участнику и свидетелю событий того времени, уже в качестве свидетеля показать следующее. Роль Ленина не нуждается в пояснениях. Со Свердловым я встречался тогда очень часто, обращался к нему за советами и за поддержкой людьми. Тов. Каменев, который, как известно, занимал тогда особую позицию, неправильность которой признана им самим давно, принимал, однако, активнейшее участие в событиях переворота. Решающую ночь с 25-го на 26-е [11] мы провели вдвоем с Каменевым в помещении Военно-Революционного комитета, отвечая на телефонные запросы и отдавая распоряжения. Но при всем напряжении памяти я совершенно не могу ответить себе на вопрос: в чем, собственно, состояла в те решающие дни роль Сталина? Ни разу мне не пришлось обратиться к нему за советом или за содействием. Никакой инициативы он не проявлял. Ни одного самостоятельного предложения он не сделал. Этого не изменят никакие «историки-марксисты» новой формации.

16. Сталин и Ярославский, как сказано, потратили за последние месяцы много усилий на доказательство того, что Военно-революционный центр, созданный ЦК, в составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский, руководил будто бы всем ходом восстания. Сталин всемерно подчеркивал тот факт, что Троцкий в этот центр не входил. Но, увы,— по явному недосмотру сталинских историков — в «Правде» от 2 ноября 1927 г. (т. е. после того, как было написано все это письмо) напечатана точная выписка из протоколов ЦК 16(29) октября 1917 года. Вот что там сказано: «ЦК организует Военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета» [12]. Революционный Советский комитет это и есть Военно-революционный комитет, созданный Петроградским Советом. Никакого другого советского органа для руководства восстанием не было. Таким образом, пять товарищей, назначенных ЦК, должны были дополнительно войти в состав того самого Военно-революционного комитета, председателем которого состоял Троцкий. Ясно, что Троцкого незачем было вводить вторично в состав той организации, председателем которой он уже состоял. Как трудно, оказывается, задним числом исправлять историю! (2.XI.1927).

ИСТОРИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

17. Мною написан был в Бресте краткий очерк Октябрьской революции. Книжка эта [13] выдержала большое количество изданий на разных языках. Никто никогда не говорил мне, что в этой книжке есть вопиющий пробел, именно, что в ней нигде не указан главный руководитель восстания, «Военно-революционный центр», в который входили Сталин с Бубновым. Если я так плохо знал историю октябрьского переворота, то почему никто решительно не надоумил меня? Почему моя книжка безнаказанно изучалась во всех партшколах в первые годы революции?

Более того. Еще в 1922 г. Оргбюро считало, что история октябрьского переворота мне достаточно хорошо знакома. Вот небольшое, но красноречивое подтверждение этого:

«№ 14 302 Москва, мая 24—1922 г.

Тов. *Троцкому.*

Сообщается выписка из протокола заседания Оргбюро ЦК от 22.5.22 г. за № 21. «Поручить тов. Яковлеву * к 1-му Октября под редакцией тов. Троцкого составить учебник истории Октябрьской революции.

Секретарь II Отдела Пропаганды (подпись)».

Это было в мае 1922 года. И моя книга об Октябрьской революции, и моя книга о 1905 годе, вышедшие до этого времени многими изданиями, должны были быть хорошо известны Оргбюро, во главе которого уже в тот период стоял Сталин. Тем не менее Оргбюро считало необходимым на меня возложить редактирование учебника истории Октябрьской революции. Как же так? Очевидно, у Сталина и сталинцев глаза открылись на «троцкизм» лишь после того, как глаза Ленина закрылись навсегда.

* Яковлев — нынешний наркомзем СССР.

18. Уже после переворота по настоянию правых (Каменева, Рыкова, Луначарского и других) велись переговоры с соглашателями о коалиционном социалистическом правительстве. В качестве одного из условий соглашатели требовали устранения из правительства Ленина и Троцкого. Правые склонялись к принятию этого условия. Вопрос обсуждался в заседании 1 ноября. Вот что гласит протокол: «Заседание 1(14) ноября 1917 г. «Ультиматум большинства ЦК меньшинству... Предложено исключить Ленина и Троцкого. Это — предложение обезглавить нашу партию, и мы его не принимаем».

В тот же день, т. е. 1(14) ноября, Ленин выступал по этому вопросу на заседании Петроградского Комитета. Протоколы ПК за 1917 год изданы к десятилетию Октября. Первоначально в это издание включен был и протокол заседания 1(14) ноября 1917 года. В первом наборе оглавления этот протокол показан, но затем, по указанию сверху, протокол от 1(14) ноября вырван и спрятан от партии *. Нетрудно понять, почему. По вопросу о соглашении Ленин говорил на заседании нижеследующее: «А соглашение? — Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор *не было лучшего большевика*». Кончается речь лозунгом: «Без соглашений — за однородное большевистское правительство!»

19. Кстати сказать, тот же протокол заседания Петербургского Комитета ясно показывает, как Ленин относился к вопросам дисциплины в тех случаях, когда дисциплиной пытались прикрыть явно оппортунистическую линию. По докладу тов. Фенигштейна Ленин заявил: «Если будет раскол — пусть. Если будет ваше большинство — берите власть в ЦИК и действуйте, *а мы пойдем к матросам*».

Именно этой смелой, решительной, непримиримой постановкой вопроса Ленин *оградил партию от раскола*.

Железная дисциплина, но — на основе революционной линии. 4 апреля Ленин говорил на так называемом мартовском партийном совещании **: «Даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это — гибель социализма. Вы, товарищи, относитесь доверчиво к правительству. Если так, нам не по пути» [14].

И далее: «Я слышу, что в России идет объединительная тенденция, объединение с оборонцами. Это — предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехт: один против 110» [15].

20. Почему Ленин поставил так круто вопрос: один — против ста десяти? Потому что на мартовском совещании 1917 г. очень сильны были полуоборонческие, полусоглашательские тенденции.

Сталин на этом заседании поддерживал резолюцию Красноярского Совета депутатов, которая гласила: «Поддерживать Временное правительство в его деятельности лишь постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства в происходящей революции» [16].

Мало того, Сталин стоял за объединение с Церетели. Вот точная выписка из протоколов:

«*В порядке дня*: Предложение Церетели об объединении.

Сталин: Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда — Кинталя».

На возражения некоторых участников совещания в том смысле, что объединение получится слишком разношерстным, Сталин отвечал: «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия» [17].

* Этот исторический документ печатается нами далее целиком.

** Эти протоколы, скрываемые от партии до сих пор, печатаются в Приложении к этой работе.

Разногласия с Церетели Сталин считал «мелкими разногласиями». По отношению к единомышленникам Церетели Сталин был за широкую демократию: «без разногласий нет партийной жизни».

21. Теперь позвольте вас спросить, товарищи руководители Истпарта ЦК: почему протоколы мартовского партийного совещания 1917 г. до сих пор не увидели света? Вы рассылаете опросные анкетные листы с многочисленными графами и рубриками, вы собираете всякие мелочи, иногда и вовсе незначительные. Почему же вы держите под спудом протоколы мартовского совещания, которое имеет для истории партии огромное значение? Эти протоколы показывают нам состояние руководящих элементов партии накануне возвращения Ленина в Россию. В Секретариате ЦК и на Президиуме ЦКК я спрашивал повторно: почему Истпарт скрывает от партии документ столь исключительного значения? Документ вам известен. Он у вас есть. Его не публикуют только потому, что он жесточайшим образом компрометирует политическую физиономию Сталина в конце марта и в начале апреля, т. е. в тот период, когда Сталин *самостоятельно* пытался выработать политическую линию.

22. В той же речи на совещании (4 апреля) Ленин говорил: «Правда» требует от *правительства*, чтобы оно отказалось от аннексий... чепуха, вопиющая издевка над...» [18].

Протокол не отредактирован, в нем есть пробелы и незаконченные фразы, но общий смысл и общее направление речей абсолютно ясны. Одним из редакторов «Правды» был Сталин. В «Правде» он писал полуоборонческие статьи и поддерживал Временное правительство «постольку — поскольку». С оговорочками Сталин приветствовал манифест Керенского—Церетели ко всем народам — лживый социал-патриотический документ, вызывавший у Ленина только негодование.

Вот почему, товарищи из Истпарта,— и только поэтому — вы не публикуете протоколов мартовского партийного совещания 1917 г., скрывая их от партии.

23. Выше я цитировал выступление Ленина на заседании Петербургского комитета 1(14) ноября. Где напечатан этот протокол. Нигде. Почему? Потому что вы его запретили. Сейчас напечатан сборник протоколов первого легального ПК 1917 года. Протокол заседания 1(14) ноября входил первоначально в этот сборник и был указан в уже набранном оглавлении его. Но затем по распоряжению Центрального Истпарта протокол был изъят из книги с той замечательной мотивировкой, что «очевидно» речь Ленина оказалась искаженной при записи ее секретарем. В чем состоит это «очевидное» искажение? В том, что речь Ленина беспощадно опровергает фальшивые утверждения нынешней исторической школы Сталина — Ярославского насчет Троцкого. Каждый, кто знает ораторскую манеру Ленина, признает подлинность записанных его фраз без колебания. За словами Ленина о соглашении, за его угрозой — «а мы пойдем к матросам» — чувствуется живой Ленин тех дней. Вы его спрятали от партии. Почему? За отзыв Ленина о Троцком. Только!

Вы скрываете протоколы мартовского совещания 1917 г., потому что они компрометируют Сталина. Вы скрываете протокол заседания ПК только потому, что он мешает фальсификаторской работе против Троцкого.

24. Позвольте затронуть попутно эпизод, касающийся тов. Рыкова. Многих товарищей удивила перепечатка в записках Ленинского Института статьи Ленина, в которой заключается несколько неприятных строк по поводу Рыкова. Вот что там говорится: «„Рабочая газета“, орган меньшевиков-министериалистов, пытается уколоть нас тем, что охранка в 1911 году арестовала большевика-примиренца Рыкова для предоставле-

ния «свободы» действий «накануне выборов в 4-ю Думу» (это оговаривает особо «Р. Г.») большевикам нашей партии»[19].

Таким образом, Ленин причисляет Рыкова в 1911 г. к внепартийным большевикам. Каким образом эти строки могли увидеть свет? Ведь сейчас из всех писаний Ленина извлекаются жесткие строки лишь по отношению к оппозиционерам. В отношении представителей нынешнего большинства разрешается цитировать только хвалу (если она есть). Каким же образом попали в печать приведенные выше строки? Все объясняют себе этот факт совершенно одинаково: сталинские историки считают необходимой (уже, увы!) полную объективность... по отношению к Рыкову *.

О ЯРОСЛАВСКОМ

25. Девять десятых своих клевет и фальсификаций Ярославский посвящает автору этих строк. Трудно придумать лживость более путаную, но в то же время более злобную! Было бы, однако, неправильно думать, что Ярославский писал так всегда. Нет, он писал и иначе. Одинаково аляповато, одинаково безвкусно, но в прямо противоположном направлении. Еще весной 1923 г. Ярославский посвятил статью началу литературно-политической деятельности автора этих строк. Статья представляет собой бурный панегирик, читать ее нестерпимо, цитировать ее можно, только сделав насилие над собой. Ничего не поделаешь! В качестве следователя Ярославский со сладострастием сводит на очную ставку коммунистов, виновных в распространении завещания Ленина, писем Ленина по национальному вопросу и других преступных документов, в которых Ленин осмеливался критиковать Сталина. Сведем же Ярославского на очную ставку с самим собой.

«Блестящая литературно-публицистическая деятельность тов. Троцкого,— так писал Ярославский в 1923 г.,— составила ему всемирное имя «короля памфлетистов»: так называет его английский писатель Бернард Шоу. Кто следил в течение четверти века за этой деятельностью, тот должен был убедиться, что особенно ярко этот талант памфлетиста и полемиста развился, вырос и расцвел за годы нашей пролетарской революции. Но и на заре этой деятельности уже заметно было, что пред нами глубочайшее дарование. Все газетные статьи его проникнуты были одухотворенностью, все они выделялись образностью, красочностью, хотя писать приходилось в цензурных тисках царского самодержавия, уродовавших и смелую мысль и смелую форму всякого, кто хотел вырваться из этих тисков и подняться над уровнем обывательщины. Но так велики были назревавшие подпочвенные силы, так сильно чувствовалось биение сердца пробуждавшегося народа, так остры были возникавшие противоречия, что никакие цензоры не смогли заглушить творчество таких ярких индивидуальных личностей, какой была уже в то время фигура Л. Д. Троцкого.

Вероятно, многие видели довольно широко распространенный снимок юноши Троцкого, когда его отправляли в первую ссылку в Сибирь; эта буйная шевелюра, эти характерные губы и высокий лоб. Под этой шевелюрой, под этим высоким лбом уже тогда кипел бурный поток образов, мыслей, настроений, иногда увлекавших тов. Троцкого несколько в сторону от большой исторической дороги, заставлявших его иногда выбирать или слишком далекие обходные пути, или, наоборот, идти неустрашимо напролом там, где нельзя было пройти. *Но во всех этих исканиях перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна*, с остро отточенным и гибким, как сталь, языком, разящим противников, и пером, пригоршнями художественных перлов рассыпающим богатство мысли».

И далее: «Имеющиеся в нашем распоряжении статьи обнимают более чем двухлетний период, с 15 октября 1900 года по 12 сентября 1902 года. Сибиряки с увлечением читали эти блестящие статьи и с нетерпением ждали их появления. Лишь немногие знали, кто их автор, а знавшие Троцкого менее всего думали в то время, что он будет *одним из признанных руководителей самой революционной армии и самой величайшей революции в мире*».

И, наконец, в заключение: «Свой протест против пессимизма размагниченной русской интеллигенции (гм!) тов. Троцкий обосновал позже. Не словом, а делом обосновал он его, плечом к плечу с революционным пролетариатом великой пролетарской революции. Нужно было много сил для этого. Сибирская деревня не убила в нем эти силы: она лишь больше убедила его в необходимости коренной, до основания, ломки всего этого строя, при котором возможны описанные им факты» («Сибирские огни» №№ 1—2, январь — апрель 1923 г.).

Если Ярославский и совершил в иных своих статьях поворот в 180°, то признаем, что в одном отношении он остается неизменно равен себе: он одинаково нестерпим и в похвалах, и в клевете.

ОБ ОЛЬМИНСКОМ

26. В числе обличителей «троцкизма» Ольминский занимал, как известно, не последнее место. Особенно он поусердствовал, помнится, по поводу моей книги о 1905 годе, вышедшей первоначально на немецком языке. Но и у Ольминского было на этот счет два мнения: одно — при Ленине, другое — при Сталине.

В октябре 1921 г. кем-то возбужден был вопрос об издании Истпартом моей книги «1905». Ольминский написал мне по этому поводу следующее письмо:

«Дорогой Лев Давидович,

Истпарт с удовольствием, конечно, издал бы по-русски Вашу книгу. Но вопрос: кому поручить перевод? Ведь нельзя же поручить первому встречному перевод книги *Троцкого*. Вся красота и своеобразность стиля пропадет. Может быть, Вы смогли бы выкроить часок в день от других работ государственной важности для этой, тоже ведь государственной важности, работы,— продиктуете машинистке по-русски.

Еще вопрос: почему бы вам не приступить к подготовке полного собрания своих литературных работ? Ведь это могли бы поручить кому-нибудь под своим руководством. Пора. Новое поколение, не зная как следует истории партии, не знакомое со старой и новой литературой вождей, всегда должно будет сбиваться с линии. Книгу возвращаю в надежде, что она скоро вернется в Истпарт с русским текстом.

Всего лучшего, *М. Ольминский*

17.X.1921 г.»

Вот как Ольминский писал в конце 1921 г., т. е. долго спустя после споров о Брест-Литовском мире и о профсоюзах — споров, которым задним числом Ольминский и компания попытались впоследствии придать столь преувеличенное значение. В конце 1921 г. Ольминский считал, что издание книги «1905» есть работа «государственной важности». Ольминский был инициатором издания собрания моих сочинений, которые он считал необходимыми для воспитания членов партии. Осенью 1921 г. Ольминский не был уже комсомольцем. Прошлое он знал. Мои разногласия с большевизмом были ему знакомы лучше, чем кому бы то ни было. Он и сам полемизировал со мною в старые годы. Все это не помешало

* Дальнейший ход событий вполне осветил этот эпизод.

ему осенью 1921 г. настаивать на издании полного собрания моих сочинений в интересах воспитания партийного молодняка. Уж не «троцкистом» ли был Ольминский в 1921 году?

ДВА СЛОВА О ЛУНАЧАРСКОМ

27. Луначарский ныне тоже числится обличителем оппозиции. Вслед за другими и он обвиняет нас в пессимизме и маловерии. Эта роль Луначарскому как нельзя более к лицу.

Вслед за другими Луначарский занимается не только противопоставлением троцкизма ленинизму, но и поддержкой — чуть-чуть замаскированной — всяких инсинуаций.

Подобно некоторым другим, Луначарский умеет писать об одном и том же вопросе и за и против. В 1923 г. он выпустил книжку «Революционные силуэты». Есть в этой книжке глава, посвященная мне. Цитировать эту главу — за суздальской преувеличенностью похвал — я не стану. Приведу лишь два места, где Луначарский говорит о моем отношении к Ленину: «Троцкий человек колючий, повелительный. Только по отношению к Ленину, после слияния, Троцкий всегда проявлял и проявляет трогательную и нежную уступчивость и со скромностью, характерной для подлинно великих людей, признает его приоритет» (с. 25). И несколькими страницами ранее: «Когда Ленин лежал раненый, как мы опасались, смертельно, никто не выразил наших чувств по отношению к нему лучше, чем Троцкий. В страшных бурях мировых событий Троцкий, другой вождь русской революции, вовсе не склонный сентиментальничать, сказал: «Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить» (с. 13).

Что это за люди, которые умеют и так и этак, выполняя социальный, то бишь секретарский, заказ!

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Протоколы совещания частично опубликованы в сборнике документов «Революционное движение в России после свержения самодержавия» (М. 1957, с. 130–160), а затем полностью – в «Вопросах истории КПСС» (1962, №№ 5, 6). В целом же позиция Сталина по вопросам войны и отношения к Временному правительству в марте 1917 г., до приезда Ленина, была раскрыта в трудах Э. Н. Бурджалова, А. В. Снегова и др. историков в 1956–1963 гг., хотя и подвергалась попыткам защиты со стороны сталинистов (Е. И. Бугаев и др.).

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 283.

[3] В полемике 1924–1927 гг. Троцкий сознательно выдвигал на первый план то, что сближало, особенно в свете последующей истории, теорию «перманентной революции» с ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. При этом надо иметь в виду, что различия между ними имели место в ходе литературной борьбы в 1905 г., ибо ни та, ни другая теория не могла быть проверена практикой в условиях спада революции, начавшегося после разгрома Декабрьского восстания в Москве. Троцкий участвовал в разработке Парвусом теории перманентной революции весной 1905 года. В конце 1905 г. в своих самостоятельных статьях о задачах и перспективах революции в газете «Начало» он говорил уже о задаче создания правительства диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство, в то время как Ленин говорил о задаче создания временного революционного правительства, которое явится органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но именно такое правительство, если бы его удалось создать в ходе революции, должно было, по мысли Ленина, начать направляемый сверху процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Это требовало бы создания в правительстве перевеса представителей пролетариата над представителями крестьянства. Спор касался форм союза пролетариата и крестьянства, длительности буржуазно-демократического этапа революции и соотношения партийных сил в революционном правительстве. Он остался в 1905–1907 гг. чисто теоретическим. Так как в Апрельских тезисах Ленин признал буржуазно-демократический этап революции законченным и призвал к пролетарской социалистической революции, то Троцкий мог считать, что Ленин «приблизился» к теории «перманентной революции». В действительности их союз в 1917 г. сложился вне прямой связи с теоретическими построениями первой русской революции, на основе изучения и анализа новой, послефевральской политической обстановки и соотношения классовых сил. В выводе, что открывается реальная возможность для взятия власти пролетариатом, Троцкий и Ленин были едины, и это отличало их позицию от точки зрения Л. Б. Каменева и А. И. Рыкова. Совокупность этих проблем требует, разумеется, обстоятельного анализа нашими теоретиками и историками.

[4] Письма Троцкого председателю меньшевистской фракции IV Государственной думы Н. С. Чхеидзе относятся к 1913 г., когда разногласия между Троцким и Лениным и другими большевиками-ленинцами достигли, пожалуй, самого большого накала. Они отличаются резким тоном и обвинениями в адрес Ленина и его политики. Лишь с началом первой мировой войны, по отношению к которой с первых ее часов Троцкий занял действительно интернационалистскую позицию, прежние их разногласия начинают отходить на второй план и их полемика несколько смягчается. Одинаковое, в основном, отношение к империалистической войне послужило основой для их дальнейшего сближения после победы Февральской буржуазно-демократической революции.

[5] Речь идет об «операции» ГПУ, проведенной в 1927 г. с целью доказать наличие антисоветского заговора под руководством Троцкого, Каменева и Зиновьева.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 344–345.

[7] Там же, с. 262.

[8] Сталин И. В. Соч. Т. 6, с. 328, 329.

[9] Троцкий цитирует статью Сталина «Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 года в Петрограде)», опубликованную в «Правде» (№ 241, 6.XI.1918). При перепечатке статьи в 4-м томе Сочинений Сталина в 1947 г. (с. 154) цитируемый текст был опущен.

[10] Действительно, историки пока еще не обнаружили свидетельств отдельной работы Военно-революционного центра или его какой-то обособленной роли внутри ВРК. Видимо, члены его действовали в координации с ВРК, но на своих прямых участках партийной работы. Сталин, в частности, работал как ведущий член редколлегии центрального органа партии, газеты «Рабочий путь». Но и Троцкий преувеличивает, называя себя председателем Военно-революционного комитета. Он был председателем Совета, но не ВРК, не имевшего своего постоянного председателя.

[11] Автору тут как раз изменяет память. Решающей была ночь с 24-го на 25-е, а не с 25-го на 26 октября 1917 года. Именно в первую ночь развернулось вооруженное восстание, в результате которого к утру 25 октября весь город за исключением района Мариинской и Дворцовой площадей находился в руках ВРК. То, что речь идет об ошибке памяти, доказывает тот факт, что на дневном заседании Петроградского Совета 25 октября (на котором Троцкий, в частности, представил присутствовавшим находившегося за столом президиума Ленина в гриме – без бороды и усов, но уже и без парика), он сказал, что в то время как обыватель мирно спал, мы всю ночь бодрствовали у телефона, следя за успехами восстания. Эту ошибку памяти Троцкий делал и в других своих работах. Так, он писал, что Ленин пришел в Смольный поздно вечером 25 октября, в то время как в действительности Ленин пришел в Смольный вечером 24-го. Решающую роль в этой невольной ошибке, думается, сыграла «магия» праздничных дней 7–8 ноября, т. е. 25 и 26 октября (к тому же 26-е – день рождения Троцкого), в то время как восстание проходило 24–25 октября.

[12] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М. 1958. с. 104.

[13] Троцкий Л. Д. Октябрьская революция. М.– Пг. 1918.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 106.

[15] Там же, с. 112.

[16] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М. 1957, с. 132–134.

[17] Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, с. 139–140.

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 107.

[19] Статья Ленина «Не имея чистого, принципиального оружия, они хватаются за грязное» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32, с. 222) была впервые опубликована в «Правде» 10.VI (28.V) 1917 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. В. КАБАНОВ. *Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма».* М. Наука. 1988. 304 с.

Историография проблемы, которой посвящена новая монография В. В. Кабанова, свидетельствует о разной степени изученности отдельных сторон развития крестьянского хозяйства в годы «военного коммунизма» и о том, что в ней еще не сложился целостный подход к проблеме. Историки и экономисты недостаточно глубоко исследовали крестьянское хозяйство как основу экономической жизни страны в те годы и как объект государственной политики.

Задачей исследования Кабанова был «анализ состояния и функционирования крестьянского хозяйства в основных его социально-экономических аспектах» (с. 17). Автор рассматривает как малоизученные вопросы этой темы, так и достаточно отработанные сюжеты. В поле его зрения 20–30 губерний, в основном Центральной России, где в полном объеме осуществлялась политика «военного коммунизма» и где более или менее регулярно проводились обследования.

Кабанов использует огромный статистический материал: сельскохозяйственные переписи 1917, 1919 и 1920 гг., бланки бюджетных монографических описаний крестьянских хозяйств, проведенных в 1919 г., бланки переписи 1919 г. по сельским обществам и др. Их дополняют отчетно-информационные сведения Наркомзема и результаты специальных обследований и инспекторских проверок, осуществлявшихся органами НК РКИ. Достоинством книги является введение в научный оборот новых источников, каковыми являются бланки обследования коллективных хозяйств 1919–1920 годов.

Останавливаясь на вопросах перехода к политике союза со средним крестьянством и оказания материальной помощи деревне, Кабанов подчеркивает, что хотя в Наркомземе и в различных партийных и советских организациях сформировалось тогда неверное мнение о возможности скорейшего социалистического преобразования сельского хозяйства. В. И. Ленин предупреждал о необходимости установления союза с середняком, поисков приемлемых форм для поддержания крестьянского хозяйства и перевода его в дальнейшем на социалистические рельсы.

В работе рассматриваются основные направления помощи, которую оказывала Советская власть крестьянам в годы войны и разрухи, когда сельское хозяйство понесло огромные потери. Заслугой автора является тщательный анализ различных форм крестьянского землепользования, которые существовали в те годы, а также планов, хода и результатов землеустроительных работ. Особенно тщательно разбирается основная форма землепользования того времени – общинное. Кабанов подробно останавливается также на причинах и ходе переделов, проводимых в 1919–1920 годах.

Важным представляется уточнение автором количества земли, переданной крестьянам в годы «военного коммунизма». Кабанов считает, что цифра 150 млн. дес., кочующая из книги в книгу, охватывает земли, перешедшие в руки крестьянства на территории всей страны в течение примерно 20 лет. Что касается периода революции и гражданской войны, то здесь, по мнению Кабанова, следует говорить только о примерно 93,4 млн. дес. (с. 49), так как аграрными преобразованиями были затронуты тогда лишь центральные губернии, где утвердилась Советская власть.

В монографии констатируется, что в 1919–1920 гг. было обращено особое внимание на упорядочение крестьянского землепользования. Кабанов делает вывод, что несмотря на обнаружившиеся у крестьян тенденции к выделу из общины, образование хуторов и колхозов, положение общины осталось непоколебимым. Достоинством книги является анализ крестьянского производства, наемных и арендных отношений, а также рыночных связей мелкого крестьянского хозяйства, которое революция выдвинула на роль главного производителя сельскохозяйственной продукции. Автор стремился проанализировать порайонные различия эволюции крестьянского производства.

На большом статистическом материале в книге прослежен процесс измельчения крестьянского производства, сокращения посевных площадей, поголовья скота в результате гражданской войны. Вопрос о наемном труде и аренде земли – новый для современной историографии. Изучив имеющиеся источники о найме – сдаче рабочей силы и аренде земли, Кабанов приходит к заключению, что натурализация крестьянского хозяйства все же оставляла место для частной инициативы и предпринимательства, а аренда земли, которая в то время имела нелегальный характер, «в известной мере не давала возможности замкнуться крестьянскому хозяйству рамками потребительских интересов» (с. 144).

Глубоко раскрыты в книге вопросы, касающиеся налогов, продразверстки и других натуральных повинностей крестьян. Кабанов рассматривает прямые и косвенные общегосударственные налоги и мирские сборы, которыми облагались крестьяне, исследует организацию и осуществление трудовой, гужевой и военно-конской повинностей. Новый подход применен автором при изучении продразверстки (порайонный анализ). В монографии отмечается, что, возникнув из суровой необходимости гражданской войны как мера ликвидации продовольственного кризиса, продразверстка стала важнейшим элементом усиливающейся натурализации хозяйственных отношений в деревне. Большой статистический материал, привлеченный автором, убедительно подтверждает слова Ленина, что продразверстка «мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года» [1].

В монографии проанализированы социально-экономические и социально-демографические изменения в крестьянском дворе и жизненном уровне крестьянской семьи. Обстоятельно рассматриваются автором основные тенденции в изменении структуры крестьянства в 1917–1920 годах. В книге приведен богатый материал о валовом доходе крестьянского двора, платежеспособности и бюджете потребления крестьянских хозяйств, о мероприятиях Советской власти, направленных на поддержку крестьянских дворов. Приведенные автором факты доказывают, что крестьяне получили от революции значительные выгоды. Она дала им землю и открыла перед ними новые перспективы. Именно поэтому основная масса крестьянства встала на сторону Советской власти и помогла ей разгромить белогвардейцев и интервентов.

В книге предпринята попытка по-новому подойти и к такому традиционному сюжету, как история первых колхозов. Кабанов сосредоточил внимание на малоисследованной производственной стороне их деятельности. В монографии представлена производственная типология первых коллективных хозяйств: образцовые хозяйства, производственные, самопотребляющие и полностью зависящие от государства. Автор детально проанализировал производственные возможности хозяйств каждого типа. Оценивая их производственную деятельность, Кабанов отмечает недостаточную гибкость в руководстве ими. На них возлагалась во многом непосильная тяжесть продразверстки и других натуральных повинностей. И они, не успев встать на ноги, оказывались в тяжелом экономическом положении и часто, не выдержав трудностей, распадались. Но главное, пишет автор, заключалось в том, что «были заложены основы социалистического способа производства в земледелии, определилась тенденция его развития как путь вовлечения крестьянства на добровольных началах в трудовые коллективы» (с. 273).

К сожалению, осталась вне внимания Кабанова работа Л. Н. Крицмана, где содержится богатый материал о крестьянском хозяйстве в годы «военного коммунизма» [2]. Ничего не говорится в рецен-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 159.

[2] Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции. М. 1926.

зируемой книге п о дискуссии 1956–1957 гг. об уравнительном землепользовании, которая многое прояснила в сущности аграрной политики большевистской партии в изучаемое автором время.

Рассматривая производственную сторону деятельности первых коллективных хозяйств, Кабанов преувеличивает значение строительства колхозов. Ленин, оценивая итоги колхозного строительства в годы гражданской войны, отмечал, что «колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богоделен»[3]. Преувеличивает автор и роль помощи, которую оказывало Советское государство крестьянству. Эта помощь была незначительной и не играла большой роли в развитии крестьянского хозяйства. Самое главное заключалось в том, что крестьяне получили землю и стали на ней хозяевами. Национализация земли и уравнительное землепользование создали земельный строй, удовлетворяющий революционно-демократические требования крестьянства и «*наиболее гибкий* в смысле перехода к социализму»[4].

Отличающаяся высоким научным уровнем монография Кабанова знаменует собой шаг вперед в изучении и понимании основных элементов развития крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма».

Е. А. Луцкий, Л. А. Молчанов

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 180.

[4] Там же. Т. 37, с. 328.

А. Д. ЗАЙЦЕВ. *Петр Иванович Бартенев.* М. Московский рабочий. 1989. 172 с.

Эта книга, вышедшая в серии «История Москвы: портреты и судьбы», рассказывает о публицисте, библиографе, генеалоге, археографе и историке Москвы, одном из основоположников пушкиноведения и помощнике Л. Н. Толстого – П. И. Бартеневе (1829–1912 гг.). Широко известен историко-литературный сборник «Русский архив», который издавался им около полувека. Без изучения материалов, увидевших свет в этом сборнике, трудно представить развитие и распространение исторических знаний, исследовать историю общественной мысли России. Автор книги, А. Д. Зайцев, практически первым ознакомился с материалами архива Бартенева в ЦГАЛИ СССР, использовал фонды других архивохранилищ страны.

Бартенев, как отмечается в книге, рано проявил интерес к гуманитарным наукам. Окончив Московский университет, он занялся славистикой, затем установил контакт с А. И. Герценом и приступил к публикации исторических, литературных и философских трудов, был избран членом многих научных обществ, а в 1863 г. приступил к изданию «Русского архива». Среди важнейших его публикаций – 40-томный «Архив князя Воронцова».

Задачу исторической науки, пишет А. Д. Зайцев, Бартенев видел в объяснении ею современности, поскольку «история – это наставница». Публикуя документы по истории России XVIII и XIX вв., он активно вторгался в общественную жизнь, ища и находя в них поучительные параллели. Для него было характерно персонифицированное отношение к прошлому: большинство его работ имело биографический характер. «Величие исторического лица,– писал он,– измеряется долговечностью памяти о нем» (с. 64). Общественные взгляды Бартенева в целом развивались в русле консервативной исторической мысли, но их своеобразие состояло в том, как показывает А. Д. Зайцев, что Бартенева отличал значительно более широкий, чем традиционный для дворянской историографии, подход к оценке событий, состоящий в стремлении ничего не упустить. Кредо Бартенева – это культ факта. Вот почему автор не без оснований называет своего героя «архивным рудокопом».

Методы работы Бартенева над документами, подчеркивает А. Д. Зайцев, восходили к традициям «Древней Российской вивлиофики» Н. И. Новикова. Бартеневские комментарии к публикациям имели исследовательский характер. Он очень многое сделал для выявления и публикации материалов о А. Н. Радищеве, А. С. Пушкине, войне 1812 г., декабристах, сведений о российском быте XVIII–XIX вв., источников из фамильных архивов, включая данные как о дворянстве и купечестве, так и о крепостных крестьянах. Трудился он в основном один, прибегая лишь к помощи членов семьи, и тем не менее собрал настоящую сокровищницу материалов, которую современники называли «Эйфелевой башней отечественного архивоведения».

Автору, как нам представляется, удалось показать Бартенева не только как знатока истории, литературы и архивиста, но и как яркого, своеобразного человека. Книга позволяет как бы ощутить аромат той эпохи, войти в круг интересов и жизненных коллизий многих характерных для нее представителей разных сфер русской общественной мысли.

Г. А. Архипова

Д. Н. АЛЬШИЦ. *Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного.* Л. Наука. 1988. 244 с.

Книга доктора исторических наук профессора Д. Н. Альшица посвящена в основном проблеме опричнины. Суть авторской концепции сводится к тому, что опричнина положила начало русскому самодержавию. Мысль эта высказывалась и другими авторами, но в работе Альшица она получила, пожалуй, наиболее завершенный вид и всестороннюю аргументацию. Анализируя предпосылки самодержавия, он исходит из того, что эта форма управления соответствовала уровню производительных сил России, а почва для перехода к единовластию была подготовлена как реформами А. Ф. Адашева, укрепившими централизованную монархию, так и историко-публицистическими выступлениями, обосновывавшими идею самодержавия (с. 228).

Альшиц отвергает концепцию опричнины, выдвинутую В. Б. Кобриным, считающим мифом борьбу боярства и дворянства в XVI в. (с. 10). Нет никаких оснований, пишет автор, «объявлять мифом как саму борьбу между боярством и дворянством во времена Грозного, так и существенные причины этой борьбы», однако борьба между аристократией и дворянством «шла не за или против централизации, а за то, какой быть этой централизации, за то, кто и как будет управлять централизованным государством, интересы какой социальной группы (прослойки, части) класса феодалов оно будет преимущественно выражать» (с. 238–239).

Возражает Альшиц также и Р. Г. Скрынникову, согласно концепции которого опричнина явилась результатом столкновения «между могущественной феодальной аристократией и поднимающейся самодержавной монархией» (с. 11). По мнению Альшица, ограничить власть самодержца стремились не только знать, но и дворянство, и верхи посада, и церковь. В объединении этих сил таилась большая и вполне реальная опасность для единовластия Грозного, противостоять которой самодержавие не могло без инструмента принуждения, возникшего в виде опричнины. Появление опричнины не зависело от произвола отдельной личности, поскольку опричнина явилась «конкретно-исторической формой объективного исторического процесса» (с. 230).

Классовая суть самодержавия Грозного, по мнению автора, заключалась в обеспечении интересов феодалов-крепостников, и прежде всего интересов дворянства. Опричнина же консолидировала класс феодалов путем подчинения интересов всех его прослоек «интересам самого большого и могущественного его слоя – служилых людей, помещиков» (с. 236). Вопреки традиционной точке зрения Альшиц считает, что опричнина не привела к разделению государства, а создала лишь «верхний этаж» власти, благодаря чему прежние, исторически сложившиеся ее институты (Боярская дума и др.) были все разом подчинены власти самодержца.

Выводы автора оригинальны, нередко парадоксальны, но каждому из них предшествует серьезная работа с источника-

ми, в чем и заключается одно из главных достоинств его книги. Особое внимание Альшиц уделяет летописям и публицистике XVI века. Первые его публикации о приписках к Лицевому своду появились более 40 лет назад. Крупнейший знаток источников XVI в. С. Б. Веселовский писал: «Я принимаю и считаю вполне убедительно обоснованными почти все выводы Д. Н. Альшица», «авторство Ивана Грозного в этом деле можно считать неопровержимо доказанным»[1]. Американский исследователь А. Гробовски назвал исследование Альшица о приписках блестящим[2].

В рецензируемом исследовании автор привел дополнительные аргументы в пользу предложенной им ранее атрибуции и датировки летописных интерполяций. Отдавая должное признакам, характеризующим бумагу летописного свода, Альшиц с полным основанием указывает, что весьма существенны и мысли, и намерения авторов приписок. В 1560-х годах наиболее важные данные приписок (например, сведения о «боярском мятеже» десятилетней давности) приобрели исключительную актуальность в связи с надвигавшейся опричниной. Можно согласиться с Альшицем, что именно 60-е, а не 80-е годы XVI в. были наиболее вероятным временем правки Лицевого свода.

В книге ставится проблема атрибуции сочинений И. С. Пересветова. Недавно закончившаяся дискуссия об аутентичности переписки Грозного и Курбского побудила вновь обратиться ко многим проблемам, связанным с сочинениями названных лиц. Альшиц разделяет мнение о подлинности сочинений Грозного и, более того, представляет доказательства, что из так называемых сочинений Пересветова одни были написаны Иваном IV, а другие – Адашевым. Эта гипотеза, при всей ее оригинальности, представляется все же спорной.

В концепции Альшица одна из центральных идей сводится к тому, что опричнина не была отменена в 1572 г., а просуществовала до конца жизни Грозного, оказывая глубокое влияние на общество.

Единственным современником, прямо указавшим на отмену опричнины в 1572 г., пишет Альшиц, был Г. Штаден, служилый немец. Но, по мнению автора, Штаден никогда не служил в опричнине, и его повествования напоминают небылицы Мюнхгаузена (с. 171). Однако аргументация Альшица нуждается в критическом разборе.

Штаден рассказывает, что получил поместье от боярина И. П. Челяднина. Этот боярин был земцем, а, следовательно, заключает автор, утверждение Штадена насчет службы с опричного поместья – ложь (с. 166). Сомнения Альшица представляются нам напрасными. Штаден появился в России до опричнины, а потому мог получить поместье (как толмач – переводчик) только от земского боярина. Поместье ему выделили в Старице. Когда же Старица в 1566 г. попала в опричнину, Штаден был зачислен на опричную службу. Штаден упомянул, что в Москве он завел корчму, но простолюдины из опричнины пожаловались на него на земском дворе. Однако опричное население не могло жаловаться в земщину на опричника, из чего автор делает вывод, что и в этом случае Штаден лжет. Приведенный аргумент основан на недоразумении. При разделе Москвы на опричнину и земщину образовалось два земских двора: в земщине на этом дворе сидел земец И. Долгорукий, в опричнине – опричник Г. Грязной. Штаден четко указывает, что жалоба на него была подана Грязному. Таким образом, в его рассказе нет никакого противоречия.

Вопреки мнению Альшица, из современников не только Штаден писал об отмене опричнины. Б. Н. Флоре удалось разыскать в польских архивах подборку писем королю Августу II за 1558–1572 годы. Одно из них было написано воеводой Ф. Кмитой с русской границы. Кмита уже 3 ноября 1572 г. уведомил короля, что в Москве царь примирился «з землею» и отменил («зламал») опричнину[3]. Английский посол Д. Флетчер, побывавший в Москве в 1580-х годах, подтвердил, что опричнина просуществовала семь лет, после чего была отменена[4].

Русские источники (разрядные книги, летописи и пр.) рядом косвенных данных подтверждают факт отмены опричнины. По Разрядам, опричных воевод назначали помощниками более знатных земских, опричные отряды включали в земские полки. Из-за нашествия крымской орды в 1572 г. Иван IV уехал в Новгород, забрав с собой опричную казну. В конце лета эту казну и доставленную туда же земскую сокровищницу свезли в одно место, поместив в подвалах Ярославова двора. По мнению Альшица, царь попросту отнял у земщины ее казну, конфисковал ценности земского Казенного двора (с. 150). Такое мнение плохо согласуется с фактами. Опричный казначей Р. В. Олферьев не только доставил опричную казну на Ярославов двор, но и поступил в подчинение к главному земскому казначею князю В. В. Мосальскому, что было бы немыслимо при сохранении опричных порядков.

Признание того, что опричнина и самодержавие являлись «конкретно-исторической формой объективного исторического процесса», обязывало автора уделить больше внимания объективным предпосылкам этих явлений. Указание на соответствие этих форм уровню производительных сил носит слишком общий характер. Историко-публицистические выступления и реформы Адашева сыграли свою роль, но более глубокое влияние на государственное устройство оказало, по-видимому, все же изменение форм феодального землевладения (превращение поместья в господствующую форму землевладения в XVI в.) и, как следствие, изменение структуры феодального сословия (трансформация старого боярства периода феодальной раздробленности в служилое дворянское сословие XVI в.).

Опричные меры разного характера Альшиц характеризует как «земельный террор» (с. 121 и др.). Это авторское понятие весьма образно, но ведет к смешению разнородных явлений и политических мер. Выселения помещиков из опричных уездов далеко превосходили по своим масштабам выселение дворян «на житье» в Казанский край, но с точки зрения судеб феодального землевладения эти меры имели обратное значение. Выселяя помещиков из уезда «с городом вместе», казна реализовала свое право собственника на фонд поместных земель. Лишившись поместья в одном уезде, сын боярский получал поместье в другом, земском уезде. Таких переселенцев было несколько тысяч человек. В Казанский край было выселено около двухсот дворян. Более половины из них принадлежали к низшему слою феодального сословия. Поскольку городовое дворянство исчислялось несколькими десятками тысяч человек, казанская ссылка не могла оказать на его судьбы серьезного влияния.

Аристократия была куда более малочисленной. Поэтому высылка в Казань около сотни семей князей ростовских, ярославских и стародубских имела более серьезные последствия. История ростовских князей подтверждает этот вывод. К середине XVI в. ростовские князья сохранили в своих руках значительно меньше родовых вотчин, чем ярославские. Однако неправы историки, считающие, что ростовские князья вовсе лишились родовых владений. Списки Государева двора – наиболее авторитетная документация – показывают, что 18 из 55 ростовских князей служили во дворе по княжеским спискам, а не по уездам, иначе говоря, они продолжали служить по Ростову с родовых вотчин в отличие от братьев, перебравшихся на поместья в другие уезды. В казанскую ссылку отправилось подавляющее большинство ростовских князей, служивших по княжескому списку, и очень немногие из тех, кто служил по городам. Приведенный факт раскрывает смысл «земельного террора» против князей: ростовские князья лишились последних родовых вотчин в пределах некогда принадлежавшего им княжества, что неизбежно подрывало их политическое влияние.

Понятие «земельный террор» позволяет автору представить суть опричнины в ярких и живых образах: «кровь жертв опричнины полилась единым потоком», родовитые вельможи были уравнены в «правах», вернее, в бесправии, с мелкими служилыми людьми, «царский произвол приобретал здесь характер абсолюта» (с. 121–122).

Способность соединить стройную научную аргументацию с живым и ярким изложением событий прошлого встречается не часто. Книга Альшица – пример такого соединения, и она без сомнения найдет своего читателя и одновременно проложит путь новым плодотворным научным дискуссиям.

Р. Г. Скрынников

[1] Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М. 1963, с. 255–256.

[2] Grobovsky A. The «Chosen Council» of Ivan IV. N. Y. 1969, p. 114.

[3] Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku. Rkp. 1536.

[4] Флетчер Д. О государстве Русском. СПб. 1906, с. 40.

Myth and Reality: the Struggle for Freedom in India, 1945—1947. New Delhi. Manchar. 1987. 500 p.

Миф и реальность: борьба за свободу с Индии 1945—1947

Данный сборник подготовлен к 40-летию независимости Индии и включает статьи видных индийских историков, социологов, экономистов и литературоведов, участников симпозиума, прошедшего в феврале 1984 г. по инициативе мемориального музея Дж. Неру и его библиотеки. Введение написал Р. Кумар, директор этого музея. Сборник снабжен таблицами, приложениями и комментариями. Редактор издания А. К. Гупта, учитывая тематику статей, подразделяет их на несколько групп: стратегия колониальных властей в период подготовки раздела Индии, освободительное движение как решающий фактор политической независимости, основные отряды национально-освободительного движения и их общественно-политическая миссия, источники раздела Индии, а также обретение независимости Индией в отображении ее художественной литературой. Большинство работ сборника основано на материалах центральных и местных архивов.

Ряд статей имеет полемический характер. В статьях П. С. Гупты и С. Махаджана показана несостоятельность доминирующей в западной либеральной историографии концепции, последователи которой, британские историки Н. Мансергх, К. Г. Филипс и др., уже полагают, что стратегическая линия колониальной администрации в середине 40-х годов предусматривала добровольную передачу власти индийцам, чему препятствовали острые разногласия между Индийским национальным конгрессом (ИНК), сторонником сохранения территориальной целостности страны, и Мусульманской лигой, поборником выделения провинций мусульманского большинства в государство Пакистан.

Отправной точкой политического курса вице-королей индийские историки справедливо считают установку на длительное британское присутствие в Индии. Этой цели отвечал широкий арсенал средств и приемов. Среди них Гупта выделяет разжигание индусско-мусульманских конфессиональных противоречий по принципу «разделяй и властвуй», а Махаджан — конституционные реформы, призванные «умиротворить» националистов посредством предоставления им отдельных уступок, например, расширения индийского представительства в легислатурах, создания в конце 30-х годов провинциальных правительств, возглавляемых Конгрессом и Лигой, и т. д. Однако массовые репрессии против левого крыла освободительного движения в августе 1942 г., по мнению Махаджана, способствовали консолидации национально-патриотических сил и присоединению к антиколониальным лозунгам либерально настроенных представителей индийского истеблишмента и индийского состава колониальной армии, что ускорило эрозию колониальной системы (с. 58—59).

После провозглашения независимости Индии и Пакистана британское правительство настойчиво искало пути к долговременному подчинению обоих доминионов своим внешнеполитическим интересам. При этом первостепенное внимание правящие круги бывшей метрополии, полагает Гупта, уделяли расширению контактов с Пакистаном, рассматривая его в качестве своего важнейшего форпоста, который в период «холодной войны» позволял держать под прицелом и нефтеносные районы Среднего Востока, и индустриальные центры Сибири (с. 12).

Отметив ослабление экономических и политических позиций британского империализма в годы второй мировой войны, авторы сборника убедительно доказывают, что решающим фактором достижения независимости являлся отнюдь не кризис колониализма как таковой, на чем особенно настаивает английский экономист Б. Р. Томлинсон, а размах национально-освободительных выступлений народов Индии. Главная сила этого движения заключалась в его массовом характере.

В отличие от советской историографии, датирующей становление массового антиимпериалистического, антиколониального движения в Индии периодом Первой кампании гражданского неповиновения 1920—1922 гг., Р. Кумар ведет начало «популистской трансформации» освободительной борьбы с политических акций начала 30-х годов. Гегемоном национально-освободительной борьбы он считает «имущие классы», а ее социальной опорой «средний класс», чей национализм «мог принять вызов радикальных движений (никогда не выходивших за рамки фрагментарного и локализованного характера) и в то же время обладал силой, способной разрушить британское правление на субконтиненте» (с. XXV). К сожалению, понятиям «имущие классы» и «средний класс» автор в дальнейшем не дает определения. Между тем оба эти понятия отличает большая емкость. Так, термин «имущие классы» применительно к индийской общественной структуре рассматриваемого периода может в равной степени быть распространен как на национальную буржуазию, гегемона национально-освободительного движения, так и на титулованную аристократию, поборника сохранения колониального статуса Индии, ограждавшего ее привилегии.

В сборнике предпринята попытка дать оценку участию отдельных классов, социальных групп и политических течений в освободительной борьбе. В центре внимания его авторов оказались крестьянское движение и массовые выступления 1945—1946 годов. В частности, Р. Кумар справедливо указывает на тенденциозный характер точки зрения британского историка Д. А. Лоу, трактующего освобождение Индии как следствие одностороннего отказа колониальной администрации «от возведения барьеров на пути стремления «доминирующих сельских классов» примкнуть к кампании, руководимой Махатмой Ганди и Конгрессом, а в северо-западных и северо-восточных районах — разделить сепаратистскую направленность платформы Лиги.

На примере борьбы крестьян Бихара и Северной Бенгалии Р. Барик и Р. Дас Гупта аргументированно доказывают, что крестьянские выступления, как правило, не выходили за границы конфликта с крупными землевладельцами. Попытки индийских коммунистов и левых конгрессистов вовлечь политически инертное крестьянство в антиколониальную борьбу наталкивались на значительные трудности в связи с остротой аграрного вопроса. Показательно, что даже плантационные рабочие требовали не ликвидации принадлежавших европейцам в восточной части Индостана плантационных хозяйств, а лишь изменения в системе управления ими, чаще всего смещения жестоких управителей и охранников чоукидаров (с. 446).

Восстание бомбейских моряков 1946 г., столкновения с полицией в период суда над солдатами Индийской национальной армии, созданной С. Ч. Босом в Бирме для вооруженной борьбы с колонизаторами, и другие послевоенные выступления, по мнению Махаджана, свидетельствовали о глубине общественного брожения, но отнюдь не о тенденции к отходу от ненасильственных форм борьбы, и в этом смысле представляли собой контраст «активности масс» (с. 78). Для всех этих движений характерны стихийность и локальность. Однако это были массовые выступления и вряд ли правомерно отрывать их от национально-освободительного движения и тем более противопоставлять ему. Они свидетельствовали о приближении социального взрыва, последствий которого опасались как британские колонизаторы, так и правое крыло националистов.

Логическим финалом британского колониального правления стал раздел Индии, осуществленный на основе религиозно-общинного принципа. Его подготовка велась на протяжении нескольких десятилетий по мере назревания так называемого коммунального вопроса. Основным содержанием этой проблемы было углубление противоречий между индусской и мусульманской конфессиями. Авторы сборника не ставили перед собой задачи раскрыть все причины и источники индусско-мусульманской розни, обратив внимание лишь на связь религиозно-общинных и социальных конфликтов. Действительно, в отдельных регионах острые классовые противоречия возникали под прикрытием религиозной оболочки. Так было в Бенгалии и Малабаре, где большинство индийских землевладельцев и ростовщиков являлись индусами (в Пенджабе — сикхами), а крестьяне — мусульманами. Аналогичная ситуация сложилась в Северо-Западной пограничной провинции с той разницей, что там ростовщики-мусульмане эксплуатировали должников-индусов.

В данной связи постановка Кумаром вопроса о причастности к разжиганию религиозно-общинных противоречий не только британских властей, но и имущих слоев обеих общин является закономерной. Однако он не дает ответа на поставленный им вопрос, в какой степени пред-

ставители господствующих классов препятствовали достижению индусско-мусульманского единства. Вместе с тем не лишено основания его положение, что «только радикальное национальное движение располагало возможностью ковать единство различных религиозных общин» (с. XXV).

Рецензируемый сборник статей индийских ученых способствует более глубокому пониманию особенностей общественно-политического развития Индии в один из наиболее драматических периодов ее истории.

В. П. Кашин

A. SCHNAPP, P. VIDAL-NAQUET. *Journal de la commune étudiante. Textes et documents, novembre 1967 — juin 1968.* Paris. Éditions du Seuil. 1988. 886 p.

А. ШНАП, П. ВИДАЛЬ-НАКЕ. *Дневник студенческой коммуны. Тексты и документы, ноябрь 1967 — июнь 1968 года*

Авторы книги известны как историки широкого профиля. Им принадлежит ряд работ по всемирной истории, в том числе Алэну Шнапу — две монографии о развитии археологии в связи с меняющейся государственной политикой в социальной и научной сферах, а Пьеру Видаль-Наке — серия монографий по истории Древней Греции и современной Франции. Их совместный труд представляет собой комментированную хрестоматию документов, касающихся предпосылок и хода студенческих волнений во Франции в мае 1968 года. Каждый раздел книги содержит общую характеристику проблемы, пакет источников с пояснениями к ним в тексте и историографо-библиографическими примечаниями в конце книги.

На фоне уже существующей литературы по данной теме эта хрестоматия выделяется уникальностью подбора материалов: в ней публикуются, полностью либо в отрывках, 362 документа, а также ряд иллюстраций. Авторами использованы французские и зарубежные рукописные и печатные тексты из архивов, записи интервью, книги, альбомы, брошюры, журналы, газеты, листовки, настенные надписи, плакаты, реклама, фотографии, кинофильмы и фонограммы. Кроме того, учтена огромная историография проблемы.

Документы охватывают происходившее тогда в студенческой среде не только Парижа, но и множества других городов страны, особенно Лиона, Лилля, Безансона, Монпелье, Тулузы, Марселя, Венсанна, Ренна, Нанта, Клермон-Феррана, Нантерра и Страсбурга. Материалы распределены по рубрикам: духовные и политические предпосылки «студенческой революции 1967—1968 гг.» (начиная с апрельского мятежа оасовцев 1961 г. в Алжире и кончая объединением всех левых и демократических сил весной 1968 г.), вершина студенческого движения в первой половине мая, всеобщая забастовка рабочих и служащих во второй половине мая, деятельность в мае отдельных организаций и политических группировок (наибольшая по объему и научному значению приводимых документов подборка, с. 314—428), формы и способы их действий, спад движения в июне, осуществлявшиеся его участниками пропаганда их идей и агитация в обществе (также очень интересная подборка документов, с. 549—642), отношение властей V республики к этим событиям, участие в движении учащихся различных университетов и лицеев страны. Подытоживая в заключительной главе собственное впечатление от имеющихся документов, авторы приходят к выводу, что речь должна идти в данном случае об «университетской революции» (с. 833сл.).

В познавательном отношении самыми интересными в книге являются источники по трем вопросам. Во-первых, роль и место конкретных группировок. Читателя могут поразить их обилие и политическая пестрота: здесь приведены материалы о 188 крупных и мелких партиях, организациях и группировках, преимущественно студенческих, участвовавших в движении. Во-вторых, тематика дискуссий, прошедших в мае 1968 г.: что такое гуманизм, политическая диалектика, марксизм-ленинизм, сталинизм, троцкизм, социализм, большевизм, социал-демократия, популизм, нигилизм, либерализм, национализм, фашизм. В-третьих, материалы, создающие итоговое впечатление от книги в целом, включая авторские комментарии: может сложиться убеждение, что студенты на протяжении 1967—1968 гг. были во Франции главной социальной боевой силой, а рабочий класс вместе с его партийными лидерами, в том числе коммунистами, действовал «на подхвате»: рабочие сумели использовать обстановку для улучшения своего положения на базе Гренельских соглашений, заключенных с правительством после всеобщей забастовки, но проглядели возможность превращения революционной ситуации в фактор кардинальных перемен в жизни страны.

В. Н. Шевардин

Wiesław DOBRZYCKI. *Myśl polityczna rewolucji meksykańskiej.* Warszawa. PWN. 1986. 347 s.

В. ДОБЖИЦКИЙ. *Политическая мысль мексиканской революции*

Замысел работы, как его формулирует автор, заключается в изучении развития и содержания политической мысли Мексики, а также генезиса мексиканской политической системы методом историко-политологического анализа проблем государства и политической власти в доктринальной области и в сфере политической практики (с. 13, 310—311). В основе исследования — концепция «мексиканской революции 1919—1940 гг.», понимаемой автором как длительный процесс, в ходе которого произошли решающие сдвиги в модернизации мексиканского общества и государства, обусловившие последующий продолжительный период политической стабильности в стране (с. 6, 10).

Добжицкому удалось дать в целом действительно широкое, представленное в динамике отображение основных течений политической мысли, главным образом правящих групп, а также основных общественно-политических процессов в Мексике, причем на протяжении гораздо более длительного, чем об этом говорится в книге, отрезка времени, поскольку за исходную точку автором обоснованно принимается начальный период существования диктаторского режима П. Диаса (1876—1911 гг.), низвергнутого революцией. При этом в книге, как и задумано автором, прослежены не только политические идеи и концепции, но и результаты их реализации, т. е. проведено сопоставление «замыслов» и степени их осуществления в контексте классовой и политической борьбы, естественно, по большей части без (невозможного при установленном объеме исследования и широте охваченного периода) изложения практических мер, шагов и т. д. сменявших друг друга у власти социально-политических сил.

Лишь в одном аспекте автор отступает от заявленного им принципа (однако без ущерба для работы в целом), а именно — при анализе внешнеполитической деятельности мексиканских правительств, главным образом в их отношениях с США (с. 104—124, 172—203 и далее). Впрочем, повышенное внимание Добжицкого к этому сюжету вполне понятно и оправдано, учитывая особую важность проблемы отношений Мексики с иностранным капиталом и империализмом, в первую очередь с американским,— с точки зрения их влияния на ход внутриполитической борьбы. Это определяло, как неоднократно отмечается в книге, место и роль национализма, антиимпериализма как одной из «несущих» мексиканской революции (с. 33—34, 68, 297—298, 300, 312—313).

Интерес представляют авторский подход и выводы при анализе идеологии и политики режима Диаса (с. 17, 19—22, 26, 29—30), содержания, особенностей и классовой ограниченности буржуазного либерализма Ф. Мадеро и В. Каррансы (с. 45—48, 53—56, 77—79), режима «революционного каудильизма» в 20-е годы (с. 134, 136—138, 144—150, 301—303).

Важное значение Добжицкий придает периоду пребывания у власти прогрессивного, антиимпериалистического правительства Л. Карденаса (1934—1940 гг.), который он считает «наиважнейшей цезурой для завершения анализа мексиканской революции» (с. 10), когда имела место реализация ее глубинных тенден-

ций и подлинно народного, национального содержания. Это нашло свое выражение в соединении широкомасштабных социальных реформ с решительными шагами по укреплению экономической независимости Мексики (прежде всего экспроприация нефтедобывающей промышленности) (с. 10. 12. 305–307). Подробно рассматривая содержание «мексиканского социализма» Карденаса (с. 239–240, 244–247, 252–256, 269–271, 305–307), автор приходит к выводу, что он представлял собой «нетрадиционный популизм» (под «традиционным» понимается «политика манипулирования массами в интересах капитала» – с. 12), заключавшийся в «соединении плебейских течений с патерналистским способом их истолкования, в осуществлении многих важных социальных реформ, объективно улучшающих положение народных масс, без изменения господствующего способа производства» (там же).

Принимая в целом авторскую характеристику «мексиканского социализма» Карденаса, заметим, что хотелось бы увидеть в книге более развернутую оценку классовой, политической природы карденизма. В этом плане обращение к «вариациям популизма» не особенно помогает. Возможно, здесь заслуживает внимания анализ Коминтерном социально-политического содержания национально-освободительного движения, в частности, выдвинутый на II его Конгрессе тезис о наличии в нем национально-революционного течения[1]. Что же касается содержащегося в книге положения, что «мексиканский социализм» 30-х годов был «прототипом» (или «предтечей») после военного «социализма третьего мира» (с. 306), то оно не выглядит убедительным. Кроме того, как нам представляется, нет оснований говорить о некоем «социализме», присущем всему «третьему миру» в целом.

Аналогичное замечание можно высказать и при знакомстве с анализом в книге особенностей режима «революционного каудильизма» и определением содержания его политики. Добжицкий характеризует 20-е годы как «этап мирной реконструкции... укрепления новых экономических структур и проведения постепенных социальных реформ», теоретически разработанных в «конституционалистский период» революции» (с. 298). Из этого логично заключить, что политику правительств А. Обрегона и П. Э. Кальеса можно было бы назвать мексиканским вариантом национал-реформизма.

Наряду с этими соображениями частного характера выскажем и свои соображения в связи с постановкой в книге некоторых вопросов общего плана, прежде всего по поводу концептуальной формулы «революция 1910–1940 гг.». Бесспорно, период этот представляет собой целостный этап новейшей истории Мексики, основным содержанием которого является не только приход к власти национальной буржуазии, но и связанная с этим и с развитием классовой борьбы последующая более ускоренная трансформация общества по капиталистическому пути и становление политических структур современной Мексики, особенно как объективное следствие радикальных социально-экономических и политических реформ правительства Карденаса. Столь же очевидно, что эти реформы были наиболее полной и последовательной – возможной при сложившихся в 30-е годы расстановке и соотношении классовых сил – реализацией того, что было поставлено на повестку дня революцией. Однако эти реформы, а тем более предшествовавший им национал-реформизм 20-х годов, не являются собственно революцией, хотя и органически связаны с нею, «вытекают» из нее.

В строгом смысле этого понятия буржуазно-демократическая революция в Мексике ограничена периодом 1910–1917 гг., когда национальная буржуазия решила в свою пользу вопрос о власти. Автору следовало бы более четко провести «демаркационную линию» между революцией как таковой и последующими реформами, реализующими ее постулаты, зафиксированные в конституции Мексики 1917 г.; между тем, что в книге обозначается как «политическая и социальная революция», помещаемая как раз в хронологические рамки 1910–1917 гг. (с. 52), и «революцией 1910–1940 гг.». В этом плане очень важной является постановка В. И. Лениным вопроса о возможности трактовки положения о завершении буржуазно-демократической революции в узком и широком смысле слова, когда в последнем случае понимается «решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию»[2].

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 242–244.

И еще один вопрос – освещение в книге проблем общественно-политической борьбы в ходе революции 1910–1917 гг. и содержания конституции 1917 года. Авторский замысел предполагал прежде всего анализ идейных установок и политических концепций правящих групп Мексики, а не социальных слоев, которые мексиканский писатель М. Асуэла обозначил в названии своего романа о революции – «те, кто внизу». Правда, Добжицкий отводит минимум страниц раскрытию основного содержания «народной» (собственно крестьянской) и «анархистской» идеологии в революции (с. 56–63), указывая на то, что этот сюжет достаточно широко исследован в историографии мексиканской революции (с. 294). Однако в данном случае дело не в том, что исследовано более полно, а что – менее.

Возможно, более пристальное внимание к народной идеологии, а также к мелкобуржуазным концепциям общественно-политического развития Мексики, возникшим накануне и в ходе революции и связанным с идеологией «низов» через постановку социальных вопросов – в первую очередь аграрного, который Добжицкий с полным основанием называет основным вопросом мексиканской революции (с. 53),– позволило бы полнее и основательнее ответить, почему в 1917 г. была принята иная, более радикальная редакция основных социально-экономических статей конституции, нежели та, которая первоначально выдвигалась либеральной буржуазно-помещичьей группировкой «конституционализма», захватившей политическую власть.

Автор отмечает, что в этом плане буржуазные либералы потерпели поражение (с. 91–95). Однако предлагаемое объяснение: «Радикализм социальных реформ, записанных в конституции 1917 г., успешно смягчал антагонистические противоречия, предупреждая социальную революцию» (с. 91), представляется все же односторонним. Оно не учитывает в должной мере степень влияния борьбы народных масс непосредственно на содержание конституции, а также то обстоятельство, что определенные группировки национальной буржуазии считали необходимым постулировать более широкие социально-экономические реформы не только «против социальной революции» (хотя и это имело место), но и для привлечения трудящихся к решению задач развития национального капитализма, против нежелания буржуазных либералов типа Каррансы идти на изменения социально-экономической структуры мексиканского общества.

Наши соображения носят постановочный характер и отнюдь не определяются стремлением «дополнить» или скорректировать позицию автора. Книга его представляет интерес с точки зрения освещения и понимания идейно-политических процессов и тенденций общественного развития Мексики на самом, пожалуй, драматическом отрезке истории этой страны в XX веке.

А. А. Соколов

[2] Там же. Т. 19, с. 246–247.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА

В № 3 нашего журнала за этот год была опубликована анкета с рядом вопросов, ответы на которые могли бы помочь при разработке редакционной политики на нынешний и будущий год. И читатели откликнулись на нашу просьбу.

Первый вывод, который можно сделать из их писем,— число читателей журнала значительно превышает то, которое публикуется в конце каждого номера, так как многие из тех, кто ответил на анкету, как и школьный учитель из Минска В. А. Кошель, являются добровольными пропагандистами журнала и распространителями его материалов, выполняя тем самым нужную и важную работу по пропаганде исторических знаний.

Большинство подписчиков журнала составляют те, чьи профессиональные интересы так или иначе соприкасаются с областью исторических знаний: историки, архивисты, школьные учителя и вузовские преподаватели, библиотекари и т. д. Немало среди подписчиков журнала и активистов общества «Знание», общественных лекторов и пропагандистов. Но, что особенно важно, примерно треть читателей — люди, далекие от исторической науки, стремящиеся с помощью журнала расширить свой кругозор в этой области.

Насколько публикуемые в журнале материалы удовлетворяют читателей? Следует признать, что пока редакции это удается не в полной мере. Есть и сердитые письма: «Подписку на журнал аннулировал в апреле 1989 года. Такая «история» нашей семье не нужна!» — категорично пишет А. Ф. Еврастенков из Москвы. Но подобных писем единицы и продиктованы они, по-видимому, несогласием с выбранной журналом стратегической линией на преодоление сложившихся в исторической науке стереотипов, освещение «белых пятен», гласность. Немало в ответах на анкету и замечаний по «тактическим» вопросам, которые стали предметом серьезного разговора в редакции. Так, читатели призывают нас быть требовательнее к публикуемым материалам, оперативнее откликаться на запросы читателей, быть внимательнее к движению общественной мысли, полностью выполнять обещания, данные в ходе предыдущей подписки на журнал.

Редакция от всей души благодарит откликнувшихся на анкету. Чтобы лучше был понятен смысл публикуемых ниже откликов на нее, напоминаем ее вопросы:

1. Что повлияло на Ваше решение подписаться на наш журнал?
2. Какие надежды Вы возлагаете на журнал? Каким темам Вы отдаете предпочтение?
3. В какой мере публикуемые в журнале материалы Вы используете в своей деятельности?
4. Удовлетворяют ли Вас форма публикаций, а также структура журнала в его рубрики?

Публикация ответов на анкету будет продолжена в следующих номерах журнала.

Я один из тех, кто впервые оформил подписку на ваш журнал и с интересом его читает. В Институте атомной энергии, где я работаю, число таких любопытствующих значительно, причем не только среди людей моего возраста (50—55 лет), но и среди молодежи. Острый интерес к истории Отечества, православной религии, истокам самодержавия и его традициям, к взаимоотношениям религий в Российской империи существует среди интеллигенции уже давно. Другой, не менее важный вопрос, волнующий самые широкие круги общественности,— правдивое отображение исторического фона, на котором в нашей стране возник культ личности. В надежде на освещение этого круга вопросов на примерах Италии, Испании, Германии, СССР, Албании и Китая мы и подписались на ваш журнал.

Мы также надеемся, что в журнале будут преобладать публикации обзорного, концептуального характера, а не просто аннотированные описания публикаций на определенную тему, каковой, на наш взгляд, является статья А. Н. Афанасьева и С. Ф. Блуменау «Современные споры во Франции вокруг Великой революции» (№ 3). Статьи, публикуемые для массового читателя, должны быть достойными и в литературно-художественном отношении, как публичные лекции В. С. Ключевского и С. С. Аверинцева. В разделе «Историческая публицистика» желательно было бы публиковать и далее материалы по периоду культа личности, но с учетом плюрализма мнений.

Особый интерес для советского читателя представляют материалы, упоминаемые в публичных дискуссиях, но пока не доступные в нашей стране. Так, Р. А. Медведев, претендующий на роль историка, упоминает книги Альбрехта «Бутырская тюрьма. Камера 99» и «Революция, которую предали», изданные в Германии в 1940—1941 годах. Нам представляется, что публикация этих материалов в вашем журнале значительно больше поможет исторически достоверному освещению этого периода, чем очерки А. В. Антонова-Овсеенко. Полезно также к материалам по истории Франции XIX в. опубликовать «Диалоги» французского публициста эпохи Наполеона III — П. Жоли, поскольку они широко используются в современной журналистике.

Вообще, по нашему мнению, ваш журнал должен оперативно восполнять недостаток исторической информации, на базе которой возникают дискуссии между различными журналами, а также приближать информированность советского интеллигента к информированности общеевропейской. Это касается также и истории националистических движений: сионизма, фашизма, арабского национализма. С необходимыми комментариями целесообразно публиковать основополагающие работы вдохновителей таких движений. Необходимы и исторические портреты таких личностей, как Муссолини, Гитлер, Франко, Салазар. К написанию комментариев следует привлекать самых заинтересованных лиц, чтобы не могли возникнуть упреки в разжигании национальной розни, но и была бы внесена ясность в вопрос об источниках популярности диктаторов и механизмах их политической деятельности.

Очень полезны все статьи, вышедшие в рубрике «Исторические портреты», особенно — «Конфуций» Л. С. Васильева и «Екатерина II» А. Б. Каменского. Именно такие материалы необходимы сейчас для идеологической работы. Кстати, информация об авторах публикаций может быть более полной, с указанием, чей он ученик, в каком русле работает, сколько опубликовал книг.

Г. В. Шолин,
доктор физико-математических наук,
Москва

Я — инвалид детства, работать и официально учиться не могу. Благодаря моей матери — Зое Гавриловне меня всегда окружали книги. Историю я любил с раннего возраста, но интересовался более историческими романами. Сейчас мне 32 года. Интересуюсь также философией, длительное время изучал астрономию, психологию, педагогику, медицину, физику элементарных частиц (без формул), атеизм и религию, люблю живопись, скульптуру, архитектуру и др. С лета 1988 г. мои предложения по благоустройству города, заметки о культурных и общественных процессах и др. стали печатать местные газеты. Можете не поверить, но я ждал чего-либо подобного перестройке с 1970 г., в возрасте 13 лет, начитавшись работ Ф. Энгельса «Диалектика природы», «Антидюринг», «Происхождение семьи и частной собственности». Маркса я не сумел одолеть: не люблю экономику и математику.

С 1985 г., возможно, под влиянием перестройки, у меня резко возрос интерес к научной истории, хотя книги по теме собирал и раньше. С этого же года я понял, что должен написать эпопею-хронику времени через мое окружение, поскольку в истории все взаимосвязано и в моей жизни были интересные люди. Достаточно сказать, что родина моей мамы — там, где происходила битва за Москву в 1941 г.: Луговая, Катуар, Белый Раст, Глазово, Лобня, Красная Поляна и пр. Благодаря рассказам матери я стал изучать историю и этого края, кстати, я родился в Москве на Окружной. Для народного краеведческого музея истории я отыскал ряд экспонатов: трофейный немецкий сундучок, фотографии погибшего на войне передовика, председателя троицкого колхоза «Новый путь» Хахалина Петра Михайловича и его фронтовые письма и др. Мой дед погиб в плену, как об этом рассказал свидетель. Дед, Карманов Гаврила Леонтьевич, вместе с товарищами подготовили побег, некоторые убежали, а сам он погиб, отстреливаясь в лесу. Именно с истории моих предков и начинается моя эпопея. Близится к завершению первая книга, но о битве под Москвой еще много «белых пятен», героическую страницу защиты самого близкого к Москве места старательно затушевали, отчего Сталинград стал звучать так, что Подмосковье перед ним поблекло. Новое время вернет ему былое значение, я верю!..

Именно этим темам я и отдаю предпочтение. Также меня интересуют связи Москвы, Подмосковья с Ташкентом, родиной моего отца, строителя. Думаю, сейчас в истории главные темы: «белые пятна», то что от нас скрывали сталинские идеологи, новый взгляд на родную и всемирную историю.

Добавлю, что, несмотря на болезнь, я все же закончил ПТУ Минсобеса по курсу радиотелемеханика, потом — портных. Считаю, что для писателя нужны многогранные знания, в том числе профессий.

А. И. Курышев,
Ташкент

На ваш журнал я подписалась только в 1989 году. И с первых номеров он мне очень понравился, поэтому решила от-

ветить на вопросы, опубликованные в анкете.

С восьмого класса я заинтересовалась историей. Начала читать книги, публикации в периодических изданиях на эту тему. О журнале «Вопросы истории» узнала от нашей учительницы истории Г. В. Заливако. Взяла несколько номеров за прошлые годы. но в них было слишком много новых терминов, непонятных слов и выражений. Я, конечно, понимаю, что ваш журнал научный, но мне кажется, что будет гораздо лучше, если статьи будут написаны более популярно. Кстати, первые номера 1989 года мне понравились гораздо больше. Я подписалась на ваш журнал потому, что думаю, он мне поможет при подготовке к поступлению на исторический факультет МГПИ. Хотелось бы видеть на его страницах больше материалов по современной истории, в частности, о советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и ее уроках, о начальном периоде Великой Отечественной войны. Было бы неплохо почитать также об инквизиции, ее жертвах и последствиях. Пока что использую ваши материалы в учебе, затем надеюсь использовать в педагогической деятельности.

М. А. Фролова, ученица 10-го класса, Москва

Я один из ваших новых подписчиков. Почему подписался? Надоела погоня за сенсациями и грубая тенденциозность в освещении 72-летнего прошлого Советского государства в ряде газет и журналов. Ожидал, что в вашем журнале возобладает научный подход к изложению истории этого сложного периода первого социалистического государства. Мягко говоря, пока что эти мои ожидания подтвердились далеко не полностью.

Может быть, исторической науке тоже трудно удается избежать давления конъюнктуры?

А. Апостолов, пенсионер, София

Я давний подписчик вашего журнала. Радуясь вместе с вами столь весомому теперь тиражу журнала, а следовательно, растущему интересу общественности к истории, я в то же время испытываю и некоторую тревогу за будущее «Вопросов истории». Мне кажется, существует реальная опасность, что, ориентируясь ныне на широкие читательские круги, «Вопросы истории» превратятся в будущем в журнал научно-популярный. Ведь основная ценность вашего издания – в его научности.

С. Н. Досычев, Курск

Я один из ваших 50 тыс. новых подписчиков. Прочел два номера журнала, третий только получил. С удовольствием подключаюсь и отвечаю на вопросы анкеты. Журнал «Вопросы истории» я выписываю первый год. На мое решение выписать этот журнал повлиял интерес к истории нашего государства. Уже третий год я веду подборку материалов о русских царях, начиная с Михаила Федоровича Романова и до Октябрьской социалистической революции. В первых номерах журнала мне понравилась статья А. В. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время» (эта проблема волнует каждого сейчас), Н. Е. Коносова «Абсолютная монархия во Франции» (№ 1), Г. Ле Маршана «Становление европейских наций» (№ 2) и «Екатерина II» А. Б. Каменского.

К моему огорчению, у меня мизерный материал о Елизавете Петровне, причем наибольший интерес вызывают политические и экономические проблемы того периода. В частности, привлекает мое внимание личность Елизаветы (Таракановой) – самозванки.

Форма публикуемых в журнале материалов пока удовлетворяет. То же можно сказать о структуре журнала и его рубриках. Хотя порой изложение трудновато для прочтения.

Я подписался на журнал «Вопросы истории» на следующий, 1990 год, но хотелось бы увидеть материалы на затронутые мною темы.

И. А. Беляев, Москва

Мне 40 лет. Образование высшее (закончил исторический факультет Омского педагогического института). Заведую сельским историко-этнографическим музеем (филиал Омского объединенного музея). Дополнительно веду работу в различных клубах и кружках для школьников и взрослых. Проживаю в райцентре, где и расположен музей, в поселке городского типа. На журнал подписался по роду своей деятельности. Возлагал большие надежды на него. Однако получаю довольно скудный материал. Отлично понимаю и принимаю все ваши возможные объяснения на этот счет и пишу вовсе не в претензии. Заинтересовался вашей анкетой.

Больше всего меня привлекают вопросы отечественной истории и особенно истории Сибири. Это, конечно же, понятно. Материалы, публикуемые в журнале, в своей научной деятельности, к сожалению, пока использовать не довелось. А вот в пропагандистской и педагогической работе, хотя и скудно, но использовал. Формой публикаций, вызвавших мой интерес, удовлетворен. К структуре журнала и его рубрикам претензий не имею. Хотя мечтал бы чаще встречать материалы по истории Урала и Западной Сибири.

В. В. Симонов, Большеречье Омской обл.

Сегодня получил третий номер журнала и решил сразу же ответить на предложенную анкету. В конце прошлого года я услышал по радио выступление А. А. Искендерова о планах редколлегии. Они меня заинтересовали, поэтому я и решил подписаться на «Вопросы истории», хотя раньше о журнале ничего не слышал.

Хочется больше знать о «белых пятнах» нашей истории, особенно советского периода, о жизни и деятельности незаконно репрессированных и забытых руководителях и ученых. В связи с этим хотелось бы познакомиться с работами зарубежных историков, таких, как Коэн, Конквест (и с оценкой их работ нашими историками). Желательно больше публиковать мемуары известных политических деятелей, а также исторические портреты. Нужно устраивать «круглые столы» по наиболее острым проблемам последних десятилетий (также с приглашением зарубежных историков и советологов).

Некоторые материалы журнала использую в своей пропагандистской деятельности (я руководитель политсеминара на работе и лектор общества «Знание»).

В целом структура журнала и форма публикаций вполне меня удовлетворяют. Желательно давать критические разборы выходящей литературы, в частности книг Д. А. Волкогонова, Р. А. Медведева, А. М. Самсонова и зарубежных авторов.

В. И. Красных, преподаватель русского языка, Москва

Подписался на журнал, узнав из передачи телевидения на встрече с редакцией журнала о готовящейся к публикации в журнале книги А. В. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана». Надеюсь и в дальнейшем увидеть в журнале книги советских и зарубежных авторов по вопросам советской истории.

В. В. Обухов, научный сотрудник, Москва

Спасибо вам, дорогая редакция, за интересные публикации в журнале, который значительно посвежел, так сказать, перестроился. Большая к вам просьба опубликовать на страницах журнала доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, который впервые появился недавно в новом журнале «Известия ЦК КПСС» (№ 3). Но подписку на этот журнал объявили поздно, а у нас в Кяхте вообще только с июня 1989 г., поэтому ни у кого не найдешь, даже в библиотеках.

Было бы очень хорошо, чтобы в журнале «Вопросы истории» появились работы историка Роя Медведева, зарубежных историков Коэна, Конквеста, публикации которых промелькнули в некоторых художественных журналах.

В. С. Юнцевич, Кяхта Бурятской АССР

Подписался на ваш журнал с января 1988 г., и, отвечая на анкету, провел маленькое исследование номеров 1–6 (№ 7 я не получил), 8–12 за 1988 г. и номеров 1–3 за 1989 год.

Выводы таковы: редко встречаются материалы по средневековой и особенно древней истории; по древнейшей же истории нет ничего.

Хотелось бы также в будущем почитать что-нибудь по истории стран, которым в указанных выше номерах «не повезло»: Австралии, Афганистана, большинства африканских стран, Бельгии, Боливии, Венесуэлы, Вьетнама, Голландии, Дании, Израиля, Индонезии, Иордании, Ирака, Ирландии, Кампучии, Канады, Колумбии, Ливана, Норвегии, Парагвая, Саудовской Аравии, Сирии, Таиланда, Турции, Уругвая, Филиппин, Чили, Швейцарии, Эквадора.

Кроме того, хорошо бы из вашего журнала узнать об уроках истории в области национального вопроса, о таких проявлениях национализма, как нацизм, черносотенство.

Наконец, 1989–1994 годы наполнены юбилеями знаменательных событий Великой Французской революции. Хочу высказать пожелание: каждую такую дату отмечать статьей в вашем журнале. Я – ваш подписчик на все эти годы.

Л. Чхартишвили, архивист, Москва

Узнал из сообщения по телевидению, что в вашем журнале будет освещаться наша история с первых дней революции, и решил подписаться на ваш журнал. Питаю надежду, что вы будете писать историю, основанную на фактическом материале. К сожалению, уже вышло три номера и пока обещанного нет. Хотя я слышал, раскрываются многие архивы. Предпочитаю видеть именно такую информацию.

Красной нитью журнала должно стать правдивое, регулярное освещение отечественной истории. Обидно за наших историков, т. к. нашу историю пытаются писать за рубежом.

А. Н. Автономов, инженер-электрик, Магнитогорск

Получил 3 первых книжки за 1989 (каждую с месячным опозданием) и почти разочарован: из всего напечатанного выделяю статью К. Маркса и исторический портрет Екатерины II. Публикация

А. В. Антонова-Овсеенко очень примитивна. Предлагаю такую структуру журнала: 1) книга (в нескольких номерах), 2) статьи, 3) историография и хроника (10 страниц), 4) письма.

Одна из причин, по которой я выписал ваш журнал,– невозможность покупки исторических книг. Призываю вас напечатать в течение года 2–3 книги из неопубликованного или дореволюционного фонда. Предлагаю темы: от Иисуса Христа до М. С. Горбачева. Вы уже не молодые люди и вам предоставился шанс сказать правду, так скажите ее и боритесь за нее. Журнальная страница очень ценна – не печатайте сruнду, а то историю приходится изучать по «Новому миру», «Знамени», «Юности», «Иностранной литературе».

А. П. Сорокин,
инженер-строитель, Москва

Долгое время я выписывал ваш журнал, а к началу 80-х годов отказался, хотя и старался позже просматривать номера, если представлялась возможность. А с 1 января 1989 г. возобновил подписку.

Журнал мне помогает в работе. Я стараюсь быть в курсе всех публикаций, посвященных XVIII – первой половине XIX века. А историки еще в большом долгу перед XVIII веком. Время Александра I и Николая I тоже требует пристального внимания. Уделяя публикациям этого периода часть своей площади, журнал не растеряет своих подписчиков, а получит еще. Если материалы будут касаться и смежных дисциплин, то от этого тоже выиграют все.

Считаю большой заслугой редакции, что она «догадалась» публиковать незавершенную работу К. Маркса. С радостью воспринял очерк А. Б. Каменского «Екатерина II». Считаю необходимым дать публикацию о Потемкине. И вообще продолжать, продолжать публикации истории в лицах. Тема «Масонство в России XVIII в.» тоже, надеюсь, найдет место в планах редакции. Да, обезличенная история нам не нужна. Недавно довелось обменяться репликами и по поводу первых номеров в этом году вашего журнала с коллегами. Признательность вам очевидна. А тут подоспела анкета. И я рад сообщить вам: журнал нравится.

Ю. П. Колгушин,
литературовед, Иваново

Пожелания журналу: в статьи, дающие описание людей (как Путна, Б. Кун, Брусилов, Рейган, Екатерина II и др.), обязательно помещать их фотографии.

Это очень интересно и дает наглядное представление о личности. Не зря ведь говорят, что лучше один раз увидеть...

И. В. Шаврин,
Москва

Я – один из 50 тыс. новых подписчиков. С удовольствием отвечаю на вопросы анкеты, хотя времени ни на что не хватает. Итак:

Надеюсь, что ваш журнал «перехватит инициативу» у научно-популярных журналов и не будет чураться запретных тем и нетрадиционных взглядов. Пока же самое интересное публиковала «Наука и жизнь» (Г. Попов – экономист, Н. Эйдельман), «Знание – сила», прибалтийский «Родник»...

Главная тема, которую хотел бы видеть на страницах журнала,– Россия и Запад. От детства нашей страны – варягов и кончая славянофилами и Чаадаевым.

На протяжении 400 лет отношения Россия – Запад означали прежде всего Россия – Речь Посполитая. Отзвуки этой истории не затихают до сих пор. О чем хотел бы прочесть в журнале?

Маленькое «белое пятнышко» – Иван Сусанин и воцарение Романовых. История русско-польских войн XVII в. (может быть, совместные советско-польские работы?), история разделов Польши, польская кампания 1920-х годов (не только об ошибках Сталина, но военно-исторические аспекты, включая интернирование наших войск в Восточной Пруссии – на Западе о нем говорят), история похода 1939 г. и Катынь как печальный итог того периода истории.

В «Исторических портретах» жду наших отечественных деятелей – Хмельницкого, Софью, Голицына, Потемкина, Сперанского. И царей – Ивана III, Бориса Годунова, Александра II.

Спасибо за портрет Екатерины II, хотя о многих важных вещах автор успел сказать лишь скороговоркой.

«Историческая публицистика»: о сталинизме и сталинщине сейчас пишут так много, что журналу надо искать свое лицо – например, через историю государств, возникших после революции на окраинах Российской империи.

В. Н. Новосельцев,
доктор технических наук,
Москва

«Вопросы истории» выписывал в середине 70-х годов, будучи студентом исторического факультета. Читал статьи избирательно. Сложен был стиль изложения, отпугивал сухой академизм. В те времена журнал не давал ответы на многие волнующие вопросы исторического развития.

Вот уже второй год – опять подписчик вашего журнала. Что повлияло? – общий поворот в мышлении, повысившийся интерес к истории, пробудившееся национальное самосознание. Особенно интересуюсь проблемами нашей истории, ее «белыми пятнами». Импонирует демократизм журнала и его сочувствие к нашим бедам и проблемам. Меня интересуют многие вопросы и проблемы истории. С особой охотой читаю исторические портреты, статьи, раскрывающие неизвестные страницы советского периода. Материалы журнала использую в преподавательской деятельности. В частности, один из уроков построил на основании статьи академика М. П. Кима о периодизации социализма. Его же статья была обсуждена на факультативном занятии.

В. А. Кошель,
учитель, Минск

Я подписался на ваш журнал с 1989 г., но и до этого регулярно его читал. Читал, как говорится, с карандашом в руках.

Насыщенность журнала интересными материалами, мне как историку необходимыми,– причина подписки на «Вопросы истории».

Надеюсь, что журнал поможет стереть «белые пятна» истории. Очень желательно с позиций современности показать «воцарение» Сталина и методологию разрушения им ленинских основ социализма.

Хотелось бы, чтобы и факты, публикуемые в журнале, «не грешили перед истиной». Если сравнить оценку Павлика Морозова, которую дает ему А. В. Антонов-Овсеенко в публикации «Сталин и его время» («В И» № 3–89 г., с. 129–130) с публикацией В. Кононенко «Павлик Морозов: правда и вымысел» («Комсомольская правда» № 79 от 5/IV–1989 г.), то правда на стороне В. Кононенко.

Публикуемые материалы я использую в работе, выборочно, и как учитель-методист средней школы и как преподаватель вуза. Четкость материалов, их историческая достоверность этому во многом способствуют.

Форма публикаций, структура журнала и его рубрики меня удовлетворяют. Стоило бы все же иметь такую рубрику: «Новое в исторической науке» или «Истина восстановлена».

П. А. Верба,
кандидат исторических наук,
Москва

Я учусь на историко-филологическом факультете пединститута. Именно это и повлияло на мой выбор. Скажу откровенно, что у нас было довольно скептическое отношение к вашему журналу, но я рад, что оно постепенно меняется в лучшую сторону. Журнал стал немного интереснее, содержательнее.

Из политических портретов хотелось бы увидеть в вашем журнале самых знаменитых князей и царей (Владимир Святославич, Дмитрий Донской, Иван Калита, Иван III, Александр II).

У меня есть пожелание – откройте рубрику «История перестройки». Прошло всего 4 года, но за это время произошло очень много событий. Жду продолжения публикаций А. В. Антонова-Овсеенко, Н. Я. Эйдельмана, Р. Медведева именно в вашем журнале. В одной из передач «До и после полуночи» показали замечательные книги, изданные за рубежом, о дореволюционной России, о начале XX в. в России, Николае II. Хотелось бы увидеть подобные публикации в журнале. Напечатайте правду о П. А. Столыпине! Хотелось бы узнать быт России, быт народных масс в различные эпохи истории России.

Хотелось бы видеть и рубрику «Из публикаций прошлого», где начать печатать старейших наших историков – Карамзина, Костомарова, Ключевского, Семевского, Милюкова, Плеханова и многих других. Ведь именно вы должны были напечатать «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина!

Хотелось бы узнать о политических деятелях прошлого: В. В. Голицыне и его кружке (Медведев Сильвестр), Хворостинине, Ртищеве, М. М. Сперанском, о наших российских дипломатах А. Л. Ордине-Нащокине, Б. Шафирове, Булгакове; о недолгой, но, по сути, предреволюционной деятельности (предперестроечной) Ю. В. Андропова, причинах выдвижения К. У. Черненко, а главное, о борьбе, развернувшейся на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, о культовых и застойных наших лидерах Гришине, Алиеве, Кагановиче, Кунаеве. Очень хочется узнать, как и что преподают по истории в духовных учебных заведениях, о том, какова сегодня официальная точка зрения церкви на нашу историю; об истории культуры, философии, науки (А. Рублев, Вл. Соловьев, П. Флоренский, Кропоткин, М. Грек); о деятельности политических учреждений в России (суд присяжных, Учредительное собрание, Сенат, Боярская дума, Земский собор).

Напечатайте, пожалуйста, историю России А. Керенского (об этом сообщали в газете «Аргументы и факты» в конце прошлого года), мемуары Н. С. Хрущева. Почему бы именно вам не опубликовать кровавую историю Соловецкого монастыря, рассказать о начале истории христианства (Иисус Христос, Понтий Пилат); о становлении и развитии капитализма в России, об истории масонства в России, о становлении взглядов Бухарина, его роли в историческом процессе и теоретических воззрениях; об истории буржуазных и мелкобуржуазных партий в России; о деятельности эмигрантских (не только враждебных) организаций за рубежом, о дальнейшей судьбе царской фамилии.

Пока я учусь, но материалы журнала уже помогают мне в подготовке к семинарам, к экзаменам и, думаю, к курсовой работе тоже помогут.

Форма публикаций меня полностью удовлетворяет. Но мне кажется, что слишком много лишнего в рубриках «Историография» и «Хроника научной жизни». Они должны быть более содер-

жательны и затрагивать более важные вопросы.

А вообще я очень рад, что подписался на ваш журнал.

А. Ушаков,
студент, Ульяновск

На мое решение подписаться на журнал повлияла надежда, что история наконец будет летописной, а не конъюнктурной. Хотелось бы узнать правду о нашем далеком и недавнем прошлом. В первых трех номерах трудно отдать предпочтение каким-либо рубрикам — все интересно. Хотел бы прочесть статьи о подлинной истории Отечественной войны без прикрас и лакировки (пример — такие, как статья о камикадзе в № 3), истории освоения целины, афганской войны и др.

Поскольку моя специальность далека от истории (я инженер-механик), публикации вашего журнала нужны мне для расширения кругозора. Некоторые данные из вашего журнала я использую в своих докладах как пропагандист. Форма публикаций, структура и рубрики удовлетворяют меня вполне. Кроме меня, журнал читают: жена (химик), дочь (художник—модельер одежды), зять (машиностроитель).

В. И. Пашут,
старший инженер, пос. Фирсановка Московской обл.

Начавшееся на страницах журнала освещение «белых пятен» советской истории определило мое решение подписаться на него. Надеюсь, что это направление в журнале будет усиливаться и, может быть, даже станет преобладающим, что появятся статьи, в которых эти «пятна» будут закрываться не на популярном, а на подлинно научном уровне. Хотелось бы больше видеть в журнале материалов на темы, находящиеся на острие общественного интереса — пока, к сожалению, еще много таких материалов, которые, мне кажется, мало интересны большинству подписчиков. Если в конце года вы попросите читателей из всего перечня опубликованных за год материалов назвать наиболее интересные (по тематике), то сами в этом убедитесь.

А. Е. Павлюков,
социолог, Москва

На мое решение подписаться на ваш журнал повлияла реальная возможность узнать правдивую историю нашей страны и давний интерес к истории вообще. Что касается конкретно «Вопросов истории», то считаю, что он идет впереди других научных исторических журналов в объективном освещении прошлого.

Очень надеюсь, что вы не только не снизите «планку» публикаций, но будете стараться повысить ее, освещать и дальше «белые» и «черные» пятна нашей истории, публиковать работы зарубежных авторов (спорить с ними, но — публиковать!), материалы «круглых столов», диалоги, интервью с учеными, публицистами, писателями, документы.

Неплохо было бы подумать и о «Библиотеке» журнала «Вопросы истории» (как выходящая с этого года «Библиотечка» журнала «Вопросы философии»). Мне бы хотелось, чтобы журнал обратился к следующим конкретным темам: «красный» и «белый» террор во время гражданской войны; голод на Украине в 1932—1933 гг.; репрессии 20—50-х годов, причины, движущие силы сталинщины и брежневского застоя; что надо сделать, чтобы никогда не повторилось подобное, и т. п.

В. П. Працюк,
помощник районного прокурора, г. Бровары Киевской обл.

С этого года я выписываю ваш журнал, так что я один из тех 50 тыс. новых подписчиков, о которых говорится в анкете. Я давно хотел выписывать какой-нибудь исторический журнал, но этому мешали различные обстоятельства. Но вот, наконец, я исполнил свое намерение и надеюсь, что редакция журнала прислушается к моим пожеланиям.

Меня интересует вся русская история до XX в., но в первую очередь исследования и открытия, осуществленные русскими в XVIII—XIX вв. в Тихом океане и Русской Америке, особенно деятельность Российско-американской компании в освоении Аляски и Калифорнии. 90% изданий по этим вопросам являются дореволюционными, и достать их очень сложно. Если можно, прошу вас увеличить объем публикаций по этим темам.

Структура журнала меня удовлетворяет, единственная просьба — кроме непосредственно публикаций, по ходу текста давать карты, схемы и портреты исторических деятелей или же делать это в виде вставок, объединяющих все дополнения на двух листах в середине журнала. Думаю, что высокая цена журнала позволяет это сделать.

Судя по трем первым номерам, журнал хороший. Думаю оформить заранее подписку на 1990 год.

С. Клочков,
Ленинград

Хотя я подписался на «Вопросы истории» только в этом году, тем не менее я систематически просматривал издание

в прежние годы и не могу не отметить его растущей популярности и актуализации публикуемых материалов. А выступление редакционной коллегии журнала по телевидению, в котором было сообщено о новом направлении редакционной политики, окончательно убедило меня стать вашим читателем.

Надеюсь, что журнал будет активно содействовать перестройке исторической науки, предоставит свои страницы для молодых и мало публикуемых советских и зарубежных историков, включая и «альтернативных». Особенно интересны темы, касающиеся отечественной истории XIX и XX вв., плохо освещенные советской историографией времен застоя,— «белые пятна».

Осмелюсь дать непрофессиональный совет. Думаю, что целесообразно было бы продолжать публикации о периоде сталинизма, но в несколько ином, исследовательском масштабе. Конечно, у историков еще не выработана целостная концепция по этому периоду, но считаю, что после опубликования работ Д. А. Волкогонова, Р. А. Медведева, А. В. Антонова-Овсеенко и (обещанного в «Неве») Р. Конквеста не стоит дублировать эти публикации. Может быть, перспективнее обратиться к темам региональной истории этого же периода, очерков развития сталинского репрессивного аппарата, истории Коминтерна и дипломатии СССР в 30—50-х годах. Перечисленные выше общетематические работы могут быть рецензируемы под рубрикой «Историография», что помогло бы широкому читателю ориентироваться в нарастающем потоке публикаций. Советовал бы вам публиковать отдельные доступные материалы архивов, сопроводив их соответствующим комментарием, как это делается в «Известиях ЦК КПСС».

Появление в журнале публицистики А. В. Антонова-Овсеенко и письма Р. Конквеста свидетельствуют о реальном плюрализме научных мнений и может только приветствоваться. Актуальны были бы повторные публикации по региональной истории Прибалтики, Украины, Кавказа и Закавказья, которые сейчас недоступны широкому читателю. Понятно, что «Вопросы истории» лимитированы объемом, но к лицу ли литературно-публицистическому журналу печатать карамзинскую историю?

«Вопросы истории» помогают быть в курсе текущих исторических исследований, определять порог гласности в среде советских историков. Очень полезен раздел «Новые книги». Наиболее интересными рубриками считаю: «Исторические портреты», «Воспоминания», «Трибуна молодого историка», «Люди, события, факты», «Историческая публицистика», «Письма в редакцию».

А. А. Папчинский,
работник Ленинградской студии документальных фильмов

На мое решение подписаться на ваш журнал повлияло желание изучать историю. Журнал мне помогает в подготовке к экзамену по истории. Я выписала, кроме этого, и другие журналы, но «Вопросы истории» мне больше всего нравятся, т. к. все написано доступно, его могут читать и не специалисты. Хочется выразить уверенность, что журнал и в дальнейшем будет публиковать интересные и новые материалы. Надеюсь, что вы развернете широкую пропаганду журнала — ведь многие просто не знают о его существовании, а он очень познавателен. Я тоже выписала его, как «кота в мешке», а теперь очень довольна и всем советую выписать.

Хотелось бы большего разнообразия в тематике публикаций. Меня интересуют такие темы: история каменного и бронзового веков, скифы и сарматы, отдельные вопросы этнографии, история Европы III—VII вв., древние славяне, язычество на Руси, Киевская Русь, внешние связи Древней Руси, монголо-татарское нашествие, эпоха царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II (спасибо за статью А. Б. Каменского!), средневековье в Скандинавии, история Африки и Латинской Америки, Февральская революция, эпоха сталинских репрессий, советские разведчики, продажа русских ценностей за рубеж, иностранные граждане в сталинских лагерях, история патриаршества, генеалогия дворянских родов, история образования и развития Москвы и многое другое.

Вполне меня удовлетворяют и форма публикаций, и журнальные рубрики. Единственно, не очень нравятся рубрики «Историография» и «Хроника научной жизни». Историографию, мне кажется, нужно сократить, лучше печатать другие материалы на этом месте.

Е. Касьянова,
служащая, Москва

Я подписался на журнал, увидев, что он действительно пытается дать движение исторической науке, долгое время топтавшейся на месте, в кругу одних и тех же идей и представлений. Конечно, я ожидаю освещения на страницах журнала «белых пятен» истории. Но этого ждут, на мой взгляд, все читатели журнала. Мне лично хотелось, чтобы журнал больше рассказывал о людях нашей науки, чтобы на его страницах были представлены творческие портреты советских и зарубежных историков, чтобы публиковались дискуссионные материалы.

В своей научной и пропагандистской работе я использую материалы вашего журнала особенно за последний год.

Ю. Ф. Иванов,
кандидат исторических наук, Москва

Меня волнует, каким будет ваш журнал. Впервые я подписалась на журнал «Вопросы истории» в 1989 году. Увлекаюсь историей, собираюсь поступать в вуз, на исторический факультет. По телевидению случайно услышала о том, что будет публиковаться в 1989 г., и это меня заинтересовало.

Наиболее интересными мне кажутся рубрики «Исторические портреты» и «Историческая публицистика». Надеюсь при подготовке в вуз использовать материалы вашего журнала, в частности статью А. В. Антонова-Овсеенко о Сталине, так как никаких учебников, новых пособий по истории нет. Хотелось бы, чтобы и другие вопросы, пересматриваемые сейчас (например, о коллективизации, индустриализации и другие), освещались на ваших страницах в ближайшее время.

Что касается структуры журнала, то она меня не совсем удовлетворяет. Может быть, начать публиковать исторические повести, ввести рубрику о различных курьезах в истории; печатать анекдотичные случаи из жизни великих людей прошлого?

В. Мартынюк,
машинистка, пос. Заря
Балашихинского р-на Московской обл.

Встреча с редколлегией вашего журнала в Политехническом музее, показанная по телевидению, информация о предстоящем опубликовании работы К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.» — вот что заставило меня подписаться на «Вопросы истории».

Я бы поддержал работу журнала по следующим направлениям: участие в восстановлении и развитии культуры исторического мышления; содействие укреплению интернационализма в национальном самосознании народов СССР; анализ исторических альтернатив на переломных этапах истории; методология такого анализа.

Возможно, стоило бы периодически формировать отдельные номера по тематическому принципу. Кроме того, не могу не заметить, что жаль тратить драгоценные страницы журнала на опубликование работ, не представляющих значительного интереса. Хотелось бы, чтобы со временем журнал стал органом оригинальной исторической школы, обладающей ярко выраженным своеобразием стиля мышления.

В. С. Кржевов,
преподаватель философии,
Москва

Раньше я журнал «Вопросы истории» не читал. Думал, что он только для научных сотрудников. Сейчас в нашем районе его читают почти все учителя истории средних школ. Он стал настольной книгой в школьном кабинете истории. Его с интересом читают ученики 9—10 классов. Особенно им нравится рубрика «Исторические портреты», «Историческая публицистика».

Меня и моих коллег интересуют «белые пятна» истории советского общества: причины сталинщины, застоя советского общества в 60—70-е годы.

Было бы хорошо, если бы в «Вопросах истории» появилась рубрика «В помощь учителю истории средней школы».

Поскольку журнал приобретает популярность среди широких читательских кругов, думаю, статьи должны носить более популярный характер, доступный даже для школьника.

З. И. Лотоцкий,
учитель истории Осовецкой
средней школы Бучачского района
Тернопольской обл.

Я считаю, что основной объем чтения — особенно в настоящее время — должны составлять документальные работы (мемуары, исторические труды и пр.). И я давно хотел выписывать исторический журнал, но ни один из них до самого последнего времени меня не удовлетворял. С глубокой завистью и сожалением смотрю в букинистических магазинах на журналы «Русский архив» и «Русская старина». Однако в этом году я выписал «Вопросы истории», узнав из прессы, что редколлегия вознамерилась перестраиваться.

Меня как читателя интересует получение максимального количества фактического знания, максимально объективно и литературно умело изложенного, снабженного справочным аппаратом. Предпочтение отдаю истории России XVIII—XX вв., однако все остальное — интересно изложенное — также читаю с охотой.

Пока я получил лишь три номера вашего журнала. Могу кратко сформулировать первые впечатления. Дилетанту читать можно и нужно журнал выборочно, хотя все рубрики представляют в принципе интерес. По моему мнению, журнал пока от старого не ушел до конца. Понравилось в первых трех номерах: Письма в редакцию, Рональд Рейган, воспоминания В. Н. Новикова, статья В. В. Поликарпова, Екатерина II и Конфуций, камикадзе. Очень не понравилась статьи Ю. Н. Афанасьева и С. Ф. Блуменау о Французской революции. Это то, что у нас называют литературным обзором, т. е. компиляцией из опубликованных работ. А где свои идеи, подходы, новые документы? И потом — тандем ректора московского вуза и преподавателя из провинции выглядит несколько двусмысленно (даже если последний являлся его студентом или аспирантом). Не понравился опус А. В. Антонова-Овсеенко. У автора есть все основания плохо относиться к Сталину, но ученый не должен писать в таком злобном тоне, а журнал публиковать такое. Совершенно отсутствуют ссылки (кроме общеизвестных — на Полное собрание сочинений В. И. Ленина, материалы съездов и т. п.), посылки и выводы безосновательны и откровенно эмоциональны. Это «творение» в академическом журнале — не смотрится. На мой взгляд, конъюнктурно желая побыстрее принять участие в осуждении сталинщины, редакция закрыла глаза на откровенно низкое, примитивное качество этой работы.

Было бы больше толку от работы Р. А. Медведева или любой другой — но с фактами, с документами, ссылками, объективно написанной. В этой связи хочу пару слов сказать о воспоминаниях В. Н. Новикова. В новинку это читается интересно, но — по существу — в них больше «воды», чем фактов. Нужно строже отбирать такого рода материалы, прежде всего с точки зрения концентрации фактов.

Я отнюдь не жалею, что подписался на ваш журнал, но очень надеюсь на улучшение его в ближайшем будущем.

С. А. Арнаутов,
кандидат химических наук,
Москва

У меня есть некоторые предложения по улучшению журнала «Вопросы истории».

Свои усилия редакция должна ориентировать прежде всего на разрушение мифов, на которых покоится мировоззрение большинства наших обывателей, как дипломированных, так и просто грамотных. Эти мифы, с моей точки зрения, суть следующие:

О дореволюционной России (большинство населения почти ничего не знает о России, кроме того, что до революции было деспотическое самодержавие и зверское крепостное право; люди не подозревают, что корни большинства наших нынешних проблем уходят в глубины отечественной исторической традиции); об общественных движениях в России вообще, о Ленине и Октябрьском перевороте в частности, о второй мировой войне, в том числе о причинах возникновения национал-социализма в Германии, о его движущих силах и особенно о пособниках, создавших благоприятную обстановку для захвата власти фашистами; о преимуществах и недостатках социалистического строя (хотя бы тот недостаток, что при государственно-бюрократической системе, созданной Сталиным, потери от малокомпетентного руководства и бесхозяйственности в экономике превышают прибавочную стоимость, которую присваивают себе капиталисты в странах Запада); о самих себе как о народе, о своем месте и роли в мире, о старых и новых мессианских бреднях, вводящих в заблуждение наших обывателей и вызывающих настороженность и недоверие у остального мира.

Журнал «Вопросы истории» должен способствовать трансформации мировоззрения советского человека от мифологического к научному. Только в таком случае наш народ сможет адекватно ориентироваться в окружающем мире, сможет выработать подлинные фундаментальные ценности, которые обеспечат его будущее.

Мне кажется, что было бы неплохо, если бы редакция журнала несколько больше акцентировала свое внимание на освещении периода нашей отечественной истории, начиная от революции 1905 г. и до конца нэпа. Это самое обширное «белое пятно» в нашей истории. Образовываться оно начало в конце 20-х годов и окончательно оформилось в 1938 г. с выходом в свет краткого курса «Истории ВКП(б)», где были произвольно расставлены исторические вехи в соответствии с личными вкусами и притязаниями Сталина и его окружения. Это превратило нашу историческую науку в мифологию, а всех наших честных историков в самых несчастных людей в мире. Ибо убеждать других людей вопреки фактам в том, во что сам не веришь,— это дьявольская пытка. Разумеется, если человек не совсем потерял совесть.

Еще лет 20—30 тому назад в магазинах антикварной книги можно было приобрести литературу, изданную при жизни Ленина, то есть до 1924 г. и до конца 20-х годов. Это были интереснейшие книги, написанные по горячим следам двух бурных десятилетий: о России в период между революцией 1905 г. и первой мировой войной, о времени между Февралем и Октябрем, о гражданской войне. Встречалось довольно много мемуарной литературы, написанной революционерами и политкаторжанами, воспоминания бывших политических деятелей царской России, генералов, лидеров политических партий. Но все это стало библиографической редкостью.

Из этой литературы отчетливо вырисовывалась совсем иная историческая панорама того периода нашей истории, чем та однобокая и примитивная схема, которую начали вычерчивать после выхода в свет «Краткого курса». При этом из употребления историков были изъяты все краски, кроме белил и дегтя, многие крупные и среднего масштаба деятели революции и гражданской войны вообще были вычеркнуты из «книги живших» (как будто бы их никогда и на свете-то не было), других густо вымазали сажей. Даже из членов старой большевистской гвардии героями оказались те, кто в революцию и гражданскую войну стали ближайшими приспешниками Сталина, все остальные оказались врагами народа или иностранными шпионами. Четко начала просма-

триваться целенаправленная тенденциозность в изображении лиц и событий. При чтении это порождало массу недоуменных вопросов, на которые невозможно было найти вразумительного ответа.

В книгах, изданных при Ленине, события и люди предстают совсем в другом свете, живые во плоти, со всеми своими сильными сторонами и слабостями, с ошибками и заблуждениями. В той литературе и меньшевики с эсерами изображены не такими уж отпетыми негодями, а умеренными революционерами, установившими Советскую власть на периферии: в Поволжье и Сибири, на Урале и в Закавказье. И бывшие царские генералы с офицерами вырисовываются не такими уж мракобесами: в массе своей они были убежденными противниками реставрации прогнившей монархии и стремились лишь установить буржуазно-демократическую республику.

Интересны также мемуары бывших деятелей четырех Государственных Дум, Февральской революции, историков и публицистов: М. Родзянко, А. Керенского, В. Шульгина, Б. Савинкова, П. Милюкова, М. Лемке, В. Сухомлинова, Ф. Дана, А. Деникина и мн. др. После гражданской войны прожив в эмиграции десятки лет, они оставили богатейшую историческую и мемуарную литературу. И не воспользоваться ею нам просто грешно. Тем более, что многие из них освещают события с социал-демократических позиций. Они очень своевременно и точно уловили надвигающуюся зловещую тень сталинского тоталитаризма. Редакции журнала нужно использовать эти материалы в своих публикациях, значительно расширив разделы «Исторические портреты», «Воспоминания» и «Люди, события, факты», для полноты и объемности исторической панорамы того периода помещать материалы об общественных движениях и деятелях, которые стояли не только по эту, но и по ту сторону баррикад. А тем более о тех, которые в сложной обстановке того времени метались между двух огней, боясь возврата к старому режиму, с одной стороны, и максимализма — с другой. Журнал «Вопросы истории» толстым назвать нельзя, по объему он скорее средний. Для того, чтобы сделать его толстым, нужно к нему добавить 2—3 печатных листа, именно для расширения вышеупомянутых разделов.

Необходимо, по моему мнению, повысить информационную нагрузку и беллетристический уровень журнала, чтобы он стал более литературным (если хотите, художественным), по примеру дореволюционного «Исторического вестника». При написании трудов историками следует больше пользоваться обычными словами и меньше так называемыми научными терминами, проще излагать свои мысли. Ведь давно уже замечено, что сложно мыслят (а стало быть, и пишут) не от большого ума, а скорее от его недостатка.

Ю. М. Юрченко
Харьков

Я решила подписаться на ваш журнал осенью 1988 г., в разгар «подписочного кризиса», услышав по телевидению, что вы собираетесь печатать книгу А. В. Антонова-Овсеенко о Сталине.

Его книгу «Портрет тирана» я прочла в начале 80-х годов и впечатление было ошеломляющее. Многое из того, что я в детстве слышала от своих родителей, и то, что за 25 лет (с 1956 г.) я знала сама, подтвердилось. А многое в ней было настолько смело и откровенно, что становилось страшно. Во всяком случае, все, что мы прочли о Сталине и сталинщине после 1985 г., повторяет, по-моему, в той или иной мере факты, приведенные в книге Антонова-Овсеенко.

Теперь я с удовольствием еще раз читаю его книгу в вашем журнале и думаю, что так же ее будут читать мои внуки (дети мои читали ее вместе со мной в 1980—1981 гг.). Я надеюсь, что ваш журнал будет продолжать печатать такие же злободневные материалы.

С интересом мы прочли «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.» К. Маркса, очерк о Екатерине II, «Российский буржуазный либерализм», «Бела Кун», «В годы руководства Н. С. Хрущева». Так что с удовольствием читаем ваш журнал и рады, что подписались на него, хотя ни я, ни остальные члены моей семьи историками не являемся. Один знакомый нашей семьи (вернее, дальний родственник) после прочтения трех номеров вашего журнала снял со стены портрет Сталина. А это уже много!

Маркова,
учитель литературы
на пенсии,
Москва

ПОГОВОРИМ О ГЕРОЯХ

Вышел в свет т. 2 краткого биографического словаря «Герои Советского Союза» (М. Воениздат. 1988, 862 с.). В «Правде» 11 января 1989 г. была опубликована беседа с председателем редколлегии этого издания — генералом армии И. Н. Шкадовым. Но и после этого ни слова не хотелось бы менять в оценке словаря, сложившейся у меня после чтения 1-го тома.

Лишь «с учетом высказанных пожеланий,— говорит Шкадов,— во втором томе опубликован список сорока Героев Советского Союза — граждан зарубежных стран». Следовательно, даже список печатать не собирались! Герои Советского Союза Джибелли, Захариев, Ибаррури удостоились лишь сведений о дате награждения. Неполноценность справки об Э. Шахте подчеркивается отсутствием фото, помещенного лишь в конце тома среди фотографий, не найденных вовремя. К тому же в словаре сообщается, что Шахт «умер в 1941 г.», хотя, по словам Шкадова, «с учетом решений по реабилитации наших соотечественников — Героев Советского Союза, незаконно репрессированных в 30-е — 50-е годы, уточнены формулировки их гибели».

Не могу судить, сколько Героев Советского Союза вообще не упомянуто в словаре, но о некоторых скажу. Вопрос о восстановлении в этом звании И. Добробабина уже ставился на страницах «Правды». Биографическую справку о С. С. Варенцове, маршале артиллерии (до отставки) можно найти в 3-м издании Малой Советской энциклопедии (стб. 144). Об убийце Л. Д. Троцкого до недавнего времени вообще не писали, но за последнее время появился ряд публикаций о Р. Меркадере в периодических изданиях. Золотую звезду из рук М. И. Калинина получила мать Меркадера. После выхода из мексиканской тюрьмы он приехал в СССР, получил дубликат награды, которую и носил, работая в партархиве. Со звездой на груди видели Меркадера и в нашей библиотеке. Однако сейчас высказываются сомнения в наличии такого «героя».

Что и говорить, сложно было составителям словаря. Вызывает, например, изумление, почему изображение (даже не фото, а портрет) Генералиссимуса, отправившего на смерть миллионы своих соотечественников, уничтожившего цвет собственной армии и ввергнувшего страну перед Великой Отечественной войной в «дружбу» с фашистской Германией, открывает одну из страниц «Героев Советского Союза». И это через 30 лет после XX съезда партии.

Надеюсь, что рано или поздно мы увидим новое издание словаря «Герои Советского Союза» — более научное. Это будет не свод канонизированных «лучших людей» («Ими гордится страна!»), а обычный тематический биобиблиографический словарь, в котором будут указаны точные формулировки о мотивах награждения (из Указов), биографические сведения, включая сведения о лишениях и возвращениях звания Героя Советского Союза, перечислены преступления и заслуги Героев, если таковые есть. И все биографические справки о всех героях будут даны в едином алфавитном ряду. Люди в состоянии самостоятельно разобраться, кому из Героев оказать уважение — разведчику Р. Зорге, или политическому убийце Р. Меркадеру, государственному преступнику И. В. Сталину, или расстрелянному в октябре 1941 г. дважды Герою Я. В. Смушкевичу, четырежды Герою Л. И. Брежневу или четырежды Герою Г. К. Жукову...

А. Я. Разумов (Ленинград)

ИЗУЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЛЕДУЕТ ПРОДОЛЖАТЬ

В 1988 г. в № 7 журнала опубликована статья В. К. Волкова и Л. Я. Гибианского «Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность». Я также занимаюсь историей югославо-советских отношений. Статью я прочитал с большим интересом, так как, если не ошибаюсь, она представляет собой первую научную работу, где советские историки обращаются к таким темам отношений между Югославией и СССР после второй мировой войны, которые до недавнего времени замалчивались в советской исторической литературе. Это «белые пятна», о которых сейчас у вас много говорится. В истории югославо-советских отношений это прежде всего конфликт 1948—1953 гг., рассмотрению которого в статье уделяется наибольшее внимание. Этот факт, а также тот подход к анализу подобных явлений, который характерен для статьи В. К. Волкова и Л. Я. Гибианского, для меня представляет одно из значительных свидетельств того, что процесс перестройки в Советском Союзе развивается и в исторической науке.

В Югославии много написано о конфликте 1948 г., опубликовано немало документов, однако остается еще много того, что должно быть конкретно разработано в профессиональной исторической литературе. Позитивно, что теперь в такое изучение включаются и советские историки, отбрасывая искусственные, ложные конструкции, возникшие в сталинское время и во многом продолжавшие поддерживаться и в последующий период. Позитивно и то, что предпринимаются совместные усилия историков двух стран в рассмотрении этой проблематики. Я имею в виду состоявшийся в декабре «круглый стол» югославских и советских ученых. Он был посвящен рассмотрению политических уроков конфликта. Как я знаю, в этом

«круглом столе» участвовали и оба автора статьи. Такое сотрудничество должно быть продолжено и оно является плодотворным. По-моему, особенно важно изучение еще неизвестных архивных материалов, которые могут разъяснить конкретные детали событий 1948 г., того, как созревал и начинался конфликт. Мое внимание привлекло то обстоятельство, что в статье используются некоторые материалы из советских архивов. Но, как отмечается в статье, основная советская документация пока еще недоступна историкам. Мне кажется необходимым, чтобы ученые могли ознакомиться с этими документами, тщательно их рассмотреть, реконструируя истинную историческую картину.

Принимая во внимание то, что данная статья является первой, я полагаю, что в следующих работах советские авторы более подробно остановится на некоторых вопросах, затронутых пока только в общем плане. В частности, рассматривая развитие сотрудничества, осуществлявшегося между Югославией и СССР в период, предшествовавший 1948 г., В. К. Волков и Л. Я. Гибианский отмечают и то, что в практике отношений между двумя странами «встречались и отдельные шероховатости, сложности по конкретным вопросам» (с. 7). Но эти сложности подробно не рассматриваются, приводится лишь один пример, связанный с реакцией Сталина на результаты встречи Тито – Димитров на Бледе 30 июля – 1 августа 1947 года. Между тем в югославской историографии указывалось и на другие осложнения, имевшиеся тогда в югославо-советских отношениях, в том числе и со времени войны.

Было бы интересно познакомиться с тем, как анализируют эти вопросы советские специалисты, тем более, что в вышедшей в 1987 г. книге «Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг.», написанной одним из авторов статьи – Л. Я. Гибианским, об этом говорится частично и только по периоду войны. Мне кажется очень интересной и данная в статье характеристика советско-югославских отношений с середины 50-х годов и в последующий период, в частности то, что советская критика программы СКЮ, принятой в 1958 г., оценивается, насколько я понял, как рецидив прежних привычек, унаследованных от сталинского периода. Я надеюсь, что и последующих трудах советских коллег и эта проблема также будет освещена более подробно.

д-р Растислав Терзиоски,
научный советник,
Институт национальной истории,
г. Скопье — СФРЮ

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

В газете «Правда» имели место в прошлом году своего рода дебаты о происхождении «холодной войны». Что мне не нравится, так это повышенная тональность полемики.

Мне представляется, что задача не в том, чтобы определить, кто виноват: это означало бы лишь попытку соскользнуть назад к «холодной войне». Задачей является разъяснить общественности прежде всего, что мы называем «холодной войной», и, во-вторых, какие формы она приняла и что ее вызвало. Дело в том, что «холодная война» это не одна, а две войны: одну вели США, другую – Советский Союз. В моем понимании, обе стороны полагали, что у них были достаточные основания, чтобы занять те позиции, которые они заняли, возможно, не только по причине просто взаимного недопонимания, но и из-за почти совершенного взаимного непонимания, «Цели» были яснее, чем средства их достижения; просчеты были колоссальные – последствия дорого обошлись.

Предлагаю же я беспристрастно изучить критический период и восстановить те события, которые повлияли на развитие «холодной войны» с 1945 г. до смерти Сталина, возможно, включая попытки послесталинского правительства положить конец холодной войне, кульминацией которых являются Женевские договоренности. Американское мышление в духе холодной войны может быть проиллюстрировано публикацией нескольких основных документов, таких, как статья Джорджа Кеннана, подписанная «Mr. X», и значительные выдержки из директивы по национальной обороне (NSO-68), составленной Полем Нитце и одобренной Трумэном. Эти документы имеют гораздо большее значение в данном конфликте, чем те, которые упомянуты советскими историками в «Правде». И, конечно, должны быть вполне благожелательно обсуждены действительные события, которые способствовали атмосфере холодной войны в США и в Советском Союзе.

Идеальным решением была бы совместная американо-советская статья, в которой два честно мыслящих историка обозрели прошлое с целью понять – и объяснить читателям нашего журнала – причины и ход холодной войны.

Владимир Петров,
эмеритальный профессор
Университета Дж. Вашингтона
(США)

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР

10 апреля 1989 г. состоялась годичная сессия Общего собрания Отделения истории АН СССР. С докладом «Итоги работы Бюро и учреждений Отделения истории в 1988 г. и основные задачи дальнейшей перестройки исторической науки» выступил академик-секретарь Отделения акад. И. Д. Ковальченко.

Участники прений по докладу остановились на плюсах и минусах работы Отделения в истекшем году. Прежде всего подчеркивалось, что Бюро недостаточно вникает в деятельность учреждений Отделения. Неясно, какие конкретно исследования выполняются по основной тематике комплексных программ. Фундаментальные труды почти не выходят. Не решен вопрос о т. 12 многотомной «Истории СССР» и об однотомнике по советской истории. Необходимо срочное участие учреждений Отделения в переиздании устаревших Советской исторической энциклопедии и ряда других справочников. Отделение не проявляет инициативы в постановке вопроса о подлинной доступности архивов, в первую очередь по истории советского общества и проблемам международных отношений, без чего тормозится вся работа по этой тематике. До сих пор сохраняется неоправданный запрет изучать и освещать некоторые острые вопросы (македонский, трансильванский, отдельные стороны польско-советских отношений и пр.).

От Бюро требовали подходить к науке как к саморазвивающейся системе с отказом от навязывания ей нормативных установок; шире ставить исследование методологических проблем (теория социально-экономических формаций, теория цивилизаций, альтернативность в историческом процессе); активнее поддерживать развитие некоторых едва ли не угасающих отраслей науки (вспомогательные исторические дисциплины, византинистика, древняя ориенталистика и пр.); взять на себя заботу о всех работающих в системе АН СССР историках, включая находящихся в других ее отделениях; поощрять становление различных творческих направлений и конкретных школ в исторической науке; ставить на конкурс не только проекты исследований, но и совпадающие предложения разных авторов.

Было бы целесообразно издавать оперативно сборники лучших статей по актуальной тематике из журналов Отделения; организовать ежегодный День историка, в который специалистам встречаться с самыми широкими кругами общественности; добиться перестройки системы финансовых надбавок так, чтобы она действительно стимулировала научный прогресс; публиковать документы о планировании и исполнении бюджетов Отделения и его учреждений; потребовать от президиума АН СССР и его управлений иного подхода к финансированию работ, связанных с международными обязательствами, поскольку сейчас почти не обеспечиваются зарубежные командировки и не отпускаются средства на поддержание международных связей.

Главной формой исследовательской деятельности должны стать организуемые учреждениями Отделения дискуссии с последующей постановкой вытекающих из них научных задач, на основе поощрения плюралистического подхода к проблематике на базе общей марксистско-ленинской методологии. Советскую науку нужно рассматривать как составную часть всемирной и отказаться от мысли, будто марксизм и вообще подлинная историческая наука могут развиваться только в социалистических странах. Учреждениям Отделения порой не хватает высокой нравственной атмосферы, а у ряда их сотрудников низок уровень общекультурного развития. До сих пор не удалось добиться перестройки в издательском деле, публикация исследований очень осложнилась, настоящего контакта с издательством «Наука» нет. Ощущается острая необходимость вернуть ученым советам учреждений Отделения право аттестации и переаттестации научных сотрудников. Нужно изменить самый характер годичных сессий Общего собрания Отделения с тем, чтобы на них в первую очередь характеризовались новые идеи и новые научные открытия с учетом их значения для прогресса мировой науки, а не организационные и т. п. вопросы при всей их важности.

Подытоживая прения, И. Д. Ковальченко отметил, что учреждения Отделения не анализируют свою работу по-новому и ограничиваются представлением в Отделение традиционных отчетов. Вызывает серьезное беспокойство невысокая активность ряда специалистов по истории

советского общества в постановке и решении проблем 1946–1985 годов. В связи с постоянно возникающими спорами о том, что сегодня актуально, следует понимать, что актуальной может быть любая серьезная тема, исследованная на высоком научном уровне. Одна из неотложных задач состоит в том, чтобы поднять повседневную рабочую дисциплину, явно слабую во всех учреждениях Отделения.

По докладу и прениям сессия приняла постановление, в котором констатируется, что «работа Отделения и его учреждений пока является недостаточной для осуществления перестройки в исторической науке». Мало выдвигается новых концептуальных подходов и решений в освещении важнейших явлений и процессов исторического развития, особенно по истории советского общества. Многие стороны и события этого развития не охвачены исследованиями. Их теоретико-методологический и научно-методический уровень, научно-познавательная и практическая значимость повышаются медленно. В институтах недостаточно активно идет процесс определения новой актуальной проблематики исследований. Научные советы Отделения еще не превратились в центры, определяющие приоритеты исследований и осуществляющие экспертную оценку исследовательских проектов. В научных коллективах не изжиты самоуспокоенность, благодушие, выжидательная пассивность, стремление уйти от решения острых научных проблем. В учреждениях Отделения отсутствует практика проведения конкурсов проектов разработки актуальной тематики. Крайне ограничено участие ученых Отделения в освещении актуальных вопросов прошлого на страницах массовой печати, по радио и телевидению.

В постановлении намечены мероприятия, нацеленные на исправление отмеченных недостатков.

На том же заседании было сообщено об итогах работы Комиссии по присуждению академической премии имени Б. Д. Грекова (1989 г.). Большинством голосов выражено согласие наградить этой премией доктора исторических наук А. Г. Манькова за серию работ по истории крепостного права в России XVII века.

* * *

11 мая на заседании Бюро Отделения с научным докладом «Деформации и кризисы в развитии социалистических международных отношений (на материале европейских социалистических стран)» выступил директор Института славяноведения и балканистики АН СССР В. К. Волков. Как он подчеркнул, термин «деформация» означает искажение образца. Поскольку никаких прецедентов образцовых социалистических международных отношений в жизни ранее не было, то речь должна идти об отклонении от идеала, о противоречиях между существовавшими на этот счет теориями и сложившейся практикой. Но проблема идеальных международных отношений тоже не нашла развития в марксистской мысли. Классическое наследие дает здесь лишь основные отправные пункты. Получили распространение принципы самоопределения народов, их равноправия и предупреждения гегемонистских тенденций. На этих позициях стоял В. И. Ленин, и они вошли затем в Программу Коминтерна, созданную в 1928 году. Однако конкретное историческое развитие пошло по иному пути.

Содружество социалистических стран в Европе возникало на заключительном этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Определяющую роль в становлении конкретных отношений между ними сыграл СССР, в котором уже утвердились командно-административная система и культ личности Сталина. Отсюда – активное освоение ими советского опыта именно в тогдашних его формах. Сложившиеся между этими странами отношения были закреплены двусторонними договорами и многосторонним Варшавским Договором 1955 г., а также созданием Совета экономической взаимопомощи в 1949 году. Эта структура союзнических отношений в основном сохраняется до сих пор. Они несли на себе печать как позитивных, так и негативных черт (догматизм, сектантство, тезис о руководящей роли ВКП(б) в международном коммунистическом движении). Это наследие было приспособлено к послевоенным условиям деятельностью Коминформбюро. Сталинские догмы самым отрицательным образом сказались и на практике внутриполитического развития социалистических стран, и на их межгосударственных отношениях, а сфера внешней политики оказалась отчуждена от общества и превратилась в поле деятельности руководящих лиц. Культивируемая такой системой авторитарная практика шла вразрез с идеалами социализма и стала питательной средой для конфликтов в развитии содружества социалистических государств.

Кризис 1948 г., вызванный разрывом отношений между СССР и Югославией, возник как столкновение интересов советской и югославской командно-административных систем и двух культов личности – Сталина и Тито. Коминформбюро послужило орудием интернационализации этого конфликта. Начались грубые нарушения суверенитета стран социалистического содружества и насаждение в них советской общественно-политической модели, что привело к серьезной дискредитации идей социализма и международного авторитета СССР. Нормализация отношений СССР с Югославией осуществилась уже в ходе первой волны десталинизации. Отличительная черта советско-югославских документов 1955–1956 гг. – подчеркивание значения общедемократических норм международного права в отношениях между социалистическими государствами, что положило начало новому этапу социалистических международных

отношений, но еще не затронуло глубинных корней деформаций.

В дальнейшем советско-югославские отношения имели маятниковый характер, сохраняя роль экспериментального поля, на котором отрабатывался политический механизм, нацеленный на то, чтобы не доводить возникавшие противоречия до кризисного состояния. Однако этого не удалось достичь во время политических кризисов 1956 г. в Польше и Венгрии. Советско-китайский конфликт на рубеже 50–60-х годов способствовал открытому проявлению накопившихся ранее противоречий, привел к самоизоляции Албании от социалистического содружества и ее односторонней ориентации на сотрудничество с Китаем и к особой позиции румынского руководства по ряду международных проблем. Открыто проявились скрытые дотоле национально-территориальные противоречия между отдельными социалистическими странами (македонский вопрос, трансильванская проблема, позднее – китайско-советские и китайско-вьетнамские споры и конфликты), обострились национальные противоречия в Югославии и Чехословакии. Однако в 60-е годы социалистическое содружество еще демонстрировало значительное единство действий на международной арене.

События 1968 г. в Чехословакии явились первой серьезной попыткой демонтажа командно-административной системы и создания новой модели социализма. Совместная военная акция пяти социалистических стран, нарушившая суверенитет Чехословакии, положила конец этой попытке. Обоснование военной акции органами массовой информации открыло для западной пропаганды возможность создать пропагандистское клише в виде «доктрины Брежнева» (идея ограниченного суверенитета), которое доныне используется для нападок на принцип пролетарского интернационализма и положение о «коллективной ответственности за судьбы мирового социализма». О недопустимости применения силы в отношениях между социалистическими странами советская сторона заявила только во время визита М. С. Горбачева в Югославию (март 1988 г.).

Теоретическое освещение двух рядов закономерностей развития социализма как общественного строя и как мировой системы заложило в конце 60-х годов новую методологическую основу для изучения социалистических международных отношений. Но в период застоя командно-административная система оказалась невосприимчива к новой теории. Упрочился иммунитет по отношению к чужому опыту и новому реальному знанию. Отсюда – бедность советской историографии по данной проблеме. Между тем вопрос о деформациях и кризисах имеет актуальнейшее политическое значение. Это еще раз резко проявилось во время кризисных событий 1980 г. в Польше. Сегодня уже прошли времена, когда историческая наука была вынуждена выполнять социальный заказ командно-административной системы. Бесконфликтное изображение прошлого нанесло ущерб практической деятельности и работает ныне против социалистических стран, их национально-государственных интересов. Дальнейшее пренебрежение этой тематикой в общих и специальных исследованиях стало для советской историографии невозможным.

В ходе прений по докладу высказывались несовпадающие точки зрения. Одни выступавшие отмечали, что ныне исчезла идея «коллективной ответственности за судьбы социалистических стран» и что в каждой из них ответственность за ее судьбу несет в первую очередь правящая партия. Теория наличия «межсоциалистических международных отношений» как отношений нового типа была отброшена самой жизнью, которая подтвердила, что идея отсутствия межгосударственных противоречий у стран с одинаковым общественным строем – пока что мифический стереотип как для капитализма, так и для социализма. Социализм – не панацея от наличия националистических пережитков.

Начало рассматриваемого кризиса нужно связывать не только с обострением советско-югославских отношений в 1947–1948 гг., но и с открытым, агрессивным по духу заявлением А. Я. Вышинского тех же лет, что на повестке дня уже стоит вопрос о переходе власти во Франции и Италии к коммунистическим партиям; зарубежный резонанс оказался крайне неблагоприятным для дела социализма. В докладе почти не говорилось о советско-албанских отношениях; между тем кризис в них связан не только с ошибочной реакцией албанского руководства на решения XX съезда КПСС, но и с сохранявшейся длительное время великодержавной линией Москвы в отношении братских стран. Поскольку на становление и характер социалистических отношений после второй мировой войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы СССР оказывал сильное воздействие, а в Советском Союзе взгляды на эти отношения были уже деформированными, то правильнее говорить не о последующих деформациях межгосударственных социалистических контактов, а об их изначальной извращенности и отступлении от ленинской постановки этого вопроса (некоторые выступавшие считают, что вообще лучше говорить не о деформациях, ибо идеала никогда не существовало, а о характерной черте исторического развития).

Другие участники прений полагают, что докладчик недостаточно учел в нарисованной им картине воздействие капиталистического мира на формирование отношений между странами социализма: империалистические политика, разведка и пропаганда часто вынуждали социалистические страны строить эти отношения не так, как хотелось бы. Кроме того, нельзя всю ответственность за ошибки возлагать на СССР: в братских странах

имелись свои руководящие деятели вроде В. Червенкова, Б. Берута, М. Ракоши, А. Новотного и др., которые усердствовали в неверном направлении. Наконец, нельзя забывать о той огромной политической и материальной помощи, которую оказал этим странам Советский Союз и без которой они вообще могли бы оказаться в безвыходном положении. Был поставлен также вопрос, не нашедший достаточно полного рассмотрения, можно ли считать культ личности исторической закономерностью развития социалистических стран на определенном его этапе.

А. Ш.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одна из традиций Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», отметившего в 1987 г. свое 30-летие,— историографические конференции, которые проходят каждые 10 лет, в год, следующий за юбилеем Октября. Первая состоялась в 1958 г. в Москве, за ней последовали конференции 1968 г. в Ленинграде, 1978 г. в Цхалтубо, в ноябре 1988 г.— во Фрунзе (обе последние проходили с участием историков из других социалистических стран).

Как известно, в последние годы уровень требований к историческим исследованиям резко возрос. Далеко не все труды, вышедшие к 70-летию Октябрьской революции, могли удовлетворить читателей. В этих условиях было решено посвятить основные доклады тем аспектам истории Октября, которые привлекают сегодня особое внимание научной общественности и нуждаются в первоочередной разработке. Тон конференции был задан во вступительной речи почетного председателя Научного совета акад. И. И. Минца, подчеркнувшего, что долг ученых — дать реальную историю социалистических революций, очистив ее от всего наносного, конъюнктурного и вернуть на ее страницы тех ее творцов, которые были с них несправедливо удалены.

К. В. Гусев в докладе «История Великого Октября и новое историческое мышление» указал, что последнее предполагает и плюрализм мнений, и сопоставление точек зрения, и понимание противоречивости исторического процесса. Поэтому речь идет не столько об уточнении деталей, сколько об осмыслении истории Октябрьской революции в целом, о воссоздании ленинской концепции ее истории. Вместе с тем то, что порой выдается за оригинальный подход, не всегда действительно является таковым. Воссоздавая историю революции со всеми ее изломами, крутыми поворотами, драматизмом, надо в то же время защищать ее от тех, кто пытается взвалить на нее ответственность за все последующие беды.

Крах реформистской альтернативы Октябрьской революции — тема доклада председателя Научного совета чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуева. Возможность буржуазно-реформистского развития, говорилось в докладе, в России в 1917 г. действительно была, так как в стране, кроме революционного пролетариата, имелись и классы, ориентированные на эту тенденцию развития,— буржуазия и мелкая буржуазия. Однако за восемь месяцев пребывания у власти буржуазия и ее союзники не провели ни одной сколько-нибудь существенной реформы в интересах народных масс, а осенью 1917 г. буржуазия окончательно отказывается от демократических методов и все более ориентируется на военную диктатуру. Поэтому народным массам приходилось выбирать не между властью Советов и буржуазной демократии, а между властью Советов и диктатурой контрреволюционной военщины. И массы сделали свой выбор. Реформистская буржуазно-демократическая альтернатива оказалась нереализованной в 1917 году потому, что либеральная буржуазия и мелкобуржуазная демократия органически не были способны ее осуществить.

Одной из проблем, вызвавших оживленную дискуссию, явился вопрос о предпосылках социалистической революции в России. Его обсуждение открыл доклад К. Ф. Шацилло, выступившего против утверждений, что поднятая в конце 60-х — начале 70-х годов проблема многоукладности полностью себя исчерпала и «тихо скончалась» без какого-либо вмешательства сверху. Не считая ее ключом к решению всех вопросов, Шацилло вместе с тем подчеркнул, что без ее разработки, без определения терминов «уклад», «взаимоотношения укладов» и т. п., одними разговорами о существовании финансового капитала и монополий в дореволюционной России, частично сросшихся с государственным аппаратом царизма, возникновение и характер Октябрьской революции объяснить невозможно.

Отметив малопродуктивность попыток объяснить остроту кризиса в России в начале XX в. одной многоукладностью ее социально-экономической структуры, М. М. Горинов указал, что не многоукладность сама по себе, а определенный уровень ее развития — завершающая фаза среднеразвитого капитализма — породил экстремальную социаль-

ную напряженность. Против преувеличения уровня развития капитализма в Казахстане и Средней Азии выступил Ж. К. Касымбаев (Алма-Ата), отметив, что на основе этого тезиса делаются ошибочные выводы о значительной роли местных рабочих в развитии событий, о высоком накале классовой борьбы в регионе накануне Октября.

Новыми подходами отличались и доклады о социальной структуре населения России и социальной активности его отдельных слоев в период Октября и в годы гражданской войны. Л. Г. Протасов и В. В. Канищев указали, что в литературе не нашла еще должного отражения роль городских средних слоев в политической жизни страны того времени, в чем проявились и психологическая инерция исследователей, и восходящая к Сталину недооценка демократических по сути и по составу движений.

Анализу психологии мелкобуржуазных масс России в 1917 г. был посвящен доклад В. В. Комина (Калинин), указавшего на распространение анархических настроений среди этих масс по мере нарастания паралича буржуазной власти. Колебания в настроениях казачьих масс, говорилось в докладе К. А. Хмелевского, объясняются ошибками в политике партии большевиков или перегибами в ее проведении. Ответственность некоторых лиц в партийном, советском и военном руководстве за политику «расказачивания» несомненна, но нужно помнить, что перегибы в отношении к казачеству (как, кстати, и к среднему крестьянству в целом) были порождены не злой волей отдельных работников, а сложной обстановкой, исключительным накалом классовой борьбы, ожесточенным сопротивлением контрреволюции. Допущенные весной 1919 г. перегибы вызвали острое недовольство казачества, отбросили его в лагерь контрреволюции, что и привело к затяжке гражданской войны.

Интерес участников конференции вызвало выступление Э. М. Щагина, призвавшего изучить диалектику взаимодействия «основного классового союза рабочих с беднейшим слоем деревни в борьбе за диктатуру пролетариата и решение других собственно социалистических задач Великого Октября» с «временным, но очень важным блоком с крестьянством в целом на платформе попутного решения социалистической революцией буржуазно-демократических задач».

За последние 10—15 лет советская историография обогатилась рядом исследований о политических партиях России в период Октябрьской революции и гражданской войны, по истории Советов. Вместе с тем, подчеркнул Г. А. Герасименко, число работ о городских думах, земствах, комитетах общественных организаций и т. п. учреждениях крайне мало, реакционность многих из них явно преувеличена. Между тем нельзя нарисовать реальную картину событий 1917 г., игнорируя деятельность всей системы существовавших тогда общественно-политических организаций и учреждений. Специфику строительства революционных организаций в Средней Азии охарактеризовал Д. М. Малабаев (Фрунзе).

В докладе В. И. Миллера был назван ряд относительно новых направлений изучения процессов, протекавших в вооруженных силах России в 1917 г.: политическая борьба в армии и как один из ее результатов — складывание «левых блоков» (большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, эсеры-максималисты, иногда анархисты), подготовивших победу социалистической революции на фронте; крестьянские организации в войсках и их отношение к политической борьбе в стране (нередко именно от них исходила инициатива блокирования левой части эсеров с большевиками); национальное движение в армии, процесс создания национальных частей и соединений и борьба политических партий за влияние в этих формированиях. На важность изучения роли солдатских масс в развитии революции в национальных районах указал Ж. Ж. Малабаев (Фрунзе).

Большая группа выступлений касалась национальных проблем России в 1917 г. в годы гражданской войны. А. П. Ненароков поставил в своем докладе вопрос о необходимости уточнения места и роли национального вопроса в российском революционном движении, о важности изучения соотношения национального и политического самосознания и о связи между пониманием сущности демократии и вытекающим отсюда подходом к путям решения национального вопроса. Исследуя начальный этап советского национально-государственного строительства, указала З. Л. Серебрякова, необходимо учитывать резолюцию Поронинского совещания. Ее решения были подтверждены на VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), где областная автономия была объявлена наиболее целесообразной формой национального строительства. Хотя В. И. Ленин уже в июне признал правомерность создания национальных республик, большевики ряда районов (Эстонии, Латвии и др.) продолжали придерживаться курса на краевую автономию. Эту линию в конце 1917 — первой половине 1918 г. проводил и Сталин. А накануне образования СССР отголоски ее проявились в плане «автономизации».

Чл.-корр. АН СССР К. К. Каракеев (Фрунзе) показал становление советской национальной государственности в Средней Азии как сложный процесс, в основном завершившийся к 1924 году.

В. А. Полушкина (Горький) призвала к отходу от стереотипов в освещении истории национальных непролетарских партий, предложив показать

реальную роль национальной мелкобуржуазной демократии в революционном процессе, как до, так и после Октября, в установлении и защите Советской власти; уточнить сроки утверждения однопартийной системы в СССР с учетом специфики национальных районов.

Е. Л. Макаров (Фрунзе) указал на специфические особенности блока большевиков с левыми эсерами в Туркестане, а В. И. Миллер подчеркнул, что, разделяя политические партии России на партию пролетариата и непролетарские партии, историки игнорируют наличие достаточно значительных групп пролетариев в партиях меньшевиков и эсеров (особенно — левых), а также наличие у большевиков союзников и попутчиков в партиях революционной демократии на различных этапах развития революции.

Ряд проблем, связанных с правительственным блоком большевиков с левыми эсерами, был поставлен в докладе А. И. Разгона. Длительное время, указал он, этот сюжет оставался неразработанным из-за тезиса Сталина о том, что партия большевиков не может делить руководства государством с другими партиями.

Некоторых аспектов экономической политики Советской власти в первые годы ее существования коснулся Е. Г. Гимпельсон, опираясь на ленинские документы 1918–1920 гг., он указывал, что в них последовательно проводилась мысль о длительном пути к социализму, а попытки ускорить движение к нему административными методами не могут быть оправданы. О специфике экономических процессов в Средней Азии в годы гражданской войны говорил А. И. Кунин (Ош).

Привлек внимание доклад М. М. Червяковой (Калинин) «Русская политическая эмиграция и Октябрьская революция». В нем, в частности, подчеркивалось, что от того, когда та или иная группа эмигрантов вернулась в Россию, во многом зависела и ее роль в последующих событиях. Так, приезд В. И. Ленина в Петроград в начале апреля привел к довольно быстрой переориентировке большевиков на социалистическую революцию, возвращение в страну Ю. Мартова и группы меньшевиков-интернационалистов в начале мая уже не могло изменить «революционно-оборонческий» курс меньшевиков.

В докладе П. А. Николаева (Псков), посвященном опыту защиты завоеваний Октября, был поставлен ряд вопросов, нуждающихся в углубленном изучении: о характере гражданской войны и о соотношении в ней классовых и политических сил, о сущности и формах военно-политического союза рабочих и крестьян; о трудностях в комплектовании Красной Армии, вызванных колебаниями среднего крестьянства: о причинах массового дезертирства из Красной Армии в 1919 г.; о белом и красном терроре и некоторые другие.

Завершили работу конференции доклады и сообщения о современной западной историографии Октября и гражданской войны. По мнению В. П. Булдакова, за последние 20 лет в немарксистской историографии произошли перемены, связанные с повышением ее теоретического уровня, овладением методикой социологии и социальной психологии. Это позволило западным ученым выйти на новый уровень в изучении прежде всего поведения революционных масс. Появились серьезные исследования политической мысли Ленина. В то же время сохранилась традиция рассматривать события Октября и гражданской войны через призму «закона термидора».

Об освещении антисоветской интервенции 1918–1922 гг. в новейшей англо-американской литературе говорил С. К. Хмелевский, отметивший появление работ, авторы которых стремятся выявить причины и мотивы интервенции, механизмы принятия решений. По мнению многих западных ученых, до завершения первой мировой войны целью интервенции было восстановление антигерманского фронта. В последующие годы она вызывалась «моральными обязательствами» перед белогвардейцами и «политической инерцией» стран Антанты. Эта часть интервенции расценивается большинством западных авторов как ошибочное или, во всяком случае, не лучшее решение. Анализ современной западной литературы о революции и гражданской войне в Средней Азии дал К. А. Токтомушев (Фрунзе), указавший на стремление многих английских и американских историков оторвать национально-освободительное движение в регионе от революционной борьбы российского пролетариата.

Новую для советских историков информацию содержали выступления на конференции ученых братских социалистических стран. Т. Краус (ВНР) сказал, что уже в конце 70-х – начале 80-х годов молодых венгерских историков не удовлетворяли советские издания; необходимые сведения о реальном ходе социалистической революции и гражданской войны в России они стали черпать из англо-американских работ. Все это позволило уже в 1987 г. выпустить том биографий главных деятелей Октября, а в 1988 г.— биографии Н. И. Бухарина и Сталина и подготовить к изданию труды Л. Д. Троцкого и книгу о нем. Доклады польских историков (Я. Собчак, С. Лопатнюк и А. Кияс) содержали анализ современной польской историографии Октября.

Проблематика революций 40-х годов была представлена только двумя докладами – С. Пынтева (НРБ) и А. Я. Манусевича. По мнению первого, не следует, с одной стороны, преувеличивать стремление США и Великобритании вмешиваться в 1944–1947 гг. во внутренние дела Болгарии, а с другой — необходимо учитывать участие СССР в решении ее внутриполитических проблем, чтобы более точно воссоздать развитие революционного процесса в стране. Как подчеркнул А. Я. Манусевич, для выполнения своей исторической роли вождя масс пролетариат должен обнаружить такое понимание социально обоснованных нужд других угнетенных, эксплуатируемых и притесняемых классов, групп и прослоек (включая и либеральную буржуазию), которое показало бы им, что именно в нем они имеют своего естественного союзника и руководителя в борьбе против деспотизма и реакции. Такая задача требует от рабочего класса и его политических партий уменья осуществлять роль вождя масс, идя при этом на возможные и порой неизбежные компромиссы. Поражение революций в Финляндии в 1918 г., в Венгрии, Баварии и Словакии в 1919 г. во многом объяснялось неумением рабочих партий решить эту задачу. Революции же 40-х годов продемонстрировали достаточно гибкую политику союзов, которая и объясняла во многом успех этих революций.

В принятом конференцией постановлении подчеркивается, что ее участники «считают абсолютно неосновательными попытки возложить на Октябрьскую революцию ответственность за отступления от ленинского курса с конца 20-х годов». Конференция высказалась за развертывание творческого диалога с представителями немарксистской историографии, расширение источниковой базы подготавливаемых работ, прежде всего за счет тех материалов, которые ранее преднамеренно исключались из научного оборота. В рекомендациях конференции указывается на необходимость изучения таких проблем, как буржуазно-реформистская и военно-диктаторская альтернативы социалистической революции в России и степень реальности их воплощения в жизнь, социальная структура населения нашей страны в 1917–1921 гг. (как по стране в целом, так и по ее отдельным регионам), массовое сознание периода созревания революции в России и времени самой революции, демократические аспекты социалистической революции и их роль в обеспечении поддержки непролетарскими массами социалистического курса пролетариата.

В. И. Миллер

100-летие Б. П. КОЗЬМИНА

12 января 1989 г. в Институте истории СССР АН СССР состоялось торжественное научное заседание, посвященное столетию выдающегося исследователя истории освободительного движения в России XIX в. Б. П. Козьмина (1889–1958). Он известен не только как историк и литературовед — автор более 20 книг, но и как журналист, музейный работник, педагог. Исключительное значение имело его сотрудничество в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, редактирование им с 1922 по 1935 г. журнала «Каторга и ссылка».

С докладом о научном творчестве и человеческом облике Козьмина выступила В. А. Твардовская. Добросовестно сделанные, глубокие работы Козьмина, сказала она, участвуют в современном научном процессе, они не устарели. Козьмин изучал идеи и деятельность русских мыслителей прошлого века — А. И. Герцена, П. Н. Ткачева, Н. Г. Чернышевского и др.— в их неразрывности. Его исследования — пример того, что в науке нет мелких тем, а есть неглубокое их исполнение. Талантливый журналист, Козьмин умел писать для широкого читателя и, в известной степени, благодаря своему «легкому перу» не замкнулся в узких рамках одной темы. Кстати, он одним из первых советских ученых сделал историю журналистики самостоятельным предметом исследования, вывел из небытия целый пласт народнической прессы.

Даже в 40–50-е годы, когда большинство исторических сочинений рождалось как иллюстрации к «Краткому курсу» истории партии, Козьмин сохранял оригинальный научный подход, не поддавался политическим стереотипам. Таким стереотипом было замалчивание расхождений в лагере революционных демократов. Полемика о расстановке сил в революционно-демократическом лагере, возникшая в первой половине 50-х годов между двумя крупнейшими исследователями русского общественного движения Б. П. Козьминым и М. В. Нечкиной, стала одной из ярких страниц советской историографии. Эта полемика началась со статьи Козьмина о противоречиях между А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, «Колоколом» и «Современником» в 1859 году. Козьмин оспорил мнение Нечкиной, считавшей, что у Герцена и Чернышевского было полное согласие в практических вопросах. Не принял он и доказательства Нечкиной, что Чернышевский имел сильное влияние на Герцена. В следующей статье, о поездке Чернышевского в Лондон к Герцену, Козьмин доказал несостоятельность положений Нечкиной, что двум лидерам русского революционного движения удалось договориться о «единой линии действий» и что Герцен не мог как мысли-

толь «подчиниться» влиянию Чернышевского. Нечкина, отвечая Козьмину, сделала вывод, что он, показывая противоречия в революционном лагере, «возрождает» буржуазно-либеральную концепцию. Козьмин же придерживался взгляда, что «историю не следует ни ухудшать, ни улучшать».

Уже после XX съезда партии вышли его новаторские работы, в том числе монография «Русская секция Первого Интернационала» (1957 г.), где особое внимание уделено вопросам революционной этики, разоблачению нечаевщины.

М. Б. Козьмин рассказал об отце, суровом по виду, но необыкновенно нежном и заботливом человеке. Эти черты Козьмина отражены в его переписке, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина, где, в частности, имеется свыше 100 писем В. Н. Фигнер Козьмину. Воспоминаниями о Козьмине поделился чл.-корр. АН СССР Ф. Ф. Кузнецов, подчеркнувший, что исследования этого ученого не только научно профессиональны, они представляют собой прекрасный образец русской прозы.

П. Г. Рындзюнский рассказал о своем общении с Козьминым в первые послевоенные годы.

А. А. Марьяновский отметил, что Козьмин не побоялся сохранить в личном архиве письма многих сотоварищей, незаконно репрессированных в сталинское время. Были зачитаны документы, запечатлевшие черты личности ученого и отразившие научную атмосферу того времени. Э. Е. Писаренко (Одесса) остановился на мастерстве Козьмина – научного биографа, способного передать колорит эпохи в своих сочинениях, и сообщил о находках писем Козьмина в архивах Москвы и Ленинграда.

М. Г. Седов говорил о том, что в начале 30-х годов определились два центра изучения освободительного движения. Основные их представители – С. Н. Валк и Ш. М. Левин в Ленинграде, Б. П. Козьмин и М. В. Нечкина в Москве. В ходе дискуссий между ними сложилась подлинная школа по изучению народнического движения. Козьмин и в сталинский период оставался на высоте положения как ученый и человек, защищая честь деятелей народничества. Он дал новаторскую постановку многих проблем о нигилизме, «якобинстве» (вместе с И. А. Теодоровичем).

В. Ф. Антонов отметил, что Козьмин в 20-е годы положил начало изучению народничества. Он не поддался общему стремлению найти родственные черты у народничества и большевизма, что, конечно, во многом диктовалось пафосом революционного восприятия истории в первые послеоктябрьские годы. В середине 30-х годов, когда наметился явный перекос в другую сторону и при оценке народничества стали преобладать отрицательные характеристики, Козьмин остался верен идее скрупулезного воссоздания прошлого.

Немалый интерес участников заседания привлекла выставка фотографий и документов Козьмина, подготовленная Государственным литературным музеем. На ней были представлены его труды, в том числе в редких изданиях 20-х годов.

Г. Н. Ульянова

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Аветисян Г. А. *Великий Октябрь и революционная Венгрия.* Ереван. Изд-во АН Арм. ССР. 1989. 269 с. 3000 экз. 2 руб. 40 коп.

Агаджанян В. *Дороги партизанские.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Минск. Беларусь. 1989. 223 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Алимова Б. М. *Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем.* Равнинный Дагестан. Махачкала. Дагестанское книжное изд-во. 1989. 112 с. 10 000 экз. 25 коп.

Анфилов В. А. *Незабываемый сорок первый.* Изд. 2-е, доп. М. Советская Россия. 1989. 368 с. 50 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Весна обновления. 70-летию Башкирской АССР посвящается. Сост.-ред. Р. З. Хазиахметов. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1989. 335 с. 6000 экз. 1 руб. 90 коп.

Воротников М. Ф. *Г. К. Жуков на Халхин-Голе.* Омск. Книжное изд-во. 1989. 224 с. 10 000 экз. 85 коп.

Гаврилюк Н. А. *Домашнее производство и быт степных скифов.* Киев. Наукова думка. 1989. 111 с. 1480 экз. 2 руб.

Гладкий И., Гришин В. *Донской.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Тула. Приокское книжное изд-во. 1989. 112 с. 10 000 экз. 20 коп.— Историко-экономический очерк о городе Тульской области.

Государственные архивы СССР. Справочник Ч. I: Главархив СССР; ВНИИ документоведения и архивного дела. Предс. редкол. Ф. М. Ваганов. М. Мысль. 1989. 607 с. 30 000 экз. 2 руб.

Грабин В. Г. *Оружие победы.* М. Политиздат. 1989. 544 с. с илл. 200 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Гришаев В. Ф. *Сыны Алтая и Отечества. Ефим Мамонтов.* Барнаул. Алтайское книжное изд-во. 1989. 200 с. с илл. 20 000 экз. 85 коп.

Добролюбский А. *Тайны причерноморских курганов.* Одесса. Маяк. 1988. 221 с. 5000 экз. 65 коп.

За мир и безопасность народов. Документы внешней политики СССР, 1971 год. В 2-х кн. Кн. I. М. Политиздат. 1989. 448 с. 6000 экз. 1 руб. 40 коп.

Захаров М. В. *Генеральный штаб в предвоенные годы.* М. Воениздат. 1989. 319 с. с илл. (Военные мемуары). 65 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Сборник официальных документов, воспоминаний, статей и писем. Предисл., заключ., коммент., сост. Б. П. Полевого. Изд. 2-е, доп. Петропавловск-Камчатский. Дальневосточное книжное изд-во. 1989. 272 с. 10 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Кадеев В. И., Сорочан С. Б. *Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса).* Харьков. Вища школа. 1989. 135 с. 1900 экз. 1 руб. 80 коп.

Казанская губернская Чрезвычайная комиссия, 1917–1922 гг. Сборник документов и материалов. Сост. Л. В. Горохова и др. Казань. Татарское книжное изд-во. 1989. 144 с. 12 000 экз. 25 коп.

Костомаров Н. *Кудеяр.* Историческая хроника. В 3-х кн. М. Книга. 1989. 255 с. (Историко-литературный архив). 100 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Культурное строительство в СССР. 1917–1927. Документы и материалы. М. Наука. 1989. 382 с. 2400 экз. 3 руб. 50 коп.

Кутузов В. А. и др. *Чекисты Петрограда на страже революции.* Кн. 2. Л. Лениздат. 1989. 237 с. с илл. 500 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Лифанов В., Мищенко В. *Николаев, 1789–1989.* Страницы истории. Справочник. Одесса. Маяк. 1989. 166 с. с илл. 10 000 экз. 70 коп.

Мамедов Д. Р. *Интернационализация духовной жизни.* История и современность. Баку. Азернешр. 1989. 176 с. 8000 экз. 1 руб. 10 коп.

Матвеев К., Сазонов А. *Пять жизней древней Сури.* М. Молодая гвардия. 1989. 190 с. (Эврика). 100 000 экз. 60 коп.

На земле, в небесах и на море. Сборник воспоминаний. Вып. II. Сост. В. М. Уколов. М. Воениздат. 1989. 448 с. (Рассказывают фронтовики, 1941–1945). 50 000 экз. 2 руб. 20 коп.

Нафигов Р. И. *Неизвестные страницы истории.* Казань. Татарское книжное изд-во. 1989. 128 с. 3200 экз. 30 коп. 50 000 экз. 2 руб. 20 коп.

Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Л. Наука. 1989. 245 с. 2650 экз. 2 руб. 90 коп.

Передерий П. И. *В боях под Очаковом.* Одесса. Маяк. 1989. 191 с. 15 000 экз. 30 коп.

Петров В. С. *Прошлое с нами.* Кн. 2. Изд. 2-е, перераб. и доп. Киев. Политиздат Украины. 1989. 623 с. 115 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Поступь Великого Октября. Из истории революционных и трудовых традиций советского рабочего класса Юга Украины. Киев. Одесса. Вища школа. 1989. 207 с. 2700 экз. 1 руб. 80 коп.

Пронин В. А. *Расскажи о нас живым.* Саранск. Мордовское книжное изд-во. 1989. 175 с. 8000 экз. 85 коп.

Прикамские маевки. Сборник документов и материалов о праздновании 1 Мая на Западном Урале. Сост. В. Г. Светлаков, М. Г. Суслов. Пермь. Книжное изд-во. 1989. 206 с. с илл. 2000 экз. 55 коп.

Россия, 1917 год: выбор исторического пути. «Круглый стол» историков Октября, 22–23 октября 1988 г. М. Наука. 1989. 284 с. 10 000 экз. 70 коп.

Румянцев Н. М. *Герои Халхин-Гола.* М. Воениздат. 1989. 384 с. 50 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Русаков З. Г. *Нашим морем была Ладога.* Моряки Ладожской военной флотилии в битве за Ленинград. Изд. 2-е, испр. и доп. Л. Лениздат. 1989. 173 с. 15 000 экз. 55 коп.

С думой о солдате. Воспоминания. Сост. И. П. Копнов. Л. Лениздат. 1989. 286 с. 15 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Скрыльник А. И. *Генерал армии А. А. Епишев.* М. Воениздат. 1989. 320 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Украинские Карпаты. История. Киев. Наукова думка. 1989. 263 с. с илл. 6200 экз. 3 руб. 20 коп.

Ульянова М. И. *О В. И. Ленине и семье Ульяновых.* Воспоминания. Очерки. Письма. Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1989. 384 с. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Чутко И. *Мост через время.* М. Политиздат. 1989. 335 с. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Филиппов Р. В. *Пионеры марксизма в России, 1883–1893 гг.* Историографический очерк. М. Политиздат. 1989. 367 с. 9000 экз. 1 руб. 60 коп.

Всеобщая история

Белоусов А. С. *Противоречия и тенденции интернационализации капиталистического производства.* М. Международные отношения. 1989. 199 с. 2200 экз. 2 руб.

Борисов Ю. В. *Шарль Морис Талейран.* Изд. 2-е, доп. М. Международные отношения. 1989. 328 с. с илл. 80 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Гуторов В. А. *Античная социальная утопия.* Вопросы истории и теории. Л. Изд-во ЛГУ. 1989. 288 с. 5135 экз. 1 руб. 30 коп.

Из первых рук. Коммунисты и революционные демократы мира рассказывают о своих партиях. Ред.-сост. Г. Г. Спирина, В. Л. Шелепин. Прага. Мир и социализм. 1988. 223 с. 72 000 экз. 1 руб.

Исследования по истории и культуре Монголии. Сборник научных трудов. Новосибирск. Наука. 1989. 156 с. 1800 экз. 1 руб. 30 коп.

Историография Ирана нового и новейшего времени. Сборник статей. М. Наука. 1989. 270 с. 1500 экз. 3 руб. 10 коп.

История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. Изд. 3-е, испр. и доп. М. Наука. 1989. 471 с. 50 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Каплан А. Б. *Революционно-демократическая идеология и утопический социализм во Франции XVIII века.* Анализ современной французской исторической литературы. М. Наука. 1989. 190 с. 1300 экз. 1 руб. 90 коп.

Меньшиков В. В., Меньшиков В. М. *Они стреляют в разум.* М. Мысль. 1989. 223 с. с илл. (Империализм: события, факты, документы). 100 000 экз. 60 коп.

Поляковская М. А., Чекалова А. А. *Византия: быт и нравы.* Свердловск. Изд-во Уральского ун-та. 1989. 301 с. 8400 экз. 95 коп.

Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. Ч. 2. 1918—1988. М. Изд-во МГУ. 1989. 280 с. (Проблемы американистики). 1780 экз. 3 руб. 60 коп.

Сироткин В. Г. *История Франции.* Пятая республика. Для вузов. М. Высшая школа. 1989. 199 с. 12 000 экз. 40 коп.

Страницы истории: Дайджест прессы, 1988, Январь — июнь. Сост. Е. Б. Никанорова, А. Я. Разумов. Л. Лениздат. 1989. 300 с. 200 000 экз. 80 коп.

Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М. Наука. 1989. 436 с. 1200 экз. 6 руб. 50 коп.

Уткин А. И. *Дипломатия Вудро Вильсона.* М. Международные отношения. 1989. 319 с. (Из истории дипломатии). 60 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Экспансия международных монополий в развивающиеся страны. М. Высшая школа. 1989. 136 с. 1000 экз. 2 руб. 10 коп.

Юго-Восточная Азия (несоциалистические страны). Справочник. М. Наука. 1989. 332 с. 9600 экз. 1 руб. 60 коп.

Япония: экономика, политика, история. М. Наука. 1989. 275 с. 3000 экз. 2 руб. 40 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

XXIV Национальный съезд Коммунистической партии США, 13—16 августа 1987 г. Пер. с англ. М. Политиздат. 1989. 279 с. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий). 70 коп.

Историки античности (тексты). В 2-х т. Сост., вступ. ст. М. Томашевской. М. Правда. 1989. Т. I: Древняя Греция. Пер. с древнегреч. 406 с. 400 000 экз. 2 руб. 90 коп.

Макнамара Р. *Путем ошибок — к катастрофе.* Опыт выживания в первом веке ядерной эры. Пер. с англ. М. Наука. 1988. 149 с. 50 000 экз. 60 коп.

Проблемы народонаселения КНР. Пер. с кит. и англ. яз. Под ред., предисл. Е. С. Баженовой, А. П. Судоплатова. М. Прогресс. 1989. 308 с. 6500 экз. 2 руб. 70 коп.

Реформа хозяйственной системы в КНР. Пер. с кит. М. Экономика. 1989. 351 с. 14 500 экз. 2 руб. 10 коп.

Эфиопские хроники XVII—XVIII веков. Введ. и закл., пер. с эфиоп., коммент. С. Б. Чернецова. М. Наука. 1989. 384 с. 2000 экз. 4 руб.

МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ БЕЛЯВСКИЙ

11 февраля 1989 г. ушел из жизни доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Московского университета Михаил Тимофеевич Белявский.

М. Т. Белявский родился 21 ноября 1913 г. в с. Горки Ярцевского района Смоленской области. В 1930 г. он закончил среднюю школу. С 1930 г. работал учителем и в это время закончил вечернее отделение географического факультета Московского городского педагогического института. В июле 1941 г. М. Т. Белявский ушел добровольцем на фронт, а закончил войну гвардии майором, командиром пехотного батальона; был дважды ранен; награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы» и «За взятие Кенигсберга». На фронте в 1943 г. он вступил в члены КПСС.

После демобилизации поступив в аспирантуру Исторического факультета МГУ, М. Т. Белявский прошел школу таких ученых, как Н. Л. Рубинштейн и М. Н. Тихомиров, а с 1948 г. начал преподавать на кафедре истории СССР. В 1952 г. он защитил кандидатскую диссертацию «М. В. Ломоносов и основание Московского университета» (издана в 1955 г.), а в 1963 г.— докторскую диссертацию «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева» (издана в 1965 г.). Перу М. Т. Белявского принадлежит более 240 работ. Это был признанный авторитет в вопросах истории России XVIII века. История отечественной культуры — основание и развитие Московского университета, деятельность передовых мыслителей, биография М. В. Ломоносова; судьбы русского крестьянства и борьба за его свободу, политика «просвещенного абсолютизма» — таковы проблемы, в исследовании которых М. Т. Белявский сумел сказать новое слово. За последнее десятилетие он подготовил монографии «Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.)» (М. 1984), «Все испытал и все проник. К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова» (М. 1986), «Их имена увековечены в Москве. Ученые и питомцы Московского университета» (М. 1980), написал ряд глав в коллективном труде «Очерки русской культуры XVIII века».

Являясь первоклассным учителем научной молодежи (им подготовлено 12 кандидатов наук), М. Т. Белявский прививал любовь к архивному поиску, к подлинному документу, к теоретическому осмыслению фактов и явлений. В 1965 г. ему было присвоено звание профессора. При его участии как автора и заместителя главного редактора вышли два издания (1975, 1983) университетского учебника по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. Несколько лет читал он спецкурс «Работа в музеях и с историческими памятниками при изучении истории СССР (с древнейших времен до 1917 г.)», изданный в 1978 г. в виде учебного пособия.

Труд ученого и педагога М. Т. Белявский сочетал с научно-организационной работой. Он был членом научно-методического совета Министерства культуры РСФСР, ученых советов Государственных музеев Московского Кремля, музея «Бородинская панорама», входил в бюро Археографической комиссии АН СССР.

Немало усилий посвятил М. Т. Белявский сохранению памятников истории и культуры. Свое личное книжное собрание М. Т. Белявский подарил библиотеке Исторического факультета Марийского университета.

М. Т. Белявский был одним из основателей и активнейшим деятелем Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, членом Центрального совета этого общества и руководителем одной из его секций, членом президиума Центрального совета Московского городского отделения этого общества. Значителен его вклад в дело увековечения памяти о героях и событиях Великой Отечественной войны, в военно-патриотическое воспитание молодежи.

Заслуги его как ученого и педагога, пропагандиста исторических знаний в 1980 г. были отмечены орденом «Знак Почета».

М. Т. Белявский любил Родину, науку, университет. Его имя и труды навсегда вошли в отечественную историографию.

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 05.06.89 Подписано к печати 11.07.89 А-00315 Формат 70×108 1/16
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 75 000 экз. Заказ 3057. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

НОВЫЕ КНИГИ

Археологически открития и разкопки през 1987 г. 33 Нац. конф. по археологии / Ком. за култура – гл. дирекция «Културно-историческо наследство» и т. д. Ред. колегия: Велизар Велков (отг. ред.) и др. Благоевград. 1988. 227 с.

Зверствата при потушаването на Илинденско-Преображенското въстание. Сб. от публ. в амер. печат. Съст. Йордан Величков, Никола Б. Вапцаров. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1987. 168 с.

ИЛИЕВ Б. **Революционният Народен съд.** София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 189 с.

МИЛЕТИЧ Л. **Изследвания за българите в Седмиградско и Банат.** Под ред. на Симеон Дамянов. Съст. Мария Рунтовв. София. Наука и изкуство. 1987. 570 с.

МОСКОВ М. **Именник на българските ханове.** (Ново тълкуване). Ред. Радостина Караславова. София. «Д-р Петър Берон». 1988. 368 с.

TODOROV N., VELKOV A. **Situation démographique de la Péninsule balkanique (fin du XV-e s.– début du XVI-e s.).** Acad. bulg. des sciences. Inst. d'études balkaniques. Sofia. Ed. de l'Acad. bulg. des sciences. 1988. 310 p.

Четата на Хаджи Димитър и Стефан Караджа. Чуждестранни док. Ред. колегия: Зина Маркова и др. Съст.: Людмила Генова и др. София. «Д-р Петър Берон». 1988. 327 с.

ШИШМАНОВ Д. **Изстрели над Босфора.** София. Наука и изкуство. 1987. 337 с.

BARTA J. **Mária Terézia.** Ifj. Barta János. Budapest. Gondolat. 1988. 238. old.

Károly Róbert emlékezete. A szöveganyagot vál., szerk., a bev. és a jegyz írta Kristó Gyula és Makk Ferenc. A képanyagot Marosi Ernő vál. Budapest. Európa. 1988. 259. old. (34) l. ill.

TÓTH T. **A magyar mezőgazdaság struktúrája az 1930-as években.** Budapest. Akad. kiadó. 1988. 292. old.

CREPON T. **Leberecht von Blücher. Leben u. Kämpfe.** Biogr. Berlin. Neues Leben. 1988. 385 S.

HAFNER A., HERZOG J. **Sklave, Kuli, Lohnarbeiter. Formierung u. Kampf der Arbeiterklasse in Kolonien u. nat. befreiten Ländern.** Ein hist. Abriß. Berlin. Dietz. 1988. 392 S.

JACOBEIT S., THOMAS-HEINRICH L. **Kreuzweg Ravensbrück.** Lebensbilder antifaschistischer Widerstandskämpferinnen. Leipzig. Verl. für die Frau. 1987. 231 S. (24) Bl. Ill.

NATO-Staaten und militärische Konflikte. Militärhist. Abriß. M. M. Kirjan, B. Heimann, A. S. Jakuschewski et al. Unter der Red. von P. A. Shilin et al. Inst. für Militärgeschichte, Militärgeschichtliche Inst. der DDR, Militärhist. Inst. der Polnischen Armee «W. Wasilewska». Berlin. Militärverl. der DDR. 1988. 407 S.

POELCHAU H. **Die letzten Stunden: Erinnerungen eines Gefängnispfarrers.** Aufgez. von Alexander Stenbock – Fermor. 3. Aufl. Berlin. Volk u. Welt. 1987. 134 S.

SEEBACHER-BRANDT B. **Bebel: Künder u. Kärrner im Kaiserreich.** Berlin, Bonn. Dietz Nachf. 1988. 414 S.

KISIELEWSKI T. **Ojczyzna, chłopi, ludowcy.** Warszawa. Lud. spółdzielnia wydawnicza. 1987. 501 s. (16) k. il., portr.

MELLER S. **Rewolucja w Dolinie Loary.– Miasto Chinon, 1788–1798.** Warszawa. PWN. 1987. 363. s. (12) k. il., portr.

MUSIOŁ J. **Ślązacy.** Katowice. Śląski inst. nauk. 1987. 411 s.

TANTY M. **Rewolucja rosyjska a sprawa polska, 1917–1918.** Warszawa. Młodzieżowa agencja wydawnicza. 1987. 207 s. (20) k. il. portr.

WISNER H. **Unia: sceny z przeszłości Polski i Litwy.** Warszawa. Lud. spółdzielnia wydawnicza. 1988. 327 s.

NGUYÊN TU CUÔNG. **Nhiêm vu dăc biêt.** Hôi ký. Nhât Tiên ghi. Há Nôi. Quân dôi nhân dân. 1987. 299 tr.

Desăvirşirea unităţii naţional-statale a poporului român. Recunoasterea ei internationala, 1918. Dir. gen. a arh. statului. Vol. 1. Documente externe, 1879–1916. 779 p. Vol. 2. Documente externe, 1916–1918. 789–1342 p. (16) f. il., portr. Vol. 5. Doc. interne şi externe. Noiem. 1919 – jan. 1920. XIX. 595 p. Vol. 6. Doc. interne şi externe. Febr. 1920 – dec. 1920. XVIII, 525 p. Bucureşti. Ed. şti şi encicl. 1983–1986

LUKASOVÁ V., MICHALKOVÁ M. **Budování socialismu v evropských socialistických zemích v letech 1976–1986.** Bibliogr. Centr. vedeckoinform. středisko Úst. marxismu-leninismu ÚV KSC. Praha. 1987. 287 s.

Ohlas VRSR v západních Čechách v archivních dokumentech. Okresní archiv v Rokycanech etc. Praha. Videopres. 1987. 126 s.

Revoluční proces v rozvojových zemích, 1945–1985. Ceskosl. akad. věd. Jaroslav Cesar (vedoucí aut. kolektivu). Jaroslav Černý, Bohuslav Doubrava et al. Praha. Academia. 1987. 263 s.

Рукописи объемом более 1,5 авторского листа не рассматриваются.